

Бахыт САДЫКОВА

МУСТАФА
ЧОКАЙ
В ЭМИГРАЦИИ

—

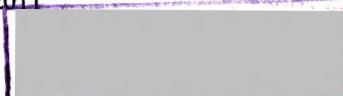
Б. И. САДЫКОВА

МУСТАФА ЧОКАЙ В ЭМИГРАЦИИ

Алматы "Мектеп" 2011

- 64496 -

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)
С14

25

Выпущено по программе “Издание социально важных видов литературы” Комитета информации и архивов Министерства связи и информации Республики Казахстан

Научные консультанты:

доктор исторических наук, профессор

Ш. Лемерсье-Келькеже

доктор исторических наук, академик НАН РК

Т. С. Садыков

доктор философских наук, профессор

С. Ж. Кенжебаев

Садыкова Б. И.

С14 **Мустафа Чокай в эмиграции:** Алматы: Мектеп, 2011. — 248 с.: ил.

ISBN 978—601—293—486—1

На основании анализа работ Мустафы Чокая, написанных им на разных языках, большого количества материалов из архивных центров Европы, а также конфронтации различных мнений по рассматриваемым вопросам автор раскрывает суть и характер деятельности М. Чокая в Европе.

Эмигрировав по заданию руководителей Алаш-Орды, Мустафа Чокай возглавил внешнюю ветвь туркестанского национального движения. Цель — “интернационализация” туркестанского вопроса через формирование мирового общественного мнения о нарождающемся тоталитаризме в СССР.

Книга адресована студентам, аспирантам и всем, кто интересуется личностью Мустафы Чокая.

0503020905—061
С 404(05)—11 137—11

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)

© Садыкова Б. И., 2009
© Издательство “Мектеп”,
художественное оформление, 2011

Все права защищены

Имущественные права на издание
принадлежат издательству “Мектеп”

ISBN 978—601—293—486—1

*Посвящается светлой памяти
Мари и Мустафы Чокай.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ахмет Байтурсынов, лидер партии “Алаш”, указав на страницах журнала “Жизнь национальностей” (№ 29 от 3 марта 1919 г.), что казахи “встретили первую (Февральскую) революцию 1917 г. с радостью, а вторую — с огорчением и страхом”, пояснял: “Первая революция освободила их от царского гнета и укрепила в них веру в обретение автономии. Вторая революция породила насилие, грабежи, репрессии и привела к установлению диктатуры. Результатом всего этого стала полная анархия. Если раньше киргизов (казахов) притесняла небольшая группа царских чиновников, то сегодня их сменила кучка людей, называющая себя большевиками. Лишь политика Колчака, преследовавшая восстановление монархии, вынудила правительство Алаш-Орды признать советскую власть, хотя она вовсе не была по душе местному населению”.

Те же жалобы в течение многих лет высказывали мусульманские коммунисты, обвиняя местные коммунистические организации, управляемые русскими, в притеснении коренного населения. Позже один из видных казахских коммунистов с горечью отмечал (“Еңбекші қазақ”, № 15, март, 1922), что “Казахская степь превращена в гнездо угнетателей, преступников и проходимцев”.

Появление туркестанского национального движения было неизбежным результатом этой косной политики большевиков.

При поддержке Алихана Букейханова, Мир Якуба Дулатова и Ахмета Байтурсынова Мустафа Чокай прибывает во Францию летом 1921 г. Его миссия — наладить внешнюю ветвь туркестанского национального движения и тем самым перенести политическую борьбу против тоталитарного режима большевиков на новый уровень — международный. Особая роль отводится эмиграции, на которую возложена задача разработки теории и практики национального движения, раскрытия перед мировой общественностью тоталитарной сути режима большевиков.

М. Чокай блестяще справляется с поставленной задачей: его смелые выступления на страницах периодической печати, точный анализ ситуации, сложившейся внутри и вокруг СССР, плодотворное сотрудничество с едино-

мысленниками в составе антибольшевистского движения “Прометей” — все это превращает в прах обвинения советской пропаганды в том, что он якобы был врагом своего народа.

Два качества автора монографии Бахыт Садыковой, на мой взгляд, стали определяющими в ее работе: первое — это интуиция исследователя-поисковика, которая сродни интуиции детектива помогала ей оказываться в нужном месте и находить нужные архивные документы; второе — это способность проникать в суть исторических фактов благодаря умению распознавать характер и природу явлений в их развитии.

Все это делает бесспорным вывод о вкладе Мустафы Чокая в мировое демократическое движение.

Шанталь Лемерсье-Кельеже, кавалер ордена Почетного легиона,
профессор Высшей школы социальных исследований (Париж)
при Национальном центре научных исследований Франции,
член Руанской Академии наук, словесности и искусства

Париж, 6 апреля 2006 г.

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена анализу трудов Мустафы Чокая, увидевших свет в период его политической деятельности в эмиграции во Франции с 1921 по 1941 г. [1]. Среди туркестанских джадидов, чьи публикации открыли в начале XX в. эпоху политической прессы в регионе Центральной Азии, имя Мустафы Чокая, главы Кокандской (Туркестанской) Автономии (декабрь 1917 — февраль 1918 г.), стало известным на Западе благодаря его демократическим воззрениям и огромному письменному наследию. Труды туркестанского эмигранта объединяет общая тема — тема поиска путей консолидации туркестанского общества, что в настоящее время обретает особое звучание в связи с политическими процессами, происходящими в регионе. В апреле 2007 г. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выдвинул идею о создании федерации центральноазиатских республик, которая была поддержана Президентом Кыргызстана Курманбеком Бакиевым на встрече глав двух стран. Идея федерации не нова: она поднималась мусульманскими коммунистами еще в 1931 г. Одобрительное отношение к данному проекту и пути дальнейшего его развития были изложены М. Чокоем в статье “Кеңестік Орта Азия Федерациясынан Түркістан ұлттық тәуелсіз мемлекетіне” (“Яш Туркестан”, № 16, 1931 г.). Идея федерации была отмечена советским правительством в силу причин геополитического порядка: не для того большевики административно дробили Туркестан, чтобы он возродился вновь под новым названием.

Сближение центральноазиатских республик в наши дни невозможно без анализа и переосмысления общего прошлого, знания истинной сути политических процессов, происходивших в регионе в первые десятилетия советской власти, и той роли, которая отводилась Туркестану в русле внутренней и внешней политики Советов. Именно труды Мустафы Чокая дают объективную характеристику этим процессам, нанеся серьезный ущерб историческому сознанию народа. По этой причине необходимость изучения политологического наследия М. Чокая является потребностью времени. Наибольший интерес для политологов и историков представляет опыт политической деятельности Мустафы Чокая в рядах антибольшевистского движения “Прометей”, объединившего на территории Европы глав национальных автономий, разгромленных Красной армией в период с 1917 по 1921 г. Идеология прометеевского движения была направлена на формирование у борющихся за национальное самоопределение народов гражданской культуры, под которой в настоящей работе понимается уровень осознания гражданами страны общественных задач и их практической активности в деле проведения их в жизнь. Практическая активность, согласно основополагающим принципам движения “Прометей”, предусматривала в первую очередь знание и умение пользоваться политическими средствами борьбы за свое национальное самоопределение.

Теоретической и методологической основой настоящего исследования являются, таким образом, труды М. Чокая и его соратников по движению. Привлечены также работы отечественных и зарубежных ученых, имеющие концептуальный характер по некоторым аспектам настоящего исследования. Так, изучение природы национальных движений проводится с опорой на работы Мустафы Чокая, основные положения которых подтверждены в разработках ученых более позднего периода, например французского исследователя Алена Гандольфи.

При рассмотрении феномена политического лидерства М. Чокая концептуальной основой послужили постулаты специалистов по политической психологии.

Труды французских ученых Александра Беннигсена и Шанталь Лемерсье-Келькеже, в частности выдвинутая ими теория мусульманского национального коммунизма, во многом определили подходы в трактовке политических воззрений туркестанских джадидов. Именно джадидизм способствовал появлению в мусульманском обществе таких ярких личностей, как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Мухамеджан Тынышбаев, Мустафа Чокай.

Таким образом, настоящее исследование проведено с опорой на различные теоретико-методологические парадигмы.

Наряду с методами политологии в работе использованы методы и других смежных наук, таких, как история и политическая психология.

Источниковой базой исследования послужили свыше ста публикаций Мустафы Чокая, а также статьи его соратников по движению "Прометей" на французском, казахском, русском языках, многочисленные документы из западных архивных центров на французском, немецком, русском языках, впервые вводимые в научный оборот, а также отечественные и зарубежные информационно-справочные издания, материалы научных и научно-практических конференций, политологические и исторические исследования, опубликованные в отечественной и зарубежной печати.

Актуальность идей Мустафы Чокая продиктована, как отмечалось выше, самим ходом развития республик Центральной Азии в постсоветский период. Комплексное политологическое исследование трудов М. Чокая по консолидации общества обретает особую актуальность в переходный период для всего центральноазиатского региона. Незнанию и потому актуальной для исследователей и широкой общественности Казахстана, Центральной Азии и всего СНГ является рассмотрение деятельности антибольшевистского движения "Прометей", которое, по признанию специалистов (включая политических противников движения), было и остается образцом эмигрантского движения, не имея себе равных ни по масштабам деятельности, ни по кадровому составу.

Не претендуя на всестороннее и исчерпывающее рассмотрение деятельности движения, настоящая монография в определенной степени лишь восполняет пробел в этой области.

Исследование вносит также свою посильную лепту в трактовку понимания Мустафой Чокаем теории и практики национально-освободительных движений на основании анализа его статей. Признавая политическую деятельность как особую сферу общественной деятельности, автор исследования анализирует значение и роль самой личности Мустафы Чокая, которые так же, как и письменное наследие туркестанского лидера, в Казахстане и других республиках Центральной Азии еще не изучены во всей полноте. Труды М. Чокая на иностранных языках, которые в своем большинстве неизвестны ни исследователям, ни широкой общественности, являются бесценным материалом в понимании и осмыслении таких узловых понятий политологии, как национализм, сепаратизм, национальное движение, которые в советский период под влиянием господствовавшей идеологии были деформированы либо не подлежали изучению.

Деятели движения “Прометей”, считая своей основной задачей содействие угнетенным народам в их стремлении обрести национальную независимость, подчеркивали, что “к прометеизму следует относиться как к идейно-политическому движению с воспитательными тенденциями по отношению к угнетаемым народам и пропагандистскими по отношению к внешнему миру”. Данное положение не теряет своей актуальности и в современном обществе.

Актуальность темы исследования заключается также в возможности внесения посильного вклада в ликвидацию “белых пятен” в политической истории Казахстана, Туркестана и СССР, так как политологический анализ приводимых в работе архивных документов, а также статей Мустафы Чокая и его единомышленников по движению вскрывает политическую подоплеку некоторых исторических событий, имевших место не только в СССР и Туркестане, но и Европе (например, Испании), что позволяет по-новому взглянуть на внешнеполитическую деятельность тогдашнего советского руководства.

Наряду с изложенным актуальной является выдвинутая автором гипотеза о том, что туркестанское национальное движение было разделено на внутреннюю и внешнюю (зарубежную) ветви, что дало лидерам национальных движений возможность влиять на политику центральной власти в СССР как изнутри, так и извне. Этот метод борьбы с тоталитарным режимом был для того времени нов и нестандартен. В работе приводятся доводы и аргументы в пользу тезиса о взаимодействии обеих ветвей, выявляются роль и место эмиграции в национальном движении.

Результаты анализа публикаций, выступлений, личных записей Мустафы Чокая на различных языках, его общественно-политической деятельности делают неизбежным выдвижение второй гипотезы о том, что обвинения, выдвинутые советской пропагандой в адрес М. Чокая, носят огульный характер, являясь проявлением нетерпимости “вождя всех народов” к политическим оппонентам вообще и к Мустафе Чокаю в особенности, так как труды туркестанского лидера, а также масштабная деятельность

антибольшевистского движения “Прометей”, имевшие большой резонанс в Европе и мире, несли в себе серьезную угрозу устоям диктаторского режима Сталина.

Теоретические воззрения Мустафы Чокая и его соратников по ряду проблем, касающихся внутренней и внешней политики СССР, способствуют идеологизированной трактовке политического курса СССР и стран Европы в период, предшествовавший Второй мировой войне. Это касается, в частности, тесного военно-политического сотрудничества и одновременно соперничества Сталина и Гитлера за мировое господство.

Актуальным для современных ученых-исследователей является анализ малоизвестных и неизвестных публикаций М. Чокая, проводимый в контексте внутренней и внешней политики большевиков и мировой политики: это статьи и выступления Мустафы Чокая и его соратников на страницах периодических изданий “Le Prométhée”, “La Revue de Prométhée”, “Le Quotidien”, “Le Temps”, “Journal de Genève” и других на французском языке.

Актуально и то, что впервые выносимые на суд научной общественности архивные документы объясняют политическое поведение Мустафы Чокая в судьбоносные моменты его жизни: например, служебная записка сотрудника МИД Франции о причине эмиграции М. Чокая в Европу, служебная записка сотрудника МИД Франции о принятии им вынужденного решения поехать в Германию летом 1941 г. под давлением гестапо, а также приказ ОКВ относительно состава Туркестанского и Кавказско-магометанского легионов из числа советских военнопленных от 22 декабря 1941 г. Эти документы полностью опровергают утверждения советской пропаганды о бегстве Мустафы Чокая за рубеж, его коллаборационизме и о том, что он был основателем Туркестанского легиона.

Не менее важным при раскрытии личности М. Чокая является и исследование вопроса о его причастности к деятельности западных спецслужб, в чем также его обвиняла сталинская пропаганда. В работе вносится ясность и в этот вопрос, для чего предпринимается разносторонний анализ архивных материалов, публикаций ветеранов Лубянки, личной переписки прометеевских деятелей. В этой связи особое значение приобретает рассмотрение противостояния прометеевских деятелей действиям сталинской администрации, олицетворяющего собой противодействие демократических сил силам антидемократическим. Впервые проводится подробное рассмотрение предпринятых Сталиным масштабных мер по борьбе с прометеевской организацией и ликвидации ее лидеров.

В ходе исследования появилась необходимость дать (с опорой на труды Мустафы Чокая) авторскую корректировку таких определений, как национализм, шовинизм, сепаратизм, разведка, шпионаж, без чего невозможно понять логику политических решений М. Чокая, а также показать необоснованность обвинений сталинской пропаганды, инкриминировавшей

Мустафе Чокаю распространение клеветнической информации о советском строе, сотрудничество с иностранными спецслужбами.

Необходимость разобраться в сложном периоде жизни Мустафы Чокая — последних месяцев его жизни, — связанном с его встречей на территории Германии с соотечественниками после двадцатилетнего перерыва, сделала неизбежным рассмотрение причин, даты и стадий формирования Туркестанского легиона из числа туркестанских военнопленных. Сама сложность и односторонний подход к этой теме в отечественной исторической и публицистической литературе продиктовали необходимость возвращения к теме легиона и анализа нескольких десятков документов из Бундесархива и архивов МИД Франции и Германии (приказов, служебных записок, докладных, протоколов допросов, записей бесед), и сличения их с архивными данными КГБ Казахской ССР по этой тематике. И этот раздел настоящего исследования имеет свою особую ценность, так как после смерти М. Чокая туркестанскими легионерами была предпринята попытка реализовать его идею о суверенном Туркестане.

Новым для отечественной политологической науки является рассмотрение Туркестанского легиона в контексте восточной политики Третьего рейха как неотъемлемой части структурного комплекса “Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан — Туркестанский национальный комитет (ТНК) — Туркестанский легион”.

Степень научной разработанности проблемы

Отправной точкой при проведении настоящего исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, которые можно классифицировать следующим образом:

— работы, посвященные деятельности Мустафы Чокая и судьбе Кокандской (Туркестанской) Автономии;

— работы, посвященные деятельности эмигрантских организаций.

1. Среди работ, посвященных рассмотрению деятельности М. Чокая и возглавляемой им Кокандской Автономии, следует выделить те, что увидели свет в СССР, и те, что появились после его развала. Официальная версия о провозглашении и разгроме Кокандской Автономии была изложена в Большой советской энциклопедии. Однако с каждым новым изданием БСЭ объем сведений сокращался и претерпевал изменения в соответствии с идеологической конъюнктурой.

В издании БСЭ 1938 г. Кокандская Автономия названа “контрреволюционным движением в Туркестане, центр которого находился в Коканде. С провозглашением первого ноября 1917 г. в Ташкенте власти Советов как национальная, так и русская буржуазия и царское чиновничество в целях борьбы с советской властью сгруппировались в Коканде”. Затем уже, по версии большевиков, “в Коканд перебирается и краевой совет мусульман Шура-Исламия, ставший центром, объединяющим все контрреволюционные силы

Туркестана. Кокандская авантюра встретила решительное сопротивление со стороны трудящихся Туркестана. Седьмого января 1918 г. в старом Ташкенте на состоявшемся многолюдном митинге узбеков была принята резолюция, призывавшая не признавать самозванное Кокандское правительство; такая резолюция принималась и в других городах" [2].

В архивных источниках сведения либо упоминания о судьбоносном митинге 7 января 1918 г. не встречались. Исследованные источники содержат подробное изложение хода манифестации 13 декабря 1917 г. и расстрела большевиками мирных жителей, поддержавших Кокандскую Автономию. Ни в одном издании БСЭ об этом не сказано ни слова. Зато отмечено, что "13 декабря, в день рождения Магомета, русские белогвардейцы под видом "торжественного" объявления "автономии" Туркестана спровоцировали контрреволюционное выступление, закончившееся нападением на тюрьму и освобождением Доррера и других контрреволюционеров" [3].

Имя Мустафы Чокая (Чокаева) упоминается лишь однажды в энциклопедической статье 1938 г., а в издании БСЭ 1953 г. оно уже не фигурирует.

В издании 1938 г. подчеркивается, что "изложил и арестовал правительство "Кокандской Автономии" краевой совет мусульманских рабочих и дехканских депутатов 31 января 1918 г." [4].

В 1953 г. абзац заменен следующим: "Трудящиеся массы местного коренного населения, особенно бедняцкие слои, относились к "Кокандской Автономии" явно враждебно и были всецело на стороне советской власти" [5].

Как видно из приведенного отрывка, в новом издании текст изменен, и внимание сфокусировано на "симпатиях" бедняков к советской власти.

Идеологический заказ авторами энциклопедии выполнен: на бумаге был придан классовый характер событиям, связанным с провозглашением Кокандской Автономии, которая встретила "решительное сопротивление и явную враждебность" со стороны населения, а представители дехканских депутатов низвергли "контрреволюционное правительство Кокандской Автономии".

Между тем, данные советской энциклопедии резко разнятся с содержанием нейтральных архивных источников. Докладная военного атташе Французской Миссии в Персии военному министру Франции гласила: "Тринадцатого декабря 1917 г. в Ташкенте прошла крупная манифестация коренных туркестанцев, организованная умеренными в поддержку автономии Туркестана. Состоялось собрание с участием представителей коренного населения (они составили две трети общего числа представителей) и русских. Киргизы прибыли верхом на конях, чтобы присоединить свои голоса к голосам сартов. Это грандиозное шествие с участием нескольких тысяч людей сформировалось в старой части города. Манифестанты, пройдя новую часть города, потребовали освобождения заключенных. Граф д'Оррер [6], взобравшись на автомобиль, поддержал манифестантов. Выступление графа было встречено овацией. Однако автономию Туркестана признал только представитель Временного правительства. Ему были возданы

почести. Когда кортеж повернул назад в старый город, он был встречен вооруженными большевиками. Пулеметные очереди вызвали панику в рядах манифестантов. Автомобиль графа был окружен, а самого графа вместе с генералом Киелечко, губернатором Самарканда адвокатом Дружковым, братом комиссара Закаспия полковником Беком и капитаном Русановым увезли в крепость. Все они были умерщвлены самым жестоким образом: их крики доносились из крепости с раннего утра до двух часов ночи. Руководили пыткой большевики Тоболин, Перфильев, Колосов, Стасиков. Они же захватили власть в Ташкенте, организовали свой совет. А Колосов стал главным диктатором. Позже Перфильев сбежал в Москву, прихватив деньги из государственного банка” [7].

Интерес представляют публикации сотрудников советских спецслужб, положившие в регионе Центральной Азии начало пропагандистской акции против главы Кокандской Автономии Мустафы Чокая. Автором заказной повести-хроники “Падение “Большого Туркестана”” является офицер советских спецслужб С. Шакибаев [8]. Утверждая, что она “построена на строго документальной основе”, автор ставил задачу убедить читателя в причастности Мустафы Чокая к созданию Туркестанского легиона из числа советских военнопленных в начале Второй мировой войны. Исходя из этого, автор дает соответствующую идеологическую установку читателю: “Главари Третьего рейха, используя кучку белоэмигрантов, изменников Родины, в 1941—1942 гг. создали в фашистской Германии ряд так называемых “национальных комитетов” и “легионов”, бывших, по существу, базой германской разведки для вербовки и заброски агентуры в тыл Советской Армии. Большое внимание уделено советским патриотам, не склонившим головы перед врагом в самых трудных и сложных условиях, чекистам Казахстана, вступившим в борьбу с коварным врагом, простым труженикам республики, проявившим высокую бдительность, благодаря которым потерпели окончательный крах происки нацистских заправил и их агентов” [9].

Соответствующая лексика при противопоставлении “наших ненашим” помогает читателю выбрать “правильный” ориентир:

“Враждебная советской власти нечисть — эсеры, националисты, дутовцы — примкнула к мятежу. Но большевистская власть крепка — мятежи быстро подавляются” [10]. И читатель, уже подготовленный, сразу понимает, почему, к примеру, “башкирский народ, руководимый коммунистами, требовал создания Башкирской Автономной Советской Республики, входящей в состав РСФСР” [11].

Для создания образа главного героя автор использует внутренний монолог: “Сердце Чокаева упало. Не на это он рассчитывал. В последние дни он ждал ответа на свое письмо, посланное Розенбергу. Сегодня рано утром, когда его взяли из лагеря и привезли в Берлин, он подумал, что наступил, наконец, день, которого он ждал более двадцати лет. Он не сомневался, что вызов — следствие его письма Розенбергу. Он рассчитывал, что в имперском

управлении безопасности ему сразу же скажут о его невиновности и освободят. Но поведение нациста ничего хорошего не предвещало. “Что же это? Что будет?” — забеспокоился Чокаев” [12].

Такой прием должен вызывать у читателя доверие к автору повести, не оставляя сомнений в подлинности поступков персонажа. В данном случае необходимо было убедить читателя в сотрудничестве М. Чокая с нацистами и сформировать о нем мнение как о двуличном человеке, который думает одно, а делает другое.

В отношении советских идеологов внутренний монолог заменяется высокопарным комментарием о патриотизме. “Кенжалин задумался. Да, он знал, что Каюму и другим, подобным ему, предателям совсем неплохо в американском и английском “плёну”. Нет сомнения, что англо-американские империалисты попробуют использовать этих недобитков в тайной войне против Советского Союза. Есть сведения, что в английской и американской зонах оккупации бывших советских военнопленных, связанных позже с Туркестанским легионом, собирают в специальных лагерях и подвергают специальной обработке” [13].

Повесть является художественным изложением содержания “агентурного дела № 145 на Чокаева Мустафу по окраске “казахский националист-контрреволюционер”, заведенного в 1926 г. Восточным отделом ПП ОГПУ Казахской ССР и положившего начало разработке операции под кодовым названием France, о котором рассказывается в публицистическом эссе бывшего офицера КГБ Казахской ССР Амирхана Бакирова [14], увидевшем свет после обретения Казахстаном независимости. Главная ценность работы в том, что в ней впервые бывший офицер советских спецслужб сделал достоянием гласности материалы о Мустафе Чокае, хранящиеся в архивах КГБ Казахской ССР. Опубликованные документы содержат анкетные данные о Мустафе Чокае, имена его туркестанских единомышленников, оттиски некоторых его статей. Автор дает также биографические сведения о Мустафе Чокае, его родственниках, приводит содержание докладных, написанных спецсведомителями, и отдельных циркулярных писем. Однако истинная подоплека операции автором не раскрыта из-за отсутствия сведений о зарубежной деятельности Мустафы Чокая.

Публицистическая работа другого офицера спецслужб Амантая Какена посвящена теме Туркестанского легиона [15]. На основании сопоставления даты смерти Мустафы Чокая (27 декабря 1941 г.) и даты создания легиона (начало 1942 г.) автор делает вывод о непричастности Мустафы Чокая к его формированию. А. Какен подвергает критике позиции П. Белана и С. Шакибаева, огульно обвиняющих туркестанского лидера в клевете на советский строй и коллаборационизме. Положительной стороной книги А. Какена, на наш взгляд, является непредвзятый подход в трактовке фактов.

В целом, обе рассмотренные работы ставят задачу реабилитировать имя сына казахского народа и опровергнуть утверждения их коллеги С. Шакибаева.

Что касается научных публикаций о деятельности М. Чокая, то увидевшее свет в 1997 г. эссе доктора исторических наук, профессора М. Койгельдиева “Тұтас Түркістан идеясы және Мұстафа Шоқайұлы” [16] раскрывает ценность трудов туркестанского деятеля, которые позволяют понять и осмыслить пережитое нашим народом в первой половине XX в. без идеологического давления. Автор указывает, что в условиях независимости идея М. Чокая о единстве Туркестана обретает особую актуальность. “Для Мустафы Чокая, как пишет М. Койгельдиев, понятия “независимость Туркестана” и “единство Туркестана” неразделимы. А освобождение от российской зависимости равнозначно обретению возможности образования федерации суверенных республик” [17]. Автор эссе высказывает предположение о том, что “возможно и не будет найден ответ на вопросы о причине эмиграции Мустафы Чокая в Европу и о том, кто мог повлиять на такое решение” [18], однако ученый-историк уверен, что М. Чокай был непоколебим в своем намерении продолжить политическую борьбу за пределами своей родины и в этих целях поддерживал связь с периодическими изданиями и другими источниками информации в Туркестане [19].

Работа М.Койгельдиева значима тем, что в ней впервые высказываются предположения, нашедшие в дальнейшем документальное подтверждение в ходе настоящего исследования.

В опубликованной на казахском языке работе представителя казахской диаспоры в Турции Абдукапа Кара [20] вызывает недоумение концептуальный подход автора к личности Мустафы Чокая. А. Кара утверждает, опираясь на мнение Заки Валиди, что Мустафе Чокаю было присуще русофильство и потому главной своей задачей он считал демократизацию всего российского государства. Согласно А. Кара, только благодаря Заки Валиди Мустафа Чокай пришел к идее борьбы за независимость Туркестана [21].

В своих “Воспоминаниях о 1917 годе” Мустафа Чокай писал:

“Уезжал я из Петербурга с большим волнением. В студенческие годы [...] я был влюблен в этот город. Русские студенты и русские революционные демократы отличались широтой души, охотно дружили с представителями других наций России... Причина этой дружбы была не в том, что представители нерусских народов “забыли свои корни” или же хотели быть ближе к центру, а в том, что нас объединяла общая позиция по многим вопросам. В то время даже не возникала мысль об отделении Туркестана. Все мы полагали, что с падением русского самодержавия все изменится к лучшему. Верили, что с приходом к власти русских демократов в национальных окраинах появится самоуправление, что с позорной переселенческой политикой будет покончено. [...] Петербург дал нам не только политическое воспитание, но с ним мы связывали наши надежды на лучшее будущее своего народа. Однако революционные события вскоре развеяли наши иллюзии. Русские революционные демократы, оказавшись у власти, в корне изменились, резко отдалившись от вчерашних единомышленников нерусского происхождения. Прощай, Петербург!” [22].

Петербург был дорог М. Чокаю тем, что в этом городе, центре политической мысли России, сформировались его политические убеждения. Он сожалеет не о том, что вынужден расстаться с русскими, как утверждает А. Кара, а о том, что, оказавшись у власти, его вчерашние единомышленники резко изменили свои убеждения. Об отношениях между Мустафой Чокаем и русскими эмигрантами Мария Яковлевна Горина-Чокай свидетельствует следующее: «Отличаясь широтой мышления, он (Мустафа Чокай) легко и в доступной форме излагал свои идеи. При этом, нравилось это собеседнику или не нравилось, он говорил всегда прямо и открыто. Мустафа был противником узколобого национализма. Он стоял на позициях единения народов Туркестана. И русские националисты признавали в нем это, однако не хотели считаться с интересами ни народов Туркестана, ни каких-либо других народов нерусского происхождения. Этот принцип русской демократии глубоко задевал честь Мустафы. По этой причине в 1923 г. он порвал с русскими демократами и русской периодической печатью» [23].

В ходе февральских событий 1917 г. «даже не возникала мысль об отделении Туркестана», утверждает Мустафа Чокай. К идее независимости туркестанские политические деятели пришли не сразу. На эту мысль натолкнули сами большевики: «Политика колонизации и русификации, проводившаяся русской империей, вольные или невольные ошибки Временного правительства и, наконец, неслыханная доселе политика угнетения, проводимая ныне советским правительством, составляют весь комплекс причин, которые убедили мусульман Туркестана в необходимости переориентировать свою программу, заменив задачу достижения автономии задачей достижения национальной независимости» [24].

А. Кара называет Заки Валиди «близким другом Мустафы Чокая», отмечая при этом, что «Заки Валиди Тоган — одна из самых значимых личностей в жизни Мустафы Чокая», и уточняет, что Мустафа Чокай и Заки Валиди были «в дружеских отношениях с 1913 г., когда они впервые встретились в Ташкенте у Абубакира Дуваева». «После Октябрьского переворота в России, — продолжает А. Кара, — пути обоих тюркских деятелей стали все чаще пересекаться. Они оба сыграли лидирующую роль в борьбе за национальную автономию, а в эмиграции они продолжили политическую борьбу, оказываясь то вместе, то порознь» [25].

Однако ни в личных записях Мустафы Чокая, ни в мемуарах его супруги Марии Яковлевны о существовании близких дружеских отношений между ними, ни о лидерстве Заки Валиди нет ни слова. А знакомство с письмами М. Чокая и З. Валиди дает основание для иного вывода.

«Валидов родился в Уфимской губернии в семье муллы. Чокаев, уроженец Сырдарьинской области, был выходцем из аристократической казахской семьи. Валидову не удалось до 1917 г. получить высшее образование в отличие от Чокаева, который успел закончить юридический факультет Петербургского университета. Чокаев к тому же учился на одном курсе с Керенским» [26].

В 1918 г. Мустафа Чокай покинул Туркестан. Заки Валиди в этот период находился в Башкурдистане, где возглавлял правительство провозглашенной автономии.

После Октябрьского переворота правительство автономного Башкурдистана "пыталось договориться с большевиками, но в итоге было арестовано. Затем освобожденное дутовцами руководство Башкурдистана стало на сторону белых. Однако в феврале 1919 г. Валидов, возглавлявший башкирские войска, перешел на сторону советской власти. В связи с этим в башкирских частях стала распространяться дутовская прокламация, которая призывала солдат "свергнуть правительство Валидова, продавшее башкирский народ большевикам" [27].

Сталин использовал для ведения пропагандистской работы авторитет известных личностей из среды мусульман. В их числе был и Заки Валиди, появление которого в 1921 г. в среде басмачей, согласно российским историкам, было "косвенным свидетельством того, что он отправился в Туркестан, движимый честолюбивыми замыслами и поощряемый, возможно, Сталиным" [28].

Таким же косвенным подтверждением использования Сталиным в своих политических интригах башкирского деятеля могут быть и другие факты: внесение им (Валиди) раздора в среду поволжских татар, обвинив их так же, как и Мустафу Чокая, в русофильстве; попытка, используя денежные посулы, "перетянуть на сторону Советов" татарского деятеля Фуада Туктарова. По сведениям польской разведки, как утверждают российские авторы, Валиди получал деньги от резидента ОГПУ в Берлине, был в контакте с представителями советских спецслужб [29].

Вполне вероятно, что Сталин, умело использовавший в своих интересах честолюбивые помыслы своих подчиненных, попытался создать ситуацию соперничества между Валиди и Манатовым.

С 1926 г. при финансовой поддержке польского правительства стали выходить в свет издания движения "Прометей", включая издания туркестанского национального объединения, в частности журнал "Йени Туркестан", редакцию которого возглавил Заки Валиди. Начало разногласий между М. Чокаем и З. Валиди относится к периоду выхода первого номера этого журнала, о которых М. Чокай писал: "Недоразумения между нами начались с выхода первого же номера журнала "Йени Туркестан". Я не соглашался и никогда бы не согласился на тот идейный и идеологический разброд, который стали допускать руководители журнала (фактическим редактором и руководителем является А.-З. Валидов). Я протестовал против санкционирования такой ереси, как, например, будто "по народному верованию при завоевании Туркестана русским помогал сам Аллах и что в рядах русской армии находился пророк Хизир Ильяс" ("Йени Туркестан", №1). Далеко не соглашался со статьей за подписью Сокалы-Кай оглы. И в этом отношении я не был одинок. Статья эта была прислана для напечатания в "Прометее", и редакция последнего отказалась ее принять. Единственная

здравая мысль в ней — Туркестану раньше всего нужна независимость — была окружена целым лесом идеологически не выдержанных в журнале, предназначенном вести строго идейную борьбу, нежелательных рыхлятин.

Я не соглашался с восхвалением на страницах “Йени Туркестана” старых конфессиональных школ — этой настоящей могилы всякого прогресса и всякого здорового национального начинания. Я не соглашался с похвалами по адресу некоторых наших доморожденных коммунистов — “вождей”, как раз в отличие от других коммунистов же, являющихся настоящими предателями” [30].

Следующая крупная размолвка была связана с отношениями между туркестанской организацией и лигой “Прометей”. Об этом Мустафа Чокай пишет В. Дабровскому так: “26 сентября 1927 г. председатель [стамбульской] организации Ахмед-Заки Валидов прислал мне директивное письмо, в котором развивалась мысль об отношении туркестанцев к шевелению бывшего эмира бухарского. Члену редакции “Прометей” от Туркестана Ахмед-Наиму было предложено в категорической форме потребовать от “Прометей” помещения грозной статьи по поводу деятельности бывшего эмира. “Прометей” не согласился. Тогда Валидов передал мне о настроении организации следующее: “Наши товарищи говорят, что “Прометею” следует написать резкое письмо и, если бы между ним и нами по отношению к бухарскому эмиру не наступила ясность, то следует порвать связь с этим журналом”. Разумеется, я рекомендовать вступить на этот путь запугивания и, да будет позволено мне выразиться, на путь шантажа, не мог” [31].

Через месяц, 29 октября 1927 г., Заки Валиди в письменной форме рекомендует Мустафе Чокаю “начать наступление против Англии, дабы не давать повода большевикам обвинять нас в том, что мы якобы являемся сторонниками Англии”. М. Чокай отклоняет это предложение Заки Валиди, считая такой поступок нечестным по отношению к своим сподвижникам: “Организация наша, поскольку она вошла в соглашение и в совместную работу с другими организациями (Кавказский Комитет, например), по моему глубокому убеждению, должна воздерживаться от подобных “наступлений”. Этого требует простая честность по отношению к тем, с кем наша организация решила работать вместе. Я отнюдь не являюсь защитником английской политики и не хочу кому бы то ни было запрещать выступать против нее. Но для этого надо знать время и место” [32].

Отсутствие взаимопонимания между Мустафой Чокаем и Заки Валиди привело к тому, что в 1927 г. М. Чокай был вынужден выйти из состава ЦК Туркестанской национальной организации (ТНО). Необоснованное решение стамбульской организации ТНО, возглавляемой З. Валиди, было отменено в 1929 г. [33].

В начале 30-х годов Заки Валиди публикует материал, в котором не только принизил значение Кокандской (Туркестанской) Автономии, но даже в корне исказил историю тюркских народов. Мустафа Чокай вынужден посвятить ряд работ разоблачению лживых утверждений Заки Валиди.

В письме к Мустафе Векилли он резко высказывается о Заки Валиди: "Дорогой Адаш, неделю назад получил Ваше письмо от 12.3... о Заки. Я молчал, когда Заки-бей вел переговоры с советским правительством о продаже своих научных трудов из эмиграции. Заки-бей занимался стравливанием и распространением межплеменной вражды в среде молодых туркестанцев. Молчал, когда приходилось видеть и читать лично пасквильные доносы. Но не выдержал, когда Заки-бей в претендующей на научность книге написал по-большевистски "историю" революционного периода в Туркестане. Я не думаю, Адаш, что Вы, азербайджанцы, потерпели бы в Вашей среде человека, какое бы место он ни занимал, втайне от Вас все время переписывавшегося с большевиками, называя их не иначе как "глубокоуважаемый товарищ!" [34].

Искажения истории тюркских народов не потерпел и президент Турции Кемаль Ататюрк, который отстранил Заки Валиди от преподавательской деятельности в университете Стамбула и выдворил его из Турции [35].

Свою оценку личности Заки Валиди и его поступкам дали его современники: "Политика сильно сказалась на качествах Валидова как лидера, о чем сохранились свидетельства окружавших его людей. Так, по оценке Х. Юмагулова, Валидов к этому времени уже представлял собой "политически беспринципного авантюриста и честолюбца". Он перешел к туркестанским басмачам, которые приняли его в свою среду исключительно из-за слепой ненависти к большевикам" [36]. Отзыв Мустафы Чокая о Заки Валиди таков: "Валидов лишен необходимых для всякой дискуссии качеств — устойчивой логики и определенного морально-политического уровня... Оставляю в стороне менторский тон его письма. Так обычно поступают невежды, поднявшиеся выше уровня своей родной неграмотной стихии. Эти невежды страдают грандоманией и почитают себя призванными учить весь мир..." [37].

Мустафа Чокай и Заки Валиди далеки друг от друга как по характеру, так и человеческим качествам; разнятся они и по той роли, которую играли в эмиграции, в понимании целей и задач туркестанского национального движения.

Отсутствие анализа трудов М. Чокая и З. Валиди в диссертации А. Кара и, как следствие, грубые ошибки в оценке их политической деятельности, незнание либо сознательное игнорирование подлинного характера взаимоотношений между ними приводят турецкого автора к ошибочным суждениям и выводам.

Утверждение автора о том, что Заки Валиди повлиял на формирование политических убеждений Мустафы Чокая, а также попытка поставить обоих на один уровень с точки зрения их вклада в туркестанское национальное движение несут на себе печать заданности.

Среди других работ о жизни и деятельности М. Чокая, опубликованных на казахском языке, следует отметить монографии Д. Кыдыралиева [38] и К. Есмагамбетова [39], которые представляют собой трактовку избранной

темы с исторических позиций и охватывают главным образом туркестанский период жизни Мустафы Чокая.

Особняком стоят работы французских ученых Александра Беннигсена и Шанталь Лемерсье-Келькеже, чьи труды внесли огромный вклад в исследование истории тюркских народов СССР, в том числе Центральной Азии, и завоевали мировую известность. Их труд *“La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920”* [40] основанный на анализе туркестанской прессы начала XX в., был посвящен национальному движению мусульман России до 1920 г. Авторы отмечают первостепенную роль джадидов в становлении политической прессы и распространении политической мысли среди мусульман России.

Джадид, активный сторонник реформирования мусульманского общества, Мустафа Чокай возглавлял редакцию газеты *“Бірлік туы”*, среди сотрудников которой были такие видные деятели, как Султанбек Кожанов, Алибек Комус, Миржакып Дулатов. М. Чокай входил также в состав редакционной коллегии двуязычной (узбекско-татарской) газеты *“Улуг Туркистан”*, стоявшей на позиции единения народов Туркестана и отстаивавшей идею единства российских тюрков [41]. Несмотря на то, что джадида состояли в разных партиях, их объединяла общая, национальная, идея. Поэтому после разгрома национальных автономий, провозглашенных в регионе Центральной Азии, Мустафа Чокай эмигрировал в Европу по заданию национальных организаций Туркестана. Это подтверждают архивные материалы КГБ Казахской ССР [42].

В работе А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже дается анализ широкого политического контекста, в котором разворачивалась деятельность Мустафы Чокая и его единомышленников. В большинстве своем джадида искренне верили, что марксизм может открыть путь к избавлению от европейского колониализма, включая русский колониализм в его большевистском варианте. В результате теоретического осмысления марксизма они разработали собственную программу действий: период между 1918—1928 гг. обозначил, по утверждению авторов, уникальное историческое явление — мусульманский национальный коммунизм [43], одной из предтеч которого был джадидизм. Самыми крупными его теоретиками были волжские татары Мир-Саид Султан-Галиев [44], Галимджан Ибрагим [45], казахи Турар Рыскулов [46], Ахмет Байтурсынов, Алихан Букейханов, узбеки Абдуллах Фитрат, Файзулла Ходжаев, азербайджанец Нариман Нариманов.

Идеи, теория и программа мусульманского национального коммунизма были изложены в их трудах, опубликованных в различных российских изданиях того времени. Они основывались на следующих постулатах:

- 1) классическая марксистская оппозиция “пролетариат против капитала” была возведена национал-коммунистами до национального уровня и превращена в оппозицию “пролетарские нации (в их числе все мусульманские) против мира промышленников”;

2) внутри “пролетарских наций” классовая борьба (социальная революция) должна поддерживаться до тех пор, пока не будет достигнута полная независимость от колониального промышленного господства, т.е. национальная свобода должна иметь абсолютный приоритет над социальной революцией;

3) колониальное господство (к примеру, России) при проведении социалистической революции не теряет своей колониальной сущности, что порождает полное недоверие ко всем европейским колонизаторам (в том числе и к их пролетариату);

4) на Востоке коммунистическая революция должна быть вначале представлена как движение за национальную свободу; на Востоке национальный коммунизм может и должен быть установлен только самими мусульманами без вмешательства русских и других европейцев и, при необходимости, вопреки их сопротивлению [47].

Анализируя причины вступления джадидов в партию большевиков, французские исследователи усматривают в их поступке тактический прием, а не идеологическое перерождение. Став коммунистами, они вели себя как настоящие марксисты, а не просто как “попутчики” [48]. Эта мысль французских авторов нашла свое развитие в ходе настоящего исследования.

Программа национал-коммунистов наиболее верно отвечала интересам мусульманского общества, что было подтверждено дальнейшим ходом истории: именно на период десятилетия пребывания алашординцев в структурах власти в Казахстане приходится расцвет культуры и науки казахского народа.

Результаты исследования А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Кельеже, свидетельствуют об общности позиции Мустафы Чокая и лидеров Алаш-Орды в фундаментальных вопросах идеологии и программы действий по организации социально-политической жизни туркестанского общества.

Выводы французских ученых определили выбор концептуальных подходов при проведении политологического анализа трудов Мустафы Чокая.

2. Проблема эмиграции в советский период рассматривалась историками, публицистами, пропагандистами, журналистами через призму идеологических установок по поиску и разработке новых методов и приемов борьбы с контрреволюцией, в русле политики советских спецслужб, формируя одновременно резко отрицательное отношение всего советского общества к белоэмиграции [49]. Среди причин оттока сотен тысяч выходцев из России и СССР советские авторы называли гражданскую войну, попытки сохранить белую армию и другие причины, обходя вниманием сам классовый подход большевиков, положенный ими в основу новой идеологии России и затем СССР. Принцип замалчивания исторической истины о судьбоносных событиях в жизни российского/советского общества, подмена правды ложью нанесли серьезный ущерб историческому сознанию народа. Тема борьбы с мелкобуржуазной контрреволюцией посвящена целая серия работ, увидевших свет в период перехода к НЭПу. [50]. Более объективно история

русской эмиграции была изложена в книге “На чужбине” Льва Любимова, одного из журналистов-репатриантов [51].

Что касается работ постсоветского периода, посвященных теме русской эмиграции и в этом контексте затрагивающих деятельность Мустафы Чокая, то их характеризуют два подхода. Согласно первому, М. Чокай — сепаратист, сотрудничавший с немцами. Этой точки зрения придерживается ветеран советских спецслужб Л. Соцков [52]. Она также отражена в статье трех русских авторов: В. К. Былинина, А. А. Здановича, В. И. Коротаева [53].

Лев Соцков причисляет Мустафу Чокай к “радикальной эмиграции сепаратистского толка, которую иностранные разведки, в частности польская, использовали для дестабилизации обстановки на Кавказе, в Центральной Азии и других регионах СССР”, как указывается в аннотации к книге. Такого же мнения придерживаются коллеги Льва Соцкова В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев.

Названные авторы повторяют тезисы сталинской пропаганды о якобы существовавшей связи между правительством Кокандской Автономии и басмаческим движением и Мустафой Чокаем: “Басмаческое движение в Средней Азии, целью которого было отделение Туркестана от России и создание исламского государства тюркских народов, изначально опиралось на политическую и материальную поддержку из-за рубежа” [54]. Однако документальные данные, подтверждающие этот тезис, не приводятся.

Авторы придерживаются идеологизированного подхода в рассмотрении деятельности антибольшевистского движения “Прометей”, указывают, что Мустафа Чокай возглавлял Туркестанский национальный комитет, созданный на территории Германии [55].

Другая, более объективная, позиция присуща ученым-историкам Российской Академии наук, опубликовавшим в 1999 г. 23 письма А. З. Валидова и М. Чокаева и фрагменты рецензий Мустафы Чокая на две работы Ахмет-Заки Валидова: “Bügünkü Türkistan ve Yakın Tarihi” (“Современный Туркестан и его недавнее прошлое”), вышедшую в Каире в 1928 г., и “Onyedikimaltisehri ve Sadri Maksudi Bey” (“Семнадцать городов, покрытых песком, и Садри Максуди Бей”), изданную в Стамбуле в 1934 г. Автор предисловия профессор В. Булдаков, автор комментариев — кандидат исторических наук С. Исхаков.

Из двадцати трех писем первые четыре письма адресованы Заки Валидовым (в эмиграции Заки Валиди Тоган) Сталину, представителю СССР в Берлине Н. Н. Крестинскому, министру иностранных дел Турции Т. Рюштю и представителю СССР в Анкаре Я. Сурицу. Заки Валиди является также автором еще 12 писем, адресованных им польским деятелям Шетцелю и Голувко. Оставшиеся семь писем принадлежат Мустафе Чокаю и адресованы они поляку Дабровскому. Все 23 письма взяты из архивов движения “Прометей”. Переписка позволяет, по мнению В. П. Булдакова, “оценить масштабы деятельности различных спецслужб в период между двумя войнами”. “Заки

Валидов и Мустафа Чокаев — продолжает он, — две фигуры, ставшие объектами особого внимания польской разведки, хотя в их эпистолярном наследии просматриваются некоторые ранее неизвестные черты иных политиков и иных спецслужб”.

В предисловии нет обоснования выбора ни периода, ни авторов писем. Не указывается причина, по которой нет ответов от лиц, кому эти письма были адресованы. Нет также уточнения, каких “иных политиков” и “иных спецслужб” имеют в виду авторы предисловия и комментариев.

Содержание и стиль писем не оставляют сомнений в том, что они являются частью некоей неуточненной ситуации. Анализ содержания писем дает основание предположить, что сотрудники польских разведслужб, пытаясь выяснить причины интереса своих советских коллег к Мустафе Чокаю, со своей стороны проводят расследование обстановки внутри туркестанской эмиграции. Именно по этой причине в поле их зрения оказываются М.Чокай и З. Валиди. Четыре письма, датированные 1924—1926 годами, стоят особняком от оставшихся девятнадцати, которые относятся к периоду пребывания Мустафы Чокая и Заки Валиди в движении “Прометей” (1926—1940 гг.). Названные четыре письма, по времени выходящие за рамки прометеевского периода, приведены в качестве приложения, и на них ссылается Заки Валиди для аргументирования своей позиции. Так, 12 мая 1929 г. Заки Валиди в постскриптуме своего письма, адресованного В. Голувко, писал: “Для сведения прилагается копия моих писем советскому правительству, о которых речь шла в мою бытность в Варшаве” [56].

Упомянутые 19 писем, на наш взгляд, содержат ответы на поставленные польскими деятелями вопросы относительно личных взаимоотношений З. Валиди и М. Чокая. Вполне допустимо, что деградация их отношений была результатом интриг, организованных советскими спецслужбами с целью развала движения “Прометей” изнутри. Как указывал глава польской экспозитуры капитан Э. Харашкевич, Валидов “является не обычным агентом ГПУ, а нереалистичным политиком с болезненными амбициями и интриганскими наклонностями, обманутого и используемого Советами” [57].

Научный совет Российской Академии наук впервые опубликовал малую толику прометеевских архивов. Несмотря на попытку деидеологизированного подхода, иногда дается недостоверная информация, например, утверждение о том, что Мустафа Чокай умер в 1942 г., а до этого “активно формировал из военнопленных мусульман Туркестанский легион для боевых действий против Красной армии” [58].

Одна из обширных публикаций о прометеевском движении принадлежит перу французского исследователя Этьенна Копо [59]. В статье проанализирован огромный пласт историографического и биографического материала, в чем большим подспорьем было знание Э. Копо турецкого языка. Автор сфокусировал свое исследование, прежде всего, на участии в движении видных деятелей тюркского мира, чья национально-освободительная борьба была в тот период неразрывно связана с борьбой антибольшевистской. Одна-

ко в силу того, что раскрытие темы прометеизма и прометеевского движения требует от исследователя изучения большого массива публикаций на разных языках (в первую очередь, русского), сличения архивных документов из западных архивов с советскими архивными документами, знания тонкостей внутренней и внешней политики СССР сталинского периода, опоры на программные документы прометеевского движения, теоретических знаний о сепаратизме и национально-освободительных движениях, некоторые тезисы статьи Э. Копо, на наш взгляд, нуждаются в дополнительной аргументации и корректировке. Например, утверждение об участии Мустафы Чокая в создании легиона [60].

Публикации, увидевшие свет в Казахстане и за его пределами, различаются подходами к рассматриваемой проблеме, но обнаруживают близость позиций авторов в отдельных вопросах.

Перечисленные работы написаны либо в публицистическом ключе, либо с исторической точки зрения.

Объектом нашего исследования является общественно-политическая и научно-теоретическая деятельность М. Чокая, а также его взаимодействие с другими лидерами национальных движений в рамках антибольшевистского движения “Прометей”.

Предметом анализа настоящего исследования являются труды Мустафы Чокая, а также политический статус и масштабность его мышления как политического лидера.

Цель и задачи работы заключаются в исследовании политологического наследия М. Чокая, сконцентрировавшего в себе его идеи по консолидации туркестанского общества. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи:

- определить характерные особенности тоталитарного режима большевиков, способствовавшие появлению национальных движений и выдвижению на историческую арену политических лидеров новой формации;

- провести политологический анализ трудов М. Чокая и определить принципиальные моменты его идей по формированию гражданского общества;

- показать актуальность трудов М. Чокая и его сподвижников по “Прометею” для современного постсоветского общества в целом и для центральноазиатского региона в особенности;

- исследовать политическую деятельность Мустафы Чокая как лидера национального движения в его взаимодействии и сотрудничестве с другими лидерами-единомышленниками, провести анализ его личностных характеристик, определить его роль и место в коллективной деятельности;

- выявить основополагающие признаки национальных движений за самоопределение и их отличие от движений сепаратистского толка;

- показать специфику антибольшевистского движения “Прометей”, его отличие от других эмигрантских движений и организаций, действовавших на территории Европы;

- исследовать идеологические задачи “Прометей” и основные методы его пропагандистской деятельности;
- выявить степень влияния деятельности М. Чокая и его сподвижников по “Прометею” на политические процессы в СССР;
- проанализировать природу и характер политико-идеологического противостояния сталинской администрации и движения “Прометей”;
- исследовать причину уникальности движения “Прометей”, не имевшего в XX в. равных себе по масштабам деятельности и по долгожительству и оставившего после себя огромное политологическое наследие;
- выявить и проанализировать условия создания Туркестанского легиона, а также рассмотреть возможность причастности к его созданию Мустафы Чокая, как это утверждала сталинская пропаганда, либо его непричастности к формированию легиона;
- подтвердить либо опровергнуть наличие связи М. Чокая с западными, в частности нацистскими, спецслужбами.

Научная новизна исследования заключается:

- в самой постановке проблемы, в неизученности в отечественной политологической науке письменного наследия Мустафы Чокая, в частности его идей по консолидации туркестанского общества;
- в исследовании впервые в рамках отечественной политологической науки вклада М. Чокая в мировое демократическое движение;
- в комплексном анализе личностных характеристик Мустафы Чокая как лидера туркестанского национального движения;
- во введении впервые в научный оборот многочисленных архивных документов, сохранившихся в европейских фондах и имеющих непосредственное отношение: а) к политической деятельности М. Чокая и раскрывающих неизвестные страницы его политической биографии; б) к истории создания Туркестанского легиона на территории Германии и раскрывающих подоплеку некоторых сторон советской внешней политики, тем самым позволяя по-новому оценить известные исторические события;
- в самом подходе к изучению эмигрантской деятельности Мустафы Чокая как основателю зарубежной ветви туркестанского национального движения;
- в определении роли и места эмиграции в национальном движении;
- в выявлении тесной взаимосвязи внешней и внутренней ветвей туркестанского национального движения;
- в осмыслении фактора противостояния лидеров национальных движений тоталитарным режимам;
- в исследовании категории культуры ведения совместной политической борьбы, которая была одним из основополагающих принципов движения “Прометей”;
- в систематизации опыта уникального демократического движения, каковым был “Прометей”, объединивший в своих рядах неординарных политических деятелей;

— в проведении политологического анализа неизвестных отечественной науке публикаций Мустафы Чокая и его соратников в контексте мировой, а также внутренней и внешней политики советского правительства;

— в исследовании истории Туркестанского легиона, задуманного в русле восточной политики Третьего рейха;

— во введении впервые в научный оборот архивных документов, которые вносят ясность в политическое поведение М. Чокая в экстремальной ситуации: причины его эмиграции в Европу, согласия перебраться из Парижа в Берлин летом 1941 г., выдвижения своего условия немецкой стороне после встречи с соотечественниками в концлагерях;

— во введении впервые в научный оборот целого комплекса документов из архивных центров Европы, позволивших воссоздать этапы реализации проекта руководства рейха по формированию Туркестанского легиона;

— в документальном опровержении утверждения о причастности Мустафы Чокая к созданию легиона;

— в опровержении обвинений в адрес Мустафы Чокая о его сотрудничестве с западными, в частности нацистскими, спецслужбами.

Положения и выводы исследования:

— представляют ценность для разработки государственных программ по построению гражданского общества;

— могут оказать помощь в составлении учебников и учебных пособий по истории, политологии и журналистике;

— раскрывают подоплеку ряда политических событий, имеющих прямое отношение к биографии народов Туркестана, СССР и Европы;

— раскрывают неизвестные страницы жизни и деятельности туркестанской политической эмиграции в Европе;

— могут оказать помощь политикам в их поисках ненасильственных форм противостояния диктаторским режимам;

— позволяют раскрыть личность М. Чокая как политического деятеля и теоретика от политики, внесшего вклад в мировое демократическое движение;

— вносят вклад в дело восстановления былого достоинства безвинно убиенного и оклеветанного сына казахского народа Мустафы Чокая.

В область практической значимости настоящей работы следует отнести и два следующих факта, внесших лепту в летопись казахско-французских отношений:

— в ходе поисковых работ было выявлено участие туркестанских военнопленных в освобождении Франции от нацистской оккупации; в деревне Жукевиль близ Тулузы посольством Казахстана во Франции в 1995 г., год пятидесятилетия окончания Второй мировой войны, была открыта мемориальная доска "В память о казахах и всех тех, кто погиб за освобождение Франции", которая включена в число памятников, охраняемых правительством Франции. История участия туркестанских легионеров в боях за освобождение южного региона Франции рассказана в документальном

фильме французских кинематографистов “Ради горсточки земли”, созданном при участии автора настоящей диссертации:

— исследование политической деятельности Мустафы Чокая в эмиграции, изложенное в документальном фильме “Зар, или Отлученные от Родины” (автор сценария Бахыт Садыкова) и ее книгах, включая “Mustafa Tchokay dans le mouvement prométhéen”, написанную ею на французском языке и изданную во Франции под грифом Французского института исследований Центральной Азии, могут стать основанием для увековечивания памяти Мустафы Чокая во французском городе Ножансюр-Марн.

Рассмотрим следующие основные положения о:

1) существовании двух ветвей туркестанского национального движения: зарубежной, которая возглавлялась М. Чокаем, эмигрировавшим во Францию по заданию национальных организаций Туркестана, и внутренней, которая возглавлялась деятелями партии “Алаш”, в частности Алиханом Букейхановым и Миржакыпом Дулатовым; новом этапе развития национального движения Туркестана, обозначившем начало деятельности двух взаимосвязанных и взаимодополняющих частей единого движения;

2) развитии Мустафой Чокаем теоретических основ туркестанского национального движения, действовавшего в нестандартных для того времени условиях; роли и значении эмиграции в национальном движении; значении тюркского единства; роли политической конъюнктуры; политологическом анализе целей и задач национальной политики большевиков, проведенном М. Чокаем, и раскрытии сущности понятий “панисламизм”, “пантюркизм”, “национализм”, “шовинизм”, которыми оперировали его политические оппоненты, бичуя “буржуазных националистов”;

3) формах взаимодействия лидеров национальных движений в рамках движения “Прометей” и методах ведения ими совместной политической борьбы за право наций на самоопределение; эффективности сотрудничества и его влиянии на политические процессы в СССР, Европе и мире; роли научно-аналитического подхода в борьбе с тоталитарным режимом, выражавшемся в выработке общих идейных установок, разработке организационных форм, совместных усилий по приданию движению точных и одновременно гибких форм интернационала и создании в этих целях ясной идейной платформы; расширении сети клубных ячеек “Прометея” в различных странах и координации их работы;

4) роли и месте периодических изданий “Прометея” на французском и национальных языках, в частности “Яш Туркестана”, в пропаганде идей национальных движений; их связи при посредничестве прометеевских агентов с источниками и поставщиками информации из СССР;

5) методах борьбы, использованных противоборствующими сторонами, в данном случае лидерами прометеевского движения и Сталиным, вполне обоснованно усмотревшим в деятельности движения серьезную угрозу устоям своей диктаторской власти; политико-пропагандистских и криминальных

методах, использованных Сталиным; советских спецслужбах, которым была вменена задача первостепенной важности — борьба с лидерами эмигрантских движений на Западе; тактике и стратегии деятелей “Прометей”, сумевших зажать Москву в пропагандистское кольцо; противоборстве польских и советских спецслужб;

6) противоборстве соперничавших на международной политической арене идеологий большевизма и фашизма, кардинально изменивших расстановку политических сил в Европе и мире, внесших смятение в ряды русской и национальной эмиграций и сделавших неизбежной военно-политическую конфронтацию двух тоталитарных режимов, проведя первую пробу сил на территории Испании; Испании как пробном полигоне для предварительной отработки методов сталинского террора внутри СССР;

7) Туркестанском легионе, созданном из числа военнопленных тюркского происхождения на территории Европы по инициативе руководства Третьего рейха в период Второй мировой войны; использовании военнопленных под обманым лозунгом борьбы с большевизмом “для сбережения немецкой крови на фронтах”; необоснованности утверждения советской пропаганды о причастности Мустафы Чокая к созданию легиона;

8) необоснованности утверждений о связях М. Чокая с нацистскими и другими западными спецслужбами; дифференциации понятий “разведка и шпионаж”, первое из которых использовалось советской пропагандой для оправдания своих действий, а второе — для шельмования политических оппонентов;

9) концептуальной основе государственной идеологии с точки зрения прометеевцев;

10) основных направлениях внутригосударственной политики, нацеленной на формирование гражданского общества.

Источниковая база исследования объединяет целый комплекс документов и материалов, в преобладающем большинстве своем добытые в результате поисковых работ в европейских архивах:

1) документы, дающие представление о политической ситуации в Туркестане, СССР и мире и помогающие понять подоплеку событий, анализируемых Мустафой Чокаем и его сподвижниками;

2) свыше ста публикаций М. Чокая (статьи, выступления, личные записи) на казахском, русском, французском языках, увидевшие свет на страницах периодических изданий движения “Прометей” (“Яш Туркестан” “Prométhée”, “La Revue de Prométhée”) и других западных изданий;

3) материалы из личного архива Мустафы Чокая;

4) личная переписка прометеевцев;

5) мемуарные записи и интервью людей, близко знавших М. Чокая и его окружение;

6) публикации отечественных и зарубежных авторов, содержащие самые разные мнения по рассматриваемым вопросам;

7) записи бесед, протоколы допросов, служебные записки, рапорты, донесения сотрудников дипломатических и военных миссий, а также агентов спецслужб;

8) материалы советской прессы;

9) энциклопедические статьи.

Хронологические рамки исследования охватывают главным образом период пребывания Мустафы Чокая в политической эмиграции в Европе, т. е. с 1921 г. до даты его кончины в Берлине — 27 декабря 1941 г. Вместе с тем, в некоторых случаях при исследовании процесса становления М. Чокая как лидера национального движения в работе предпринимается ретроспективный отход к предыдущим годам его жизни.

Теоретической и методологической основой исследования являются оригинальные труды самого Мустафы Чокая и его соратников по политической борьбе на казахском, русском, французском, немецком языках, труды отечественных и зарубежных ученых, имеющие концептуальный характер по некоторым аспектам настоящего исследования, постулаты видных зарубежных ученых. Таким образом, настоящее исследование проведено с опорой на различные теоретико-методологические парадигмы.

Наряду с методами политологии в работе использованы методы других смежных наук, таких, как история и политическая психология.

а) Методы собственно политологического анализа:

— компаративный анализ исторической обстановки, в которой проходило становление лидера национального движения и разворачивалась его политическая деятельность;

— метод политического прогнозирования;

— контент-анализ.

б) Методы, применяемые в политической психологии:

— анализ поведения лидера в конкретной политической обстановке;

— дистанционный анализ: из-за историко-временной отдаленности исследуемой личности основная опора делается на изучение текстов его статей, книг, выступлений, а также на анализ сведений, полученных от третьих лиц, как должностных (например, донесения агентов), так и его родных, соратников, оппонентов;

— психобиографический подход, позволяющий видеть в отдельном политике носителя определенной политической культуры.

в) Методы лингвистического анализа:

— свертывание и развертывание информации при логико-семантическом анализе текстов;

— компонентный анализ.

г) Логический анализ.

Апробация результатов исследования. Рукопись была обсуждена на заседании кафедры теоретической и прикладной политологии КазНПУ им. Абая. Отдельные части исследования были обсуждены и получили

положительный отзыв на международных научных конференциях, состоявшихся в Казахстане (Астана, Алматы) и Франции (Париж). Содержание исследования нашло отражение в 35 публикациях на русском, казахском и французском языках, из которых четыре увидели свет за рубежом — России и Франции.

Статьи опубликованы в таких отечественных изданиях, как “Саясат”, “Казахстан-спектр”, “Поиск”, “Высшая школа Казахстана”, “Евразийское сообщество”, “Вестник КазНУ им. аль-Фараби”, сборники университета “Кайнар”, сборник Евразийского университета им. Л. Н. Гумилева совместно с TACIS “Безопасность, дипломатия и международное право”, сборник Дипломатической Академии МИД РК совместно с TACIS “Казахстан и мировое сообщество”, периодическое издание МИД РК “Дипломатический курьер” и др.

Зарубежные публикации представлены четырьмя публикациями: в научном журнале “Вопросы гуманитарных наук” (Москва), научно-документальном журнале “Ғасырлар авазы” (Казань), эссе “Mustafa Tchokay dans le mouvement prométhéen” (Париж), изданное под грифом Французского института исследований Центральной Азии, а также сообщением “Les impacts des idées de Mustafa Tchokay”, сделанным на международной конференции в Париже и опубликованным на сайте исследовательской сети Института азиатских миров, Национального центра научных исследований Франции, Фонда Дома наук о человеке (Париж).

За серию работ, раскрывающих неизвестные страницы жизни и политической деятельности журналиста Мустафы Чокая на страницах отечественных СМИ и зарубежных изданий, автор удостоена звания Лауреата премии Союза журналистов Казахстана за 2008 г. в номинации “научно-исследовательская работа”.

Положения, выносимые на защиту, прошли также апробацию:

— в четырех книгах автора общим объемом в 47, 4 п.л.:

- 1) “Mustafa Tchokay dans le mouvement prométhéen”, Париж, 2007;
- 2) “Мустафа Чокай”, Алматы, 2004;
- 3) “История Туркестанского легиона в документах”. Алматы, 2002;
- 4) Мария Чокай “Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы)”; составление и перевод Бахыт Садыковой. Алматы, 2001;

— в выступлениях на международных конференциях, организованных:

- 1) Дипломатической Академией Евразийского университета им. Л. Гумилева в Астане 18—19 января 2001 г.,
- 2) университетом “Кайнар” 5 — 9 июля 2007 г.,
- 3) институтом философии и политологии МОН РК, университетом “Кайнар”, международным институтом экономики СЕДИМЕС (Париж), международным университетом “Дубна” (Москва) 10—11 июля 2008 г.,
- 4) Институтом азиатских миров, Национальным центром научных исследований, Фондом Дома наук о человеке (Париж) 25—27 сентября 2007 г.:

— в двух документальных фильмах, в создании которых принимала участие автор данного научного исследования: “Зар, или Отлученные от Родины” (Казахстан, 1998 г.) и “Pour une poignée de terre” [“Ради горсточки земли”] (Франция, 1994 г.).

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МУСТАФЫ ЧОКАЯ

1.1. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ МУСТАФЫ ЧОКАЯ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Туркестан (Туркестанское генерал-губернаторство) к началу XX в. после завоевания Россией Центральной Азии включал в себя Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую и Семиреченскую области. Преобладающую часть населения составляли казахи, киргизы, узбеки, туркмены, таджики.

В советской историографии нет объективной оценки политической ситуации в Туркестане рассматриваемого периода. Наиболее достоверное описание ситуации в Туркестане после падения царского самодержавия и прихода к власти в России Временного правительства дают секретные донесения французской военной миссии в Персии (Иране), адресованные военному министру Франции. Согласно им, Туркестан в этот период стал ареной противоборства следующих претендентов на господство в бывшей российской колонии:

- представителей свергнутого царского режима;
- Временного правительства;
- большевиков;
- Афганистана, который, пользуясь ситуацией смены власти, пытался вернуть себе захваченные царской Россией свои территории в этом регионе;
- Англии, которая видела в Туркестане заслон от внешних посягательств на ее владения в Индии и Месопотамии [61].

Туркестан представлял немалый интерес также для Германии и Турции, пытавшихся нейтрализовать активность Англии, их главного противника [62].

Что касается политических сил, сложившихся к этому периоду в Туркестане, то в регионе уже существовала определенная политически грамотная прослойка интеллигенции. Она появилась, несмотря на ограничения царского правительства в области образования в отношении представителей национальных окраин. Немало туркестанцев прошли обучение в ведущих учебных заведениях Петербурга, Москвы, Оренбурга, Уфы и других российских городов. Они являли собой довольно влиятельную силу в мусульманском обществе. Еще до падения царского режима, озабоченные

судьбой своего народа, Алихан Букейханов [63], Ахмет Байтурсынов [64], Миржакып Дулатов [65], Халел Мухамеджанов, Мухамеджан Тынышбаев [66], Мустафа Чокай и многие другие через издаваемые ими газеты активно занимались формированием и распространением политической мысли в Туркестане, открыв тем самым новую страницу в истории политической прессы в Туркестане.

Ко времени прихода к власти Временного правительства в среде туркестанской интеллигенции наместились два подхода в отношении будущего устройства края. Согласно первому, Туркестан должен был стать единым неделимым, самостоятельным государством, в состав которого могли войти несколько автономных уаялатов. Правительство будущего Туркестана должно иметь своей главной задачей сплочение тюркских народов региона с помощью взвешенной разумной политики и создание единого национального государства. Эта идея принадлежала Мустафе Чокаю и его единомышленникам [67]. При этом они исходили из того, что Туркестан сможет восстановить свою государственность и защитить ее от внешней угрозы только при консолидации всех тюркских народов, проживающих в регионе.

Сторонники другого направления развития Туркестана полагали более целесообразным создание отдельных национальных автономий в составе будущей России. Эту идею выдвигали и отстаивали представители партии “Алаш” во главе с Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсыновым, Миржакыпом Дулатовым, Мухамеджаном Тынышбаевым. Идеология партии “Алаш” также исходила из интересов всего народа, не разделяя его на классы. Основной ее целью было избавление от русского колониального гнета. Согласно программе партии “Алаш”, Россия должна была стать объединением равноправных государств на принципах федерации. Туркестан в составе России должен был иметь право самостоятельно управлять собственным государством при тесном сотрудничестве с другими государствами — членами федерации [68].

В апреле и июне 1917 г. в Оренбурге прошли два всеказахских курултая. В июне два представителя партии “Алаш” — А. Букейханов и М. Тынышбаев — по поручению Временного правительства возглавили Тургайскую и Семиреченскую области [69].

Сырдарьинские казахи, находившиеся под сильным влиянием ислама и туркестанского джадидизма, в августе 1917 г. созвали в Ташкенте конференцию, на которой представили проект национальной автономии более радикального характера, чем партия “Алаш”. Определились две группы, соперничавшие за культурное и моральное влияние в южном регионе: джадиды и улемисты. Это соперничество в дальнейшем переросло в политическую борьбу [70].

Джадиды восприняли Февральскую революцию как начало новой эры. В своих “Воспоминаниях о событиях 1917 года” (“1917 жыл естеліктері”)

Мустафа Чокай объясняет, что эта вера появилась не на пустом месте: Первый Всеказахский курултай, состоявшийся в Оренбурге в апреле 1917 г., выдвинул ряд требований, в том числе:

- приостановить процесс переселения русских в Туркестан и вернуть коренным жителям их исконные земли, отобранные у них и переданные русским переселенцам;
- передать административные функции в крае самим туркестанцам;
- вернуть домой туркестанцев, мобилизованных на тыловые работы в ходе Первой мировой войны.

Все эти требования были приняты и признаны Временным правительством [71].

Джадиды стремились использовать свободы, предоставленные Февральской революцией, для полного участия Туркестана в политической жизни новой России, считая, что они выражают интересы мусульманского населения. Джадиды были согласны сотрудничать с русскими социалистами, но при условии признания ими традиций коренного населения. Расхождения с улемистами касались главным образом вопроса об основах будущего туркестанского государства.

Улемисты, представлявшие традиционную местную элиту, выступали за национальную автономию в составе России. Однако эта автономия должна была основываться на принципах шариата, тогда как джадиды считали необходимым реформирование мусульманского общества [72].

29 октября 1917 г. Ташкент оказался в руках большевиков [73].

В ноябре 1917 г. улемисты созвали съезд мусульман и предложили Ташкентскому совету большевиков создать новый коалиционный Туркестанский комитет. Большевики ответили отказом.

Неоднократные попытки представителей Временного правительства (с ними был и Мустафа Чокай) провести переговоры с большевиками также завершились безуспешно. Члены делегации при посещении большевистской штабквартиры в Ташкенте были подвергнуты насилию [74]. Большевики были бескомпромиссны. Они пользовались услугами людей, известных своей жестокостью и преступным прошлым. [75].

С 5 по 13 декабря 1917 г. по инициативе партии “Алаш” прошел Третий Всекиргизский (Всеказахский) съезд, на котором 10 декабря 1917 г. была провозглашена Автономия Казахского края, был избран Исполнительный Комитет. Было образовано два правительства на территории Степи: Западного Казахстана и Восточного Казахстана. Задача обоих правительств состояла в том, чтобы препятствовать проникновению большевиков на территорию Степи [76]. Автономия Казахского края вошла в историю как автономия, управлявшаяся правительством Алаш-Орды. Она была разгромлена большевиками в 1918 г. Лидеры партии “Алаш” были арестованы и расстреляны в тридцатые годы.

После отказа большевиков Ташкента пойти на переговоры джадиды созвали в конце ноября — начале декабря 1917 г. съезд в г. Коканде. Был

образован Совет народов Туркестана: две третьих Совета составляли местные жители, одну треть — представители русского и еврейского народов. Десятого декабря 1917 г. своим волеизъявлением Совет провозгласил Туркестанскую Автономию, вошедшую в историю как Кокандская Автономия по месту ее провозглашения. Вначале правительство возглавил Мухамеджан Тынышбаев, но после разногласий в тактических вопросах решено было доверить руководство Мустафе Чокаю. Мухамеджан Тынышбаев возглавил министерство внутренних дел. В правительство также вошли Султан Шоахмедов (Шагиахмедов) — заместителем премьер-министра, Убайдулла Ходжаев — военным министром, Юрали Агаев — министром земледелия и водных ресурсов, Обиджон Махмудов — министром продовольствия, Соломон Абрамович Гершвелд — министром финансов. Четыре вакантных места предназначались для представителей от европейской части населения [77].

Мустафа Чокай, понимая всю ответственность, которую возлагает на него и его товарищей провозглашение Кокандской Автономии, в своем выступлении на съезде сказал, что для построения полнокровного государства и его сохранения требуются кадры и армия. Он напомнил, что “как бы ни была ослаблена Россия, она сильнее Туркестана” [78].

Позже, в 1932 г., анализируя декабрьские события, Мустафа Чокай в статье “Желтоқсан естеліктері” (“Воспоминания о декабрьских событиях”) напишет: “Кокандская Автономия явилась определенным этапом в нашей жизни, показавшим, насколько была слепа наша вера в русскую революцию и русскую демократию” [79].

Провозглашая автономию, ее сторонники ссылались на ленинский декрет об автономии для всех народов России. “Улуг Туркистан” — самая влиятельная газета в Центральной Азии, издаваемая Бюро туркестанских “татар” (в состав ее редакции входил Мустафа Чокай), отмечала, что “исходя из этого, объявление Кокандской Автономии не противоречит желанию народа и центрального правительства” [80].

Кокандская Автономия была поддержана многотысячными митингами и демонстрациями в городах и аулах края. Тринадцатого декабря состоялась одна из таких мирных демонстраций в Ташкенте в поддержку автономии. Большевики встретили демонстрантов пулеметными очередями.

Большевистские идеологи указывали на то, что образование “буржуазно-националистической автономии”, коей они считали Кокандскую (Туркестанскую) Автономию, дало толчок английской интервенции в Туркестане. Данный тезис обстоятельно рассмотрен в работе узбекской исследовательницы Г. Юлдашевой, в которой проводится всесторонний анализ советских и западных архивных источников, а также публикаций той и другой сторон о деятельности английских и большевистских спецслужб на территории Туркестана. Последние утверждали, что руководители провозглашенной автономии якобы получали помощь от английских империалистов. Результаты исследований Г. Юлдашевой однозначны: так называемые доказательства надуманны, конкретных фактов нет [81].

О поведении большевиков свидетельствуют также вышеупомянутые донесения французской военной разведки, утверждавшие, что “большевистское правительство Ташкента, состоявшее исключительно из русских, настроенных враждебно против автономии Туркестана и коренного населения, оставалось верным репрессивной линии поведения. В тесном контакте с правительством Советов в Москве оно быстро стало централизующим и антисепаратистским органом. Большевики и не думали считаться с интересами местных жителей, зато они проявили снисходительность к некоторым кругам русских консерваторов, так как им не был чужд принцип единения русских по национальному признаку” [82].

В статье “Желтоқсан естеліктері” (“Воспоминания о декабрьских событиях”) Мустафа Чокай называет 13 декабря 1917 г. траурным днем, “когда русские большевики злодейским образом убили десятки наших соотечественников, и кровь народа лилась рекой” [83]. Формально продекларировав право наций на самоопределение, большевики загнали в прочные оковы саму идею независимости нерусских народов бывшей царской России. На IV краевом съезде Советов Туркестана (19—26 января 1918 г.) представитель фракции большевиков Иван Тоболин однозначно выразился за создание особых условий для “класса трудящихся, класса пролетариата”. Поскольку в Туркестане пролетариат был представлен только русскими переселенцами, эта завуалированная формулировка означала откровенное пренебрежение интересами коренного населения. В связи с этим съезд большевиков принял постановление “объявить вне закона Кокандское автономное правительство и арестовать главарей”. Сам факт провозглашения автономии Туркестана был квалифицирован как “попытка контрреволюционных элементов найти опору в среде мусульманской буржуазии и темной массы мусульманства” [84].

На Коканд были брошены войска, состоявшие из рабочей красной гвардии, вооруженной милиции дашнакцутунского отряда [85] и воинских частей Ташкентского гарнизона. Шестого февраля были начаты боевые действия против небольшого отряда сторонников Кокандской Автономии. Три дня длилась резня большевиками мусульманского населения. Как отмечают английские исследователи, точное количество вырезанных жителей неизвестно, но оно, безусловно, огромно. Население Коканда, которое в 1897 г. составляло 120 000 человек, в 1926 г. сократилось до 69 300. Город был разрушен и сожжен [86].

Не имея армии, Кокандская Автономия не сумела противостоять превосходявшим силам большевиков, и после 64-дневного существования 13 февраля 1918 г. была разгромлена. Сторонники автономии были вынуждены отойти в Ферганскую долину, где свыше 10 лет вели партизанскую войну.

Вот, что писал о басмаческом движении 10 октября 1931 г. в МИД своей страны глава Французской военной миссии в Персии в секретном донесении: “Это движение сейчас, похоже, затухает, по крайней мере, на

время. Оно имело широкое распространение в стране, а возглавлявший его Ибрагимбек при содействии бывшего бухарского эмира Саид Алима организовал поход против СССР. Подготовительная работа была начата в Кабуле (Афганистан) довольно давно под контролем полковника Лоуренса (Lawrence) из Интеллидженс Сервис, как утверждают советские официальные представители в Кабуле.

В начале июля сего года в Кабул прибыли сотни всадников. Во дворце, предоставленном афганским правительством в распоряжение Саид Алима, царило оживление. Там располагалась штаб-квартира Ибрагим-бека. Затем все собрались в местечке под названием “Гробница Тимура”.

В конце июля войска басмачей под предводительством бывших офицеров бухарского эмира и глав горских племен вторглись на территорию, занятую Советами, что стало полным сюрпризом для местных властей. Басмачи убили советских пограничников, часть из них была взята в плен. Таким образом, басмачи захватили несколько населенных пунктов. Они шли в атаку со знаменами, на которых было написано “За Бухарию без коммунистов!”

На подавление мятежников были спешно брошены сборные части Красной армии. В ходе кровавого столкновения обе стороны понесли тяжелые потери. Советское командование в итоге оказалось в критической ситуации, и неизвестно, насколько далеко могли бы продвинуться басмачи, если бы в нужный момент не прибыло несколько эскадрилий самолетов. Это и решило исход мятежа. В ходе последующего кровавого сражения войска басмачей были уничтожены, а оставшиеся в живых — взяты в плен. Среди них были глава басмачей Ибрагим-бек и его лейтенанты Али Мардан, Таха Ишан и Исахан. Все они были препровождены в Ташкент. Их сопровождали волонтеры из Таджикистана и агенты ГПУ под предводительством Мукум Султана.

В ходе боев с басмачами советская армия потеряла убитыми 1249 солдат, 3837 человек были ранены, 264 пропали без вести. Басмачи захватили две бронированные машины, 47 пулеметов, несколько пушек и три самолета.

После этих событий советское правительство выразило официальный протест Кабулу в связи с поведением афганских властей и потребовало разоружения горских племен и ареста бухарского эмира Саид Алима.

Обстановка пока такова” [87].

Несмотря на всю жестокость репрессивных акций большевиков, лишь к середине тридцатых годов большевики сумели преодолеть сопротивление местного населения [88].

После объявления “Кокандского автономного правительства вне закона” и принятия решения “арестовать главарей”, большевики назначили 1000 руб. за голову Мустафы Чокая. Первого мая 1918 г. М. Чокай под чужой фамилией в сопровождении своей супруги Марии Яковлевны покидает Ташкент [89].

В августе 1918 г. Мустафа Чокай вместе с социалистами-революцио-

нерами участвует в работе 2-го совещания Комитета членов Учредительного собрания, прошедшего в Челябинске, а в сентябре того же года — в работе государственного совещания в Уфе [90]. За четыре месяца до начала этого совещания (в апреле 1918 г.) созданное в июле 1917 г. Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири (Милли меджлис) было изгнано большевиками из Уфы, а председатель Правления Национального собрания Садри Максуди был вынужден бежать в Финляндию. С учетом сложившейся обстановки М. Чокай перебирается в Грузию, где сотрудничает с грузинскими автономистами, активно участвует в политической жизни мусульманского сообщества на Кавказе, работает в редакциях газет “Вольные горцы” и “Борьба”, при финансовой поддержке грузинского правительства налаживает издание журнала “На рубеже”, став его главным редактором [91].

Мустафа Чокай в Тбилиси издает также две мусульманские газеты — “Йе-ни Дунья” (“Новый мир”) и “Шафак” (“Заря”) — на турецком языке [92].

До начала 1921 г. т. е. до вторжения частей Красной армии под командованием Серго Ораджоникидзе в Грузию, Мустафа и Мария Чокай проживают в Тбилиси. Приход большевиков в Грузию вынуждает их переехать в Стамбул, где Мустафа Чокай сотрудничает с газетой “Таймс” [93].

Силовой захват власти большевиками в регионе Центральной Азии и падение Временного правительства привели также в движение не только политические силы. Действия большевиков вынудили сотни тысяч туркестанцев в поисках убежища перебраться в соседние страны (Китай, Афганистан, Индию), спасаясь от репрессий. Главными объектами преследований большевиков в Туркестане стали личности политически грамотные, не только понявшие подоплеку нового строя, но и способные организовать сопротивление произволу большевиков. Последние делали ставку на самую многочисленную и малограмотную часть населения России — русских рабочих и крестьян. Поэтому для новой российской власти было жизненно необходимо сначала под предлогом “непролетарского происхождения” избавиться от русской интеллигенции, прозванной ею “гнилой”, а затем — от интеллигенции бывших окраин царской России, которая получила ярлык “буржуазных националистов”. Избавление от национальной интеллигенции тем более было необходимо большевикам, так как наиболее передовые ее представители, джадиды, считали первостепенной задачей реформирование мусульманского общества при неременном достижении национальной независимости, убедившись в том, что провозглашенное Лениным “право наций на самоопределение” есть лишь пустая декларация. Для окончательного утверждения своего диктата и подчинения своей идеологии всех подвластных бывшей царской России народов большевики объявили борьбу с национализмом вообще и “буржуазным национализмом” в частности. На деле это было ни чем иным, как запретом на выдвижение национальных идей.

Классовый подход, положенный в основу большевистской идеологии, расколол саму русскую нацию, извратив многие понятия. Сформировалась своеобразная лексика, отражавшая не только уровень политической культуры большевиков, но и служившая неким ориентиром в обществе для распознавания “классовых врагов”: слова “интеллигент”, “буржуй”, “националист” были закреплены за понятиями, объявленными чуждыми новому обществу и, соответственно, от общества отторгались те, кого эти слова обозначали. Так, пункты 3, 4, 5 рассекреченного приказа ВЧК за подписью Ф. Э. Дзержинского гласили: “3. В целях оттенения отличия рабочего и крестьянина от враждебной нам по классу буржуазии — в отношении последних репрессию усилить:

а) освобождать на поруки лиц буржуазного класса лишь в крайних случаях, проверив их незаменимость как специалистов в работе учреждения;

б) досрочное освобождение к буржуазии не применять.

4. Принять меры к изоляции в местах заключения буржуазии от арестованных рабочих и крестьян.

5. Создать для буржуазии особые концентрационные лагеря” [94].

В итоге, борьба за очищение страны от тех, кто в понимании большевиков не был достоин жить в “первой в мире стране рабочих и крестьян”, приняла характер государственного террора.

Однако большевики не ограничились узурпацией власти только в рамках территории бывшей царской России. Воодушевленные своими успехами, идеологи большевизма занялись экспансией своих идей в другие регионы мира. Результатом их активной деятельности, по замыслу большевиков, должна была стать мировая революция, а для ее приближения они развернули широкую пропаганду своей доктрины, предпринимали идеологические диверсии, занимались подстрекательством, провокациями. Применялись криминальные методы для физического устранения тех, кто был способен разгадать и разоблачить подоплеку их внешней и внутренней политики. Русский шовинизм подкреплялся большевиками раздуванием других форм национализма, организацией широкой сети центров панисламизма на различных континентах — Европе, Азии, Северной Африке, открытием пропагандистских школ, куда привлекались представители разных рас и народов, которым надлежало сеять и проращивать семена большевистской идеологии в своих странах. Плацдармом для этой пропагандистской деятельности большевики избрали Туркестан. Эти факты подтверждаются донесениями дипломатических и военных представительств Франции в Министерство иностранных дел, датированными 20 мая 1919 г., 7 февраля 1920 г., 10 октября 1921 г., 19 марта 1923 г., 12 ноября 1923 г., 23 января 1926 г. и др. [95]

Во имя торжества своей доктрины большевики жертвовали, в первую очередь, русским народом. После избавления от русской интеллигенции — самой грамотной части нации — задача большевиков была значительно облегчена, так как заставить обратить в свою идеологию русских рабочих и

крестьян, которых “долго держали в цепях и морили голодом”, большого труда не стоило. Чтобы подготовить умы масс к восприятию пропагандируемых ими идей, а затем помочь им впитать в себя доктрину большевизма, одновременно велась целенаправленная пропаганда по отчуждению народа от религии, названной “опиумом для народа”.

Так расчищался путь к массовому сознанию, велась усиленная работа по отравлению его настоящим опиумом — античеловеческими заповедями. Туркестанская эмиграция так же, как и любая другая эмиграция из России и затем СССР, сформировалась именно в таких условиях. Этому способствовала обстановка террора, когда народ был принесен в жертву большевистской идеологии.

Согласно данным Лиги Наций, Европа в одном лишь 1921 г. (год прибытия в Париж супругов Чокай) приютила один миллион беженцев из России. Среди них были представители русской и национальной интеллигенции, бывшие главы национальных автономий Украины, Закавказья, Поволжья, Туркестана, разгромленных Красной армией в период с 1917 по 1921 г.

Цели и задачи многочисленных русских эмигрантских организаций, созданных в Европе, сводились к одному — свержению власти большевиков, но при этом одни желали восстановления монархии, а другие — возврата к эпохе Февральской революции. В их видении, как это проистекает из содержания декларации, подписанной бывшими думскими деятелями и министрами Временного правительства, посприятие большевиками демократических свобод делает власть Советов недостойной сотрудничества с мировым сообществом [96].

Такие деятели, как Милуков, Авксентьев, бывший посол Маклаков и многие другие, не говоря о представителях изгнанной из Родины большевиками творческой интеллигенции, вполне здраво оценивали ситуацию в советской России, обоснованно отмечая, что советское правительство не является правительством народного большинства, так как из 140 млн. жителей России не более 280 000 являются коммунистами. Из этого числа лишь несколько тысяч были коммунистами действительно по убеждению. Что же касается национальных окраин, то коммунисты, тем более по убеждению, исчислялись единицами.

Мнения об антидемократической сущности нового режима в России придерживались все представители русской и российской эмиграции.

В условиях полного пренебрежения интересами коренного населения и утверждения классового подхода как единственного принципа формирования государственности политические формы борьбы не могли помочь избежать угрозы физического устранения большевиками лидеров и сторонников национальных движений. В этом туркестанские джаиды убедились в ходе борьбы за право коренного населения участвовать в управлении своей страной. Их требование создать коалиционное правительство с обязательным участием представителей национальных организаций было проигнорировано. “Уже на съезде общественных организаций Туркестана стало заметно, —

отмечал Мустафа Чокай, — что Советы рабочих и солдатских депутатов в своей жестокости превзойдут прежних приставов” [97]. Дальнейший ход событий подтвердил его опасения. Охладить большевистский пыл и приостановить их бесчинства, повернуть ход событий в демократическое русло можно было, лишь предав мировой гласности всю правду о “красном терроре” в Туркестане. Именно это стало основной задачей джаидов, и ее можно было осуществить только за пределами большевистской России.

Туркестанские джаиды после всестороннего анализа политики Советов утвердились в необходимости изыскать новые формы борьбы за избавление народов Туркестана от гнета большевиков.

Летом 1921 г., пробыв в Турции лишь несколько недель, Мустафа Чокай и его супруга Мария Яковлевна эмигрируют во Францию. В архивах МИД Франции сохранена следующая служебная записка: “М. Чокаев получил образование на юридическом факультете Петербургского университета. Во время войны (Первой мировой) занимал должность руководителя мусульманского комитета по оказанию помощи раненым бойцам и их семьям.

В период революции он был председателем Туркестанского мусульманского комитета и всех региональных организаций мусульман Туркестана.

В 1917 г. был назначен членом Туркестанского Комитета Временного правительства (России) и оставался на этом посту до совершения большевиками переворота.

В конце ноября 1917 г., после того как Туркестан был провозглашен автономным государством в составе Российской республики, Мустафа Чокаев был избран Председателем национального правительства Туркестана.

В ходе избирательной кампании по выборам Всероссийского Учредительного Собрания выдвинут депутатом от Ферганы (Туркестан).

После разгрома большевиками правительства автономистов он несколько месяцев пробыл в Туркестане, где возглавил группу, ставившую задачу очищения региона от большевистской пропаганды.

В ноябре 1918 г. ему было поручено возглавить комитет по созыву Учредительного Собрания Туркестана, этот же комитет продолжает свою деятельность, нацеленную на обретение Туркестаном национальной независимости.

Летом 1921 г., следуя указаниям национальных организаций Туркестана, Мустафа Чокаев прибыл в Европу и обосновался в Париже.

В настоящее время сотрудничает с органами русской и европейской прессы, занимаясь, в частности, вопросами политики большевиков на мусульманском Востоке” [98].

15 декабря 1921 г., т.е. через полгода после эмиграции супругов Чокай, большевистское правительство объявило о лишении российского гражданства всех, кто покинул Россию после 7 ноября 1917 г. без разрешения правительства, и всех тех, кто вошел в состав белых армий и так называемых контрреволюционных организаций [99]. Несмотря на это, большевики, по утверждению российских историков, пытались привлечь М. Чокая на свою

сторону уже с первых дней установления советской власти в Туркестане, предлагая ему войти в состав Туркестанского совнаркома в качестве председателя [100] и несколько позже — стать советником от советского правительства в кемалистской Турции [101].

Мустафа Чокай отказывается от всех предложенных постов.

Таким образом, цель прибытия Мустафы Чокая в Европу — создание зарубежной ветви туркестанского национального движения в соответствии с заданием национальных организаций Туркестана, в первую очередь партии “Алаш” во главе с его лидерами-джадидами Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсыновым, Миржақыпом Дулатовым, столпами казахской культуры. Как явствует из материалов ОГПУ/НКВД, они поддерживали постоянную связь с Мустафой Чокаем [102]. Внутренняя ветвь туркестанского национального движения возглавлялась мусульманскими национал-коммунистами, как называли джадидов русские большевики. Они разработали свою теорию мусульманского национального коммунизма. Примечательно, что национал-коммунисты пошли на тактический коллаборационизм с советской властью ради того, чтобы проводить в жизнь разработанную ими на базе теории мусульманского национального коммунизма политическую программу, которая резюмировалась в шести пунктах:

- 1) ислам представляет собой великое культурное наследие. Он должен быть “десакрализован”, но его моральные и социально-политические ценности должны быть сохранены. Антирелигиозная кампания должна быть низведена до уровня борьбы с самыми консервативными элементами духовенства и разоблачения устаревших обрядов;

- 2) на всех уровнях необходимо противостоять влиянию европейской (русской) цивилизации в области языка, культуры и т.д.;

- 3) территории мусульманских государств необходимо защитить от русской колонизации, а русские и другие колонисты должны быть изгнаны;

- 4) мусульманские народы составляют единую нацию, проживающую в разных государствах, но число этих государств должно быть сведено к минимуму: государство Средней Волги и Урала (Идель-Урал), объединенный Туркестан, объединенный Северный Кавказ, Азербайджанское государство; рано или поздно эти государства будут объединяться в великое мусульманское государство — Туранскую республику (Султан-Галиев);

- 5) мусульмане должны иметь свою коммунистическую партию и ее центральный комитет, который будет следовать основным направлениям программы большевиков, сохраняя за собой при этом свободу действий, в особенности в подборе и продвижении кадров: мусульманская партия Султан-Галиева, тюркская партия Турара Рыскулова и т.д.;

- 6) Туркестан должен стать отправной точкой революции во всей Азии; коммунизм должен быть привнесен в Азию не русскими, а мусульманскими коммунистами [103].

Эти положения легли в основу политической программы партии “Алаш”. Задача Мустафы Чокая в эмиграции состояла не только в разоблачении в

глазах мировой общественности тоталитарной сути политического строя в СССР, но и в том, чтобы, изучив опыт европейских государств, развить теоретические положения туркестанского национального движения.

За двадцатилетний период пребывания в Европе М. Чокай оставил огромное политологическое наследие: это 117 номеров журнала “Яш Туркестан”, который выходил с 1929 по 1939 г., монография, написанная им на французском и русском языках “Chez les Soviets en Asie centrale” (1928)/ “Туркестан под властью Советов” (1935), многочисленные статьи и тексты его выступлений на собраниях-диспутах, публиковавшиеся на страницах периодических изданий движения “Прометей” в течение 15 лет его существования. Публикации Мустафы Чокая также увидели свет на страницах различных изданий в Швейцарии, Польше, Англии. Они написаны в преобладающем большинстве на французском языке, а материалы, опубликованные в “Яш Туркестане”, написаны на чагатайском. В целом, они охватывают широкий круг проблем, которые можно было бы тематически разбить на такие крупные блоки, как:

- а) политико-экономическая ситуация в советском Туркестане;
- б) внешняя политика большевиков;
- в) развитие политической ситуации в Европе и мире.

Отдельный блок составляют материалы, посвященные теме туркестанского национального движения и роли в нем эмиграции, а также вопросам, связанным с основами государственного строя. М. Чокай периодически возвращается к теме Кокандской Автономии и в этой связи анализирует политические процессы, происходившие и происходящие в России и Туркестане, обращается к революционному опыту европейских стран, в частности Франции. В этом же контексте Мустафа Чокай анализирует опыт политической борьбы таких видных тюркских деятелей, как Мустафа Кемаль, Юсуф Акчура, Энвер-паша, Джемаль-паша, Алимардан Топчибаши и другие, а также опыт европейского политика Юзефа Пилсудского. М. Чокай не оставляет без внимания деятельность своих политических и идеологических оппонентов, таких как А. Керенский, С. Киров, Амангельды Иманов. Что касается его главного политико-идеологического оппонента Сталина, то его политическому портрету посвящен целый ряд аналитических статей, авторами которых являются все прометеевские лидеры. Анализу подвергаются, наряду с национальной политикой вождя, вопросы экономической, кадровой политики, тесного сотрудничества Сталина и Гитлера в военной и экономической областях, их соперничество за мировое господство, позиция “отца народов” в вопросах войны и мира. Идеологическое сходство тоталитарных режимов в Германии и СССР и черты, дифференцирующие их, также входят в круг вопросов прометеевских публикаций.

Политологическое наследие М. Чокая ждет своих исследователей: историков, политологов, журналистов, юристов. Важно отметить, что многие идеи и мысли, высказанные Мустафой Чокаем на определенные политические

события, опередили суждения и выводы последующих политиков и ученых-исследователей на несколько десятков лет. Язык и стилистика публикаций не потеряли со временем своей свежести, а логика изложения поражает сегодняшнего читателя своей стройностью и ясностью. Можно отметить, что в ряде случаев события рассматриваются с необычных ракурсов, приводя к неожиданным поворотам мысли, как например, аналитические материалы о сталинских судах над “врагами народа”.

Таким образом, эмиграция М. Чокая была вызвана сложившейся политической ситуацией в Туркестане и России. Принятию решения предшествовали многочисленные встречи с единомышленниками, как алашординцами, так и украинскими, кавказскими, татарскими, русскими политическими деятелями. На такой вывод наводит следующий факт. Украинские лидеры, эмигрировавшие в Европу, так же, как их туркестанские единомышленники, пошли на тактический коллаборационизм с Советами и внедрились в государственные структуры власти для того, чтобы иметь возможность проводить собственную национальную политику [104]. Из воспоминаний Марии Яковлевны также явствует, что пребывание супругов в Стамбуле было ожиданием сигнала к выезду в Европу [105].

Политологическое наследие М. Чокая ценно также тем, что является симбиозом осмысления исторического опыта как европейских, так и азиатских народов. Для Казахстана оно имеет особую значимость.

1. 2. МУСТАФА ЧОКАЙ КАК ТЕОРЕТИК ТУРКЕСТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В Париже Мустафа Чокай убедился в правильности решения мусульманских национал-коммунистов. Миссия, возложенная на М. Чокая, заключалась в том, чтобы раскрыть глаза мировой общественности не только на колониальную сущность советского режима, но, прежде всего, на ту угрозу, которую несет мировому сообществу нарождающийся тоталитарный режим в СССР. Для выполнения этой задачи он обладал всеми необходимыми качествами. В ходе первой встречи с представителями западной общественности М. Чокай дал определение целям и задаче туркестанского национального движения. В его сообщении, которое называлось “Цели и задачи туркестанского национального движения”, были изложены особенности движения, проистекающие из политологического анализа действий большевиков в период узурпации ими власти в Туркестане, а также последующий их социально-экономический курс в регионе.

Сообщение было подготовлено на французском языке, а приведенный ниже текст является его переводом, сделанным автором настоящей работы.

“Национальное движение в Туркестане имеет свои характерные особенности. В период создания этого движения задача отделения Туркестана от России не ставилась. Националисты ограничивались лишь требованиями автономии, считая Туркестан частью России.

Руководители национального движения полагали даже, что вопрос о границах автономии должен быть определен решением Учредительного Собрания России.

Захват власти большевиками, отказ всех пограничных областей России, включая регион русского казачества, признать Советы во главе правительства и, наконец, прямое обращение советского правительства к мусульманам Туркестана с призывом скорейшей реализации их права на самоопределение вплоть до полного отделения от России — таковы причины, побудившие нас к решению о формальном провозглашении автономии (25 — 29 ноября 1917 г.).

Роспуск Всероссийского Учредительного Собрания большевиками (5 января 1918 г.), создание внутренних фронтов гражданской войны и появление значительного числа претендентов на власть заставили нас сделать следующий шаг — перейти от формальной автономии к автономии реальной, сохраняя при этом связь с Россией как государством и даже правительством Советов на случай, если Советы удержат власть.

Мне представляется важным указать причины, заставившие Туркестан сохранять свою ориентацию на Россию. И это в тот момент, когда другие пограничные страны, имеющие более тесную связь с Россией (общие истоки культуры и единая религия) и стоящие к России по составу населения ближе, чем Туркестан, поспешили одна за другой объявить о своем окончательном отделении от бывшей метрополии. Основных причин две и они следующие.

1. Туркестан в начальный период своего независимого существования, не имея опыта организации, мог легко стать местом концентрации русских реакционных сил, которые по своей природе испытывают ненависть к Туркестану. Эта ненависть проистекает из их колонизаторской сущности и духа господства.

2. Существовала опасность того, что новорожденный национализм мог быть использован воинствующей панисламистской пропагандой и, как следствие, Туркестан мог сойти с пути демократического национализма на путь псевдоисламского шовинизма.

С этой точки зрения надо было быть тем более осторожным, так как в соседнем Афганистане “делегат от немецкого правительства” профессор Мухамед Баракатулла, индусский мусульманин, развернул деятельность по пропаганде воинствующего ислама, а с другой стороны, Бухара со своим вековым фанатизмом могла стать полем действия этой пропаганды.

Но настоящая опасность появилась именно оттуда, откуда ее меньше всего ожидали. Очагом этой опасности стала сама власть Советов. Она раздавила мирное движение автономистов и установила в Туркестане жесткий режим репрессий в отношении националистов. Советское правительство проводило везде такую политику и применило ее в Туркестане, прикрываясь необходимостью пропагандистской политики, нацеленной на Восток. Избрав Туркестан центром этой пропаганды, советское правительство неизбежным

образом вошло в конфликт с собственной теорией о самоопределении Туркестана вплоть до отделения от России.

Если раньше туркестанские националисты опасались того, что воинствующий панисламизм может повернуть страну на путь псевдоисламского шовинизма, то теперь мы являемся свидетелями того, что территория Туркестана используется советским правительством для развертывания милитаристской пропаганды на Восток в ущерб жизненным интересам Туркестана, нисколько не считаясь с национальными правами местного населения.

В итоге страна понесла большие потери. Это около 1,5 млн. жертв (только лишь мусульман) блокады, организованной Советами; почти полная ликвидация промышленности баснословно богатой страны; резкое падение до катастрофического уровня животноводства, являющегося одной из главных отраслей экономики страны.

Ответом на такую политику большевиков стало усиление в стране националистического движения.

Идея автономии ушла в небытие уже в начале 1920 г. Конспиративные националистические организации пытались неоднократно открыто представить свои политические требования, которые были таковы:

- 1) вывод частей Красной армии из Туркестана;
- 2) запрет на экспорт из страны продовольствия, в котором нуждается сам Туркестан, кроме случаев, когда речь идет об обмене на равные по значимости товары;
- 3) снятие запрета на призыв в армию туркестанцев, прием туркестанцев на службу в сферах железнодорожного транспорта, почты и телеграфа;
- 4) замена Советов рабочих и солдатских депутатов Советами народных депутатов Туркестана.

Эти требования исходили не только от официальных кругов националистов, но и от всего мусульманского населения. Те же требования предоставления реальных свобод в отношении Туркестана были выдвинуты на Съезде народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. делегатом Нарбутабековым, не состоящим ни в какой партии и далеким от нынешних националистов Туркестана, но представлявшим мнение большинства населения Туркестана.

Заявление делегата Туркестана, рассказавшего правду о советской политике "освобождения", стало одной из главных причин отказа большевиков созывать в будущем съезды народов Востока.

Наконец, в начале прошлого года мусульманские коммунисты опубликовали в издаваемом ими в Ташкенте журнале под названием "Инкляб" ("Революция") требование о предоставлении экономической свободы Туркестану, которая должна быть необходимой основой свободы политической.

Таким образом, можно сказать, что идея свободного и независимого Туркестана, содержащаяся в программе Туркестанского национального движения, в одинаковой степени популярна во всех слоях населения

страны, как в официальных кругах националистов, так и мусульманских коммунистов.

Борясь за осуществление своих идеалов, Туркестан далек от мысли обращаться за помощью извне. Население Туркестана не намерено также просить дипломатического вмешательства со стороны какой-либо европейской либо азиатской страны в отношении между Туркестаном и советской Россией.

Такова программа руководителей туркестанского национального движения со времени его зарождения. Исходя из этой программы, мы отвергли в 1918 г. проект обращения к туркам с просьбой об оказании помощи мусульманскому населению Туркестана. Этой точки зрения мы придерживались и тогда, когда часть Туркестана — Закаспийская область — была оккупирована англичанами, которые затем оказались в роли разведчиков русских реакционных кругов.

Задача туркестанских националистов — это внутренняя организация страны. Эту проблему можно считать решенной.

В то же время туркестанские националисты считают главным показать во всей полноте противоречия, содержащиеся в самой политике Советов в отношении Востока: теория классовой диктатуры в стране, где нет и в помине идеи сепаратизма и классовых различий, неизбежным образом приведет к взаимной ненависти и развалу экономики страны.

Политика Советов в Туркестане, Бухаре, Хиве и Киргизии обилует многочисленными примерами, подтверждающими наш тезис. Эта живая политика должна стать известной во всех странах мусульманского Востока, где освободительные идеи Советов находят еще своих сторонников.

Первая цель, которую ставят националисты Туркестана, — это положить конец использованию Туркестана Советами в качестве плацдарма советской пропаганды на Восток. Туркестанские националисты намерены использовать все свои моральные и материальные силы на формирование в Туркестане духа здорового национального демократического государства. До тех пор пока Туркестан будет пребывать в роли моста, через который большевики экспортируют свои псевдоосвободительные идеи, эта цель националистов Туркестана не может быть достигнута.

Именно поэтому главная проблема туркестанского национально-освободительного движения заключается в очищении Туркестана от мировой пропаганды, распространяемой Советами на Восток.

Попытка представителей Туркестана провести свои требования на бакинском съезде, закончившаяся тем, что большевики отказались созывать впредь съезд мусульман Востока, доказывает, что путь, избранный туркестанскими националистами, верен.

Избрав такой метод борьбы, а также следуя проводимому в настоящее время курсу, Туркестан надеется внести свою лепту в дело мира во всем мире" [106].

Из вышеприведенного текста Мустафы Чокая становится ясной причина усиления в Туркестане движения националистов: оно было спровоцирова-

но действиями большевиков, повлекшими неслыханные жертвы (около полутора миллионов умерших от голода, полный развал экономики). Требования предоставления реальных свобод, выдвинутые не официальными кругами националистов, а мусульманским населением, были Советами проигнорированы. Вместо этого, поправ права коренного населения, большевики превратили Туркестан в плацдарм пропаганды мировой революции. Нужды и чаяния мусульманского населения легли в основу программы руководителей туркестанского национального движения. Первостепенной задачей джаидов стала борьба против советской пропаганды, которая велась из Туркестана. Для ее решения, по глубокому убеждению руководителей национальных организаций Туркестана, работа должна была проводиться как внутри страны, так и за ее пределами. По этой причине эмиграция М. Чокая в Европу обозначила новый этап туркестанского национального движения, заключавшийся в разделении движения на две ветви. Зарубежную ветвь движения возглавил М. Чокай. Внутренняя ветвь движения в лице руководителей партии "Алаш" и других единомышленников Мустафы Чокая продолжала действовать в Туркестане, поделенного большевиками волюнтаристским образом на несколько административных единиц.

Общая политическая платформа, разработанная туркестанскими национальными организациями, — это демократический национализм, не имеющий отношения ни к пантюркизму, ни к панисламизму.

В ходе сотрудничества в Париже с русской периодической печатью Мустафа Чокай убедился в том, что русские эмигрантские круги не разделяют эту позицию туркестанских националистов.

"Мустафа стоял на позициях единения народа Туркестана, — пишет в своих мемуарах Мария Яковлевна. И русские знали его таким. Русские националисты не хотели считаться с тем, что в составе русской империи есть народ Туркестана и другие народы нерусского происхождения. Это задевало честь Мустафы. По этой причине в 1923 г. он порвал с русскими демократами и русской периодической печатью".

Реализация международной части программы национальных организаций Туркестана предполагала налаживание сотрудничества с политическими деятелями Запада, что удастся М. Чокаю благодаря журналистской работе. В марте 1923 г. он направляет депутату Жеб Жеральду материал, сопроводив его следующей запиской:

"Париж, 15 марта 1923 г.

Господин Председатель, по Вашей просьбе я передал г-ну Эдуарду Краковски обзорный материал относительно политики России и Туркестанского национального движения.

Я попытался в общих чертах изложить то, что Франция могла бы предпринять в Туркестане с политической и экономической точек зрения.

Я был бы Вам признателен, если бы Вы по прочтении данного обзора рекомендовали лиц, которых этот вопрос интересует непосредственным образом.

Если у Вас появится необходимость в дополнительной информации, а также в случае каких-либо возражений относительно содержания материала я остаюсь в Вашем распоряжении.

Примите, господин Председатель, мои уверения в высочайшем уважении к Вам.

Мустафа Чокаев" [107].

По сравнению с предыдущим материалом о национальном движении в Туркестане приводимый ниже более подробен и обширен. Предыдущий текст был подготовлен для устного восприятия и потому содержал краткое описание движения. Сообщение, приводимое ниже, предназначалось для чтения и анализа специалистами-политологами Франции и потому давало подробные сведения о Туркестане, российской политике и социально-политической обстановке в регионе.

"Туркестан: I. Политика России и туркестанское национально-освободительное движение.

II. Что Франция могла бы сделать в Туркестане"

Положение Туркестана по отношению к остальному мусульманскому миру

Туркестан занимает обширное пространство на юго-востоке Азии. Его территория превышает 1,5 млн. км². Он имеет общие границы с Китаем, Афганистаном и Персией. На юге узкая лента афганской территории отделяет его от Индии, тогда как на западе страна через Каспий сообщается с Кавказом и странами Закавказья. На северо-западе Туркестан соседствует с обширными степями Киргизии, которые выводят на территорию Башкирии и далее — территорию волжских татар.

Основными жителями Туркестана, население которого насчитывает 12 млн. человек, являются народы тюркского происхождения (казахи, киргизы, узбеки, туркмены), говорящие на общем тюркском диалекте. Туркестан — колыбель тюрков — является одновременно очагом самой древней арабо-персидской культуры, оставившей свой неизгладимый след в стране. Первые тюрки появились на исторической арене в VI в., а ислам проник в Туркестан в конце VII в. (Одним из первых распространителей ислама в Туркестане был двоюродный брат Магомета Хусан-ибн-Аббас, похороненный в Самарканде. Прим. М.Ч.)

В Туркестане была основана первая тюркская династия караханидов (Илк-Хаус). Сельджуки, потомками которых являются нынешние оттоманские турки, также являются выходцами из Туркестана. В Туркестане родился Султан Бабур (Тимурид), основавший в Индии Империю Великих Моголов. В Туркестане родился Абдулла-хан, основатель современного Афганистана.

Населенный мусульманами-суннитами, Туркестан в своем развитии испытал сильное влияние шиитской Персии и был связующим звеном двух основных ветвей ислама — шиизма и суннизма.

Историко-нравственные факторы, изложенные выше, объясняют исключительное положение Туркестана по отношению к остальному тюркскому и мусульманскому миру. С другой стороны, его географическое положение стало причиной того, что русское имперское правительство и сегодняшнее советское правительство избрали Туркестан базой для своих подготовительных акций с целью проникновения в лимитрофные мусульманские страны.

Завоевание Туркестана Россией

Проникновение русских в Центральную Азию началось в середине XIX в. В 1844 г. русские построили на берегу Аральского моря крепость под названием “Раимская”, ставшую отправной базой для продвижения внутрь страны. В 1884 г., через 40 лет после закрепления в крепости Раимская, они заняли город Мерв, расположенный на территории Туркестана в районе Закаспия, и на следующий год (1885) они аннексировали крепость Кушка на афганской границе. Границы между русским Туркестаном и Афганистаном в районе Памира были окончательно определены англо-русским соглашением от 27 февраля 1895 г. Из этого следует, что Туркестан в своих нынешних границах существует 28 лет, хотя он как четкая административная единица был сформирован в 1867 г., когда было завершено завоевание территорий, образующих нынешние Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую области.

Причины завоевания

В тот период, когда Россия приступила к захвату Центральной Азии, ее промышленность была развита недостаточно, и она не нуждалась в новых рынках сбыта. Настоящая причина русского проникновения в Центральную Азию заключалась в другом: она была связана с задачами ее политики колонизации. Перебрасывая крестьян из центральных областей империи в новые завоеванные регионы, Россия решала только свои внутренние проблемы и действовала, по сути, в интересах помещиков и дворян, считавших колонизацию наилучшим средством предотвращения волнений обнищавших крестьянских элементов, которых стало слишком много. Эта захватническая политика проводилась под прикрытием так называемой “исторической миссии России”, призванной якобы “нести западную культуру полудиким народам Востока”.

Экспроприация коренных жителей Туркестана в пользу русских переселенцев объяснялась “необходимостью защиты новых границ и укрепления авторитета и влияния России на аннексированных территориях”.

Колонизация Туркестана

Колонизация Туркестана русскими крестьянами была предпринята почти одновременно с его захватом. Если обычно завоевание какой-либо страны европейским государством сопровождается немедленным прибытием коммерсантов и промышленников, то в случае с Россией такая колонизация была увязана с нескончаемой теорией о крестьянах-переселенцах. Иногда даже само прибытие этих крестьян-переселенцев предварялось завоевательными акциями. Русская эмиграция в Туркестан началась с прибытия эмигрантов в Семиреченск. Только в период с 1847 по 1867 г. в Семиречье прибыли 15 тыс. русских переселенцев, затем в период с 1868 по 1882 г. их прибыло еще 25 тыс. В последующем эмигранты проникли в регионы Сыр-Дарьи, Самарканда, Ферганы и Закаспия. К началу XIX в. на территории Туркестана насчитывалось уже 326 русских колоний с населением в 248 500 человек. Каждый последующий год был отмечен прибытием в Туркестан тысяч крестьян из России. Увеличению числа прибывающих эмигрантов способствовал также и голод, свирепствовавший в России.

Этих цифр, относительно малоозначащих, недостаточно для того, чтобы понять истинный характер колонизаторской политики России. Колонизация Туркестана Россией проводилась без всякого плана, без изучения нужд местного населения, без определения объема незанятых земельных площадей.

В течение более чем двадцатилетнего периода жители Туркестана были незаконно лишены собственных земель только по решению местных правителей, без предъявления юридических санкций со стороны центральной власти. "Распределение земель переселенцам проводилось без каких-либо юридических оснований, — заявил князь Массальский, известный исследователь Туркестана. Вопрос был отдан на откуп податливой кучке заинтересованных кочевников (киргизов) и настойчивых представителей властей".

И даже тогда, когда в отношении русской эмиграции в Туркестане стали применяться законы и обычаи, данная реформа несколько не улучшила положение местных жителей, чьи интересы не были защищены. Напротив, закон давал право лишать местных жителей всех средств защиты либо протеста против самой экспроприации. Граф Пален, совершивший по приказу императора инспекционную поездку в Туркестан, описывает следующим образом "законные" методы работы колониальной администрации: "Сторонники политики колонизации предложили разрушить более 5100 постоянных зимовок киргизов и выгнать из них более 30 000 человек с тем, чтобы высвободить примерно 250 000 десятин (гектаров) орошаемых земель, на которых можно было бы обустроить примерно 6500 крестьянских ферм (из расчета 40 десятин на каждую ферму). С другой стороны, было обнаружено, что в Пишпекском уезде из 5395 участков, отданных в распоряжение переселенцев, были заняты лишь 2008 (т.е. примерно 38%). Оставшиеся 3387 были отвергнуты переселенцами как малопригодные

под нужды земледелия. Можно заключить, что открывается возможность дополнительного обустройства еще 2500 ферм на площади 250 000 десятин, т.е. для этого надо уничтожить в два раза больше казахских жилищ. Инспекция территорий, предназначенных для экспроприации, показала, что казахи везде перешли от кочевой к оседлой жизни на пастбищах и что они занимаются скотоводством без перемещения.

Так что проведение в жизнь проекта колонизации, т.е. перемещение казахских очагов, непременно образом приведет к их разрушению”.

По утверждению В. Васильева, исследователя Семиречья, у казахов были отобраны главным образом плодородные земли, а им были оставлены полупустынные степи и горы (см.: Васильев В. Район Семиреченска в качестве колонии. М., 1915 г.).

Трудно установить сейчас точные цифры, определяющие объем площадей, отобранных у коренных жителей Туркестана в пользу русских поселенцев. К 20-м годам XX в. этот объем вырос более чем на полмиллиона десятин орошаемых земель. Если добавить к ним площади в 610 481 десятину, отданные семиреченским казакам, то общая сумма составит 1,5 млн. десятин.

Чтобы осознать истинный смысл этих цифр, необходимо сравнить, с одной стороны, объем площадей, отобранных у коренных жителей Туркестана с общим объемом орошаемых земель, с другой стороны, — численность русских переселенцев с численностью мусульманского населения, занятого земледелием.

По данным того же князя Масальского (см.: Князь Масальский. Страна Туркестан. Петербург, 1913), общая площадь орошаемых земель в пяти областях Туркестана составляет примерно 2 808 000 десятин. К тому же около 1 500 000 десятин составляют неорошаемые, но пахотные площади (называемые еще “бахари”), что в итоге составляют 4 308 000 десятин.

Таким образом, мусульманское население Туркестана, занятое земледелием, достигающее по численности 5 млн. человек, располагает 2 808 000 десятинами (4 308 000 десятин — 1 500 000 десятин = 2 808 000 десятин), тогда как 300 000 переселенцев и казаков имеют в своем распоряжении 1 500 000 десятин.

Надо отметить также, что мусульмане сами проводили орошение земель, а земли, орошаемые усилиями государства, отдавались исключительно русским (например, земли, “названные голодной степью”, с одной стороны, и территория Байрам Али, являвшаяся личной собственностью императора, — с другой).

Последствия политики колонизации

Такая политика колонизации в результате не только задержала процесс стабилизации кочевых казахских племен, но, загнав в степи и оседлые племена, увеличила число кочевников. Этот факт позволяет увидеть в новом свете “цивилизаторскую миссию” имперской России в Туркестане.

С другой стороны, этот способ экспроприации, “проводимый без каких-либо юридических оснований, а лишь по воле представителей правительства”, не способствовал появлению у коренных жителей чувства равенства.

Жители Туркестана, лишённые возможности защищать свои права на основе законности, были вынуждены в период обострения “решительной” активности властей искать убежища в Китае (Монголии) либо в отдалённых степях Хивинского и Бухарского ханств.

Неудивительно после этого, что европейская культура, представленная в Туркестане Россией, стала в глазах народа синонимом оголтелого насилия, нацеленного на разрушение мусульманского очага в Центральной Азии.

Мусульманам было категорически запрещено участвовать в управлении страной, они не могли, даже в порядке исключения, занимать какие-либо административные должности. Коренные жители пребывали под постоянной угрозой статьи 64 “Правил управления Туркестаном”, предоставлявшей администрации право брать под арест всякого без предъявления юридических санкций, без указания причин ареста.

Мусульмане не призывались в ряды русской армии, а неоднократные ходатайства перед центральными властями по этому поводу не дали никаких результатов. В последний раз этот вопрос был поднят в 1913 г. Русское правительство в лице военного министра генерала Сухомлинова ответило мусульманам Туркестана категорическим отказом под предлогом того, что их допуск в армию несовместим с цивилизаторской миссией России в Азии из-за возможных конфликтов с Китаем, Афганистаном и т.д.

В сфере промышленности мусульмане допускались к работе только в качестве чернорабочих, а в сферу железных дорог, почты, телефона, телеграфа путь им был наглухо закрыт.

Производство хлопка, сосредоточенное исключительно в руках мусульман, составляет основной источник богатства Туркестана. Эта отрасль промышленности была скомпрометирована спекулятивными методами, бывшими в почёте в период закупа хлопка и сильно ущемлявшими экономические интересы населения.

Именно в сфере народного образования ярким образом проявила себя “историческая миссия России как представительницы европейской цивилизации в Центральной Азии”. Однако результаты ее деятельности в этой области также не были удачны. К началу революции 1917 г. во всем Туркестане, включая Хиву и Бухару, насчитывалось примерно 400 школ, в которых обучались 30 000 учащихся, а из них лишь 20% составляли мусульмане. Этот процент, который к настоящему времени сильно сократился, относится лишь к начальным школам (около 200 школ), добрая половина которых содержится на средства коренного населения.

Как особый факт можно отметить то, что управление государственными заведениями по подготовке учителей смешанных начальных школ в Туркестане было доверено человеку, известному своим крайне нетерпимым отношением к мусульманской религии и убеждением в том, что, с точки

зрения миссии русских на Востоке, применение к мусульманам методов европейского обучения наносит только вред. С другой стороны, мусульманам было запрещено открывать даже на свои собственные средства начальные школы с обучением на родном языке с применением новых педагогических методов. Коренные жители обучались в старых религиозных школах, число которых составляло примерно 7000, а число учащихся в них — 100 000.

Разумеется, нельзя отрицать того, что с завоеванием Туркестана Россией он стал открыт для европейской цивилизации, но потребление благ этой цивилизации стало если не полностью недоступным для мусульманского населения, то, по крайней мере, доступным лишь в той мере, в какой оно совместимо с ролью, отведенной населению в экономической и политической жизни собственной страны.

Таким образом, “историческая миссия России как представительницы европейской цивилизации на Востоке” имела следующие последствия:

- в политической сфере установила режим несправедливости и произвола:

- в области народного образования стала тормозом в преодолении естественной тяги послушного народа к образованию:

- в экономической сфере — незаконно лишила коренных жителей земель, которые они потом и кровью отвоевали у пустынь;

- задержала и без того затянувшийся процесс перехода кочевников к оседлой жизни; способствовала экономическому развалу страны, при этом привела класс мелких производителей и земледельцев к обнищанию.

Нам казалось, что революция 1917 г. сможет убрать все препятствия, мешающие внутреннему сближению мусульманского Туркестана и России.

Однако отношение местных органов власти русского Временного правительства, равно как Советов, убили у мусульманского населения страны всякую надежду на обретение равенства в правах с русскими. Новая революционная Россия унаследовала у Российской империи “цивилизаторские” методы в отношениях с азиатским Востоком. Она сделала все, чтобы сохранить за русским населением Туркестана все прежние преимущества под предлогом “необходимости защиты прав и интересов революции”, будто эти интересы отличны от прав и интересов большинства населения Туркестана.

Две причины нравственного порядка не позволили мусульманам Туркестана, составляющим 97% от общего числа жителей, противопоставить русскому революционному шовинизму программу чисто национального характера в тот момент, когда представители других национальностей империи начали отстаивать свои права и даже отчасти проводить в жизнь собственные программы. Это, прежде всего, чувство сдержанности, которое особенно необходимо проявлять в период появления угрозы военных действий. А также убежденность в том, что Всероссийское Учредительное Собрание исправит ошибки переходного периода, предоставив Туркестану в соответствии с его волей автономию в рамках Российской республики.

Туркестан под властью большевиков

С приходом к власти большевиков Россия вышла из войны, но война обрела характер “внутренней”. Была отброшена сама идея созыва Учредительного Собрания, а съезд Советов узурпировал всю власть. Сразу же после созыва съезда Советы провозгласили на территории прежней России “Союз равноправных национальных советских республик” и предложили представителям различных национальностей нового государства “самим определить форму своего управления”. Что касается Туркестана, то к нему правительство Советов проявило особую предрасположенность. Однако на практике политика большевиков в Туркестане оказалась диаметрально противоположной программе, изложенной в их заявлениях. Советы рабочих и солдатских депутатов, которые еще до большевистского переворота мало заботились о правах местного населения, как только в октябре оказались у власти, полностью их игнорировали. Мусульманские национальные организации, объявленные “свободными и неприкосновенными” в соответствии с постановлением революционных властей, были разогнаны. Лица, которые ни по биографии, ни по моральным качествам не могли представлять идеалы освободительной революции, вдруг очутились у власти. Участь Туркестана с мусульманским населением оказалась в руках кучки вооруженных людей.

Многочисленные попытки привлечь внимание центральной советской власти к вопиющему противоречию между заявлениями и политикой, проводимой их представителями на местах, не дали никаких результатов. Мусульманам Туркестана пришлось своими собственными средствами решать проблемы их политической жизни.

Движение автономистов Туркестана

25 ноября 1917 г. в Коканде открылся Чрезвычайный съезд мусульман Туркестана. На съезде была принята следующая резолюция: “IV региональный съезд мусульман Туркестана, собравшийся на внеочередную сессию, выражая волю народов, проживающих в Туркестане, относительно автономии на принципах, провозглашенных Великой русской революцией, объявляет Туркестан автономной территорией в составе демократической федеративной Российской республики. Съезд делегирует Учредительному Собранию Туркестана право закрепить форму названной автономии. Учредительное Собрание должно быть созвано в возможно кратчайшие сроки. IV съезд торжественно заявляет, что права национальных меньшинств, проживающих в Туркестане, будут строго соблюдены”.

Съезд избрал Национальный Совет и правительство, которые должны были связаться с центральными властями и сообщить им об объявлении автономии. Однако региональные съезды мусульманских землевладельцев направили телеграммы советскому правительству, объявив о том, что

“автономное правительство Туркестана как законный представитель страны является единственным полномочным органом, с которым отныне необходимо решать все вопросы, относящиеся к Туркестану”.

Правительство Советов против Туркестанской Автономии

Правительство Советов ответило, что “мусульманские трудящиеся должны сами свергнуть незаконное правительство туркестанских большевиков вместо того, чтобы просить вмешательства центральных властей” (см.: Чайкина “История русской революции”, М., 1922 г.).

Но одновременно оно направило своим представителям в Туркестане приказ о немедленном подавлении движения автономистов вооруженным путем. Приказ был исполнен большевиками в первые дни февраля 1918 г. с такой редчайшей жестокостью, что ей нет аналога в истории русской гражданской войны. Коканд — самый богатый город страны — столица Туркестанской Автономии, центр национального движения и резиденция национального правительства, был предан огню и мечу. Более 12 000 мусульман были уничтожены.

После падения национального правительства в Туркестане разразилась гражданская война. Она продолжается и сейчас. Таким образом, Туркестан является в настоящий момент единственным регионом большевистской России, где идут военные действия.

Блокада и ее последствия

В борьбе против мусульманского населения Туркестана советское правительство, не колеблясь, прибегло к неслыханному и никогда ранее не использованному средству: оно объявило блокаду. Воспользовавшись тем обстоятельством, что Туркестан использует часть пахотных земель под хлопок и вследствие этого закупает зерно, советское правительство прекратило поставку хлеба, который доставлялся железнодорожным транспортом. Председатель “комиссии по голоду” большевик Рыскулов, казах, докладывал, что большевистские “местные Советы и даже Совет Ташкента отстранились от борьбы с голодом”. (Отчет о пленарном заседании Комиссии по голоду и ЦИК Туркестана от 12 ноября 1919 г. См.: Сафаров Г. Колониальная революция. Опыт Туркестана. М., 1921).

Предложение этой же комиссии обложить налогом класс имущих в пользу голодных мусульман было отвергнуто советским правительством.

Георгий Сафаров, личность, известная в большевистских кругах, совершив инспекционную поездку в Туркестан по поручению центральных властей, доложил следующее. “Бедное мусульманское население Туркестана, отторгнутое от всякого участия в управлении страной, лишено хлеба... Новый город (русские кварталы) подвергает голоду старый город (мусульманские кварталы) и кишлаки (мусульманские деревни) и вводит там

режим реквизиции и конфискации. По этой причине происходит массовая смерть мусульман, которые не в силах бороться с голодом" (см. Сафаров Г. Колониальная революция. Опыт Туркестана. М., 1921).

В результате блокады мусульманское население понесло потери, которые, по официальным данным, только за период 1918 — 1919 гг. выражаются в чудовищной цифре — 1 114 000 погибших (см.: Статистические данные Высшего экономического совета Туркестана. 1919 г.).

Практические результаты русской политики в Туркестане

Самые точные сведения о политике Советов в Туркестане можно найти в большевистских газетах Туркестана.

Газета "Известия" от 7 июня 1919 г. публикует следующий фрагмент резолюции конференции мусульманских коммунистов, состоявшейся летом 1919 г.: "Менталитет, сформированный царским режимом у руководящего и привилегированного класса Туркестана (т. е. русских), все еще сохраняется. Даже сегодня вызывает удивление то пренебрежение, с которым лица, называющие себя коммунистами, относятся к коренному населению, обращаясь с людьми как с рабами. В Ферганской области советская власть не только ничего не предпринимает против разбоев и грабежей, а скорее потворствует им. Более того, там занимаются преследованием мусульманского населения и даже мусульманских коммунистов".

Если мусульманские коммунисты осторожны в выборе выражений, опасаясь обвинений в национализме, то русский коммунист Георгий Сафаров, свободный от этого, высказывается в газете "Правда" от 20 июня 1920 г. совершенно открыто: "Неравенство в правах европейцев и мусульман в Туркестане проявляется на каждом шагу. Даже сегодня здесь полагают, что только русские могут проводить диктатуру пролетариата в Туркестане. В Перовске (город в Сыр-Дарьинской области) свирепствовал некий Гержо, пользовавшийся беспредельной властью. Он выгнал с родных мест целый казахский род, что повлекло смерть 1 млн. человек. Русская коммунистическая партия и советская власть выгоняют казахов с насиженных мест, применяя не только силу, но и убивая их днем и ночью".

Тот же Сафаров, кстати, пишет: "В 1917, 1918, 1918 годах ради того, чтобы завладеть землей, казахов сжигали заживо. Либо устраивалась травля местного населения, либо казахов обрекали на медленную смерть". (Газета "Правда" от 20 мая 1922 г.).

То, что такие действия были частью политики массового угнетения мусульман, проистекает из свидетельства все того же Сафарова: "Русская советская власть в Туркестане, которая воспринимается как чуждая и враждебная мусульманскому пролетариату, находит самым неожиданным образом поддержку у армянской буржуазии (дашнаков), черносотенцев, русских функционеров и даже русских попов".

“Когда в первые дни революции, — говорил Нарбутабеков, делегат Туркестана на съезде народов Востока в Баку в сентябре 1920 г., — большевики провозгласили принцип самоопределения народов, мы им поверили. Но что же происходит в Туркестане в последние три года? Правительство Советов заявило: “С этого дня вы свободны в ваших вероисповеданиях и обычаях. Они неприкосновенны”. Но приходят мусульмане и говорят, что попирается их вера, что им запрещают молиться и даже хоронить близких в соответствии с обычаями и предписаниями их религии. “Мы просим, чтобы принципы свободы, равенства и братства соблюдались в реальной жизни, а не на бумаге”.

Мусульмане и Красная армия

Мусульман в армию не берут, так как, став вооруженной силой, они не преминут завладеть преимущественным влиянием в местных Советах, что несовместимо с “освободительной миссией” советского правительства.

Вопрос рабочих

Так же, как и при прежнем режиме, работа в сфере железных дорог, почты, телеграфа и трамвая запрещена мусульманам. Если они и допускаются, то только в качестве чернорабочих. Кадровый состав этих служб так же, как и промышленных предприятий, набирается в России. Из-за этого мусульмане вынуждены искать работу в китайском Туркестане либо пополнять ряды мятежников. (См. Инклаб, 1922. Февраль. Ташкент).

Народное образование

В этой области положение хуже, чем до революции. На XI съезде Советов (декабрь 1922 г.) председатель советского правительства в Туркестане констатировал, что число школ не превышает 311. “Власти отказываются давать бумагу, необходимую для печатания учебников для мусульманских школ”, — пишет ташкентская газета “Кызыл байрак”. Та же газета сообщает, что мусульмане, недовольные образованием в большевистских школах, так как дети не могут научиться в них ни читать, ни писать, обратились с просьбой об открытии прежних, религиозных, школ. Эти школы с недавних пор открыты, и теперь в них много учащихся.

Пресса

При старом режиме мусульмане Туркестана не могли и мечтать о своей национальной прессе. Единственная газета, выходившая на языке сартов (узбеков — Б.С.), печаталась в канцелярии генерал-губернатора Туркестана. Ее редактором был некий Остроумов, ярый враг мусульман. Революция вызвала сильное оживление прессы. Большевики дали разрешение только на издание партийных газет, но даже это разрешение было обставлено почти

непреодолимыми препятствиями. Газета “Кызыл байрак”, названная выше, и газета “Зеравшан”, выходившая в Самарканде, жаловались на то, что большевики либо отказываются выдавать бумагу, либо выдают ее в недостаточном объеме. Во всем Туркестане нет ни одной ежедневной газеты на местном языке. Все регулярно выходящие газеты являются партийными органами и носят чисто официальный характер. Самый большой тираж этих газет достигает 3000 экземпляров.

Экономический развал Туркестана

Экономической жизни Туркестана нанесен серьезный удар. Даже в сравнении с центральными регионами России. По статистическим данным центральных советских органов, имеющих отношение к народному хозяйству Туркестана, в 1919 г. в Семиреченской области насчитывалось 4 292 000 голов скота вместо 13 342 000 в 1915 г.

Общая площадь земель, отданных под выращивание хлопка, сократилась в 1922 г. с 680 000 десятин до 52 152 десятин (все данные взяты из материалов XI съезда Советов Туркестана). К 1923 г. из 840 промышленных предприятий работали только 68. Все остальные были закрыты. Еще более тревожный факт: оросительная система, очень важная для страны, сильно разрушена, в результате чего сильно сократилась площадь орошаемых земель. В Ферганской области, к примеру, эта площадь в 1922 г. сократилась с 610 000 десятин до 249 000 десятин. В других регионах Туркестана сокращение имеет место в тех же объемах.

Голод в Туркестане

Цифры, приводимые ниже, не отражают всей полноты катастрофы.

По данным туркестанских газет, в стране свирепствует лютый голод. Так же, как и в 1918, 1919 годах, Туркестан почти полностью изолирован. Никакой помощи извне нет. В Ферганской области, например, которая больше всех испытала на себе голод, налогообложение в 1922 г. выросло на 109% по отношению к предусмотренной норме, но даже при этом власти надеются довести эту цифру до 120%. Выручка от налогов используется не в пользу голодного мусульманского населения, а в частных целях советского правительства.

Газета “Туркестан”, орган ЦИК Туркестана и местной коммунистической партии, в своем номере от 16 декабря 1922 г. уточняет: “Наманганский район Ферганской области меньше всего испытал на себе голод. Положение, в котором находится район, таково, что Наманган способен помочь нам дать представление о страданиях, перенесенных мусульманами в других областях Туркестана. Так, в 1922 г. в указанном районе проживало 190 675 человек, в предыдущем 1919 г. проживало 230 880, а в 1914 г. — 303 790. Людские потери за один 1921 г. составили 40 205 человек”.

В 1920 г. коров и лошадей в районе насчитывалось 31 576 голов, в 1914 г. — 86 866 голов, а к 1922 г. их осталось 26 177.

За один 1921 г. исчезли 5399 голов скота, которые были либо забиты в период голода, либо исчезли в результате падежа.

В 1920 г. посевная площадь была равна 71 765 десятин против 134 365 десятин в 1914 г. А к 1922 г. район располагал лишь 60 000 десятин посевных площадей. Потеряно, таким образом, 11 765 десятин.

Никакой помощи не оказывалось властями, которые лишь ограничились открытием нескольких столовых для голодных мусульман, но работа этих столовых оставляет желать лучшего. Из-за отсутствия помощи больные обречены на медленное угасание”.

Таковы официальные данные о районе, который считается наименее пострадавшим от голода в Туркестане. Большевики не пропускают никакой помощи извне, ни со стороны American Relief Administration, ни со стороны Comité de Secours aux Russes .

Когда Советы обратились за помощью к зарубежным странам, они ни слова не сказали о голоде в Туркестане. Поэтому неудивительно, что Туркестан не фигурирует в Женевском “Докладе об экономическом положении в России в связи с голодом 1921 — 1922 гг. и о ситуации в области земледелия”, опубликованном Лигой Наций.

Туркестан ревниво оберегается большевиками от пытливых глаз со стороны. Причина этого в том, что, вопреки внешне мирному характеру своей политики в отношении западных капиталистических стран, большевики избрали Туркестан полигоном для своей политической деятельности, направленной против европейских владений на Востоке.

Настоящее сообщение достаточно характеризует политику советской власти в Туркестане. Как можно заключить из итогов нескольких лет, она представляется более опасной и вредоносной в отношении мусульманского населения в сравнении с политикой царской России. Российская империя предусматривала эксплуатацию Туркестана в интересах русской нации, и эта политика имела свою логику, враждебную и неприемлемую для коренных жителей, но понятную с позиции русификаторской миссии, на которую претендовала Россия.

Этого нет в случае с советской администрацией. Правительство Советов после провозглашения России “Союзом равноправных социалистических республик” призвала мусульман Туркестана самим определить свой политический строй и высказаться либо за союз с Россией, либо за полную независимость страны. И при всем при этом Россия стала на практике применять политику угнетения. Нынешняя политика России лишена всякой логики либо какой-либо руководящей идеи. Это политика бесконечного обмана.

Если власть в стране отказывается помогать умирающему от голода народу и запрещает всякому в оказании такой помощи, если “освободительная армия III Интернационала” грабит и истребляет мирное население, если устраи-

вается травля мусульман Туркестана с целью захвата его территориальных богатств, если его народу отказывают в получении образования, то мусульмане Туркестана вправе считать такую власть в лице русского советского правительства враждебной и угрожающей самому существованию народа, как физическому, так и морально-политическому.

Стремление Туркестана к независимости

Политика колонизации и русификации, проводившаяся Российской империей, вольные или невольные ошибки Временного правительства и, наконец, неслыханная доселе политика угнетения, проводимая ныне советским правительством, составляют весь комплекс причин, которые убедили мусульман Туркестана в необходимости переориентировать свою программу, заменив задачу достижения автономии задачей достижения национальной независимости. Разумеется, несмотря на их исключительную тяжесть, это причины внешнего порядка и можно было бы не спешить ставить вопрос о независимости Туркестана, однако пробуждение национального сознания началось при первых же контактах населения Туркестана с русским населением, проявившим нетерпимость к коренным жителям.

Географическое положение Туркестана, как говорилось выше, делает эту страну удобной базой для оказания "влияния на лимитрофные страны" (Персию, Афганистан, китайский Туркестан и в определенной мере — Индию).

Эта политика, развернутая в Туркестане Российской империей и продолженная советским правительством, способствовала в итоге превращению Туркестана в укрепленный лагерь, где население стало жить в режиме военной оккупации.

Российская империя, убежденная в том, что она выполняет свою "историческую миссию", преследовала химерические планы по завоеванию Индии. Первый этап в реализации этого плана — это закрепление своей власти на территории Туркестана, откуда советская Россия ведет свои действия, прикрываясь именем мировой революции. В рамках этого плана Туркестану отведена роль жертвы в политической игре.

Туркестан стремится к обретению самостоятельности и не желает быть зависимым от политики на Востоке, пробудившемся от векового сна. Туркестан не желает также оставаться пассивной страной и служить кому бы то ни было ареной интриг и средством устрашения.

Страна сказочных богатств Туркестан хотел бы строить нормальные отношения со всеми государствами. В начале своего независимого существования Туркестану не обойтись без помощи извне. Необходимы будут значительные капиталы для развития ирригационной системы на более чем 7 млн. десятин земли, представляющих собой территориальные запасы Туркестана для развертывания хлопководства. Это позволило бы ему соперничать в этой области с Америкой.

Разработка минерального сырья в Туркестане, включающего залежи нефти, угля и руды, также требует приезда предпринимателей и вложения капиталов.

II

Франция смело взялась за проведение активной политики на Востоке. Ее влияние в Турции, несмотря на события последних лет, остается значительным. Это влияние не только материальное, но и моральное и цивилизаторское, тесно связанное с интересами Франции в этой стране. Франция могла бы проявить подобный интерес и оказывать такое же влияние в Туркестане. Распространение французского влияния на Туркестан было бы благоприятно встречено мусульманским населением Туркестана, которое не считает, что Франция захочет когда-нибудь превратить их страну в укрепленный лагерь.

Французский капитал не служил бы орудием интриг и не представлял бы ни для кого угрозы, а стал бы мощным фактором мирного развития экономики Туркестана.

Что касается своего центрального положения по отношению к другим мусульманским странам и исторической роли, которую Туркестан сыграл в мусульманском мире, то Туркестан представляется как важная веха в мире Востока. Государство, которое распространило бы свое влияние на Туркестан, пользовалось бы одновременно влиянием и в других мусульманских странах.

Пока достаточно было бы внедрить настоящую программную идею и, если бы она была благоприятно встречена, с нею можно было бы ознакомить широкие массы мусульманского населения Туркестана. Нельзя не отметить, что на пути реализации этой идеи будут и трудности. Но центры национальных организаций, существующие за пределами Туркестана и связанные неразрывными узами со всеми регионами страны, могут найти верный способ, чтобы довести ее до ума и сознания нации.

С другой стороны, было бы необходимо распространить во всех мусульманских странах информацию относительно последствий политики Советов в Туркестане" [108].

Адресуя свои слова западной общественности, Мустафа Чокай рассказал об истории Туркестана, его исторической значимости и влиянии в регионе. Вместе с тем, он дал самую точную оценку политике большевиков, раскрыл причину того, что заставило национальные организации заменить задачу достижения автономии задачей обретения независимости.

Политика Советов привела в итоге к гражданской войне в регионе, которую большевики представляли миру как бунт бандитов-басмачей. А Туркестанская Автономия, провозглашенная в Коканде, была названа буржуазно-националистическим, пантюркистским государственным образованием, имевшим целью восстановление Кокандского ханства [109].

Термин “басмачество” появился в 1919 г. Как указывают узбекские исследователи, в туркестанском обществе “басмачи” — это народные заступники. Их лозунг гласил: “Туркестан — родина туркестанских народов. Изгоним врага с родины”. Басмаческое движение имело всенародный характер, охватив все слои населения: представителей духовенства, интеллигенции, дехкан, ремесленников, сапожников [110].

Что касается численности участников басмаческого движения, то узбекские историки со ссылкой на советские и зарубежные архивные источники называют цифру от 70 до 100 тыс. человек [111].

То, что басмачи не были на самом деле ни бандитами, ни разбойниками, признавали и сами большевики. В своей секретной депеше командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе в январе 1920 г. докладывал обстановку в Туркестане следующим образом: “Два с лишним года житница Туркестанского края Фергана является ареной кровавой борьбы. Местная советская власть в первое время своего существования сделала все возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население вместо привлечения к власти широких кругов рабочего и крестьянского населения. Вместо национализации производства шел открытый грабег не только буржуазии, но и средних слоев населения. Действовавшие здесь части красноармейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников революции и трудового народа в орудие насилия над ним. На этой почве и создалось то движение, которое известно под именем басмачества. Басмачи не просто разбойники. Если бы было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено” [112].

Такую же оценку обстановке в Фергане дают и нейтральные источники. Так, представитель французской военной миссии в Персии Жорж Дюкрок в своем донесении назвал репрессивные акции против повстанцев Ферганы “новым проявлением негибкой политики в отношении автономистских тенденций”. Далее он обрисовал сложившуюся обстановку так: “Когда начались волнения в этой плодородной провинции, по праву называемой Туркестанским раем, Колосов (один из представителей большевиков в Фергане — Б.С.) при поддержке рабочих и железнодорожников подавил бунт с энергичностью, напоминавшей действия русских генералов в Андижане. Заводы были разрушены, все промышленное богатство Ферганы было уничтожено. Самое деятельное участие в этих акциях принимал комиссар Осипов. Волнения не прекратились. Они продолжают и сейчас. Это вынуждает большевиков поддерживать в Фергане военные действия” [113].

Мустафа Чокай в статье “Керенский және Түркістандағы ұлттық қозғалыс” (“Керенский и национальное движение в Туркестане”) приводит конкретные факты бесчинств, учиненных большевиками в отношении коренного населения: “В результате “блокады” погибли 1 млн. 117 тыс. туркестанцев. На ноябрьской конференции 1917 г. большевики приняли решение не допускать туркестанцев к управлению Туркестаном. Русские

солдаты беспричинно предали огню и мечу мирные селения местных жителей. Русские мужики силой отобрали у туркестанцев их скот и лучшие пастбища. В ответ на обращение жителей с просьбой прекратить грабежи и бесчинства Сталин заявил, что это “вполне оправданные действия русского народа, который впервые в мире совершил пролетарскую революцию” [114].

Попытку правительства Кокандской Автономии восстановить утраченную туркестанскую государственность так же, как и правительства Алаш-Орды, провозгласившего Автономию Казахского края, следует расценивать как первые и самые яркие, после падения царизма, проявления национального возрождения демократическим путем тюркских народов российской Центральной Азии. Мустафа Чокай, возглавив Автономию, придерживался концепции единого Туркестана, которую последовательно развивали Бала-сагун, Навои, Жумабай [115].

Разгром автономий частями Красной армии спровоцировал подъем национально-освободительного движения.

Изучение опыта национально-освободительных движений современными исследователями привело их к выводам, имеющим универсальный характер и совпадающим со взглядами М. Чокая на природу и специфику туркестанского национального движения. Так, Ален Гандольфи выделяет два типа национально-освободительных движений в соответствии с их характером, целями и задачами:

1) если задачей движения является избавление своего народа от колониальной или микроколониальной зависимости, аннексии либо от какой-то другой формы господства, то оно квалифицируется как движение за национальную самостоятельность, за самоопределение (*libération-sécession*);

2) если же задачей движения является вооруженная борьба за захват существующей власти с тем, чтобы внедрить свою программу реформ и свою идеологию; если при этом выдвигаются лозунги “освобождения народа от внутреннего гнета и притеснения”, от “тирании одной личности” или режима, от господства какой-либо группы людей или социального класса, то речь идет о революции или терроризме (*libération-révolution*) в зависимости от того, каким оно окажется после достижения своей цели [116].

А. Гандольфи устанавливает ряд закономерностей структурного и содержательного плана, свойственных национально-освободительным движениям [117].

Национальное движение за самоопределение имеет целью восставление либо построение национального государства (*Etat-nation*) через разрыв с государством-предшественником, которое воспринимается как незаконное. Эта нелегитимность проистекает из колониального характера оккупации [118].

Средства достижения цели зависят от среды и обстоятельств, в которых живет и действует движение. Оно вынуждено адаптироваться к этим усло-

виям и не может обойтись без применения насильственных методов в достижении своей цели.

По структуре движение в большинстве случаев напоминает правительство какого-либо государства, даже если это правительство вынуждено временно находиться за пределами своей страны. Это своего рода политическое руководство в изгнании, которое должно быть вдохновителем борьбы, давать импульс не только движению, но и, по возможности и в идеале, более широким массам, стараясь вовлечь в него весь народ, всю нацию, ибо без поддержки народа движение теряет свой главный признак — национально-освободительный характер. Стратегия и способы действия движения диктуются самим характером противостояния. Поскольку национально-освободительное движение противостоит государству-колонизатору, более сильному и располагающему всеми легальными средствами для подавления движения, то задача последнего — избегать лобового столкновения. Национальное движение старается ослабить, дестабилизировать государство-колонизатор с тем, чтобы для начала достичь преимущества, а затем одержать окончательную победу, прибегнув к войне либо народному восстанию [119].

И, наконец, сказанное о национально-освободительном движении возможно реализовать лишь при наличии достойного лидера, вождя. Личность вождя должна отвечать определенным требованиям, обеспечивающим ему лидерство. Главное его качество — достижение харизматических масштабов, что абсолютно необходимо для придания энергии движению и ее поддержания [120].

С этих позиций народное сопротивление в Туркестане, названное басмаческим движением, может быть однозначно квалифицировано как стихийное движение за национальное самоопределение (*libération-sécession*). Оно не ставило задачу свержения власти в России, как это было в случае с вооруженными действиями большевиков, свергнувших Временное правительство. То, что было названо большевиками Октябрьской революцией, было не чем иным, как переворотом, имевшим характер террора.

Все эти положения о природе национальных движений подтверждают правильность политической оценки, данной Мустафой Чокаем событиям, имевшим место в Туркестане после падения царского самодержавия.

Для внесения ясности в понимание основных положений национальных движений представляется целесообразным дать определение терминов, которыми оперирует автор в ходе проводимого исследования.

Определения национально-освободительного движения, национализма, шовинизма и сепаратизма даны в результате анализа содержания трудов М.Чокая.

Эмиграция — это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну, вызванное экономическими причинами, национальной дискриминацией или политическими преследованиями [121].

Под национально-освободительным движением понимается общественно-политическая деятельность политических единомышленников, направлен-

ная на достижение независимости своего народа и восстановление утраченной государственности.

С понятием *национального движения* неразрывно связаны понятия *национализм, шовинизм и сепаратизм*. Поэтому в настоящем исследовании разграничиваются:

- *национализм*, обозначающий чувство патриотизма, любви к своей нации, к своим корням;

- *национализм* как обостренное чувство патриотизма, которое приобретает крайнюю форму в случае появления обстоятельств, представляющих угрозу существования какой-либо нации [122] ;

- *национализм*, обозначающий совокупность нациообразующих признаков — истории, языка, религии, культуры, традиций, т.е. основных элементов, объединяющих определенную социальную общность людей и выражающих их самобытность;

- *национализм*, который в условиях, предшествующих рождению самостоятельного государства, означает волеизъявление какого-либо сообщества, осознавшего свою индивидуальность, строить и развивать свое суверенное государство [123]. Этот тип национализма квалифицирован Мустафой Чокаем как демократический. Являясь убежденным сторонником демократического национализма, М. Чокай подчеркивал, что он не имеет никакого отношения ни к пантюркизму, ни к панисламизму и нуждается в защите от реакционных сил [124] .

От всех вышеназванных форм национализма следует отличать *национализм как политическую доктрину*, претендующую на решение проблем человечества, при которой главенствующая роль отводится одной определенной нации [125]. В этом значении национализм теряет свою демократическую сущность и перерастает в шовинизм, который Мустафой Чокаем определен так: “Шовинизм — это замыкание одной нации в собственных нуждах, предание забвению нужд других наций и подчинение их интересам одной единственной, для чего шовинистическая нация удерживает в своих руках всю полноту власти” [126].

Под *сепаратизмом* понимается деятельность, направленная на нарушение территориальной целостности государства, а часть территории, за отделение которой ведут борьбу сепаратисты, с точки зрения истории, языка, культуры, религии и традиций представляет собой неотъемлемую составляющую основного государства.

Таким образом, М. Чокай обосновал вынужденный отказ от идеи автономии в составе России и переориентацию ее на идею независимости, что по сути предполагает организацию национального движения. Политическая деятельность в новых условиях, т.е. в Европе, за пределами Туркестана, заставила Мустафу Чокая вновь осмыслить внутривнутриполитическую, экономическую и социальную жизнь населения Туркестана в поисках новых форм борьбы за национальное самоопределение. В свете этой задачи М. Чокай предпринял шаги, чтобы предать гласности истину о попрании Советами права народов

на самоопределение. В этот же период он занят решением таких теоретических проблем от политики, как :

- роль эмиграции в национальном движении;
- тюркское единство;
- взаимоотношения между властью и народом;
- народ, нация, национальное чувство;
- взаимоотношения между колонией и метрополией;
- национализм и шовинизм.

В дальнейшем все они найдут отражение в его выступлениях, статьях, эссе и книгах, написанных на разных языках. Пребывание в Европе позволяет ему изучить изнутри опыт формирования гражданского общества в передовых странах Европы, а его журналистские контакты — встречаться и обмениваться мнениями с представителями самых разных политических кругов.

Положения, изложенные в выступлениях Мустафы Чокая о национальном движении в Туркестане, полностью согласуются с современными теориями по данной тематике.

Изучение теоретико-методологических основ политологического наследия Мустафы Чокая показывает, что эмиграция в Европу обозначила новый этап в политической деятельности туркестанского лидера: его сообщения и доклады о ситуации в советском Туркестане и туркестанском национальном движении представляют собой анализ, основанный на научно-теоретическом осмыслении социального положения населения Туркестана и национальной политики большевиков. Оценка, данная М. Чокаем и деятелями Алаш-Орды событиям Октября 1917 г. в России, оказалась наиболее верной:

— во-первых, государственный переворот, совершенный большевиками, уничтожив первые ростки демократии, привнесенные деятельностью Временного правительства, заложил основы тоталитарного режима;

— во-вторых, полное игнорирование национальных интересов коренного населения, подавление самым жестоким образом национальных автономий, провозглашенных на территории Туркестана, отказ большевиков от любых форм сотрудничества с национальными организациями заставили туркестанских джаидов переориентировать задачи национального движения: задача автономии в рамках российского государства была заменена задачей борьбы за национальное самоопределение.

Впервые в истории национальных движений Туркестана Мустафа Чокай и его единомышленники-алашординцы приходят к идее о разделении движения на две ветви; М. Чокай не только закладывает теоретические основы национального движения, но и теоретически обосновывает роль и место эмиграции в национальном движении; деятели Алаш-Орды и их единомышленники из числа мусульманских национальных коммунистов разрабатывают теорию мусульманского национального коммунизма, практическим воплощением которой стало десятилетие их пребывания во властных структурах Советов, ознаменовавшее расцвет национальной культуры и науки на местах.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МУСТАФЫ ЧОКАЯ В ДВИЖЕНИИ “ПРОМЕТЕЙ”

2.1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПРОМЕТЕЕВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

По мнению российских авторов, прометеизм как внешнеполитический курс зародился в Польше до рождения движения “Прометей”, а именно — с приходом к власти Юзефа Пилсудского [127].

Они утверждают также, что прометеизм составил основу деятельности польских спецслужб, использовавших националистическую эмиграцию для реализации задачи “свержения советской власти, а в перспективе — расчленения России” [128]. В рамках этой программы польские службы якобы делали ставку на искусственное раздувание национализма среди нерусских народов СССР [129].

Оба утверждения — искусственное раздувание национализма и свержение советской власти — представляются необоснованными по следующим причинам.

В предыдущем разделе были приведены архивные документы, свидетельствующие о том, что национализм нерусских народов раздувался искусственно (начиная с 1918 г.) самими большевиками для того, чтобы поднять против капиталистического Запада угнетенные народы Востока и тем самым разжечь пожар мировой революции. Плацдармом для этой пропаганды, как указывалось, был избран Туркестан. Все это было также доказательно изложено в двух вышеприведенных выступлениях Мустафы Чокая, посвященных целям и задачам туркестанского национального движения.

Что касается намерения прометеевских деятелей якобы свергнуть советскую власть, то и это утверждение не имеет смысла в свете задач национальных движений: как отмечалось, сторонники этих движений в России добивались признания права наций на самоопределение и вовсе не свержения центральной власти в Москве.

Российские авторы считают также, что внешняя политика Польши “изначально строилась на идее коллаборационизма с врагами России, а в 1933 г. Польша стала первым государством (после Ватикана), которое официально признало нацистский рейх, обеспечив ему таким образом поддержку на мировом уровне” [130].

Говоря о врагах России, авторы называют нацистскую Германию. Отметим, что в тридцатые годы гораздо более тесные отношения (по сравнению с Польшей) с нацистской Германией поддерживал СССР, который наладил с рейхом интенсивное сотрудничество. Частые поездки в Германию советских военачальников, включая маршала Тухачевского, были привычным явлением. Сотрудничество велось в различных направлениях: экономическом,

военном, техническом, а также по линии спецслужб. Показательной в этом плане стала историческая роль белого генерала Скоблина, работавшего на советскую и немецкую разведки: в “деле Тухачевского” по указанию Сталина и с согласия руководства Третьего рейха “улики” против маршала были сфабрикованы совместными усилиями обеих сторон [131]. Другое свидетельство тесных контактов вождей запечатлено в передовице газеты “Правда” от 25 декабря 1939 г.: в ней цитируются слова Сталина, сказанные им в ответ на поздравление Гитлера по случаю шестидесятилетия “отца всех народов”, о прочности “дружбы немецкого и советского народов, которая скреплена кровью” [132].

Итак, двусторонние советско-германские регулярные обмены были привычным делом. Когда же дружбе Сталина и Гитлера пришел конец, то даже прошлые связи с Германией стали рассматриваться “отцом народов” как повод для преследования неудобных.

Таким образом, согласно утверждениям нынешних российских авторов, мишенью прометеизма был Советский Союз, целью — свержение советской власти, а инициатором, по их выражению, — “последовательный шовинист маршал Пилсудский”.

Не подлежит сомнению, что прометеизм был идеологией и политикой. Однако относительно целей и задач прометеизма трудно и даже невозможно согласиться с мнением вышеуказанных российских авторов.

Для аргументации нашей позиции представляется необходимым рассмотреть, как складывались отношения между Россией и Польшей до октября 1917 г., так как речь идет о двух государствах, одно из которых долгое время было подвластно другому. Польша в период с 1773 до 1919 г. трижды была объектом дележа лимитрофных государств, и во всех трех случаях участницей дележа была Россия. “В царстве Польском господствовала суровая и неумолимая национальная репрессия”, — пишет о жизни поляков в составе Российской империи в годы николаевского режима (1831—1855) Эразм Пильц [133].

Наибольшую угрозу существованию польской нации представляли так называемые “обрусительные эксперименты”, к которым Россия приступила в 1867 г. Автор очерка описывает их так: “Началось проведение в жизнь во всей ужасающей полноте системы беспощадного гнета в областях национальной, политической, общественной, экономической. Решено было обращаться с поляками как с врагами, не заслуживающими ни малейшего снисхождения, а культуру польскую, польское просвещение сровнять с землей, чтобы не осталось и следа” [134].

После окончания Первой мировой войны возрождение независимой Польши состоялось благодаря усилиям Польского национального комитета, базировавшегося в Париже, и известной Декларации президента США Томаса Вудро Вильсона, поддержанного премьер-министрами Франции, Великобритании и Италии [135].

Российские авторы В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев приводят в примечаниях к своей статье краткое содержание правовых актов, предшествовавших восстановлению государственности Польши. Они позволяют проследить логическую последовательность действий сторон:

— 16 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало воззвание к польскому народу, в котором впервые был поставлен вопрос о независимом польском государстве, но при условии его вхождения в военный союз с Россией;

— “7 февраля 1918 г. на мирных переговорах в Брест-Литовске советское правительство отказалось от суверенитета над Королевством Польским (по всей вероятности, слово суверенитет употреблено в предложении ошибочно — Б.С.);

— 29 августа 1918 г. вышел декрет СНК РСФСР об аннулировании в одностороннем порядке всех трактатов о разделе Польши;

— 28 июня 1919 г. подписан Версальский мирный договор (статьи 87—93), по которому Германия признавала независимость Польши, отказывалась в ее пользу от части Верхней Силезии, а г. Данциг (Гданьск) с округом объявлялся вольной территорией под эгидой Лиги Наций”. В результате принятия этих документов в ночь с 6 на 7 ноября 1918 г. было образовано Временное правительство Польской Республики [136].

Обретение Польшей независимости нанесло России ощутимый урон: потерю территории и вместе с ней железнодорожных путей на Западе, утрату некоторых промышленных предприятий и вместе с этим развал налаженного производства промышленных товаров, а также пограничный заслон в западной части страны.

Заключение Версальского договора нанесло ущерб и Германии [137].

Зарождению прометеизма как идеологии и политики предшествовал, таким образом, ряд судьбоносных исторических событий, среди которых, наряду с восстановлением государственности Польши в 1919 г., нельзя не назвать Октябрьский переворот 1917 г. в России. С первых же дней своей независимости Польша сочла жизненно важным после полуторавекового периода раздробленности определить свою восточную границу, дабы обезопасить себя от возможного очередного дележа. Проблема государственной безопасности была тем более остра для страны, если учесть неудержимое стремление большевистских вождей приблизить вожаделенную цель — мировую революцию. К тому же военное сотрудничество СССР и Германии, двух непосредственных соседей Польши, вселяло тревогу в сердца поляков, а последующий ход событий показал обоснованность этих опасений: в сентябре 1939 г. Польша была подвергнута дележу в четвертый раз, вновь став жертвой Германии и России.

Проблема прометеизма, рассмотренная с учетом историко-политических факторов, определивших польско-российские отношения, обретает иной смысл, чем тот, что придают ей российские авторы. Прометеизм представляет несомненный научный интерес для исследователей, но при этом

объективность выводов, как при любом научном подходе, достигается только при учете всего историко-политического контекста и всех факторов, имеющих непосредственное отношение к предмету анализа.

Угроза большевизма и нацизма для всего европейского континента, в первую очередь для Польши, которая притягивала взоры диктаторов с геополитической точки зрения, требовала разработки такой политики, которая могла бы обеспечить заслон от большевизма. Поэтому изначально прометеизм как внешнеполитический курс был отнесен к компетенции органов государственной безопасности Польши.

Антибольшевистская позиция Польши совпала с интересами лидеров национальных автономий, эмигрировавших в Европу.

О том, как появилась идея объединения лидеров национальных движений, изложено в статье Мустафы Чокая *"Souvenirs ...incitant à l'action"* ("Воспоминания..., побуждающие к действию"): в мае 1919 г., прибыв в Тифлис, он нанес свой первый визит главе украинской миссии, в результате чего была разработана совместная с украинцами программа действий [138].

До этого в феврале 1919 г., при посредничестве представителей держав, находившихся в Баку, было направлено первое обращение к Версальскому Конгрессу [139]. М. Чокай поясняет: "Программа основывалась на утверждении демократических принципов, чтобы тем самым вызвать чувства симпатии со стороны западных демократических сил, стремление с их стороны содействовать нашим усилиям по достижению свободы. Решено было наладить выход периодического издания, чьей задачей стала бы "защита, теоретически и практически, права народов самим распоряжаться своей судьбой и строить собственные суверенные государства". Предполагалось также, издавая его на русском и французском языках, информировать как можно шире общественное мнение о событиях, происходящих в национальных республиках, о формах и методах борьбы за создание национальных государств народов, проживающих в границах бывшей Российской империи" [140].

Журнал "На рубеже", издание которого было налажено при поддержке тогдашнего грузинского правительства, а финансирование осуществлялось Туркестанским национальным центром и Украинской дипломатической миссией, стал, по утверждению французского автора Этьенна Копо, прообразом журнала *"Prométhée"*. Как отмечает французский исследователь, предысторию движения составляют съезды российских мусульман, которые прошли начиная с 1905 — 1906 гг. в Нижнем Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге, Баку, Ташкенте и других городах. На съездах поднимались и обсуждались крупные проблемы джадидизма, проблемы автономий мусульманских народов, возможность объединения мусульман в рамках федерации и др. Национальные лидеры, проанализировав решения съездов, признали фундаментальные просчеты, допущенные ими. Они касались недооценки силы большевиков, отсутствия единства между мусульманами и немусульманами. В то время, когда одна из автономий испытывала на себе

натиск Красной армии и белогвардейцев, другие оставались безучастными. Падение Кокандской Автономии, автономий, провозглашенных в Закавказье, Поволжье и Украине, произошло в разные периоды, но ни одна из них не пыталась защитить другую. Поэтому национальные лидеры пришли к единодушному решению взять за основу своей совместной деятельности “идею солидарности всех национальных составляющих, солидарности, направленной против русского врага, каким бы он ни был, красным или белым” [141].

В дальнейшем, когда лидеры национальных движений встретятся в Европе, идея единения найдет свое реальное воплощение в создании в 1926 г. антибольшевистского движения, названного ими “Прометей”. В его ряды вошли видные политические деятели, многие из которых были членами Государственной Думы России и имели большой опыт ведения парламентской борьбы.

В основу идеологии “Прометея” был положен политический опыт маршала Пилсудского, вошедший в историю под названием “*Le miracle de la Vistule*” (“Легенда над Вислой”) [142]. Национализм маршала Пилсудского дал силы и высокий дух польскому народу. В августе 1920 г., когда части Красной армии под командованием Тухачевского стояли под Варшавой, маршал Пилсудский сумел нанести им сокрушительный удар, повлекший затем победу по всей линии фронта и спасший Польшу и страны Западной Европы от проникновения большевизма.

Решению главы польского государства оказать поддержку идее создания движения способствовало также и то, что в ходе русско-польской войны 1920—1921 гг. на стороне Польши воевали многие мусульмане-добровольцы из России [143].

Деятельность “Прометея” на начальном этапе заключалась в распространении и пропаганде лидерами национальных движений идеи единения в борьбе против большевизма, глашатая мировой революции. Народы, находящиеся под большевистским игом и борющиеся за свою национальную независимость, были названы прометеевскими. Об организационной функции эмиграции в контексте политической борьбы прометеевских народов Мустафа Чокай в письме, адресованном им 16 октября 1931 г. В. Дабровскому [144], писал так: “Само собой разумеется, туркестанский вопрос — это прежде всего вопрос н а ц и о н а л ь н ы й (разрядка М.Ч.), т. е. для его успеха необходимо, чтобы он нашел прочное организационное выражение внутри страны и вне ее в среде туркестанских эмигрантов. Должен ли подчеркивать, что роль эмиграции — лишь подсобная в отношении всего национального вопроса в целом. Но эмиграция [туркестанская] может и могла бы сыграть весьма важную роль в постановке вопроса, если бы состав ее был более полновесен, если бы она была в обладании материальных сил и сил интеллектуально-технических в масштабе, более значительном, чем теперь. При нынешних условиях роль эмиграции ограничена пределами пропаганды идеи национальной независимости, агитации за нее, установлении

идейной связи и организационного единства в среде, разбросанной по разным, отделенным друг от друга на тысячи километров странам Востока *эмигрантской группировки* (курсив М.Ч.). Само собой разумеется, на обязанности эмиграции лежит, так сказать, проталкивать туркестанский вопрос в интернациональную (лучше бы сказать — международную) среду” [145].

Однако М. Чокай вовсе не считает нужным рассчитывать на заступничество или помощь международной общественности. “Интернационализация” вопроса видится ему в другом: “Интернациональным” туркестанский вопрос может стать не сам по себе, не потому, что мы (подчеркнуто М.Ч.) хотим этого, а в результате определенного отношения Европы и всего остального мира — с Америкой в том числе — к общероссийской проблеме. Туркестан — не старая Польша. Он лежит вне Европы. Нам приходится весьма часто испытывать на себе взгляды европейцев, как на народ и на страну, еще нуждающиеся в чьей-то опеке... Европа ведь не отказалась от “колониального взгляда” на восточные страны. В Европе, во Франции в частности, нередко приходится встречаться с мнениями относительно желательности восстановления России, правда без Польши и Финляндии. В общественном мнении Франции этого рода “арьергардный” взгляд еще имеет сторонников. Об Англии говорить не приходится. Там господствует взгляд, я бы сказал, выражающий некоторое опасение, как бы-де национально-независимый Туркестан не послужил дурным примером для бунтующей Индии. О Германии тоже говорить не приходится. Она вообще враждебна всякой “опасности” ослабления нынешней России. Есть, конечно, и во Франции, и в Англии симпатизирующие нам круги. Мы их знаем хорошо. Знают о нас также и они...

Европа заключила мир с большевиками. Нынешние социально-экономические условия Европы и всего мира диктуют ей мир и покой. Ломать копья и впутываться за прекрасные глаза туркестанцев ли или кого другого, во имя отвлеченных “прав угнетенных” в войну с большевиками Европа не станет. Изменилось, быть может, отношение Европы к России. Но изменилось ее отношение и к нам. Европа не считает нас способными к самоосвобождению. И мы это показали и доказали. Скрывать это было бы глупо. Ничего стыдного и позорного в этом нет. Против нас стоит почти стомилионный великорусский народ. Борьбу против его национальной гегемонии мы должны вести только в самом тесном контакте со всеми остальными “окраинами” — Кавказом, Украиной и другими [регионами]. “Интернационализация” вот в этом смысле важна и, безусловно, необходима. Она осуществима и организационно осуществляется нами...” [146].

Эти мысли Мустафы Чокая об “интернационализации туркестанского вопроса” касались не только туркестанской эмиграции; они могли быть применимы ко всем другим заграничным национальным объединениям народов, угнетаемых Россией. Взгляды М. Чокая на роль и место эмиграции в борьбе за национальную независимость так же, как прогрессивные мысли

и суждения других прометеевцев, во многом способствовали определению идеологии “Прометей”. Так, содержание отчета политической комиссии “Прометей” за 1932 г. гласит: “Политическая и международная работа наша находится в тесной связи и в прямой зависимости от общего политического положения всего мира и его отношения к России” [147]. И это тесно согласуется с позицией Мустафы Чокая в данном вопросе.

Прометеизм как политика и идеология представляла серьезное препятствие для реализации идеи мировой революции. Вместе с тем большевистские вожди опасались потери оставшихся имперских завоеваний России, для чего им важно было обезопасить свои границы со всех сторон. В этой связи М.Чокай указывал, что Туркестан был необходим России не только для решения ее внутренних проблем, но и для того, чтобы обезопасить южные границы империи. А истинные причины колонизации Туркестана прикрывались лозунгом об “исторической миссии России нести западную культуру полудиким народам Востока” [148].

Некоторые современные российские авторы даже в настоящее время продолжают усматривать в прометеизме “комплексную долговременную программу подрывной деятельности” и проявление “империалистическо-захватнической позиции правившей в Польше державносанационной клики” [149].

В ноябре 1926 г. появился первый номер журнала “Prométhée”, а несколько позже увидели свет издания на национальных языках, в их числе “Йени Туркестан” и “Яш Туркестан” [150].

В СССР деятельности белоэмигрантских движений было посвящено немало работ, как это указывалось во введении к настоящей работе. Их авторы рассматривали вопрос в свете ленинских установок, через призму борьбы с буржуазной идеологией и контрреволюцией, в поисках новых приемов борьбы с эмиграцией. Тема разгрома контрреволюционной эмиграции служила, наряду с этим, пропагандистским средством убеждения масс в том, что советская идеология — единственно верная, так же как верен курс коммунистической партии, ее глашатая и проводника. В этом аспекте деятельность прометеевцев не вписывалась в русло пропагандистских задач. Более того, “Прометей” самим существованием подрывал устои советской пропаганды.

Таким образом, негибкая политика Москвы в отношении подвластных ей нерусских народов способствовала формированию национальных движений за самоопределение и позже привела к их объединению в антибольшевистский блок “Прометей”, который просуществовал почти 15 лет, дольше всех эмигрантских организаций в Европе.

2. 2. ЗАДАЧИ ДВИЖЕНИЯ “ПРОМЕТЕЙ”

Движение “Прометей” отличалось от других эмигрантских организаций долголетием, которое обычно зависит от уровня значимости цели и задач.

Русские эмигрантские круги начала XX в. были двух толков: те, кто выступал за восстановление монархии, и те, кто желал возврата к периоду Временного правительства. Но и те, и другие были единодушны в необходимости сохранения "единой и неделимой России".

Задачи, которые ставили перед собой прометеевцы, были следующие:

- пробуждение политического сознания советских трудящихся вербальными средствами и приобщение прометеевских народов к политическим формам борьбы при одновременном совершенствовании теоретических и практических основ национального движения и методов борьбы за национальную независимость;
- формирование отношения европейского и мирового сообщества к общероссийской проблеме, в частности, к большевизму и нарождающемуся сталинскому тоталитаризму.

Цель — обретение прометеевскими народами права на самоопределение.

Масштабный антибольшевистский блок "Прометей" не был объектом изучения советской науки, так как невозможно было опровергнуть доводы и аргументы прометеевцев. В отличие от публикаций других эмигрантских изданий труды прометеевцев содержали достоверную и аргументированную информацию о ситуации в мире, внутренней и внешней политике большевиков. В работах советских исследователей "Прометей" не упоминался, но советские спецслужбы постоянно "опекали" лидеров национальных движений, находившихся в эмиграции, так как "работа с эмиграцией в двадцатые-тридцатые годы была определена для органов госбезопасности, в том числе внешней разведки, как одна из приоритетных задач" [151].

Из доступных на сегодняшний день источников известно, что деятельность движения была сконцентрирована на двух участках: варшавском и парижемском. Варшавский участок объединял идейно-творческие прометеевские ячейки, куда вошли Восточный институт, ОКМ [152] и газета "Wschod" ("Всход", т. е. "Восток"), сотрудничавшие с центрами прометеевской эмиграции. Восточный институт занимался проведением исследований, подготовкой прометеевских кадров со знанием многих языков, организацией лекций и конференций, привлечением к своей работе представителей различных народов России. Со временем при институте были организованы польское ориентальное молодежное общество, польско-кавказское и польско-тюркское общества [153].

По признанию Владислава Пельца [154], практические организационные формы и идейные установки разрабатывались в первоначальный "период лихорадочной активности". В 1929 г. появился варшавский клуб "Прометей", функция которого заключалась в организации встреч для обмена мнениями с видными прометеевскими деятелями [155].

Парижский участок работы объединял все национальные эмигрантские центры, которые строили свою деятельность, следуя идейным установкам и опираясь на разработанные в Варшаве пропагандистские материалы. Коми-

тет дружбы, возникший в 1934 г. в результате объединения представителей прометеевских народов, имевших ранее свою государственность, был аналогичен варшавскому “Прометею”, но действовал независимо, лишь согласовывая с ним свою работу. В состав Комитета дружбы помимо представителей кавказской, украинской и туркестанской эмиграций входили также западные журналисты и политики. Первым председателем Комитета был Акакий Чхенкели [156].

“Прометей” имел свой печатный политический орган — журнал “Prométhée”, выходивший в Париже на французском языке. Его тираж насчитывал тысячу экземпляров, которые рассылались министрам и политическим деятелям капиталистических стран: Польше — 109 экземпляров, Франции — 323, Турции — 91, Сирии — 70, Египту — 70, Германии — 65, Швейцарии — 49, Англии — 25, Ираку, Иордании, Румынии, Чехословакии — по 20, Италии — 13, Бельгии — 12, Финляндии и США — по 5, Персии — 6, Австрии — 4, Испании — 2, Албании, Венгрии, Эстонии, Литве, Латвии, Австралии, Японии, Болгарии, Норвегии, Китаю, Швеции — по 1 экземпляру; 8 экземпляров посылались на Украину [157]. Ежемесячник был основан Комитетом независимости Кавказа (Грузия, Азербайджан, Северный Кавказ), который был не только его издателем, но и владельцем. Мустафа Чокай начал сотрудничать с журналом в 1927 г. и стал членом его редакционного комитета. Главным редактором был Георгий Гвазава [158], затем, после реорганизации движения в 1938 г. журнал стал выходить под названием “La Revue de Prométhée”, а редакционный комитет возглавил Александр Шульгин. Журнал просуществовал почти 15 лет (с 1926 по 1940 г.), случай также редкий по своему долголетию для эмигрантских изданий.

Среди редакторов журнала, как указывает Этьенн Копо [159], были такие видные политические деятели, как бывшие главы государств Акакий Чхенкели, Мэмет Эмин Ресулзаде [160] и Ной Жордания [161], бывший украинский министр Александр Шульгин [162].

В рамках деятельности движения выходили журналы на других языках, каждый представлявший то или иное национальное движение. В их числе был “Яш Туркестан”, издаваемый Мустафой Чокаем.

Со временем сеть движения “Прометей” расширилась: его секции располагались, образуя полукольцо, вокруг СССР от Хельсинки до Токио через Варшаву, Берлин, Париж, Стамбул, Шанхай, Мукден [163].

Движение “Прометей” нашло в дальнейшем поддержку со стороны Министерства иностранных дел Франции, при покровительстве которого был создан Комитет “France — Orient” [164] (“Франция — Восток”), ставший опорой прометеевского движения в этой стране. В состав Комитета входили генералы, бывшие министры, писатели, послы. В 1929 г. Комитет возглавил председатель Сената Франции Поль Думер. В списке членов Комитета фигурирует имя М. Чокая [165].

В Швейцарии прометеевцы опирались на Жана Мартэна, директора газеты “Journal de Genève” (“Женевская газета”), поддерживал их также ми-

нистр иностранных дел Джузеппе Мотта [166], который одновременно представлял Швейцарию в Лиге Наций [167].

Особое место в жизни “Прометей” занимала Турция, которая, как отмечает Этьенн Копо, служила промежуточным пунктом при поставке из СССР информации, отличавшейся всегда большой степенью достоверности. Через Трабзон, Игдир, Эрзурум, Стамбул прометеевские связные переправляли в Европу самые свежие сведения, в том числе о репрессиях в СССР.

Масштабность и влияние “Прометей” признают и офицеры советских спецслужб, отмечая, что “ни по своему кадровому составу, ни по размаху деятельности” эта организация не имела своих аналогов [168].

Этьенн Копо видит одну из удивительных особенностей движения в его “почти всемирном масштабе”. Так, со ссылкой на периодическое издание “*Istiklal*” (N 32, 1933), выходявшее в Берлине, французский исследователь отмечает разностороннюю деятельность прометеевского клуба в Харбине, в частности, приведя в качестве примера организацию им конференции, посвященной Исмаилу Гаспралы (N 37, 1933). Этьенн Копо пишет также: “Архивы Мустафы Чокая свидетельствуют о существовании в 1935 г. в Мукдене Центрального Исполнительного Комитета тюрко-татарских религиозных и национальных обществ Идель-Урала и содержат список с двадцатью адресами обществ и отдельных представителей в городах Токио, Кобэ, Нагойя, Кумамото, Кейо (Корея), Харбин, Хайдар, Шанхай, Тень-Цзинь, Кирия, Дайрен. Эта прометеевская сеть смыкалась с коммерческой сетью татарских торговцев пушниной” [169].

Оппозиционный характер деятельности “Прометей” выражался в жесткой критике идеологических основ советского режима. И не только. Прометеевцы приводили свои мнения и доводы при обсуждении животрепещущих проблем национальностей, обнаруживая иное видение проблем, в корне отличающееся от мнений советских идеологов. Дискуссии проходились в ходе организуемых прометеевцами семинаров и диспутов, куда приглашались деятели самого разного политического толка, включая представителей белой эмиграции.

На страницах журнала “*Prométhée*” чаще всех публиковали свои аналитические материалы М. Э. Ресуладзе, Мустафа Чокай, Георгий Гвазава, Мир Якуб Мехтиев. Авторами многих статей являются Александр Шульгин и его соотечественник М. Данко, бывший грузинский президент Ной Жордания, грузинский представитель в Женеве Харитон Шавишвили. Некоторые публикации подписаны псевдонимами, и, по мнению современных исследователей, это иногда затрудняет идентификацию авторов [170].

Этьенн Копо подчеркивает, что “Прометей” по своему составу и уровню организации своей деятельности был “образцом эмигрантского движения” [171], благодаря чему даже по истечении десятков лет труды прометеевцев являются для современных исследователей самым достоверным и авторитетным источником изучения истории антибольшевистского движения [172].

Таким образом, главной задачей движения “Прометей” на начальном этапе было разоблачение в глазах мировой общественности тоталитарной сущности большевистского режима в СССР. С этой целью лидеры национальных движений занимались расширением сети движения, вовлекая в свои ряды новых членов, пробуждением политического сознания угнетенных народов России, помогая тем самым в их борьбе за право самим определять свою судьбу.

Со временем обстановка в мире и ситуация внутри движения потребовали от прометеевцев реорганизации движения. Журнал с новой ориентацией и новым названием — *“La Revue de Prométhée”* — как указывает Мустафа Чокай, отвечал тем политическим реалиям, которые сложились к этому времени в мире.

По истечении семилетнего срока движение претерпело определенную эволюцию и вышло на новый уровень. Теперь оно нуждалось в новых идеях и новых формах пропаганды. В 1936—1937 гг. на основании предварительных исследований были разработаны “Замечания по вопросу реорганизации “Прометей” в Париже”, автором которых был В. Пельц [173].

В документе отмечается, что рост авторитета и популярности движения привел к “разрыву первоначальных рамок”. Подчеркивается также, что “эволюция “Прометей” пошла в сторону объединения всех народов, угнетаемых Россией, на идейно независимой от руководящих центров эмиграции общей платформе борьбы с Россией как “тюрьмой народов”, а также признания права на независимость всех без исключения народов, даже тех, кто не имеет в эмиграции легальных представительств”. “Прометей”, говорится в документе, стал “интернационалом угнетенных” [174].

В ходе подведения итогов семилетней деятельности движения были отмечены достижения и недостатки и, что очень важно, были установлены природа и причина конфликтов. Конфликты возникали по вопросу о праве быть представителями национальных интересов, а также по вопросам организационного руководства. Но гораздо большую опасность представляли конфликты между “Прометеем”, как идеологически целым, с национальными концепциями отдельных его членов. Речь шла о спорах по поводу государственного суверенитета отдельных национальностей на тех территориях, на которые претендуют другие народы [175].

Эти конфликты, по мнению Владислава Пельца, вызваны следующими обстоятельствами:

а) отсутствием единых идеологических установок и единой организационной формы для всего прометеевского движения, в том числе и клуба “Прометей”;

б) отсутствием тесной координации в работе между “Прометеем” и польскими идейно-творческими прометеевскими ячейками [176].

По мнению В. Пельца, ликвидация недостатков была вполне возможной. Для этого требовалось добиться понимания руководящими центрами того, что развитие прометеизма не угрожает ограничением объема их политиче-

ской деятельности; вопрос заключается лишь в разграничении сферы и плоскости, в которых будет проходить их дальнейшая деятельность.

Путь преодоления конфликтов видится автору "Замечаний" в совершенствовании идеологии "Прометея". Основопологающим должен стать принцип о том, что "прометеизм является единым фронтом всех угнетенных, борющихся за независимость, а не объединением политических организаций", представляющих бывшие государства и нынешние политические интересы этих государств.

Движение "Прометей" со временем сконцентрировало вокруг себя "не только непосредственно заинтересованные элементы, являющиеся представителями конкретных государственных или национальных интересов, но также и эмоциональные элементы, имеющиеся у истоков великих национальных революций". Этот процесс эволюционным путем привел к этапу, испытанному Юзефом Пилсудским, — этапу революционно-национальной динамики. Дальнейшая задача, по мнению авторов новой идеологии движения, состояла в совершенствовании организационных форм для закрепления и обеспечения прогресса революционно-национального динамизма движения, ставшего уже не чем иным, как "интернационалом народов, угнетаемых Россией":

"Прометей" не занимает никакой определенной позиции по отношению к текущей политике и дипломатической акции того или иного комплекса государств на международной арене. "Прометей" должен иметь право проявлять национальный радикализм для того, чтобы самым эффективным образом создать революционную динамику. Радикально-национальные тенденции не должны ему ставиться в вину и не должны неправильно расцениваться как фашистские симпатии и тем более не должны рассматриваться как измена интересам народа" [177].

Важным для этого этапа деятельности было трансформировать движение в некий центр, "мобилизующий революционно-национальные устремления", объединив в своих рядах самые широкие общественные круги угнетенных народов, находящихся в эмиграции.

В реализации этой задачи важная роль была отведена Восточному институту в Варшаве как учреждению научного характера, призванному снабжать "Прометей" наиболее эффективным для его деятельности на международной арене оружием — пропагандистскими материалами.

Деятельность парижского клуба, указывается в документе, отмечена трудностями как формально-правового, так и идеологического характера.

Формальные затруднения возникли среди участников парижского клуба из-за идеи своей причастности к избранным, которая укоренилась в сознании некоторых представителей, что, по сути, восходит к периоду российского Учредительного Собрания, где представительство было связано с делением народов на первую и вторую категории. Возникновение элитаризма имело и другие объективные причины: политические возможности на международной арене Грузии и Украины были шире, чем политические

возможности идель-уральского или казацкого движения, так как Грузия и Украина в отличие от других обладали ранее своей государственностью и имели в западноевропейских государствах легальные дипломатические представительства.

Для тогдашнего состояния прометеевского движения важно было понимание членами движения того, что реорганизация не направлена на ущемление прав каких-либо народов. Она была нацелена исключительно на то, чтобы "перенести работу "Прометея" из плоскости социального представительства политических интересов в плоскость идейно-воспитательного движения, основанного лишь на социальных моментах".

Идеологические затруднения квалифицировались идеологами движения как наиболее серьезные, так как они "вытекают из глубоких идейных течений и современной конфигурации прометеевской эмиграции". Под этой формулировкой понималось признание факта влияния на прометеевцев других идейных течений и политической конъюнктуры, привнесенных извне.

В документе кратко описывается обстановка в Европе в целом, а также то, что сложилось вокруг "Прометея". Расстановка политических сил и, соответственно, идейных течений в Европе середины тридцатых годов вызвали "брожение умов", особенно среди молодежи, подверженной националистическим идеям. Отмечается, что "радикализм молодежи усиливает динамику освободительных стремлений", а ему противостоят "леводемократические симпатии старого поколения". Такое состояние вещей приводит не только к еще большему обострению конфликта "отцов и детей", но и, что очень важно для прометеевцев, "затрудняет консолидацию прометеевского фронта в Париже".

Идеологи "Прометея" считают в таких условиях самым верным средством не организацию борьбы против тех или других идей, а умелое направление в нужное русло националистических тенденций молодежи, признавая и понимая реальную политическую конъюнктуру на Западе. А конъюнктура свидетельствовала об интересе, проявляемом к прометеизму такими странами, как Италия, Германия, Англия, Япония и, в определенной степени, Турция. Каждая из этих стран, в особенности фашистских, лелеяла надежду использовать прометеизм для реализации своих империалистических задач. В этом контексте идеологи "Прометея", по их признанию, были "заинтересованы в том, чтобы использовать положительные моменты конъюнктуры, используя одновременно укоренившееся идеологически неблагоприятное отношение, и в нужной для прометеевцев степени ослабить симпатии их друзей к возможным новым европейским контрагентам Германии и Италии". Имелось в виду, что в момент борьбы идеологий фашизма и большевизма за мировое господство тянущаяся к радикальным националистическим идеям политически неокрепшая молодежь, с одной стороны, и те из эмигрантов, кто придерживался русофильских тенденций, с другой, могли создать ситуацию кризиса и поколебать устои прометеизма.

Выход виделся в “мобилизации антикомпромиссных настроений внутри эмиграции”, и это было сочтено одной из самых безотлагательных задач реорганизованного в Париже “Прометей”.

Комитет дружбы в Париже, отмечается в “Замечаниях”, придерживался в своей работе принципа элитаризма, оказывая поддержку только представителям прометеевских народов, имеющих свои государства. Это привело к принципиальным расхождениям между варшавской и парижской организациями, которые усугубились с возникновением брожения внутри эмиграции [178].

Вопрос реорганизации Комитета дружбы, по мнению идеологов движения, должен решаться “путем общего обсуждения сущности реорганизации, ее обоснования с представителями руководящих центров эмиграции в Париже” [179]. На базе совместного обсуждения должна быть избрана делегация на съезд “Прометей”, где были приняты окончательные обязывающие решения.

Эта эволюционная фаза потребовала придания прометеевскому движению по возможности точных, но одновременно гибких форм интернационала, что стало бы “действительно мощным оружием в борьбе с Россией”. Поэтому новая, усовершенствованная, идеология прометеевского движения была сконцентрирована в следующих 10 пунктах:

- 1) прометеизм является движением всех без исключения народов, угнетаемых Россией;

- 2) “Прометей” всеми силами содействует стремлениям, направленным к тому, чтобы вызвать национальную революцию на территории СССР;

- 3) “Прометей” избегает всякого рода доктрин как в социальной, так и экономической области;

- 4) в прометеевском движении имеют право участвовать не только народы с выкристаллизовавшимися уже национальными отличиями и ясными стремлениями к независимости, но и те, у которых только теперь нарождается национальное самосознание и стремление к национальной независимости, и даже племена, которые в настоящее время только переходят на высшую национальную стадию (сибирские племена);

- 5) прометеевское движение содействует борьбе за независимость и свободу на территории СССР; во всех ее формах оно оказывает поддержку всякого рода проявлениям распада на национальные элементы и племена и старается вызвать брожение националистического характера на тех территориях, где население проявляет пассивность;

- 6) “Прометей” не выступает в интересах одного народа или объединенной группы народов, а всегда выступает как единый фронт угнетаемых от имени всех угнетаемых, в защиту основных интересов всех угнетаемых;

- 7) защиту основных интересов всех угнетаемых следует понимать как защиту на международной арене права на независимость и самоопределение всех народов, угнетаемых в СССР, как систематическую разъяснительную акцию на международной арене с целью разоблачения насилия, совершаемого

над угнетаемыми народами в СССР, как пропагандистскую акцию, научно и исторически обосновывающую идею национальной неоднородности СССР, а также необходимость распада советской империи на отдельные национальные государства;

8) споры о суверенитете государств над спорными территориями несущественны и недопустимы;

9) “Прометей” не является конгломератом организационных единиц, не является также органом, состоящим из представителей тех или иных правительств, центров, партий. Он является организацией в политическом и формальном отношении совершенно независимой;

10) “Прометей” мобилизует членов по их собственной воле и под их собственную ответственность, не беря на себя никаких политических обязательств по отношению к национальным центрам, но он, с другой стороны, не навязывает никаких формальных ограничений своим членам по отношению к их руководящим центрам [180].

Анализ новой идеологической платформы “Прометей” отчетливо показывает, что она ориентирована на дальнейшую демократизацию движения: его идеология не содержит призывов ни к террористическим актам, ни к вооруженному свержению советского строя. “Прометей” считал своей основной задачей содействие угнетенным народам в их стремлении обрести национальную независимость, и это содействие выражалось в политическом просвещении и привитии культуры совместного ведения политической борьбы. Вот почему в анализируемых “Замечаниях” указывается, что “национальные руководства должны относиться к прометеизму как к идейно-политическому движению с воспитательными тенденциями по отношению к угнетаемым народам и пропагандистскими — по отношению к внешнему миру” [181].

Очевидно, что секрет долголетия движения и его образцовость, отмеченные французским исследователем Этьенном Копо, заключались в тяготении движения утвердить такие извечные ценности, как демократия и политическая культура.

Идеологическая программа движения, таким образом, сконцентрировала в себе основные принципы национальных движений за независимость.

Польские идеологи “Прометей” предлагают также новые организационные формы движения, способные обеспечить проведение в жизнь идеологических принципов, продиктованных “необходимостью изменить существующие формы как непригодные и ликвидировать децентрализацию отдельных клубных ячеек”.

Реорганизации подлежал и печатный орган “*Prométhée*”. Изменение его установок и обновление состава редакции были главными пунктами этой реорганизации. До этого времени “*Prométhée*” считался органом Кавказской Конфедерации [182]. В “Замечаниях” подчеркивается, что “с точки зрения справедливости, было бы неправильно и тактически неблагоприятно отни-

мать этот орган у его хозяев”, и “только в случае полной невозможности договориться пришлось бы создать в Париже новый независимый орган”.

В 1938 г. состоялся всеобщий конгресс движения “Прометей”. Мустафа Чокай пишет Адашу о реорганизации печатного органа.

“Ножан, 10 мая 1938 г.

Дорогой Адаш [183],

1) журнал “Прометей” выбыл из рук прежних его хозяев. Вместо него будет выходить другой. Последним “козырем” “Прометей” было напечатание им резолюции грузинского митинга, требующей пересмотра кавказско-турецкой границы и аннулирования Карсского договора [184]. Мы вынуждены были отмежеваться от этого и заявить открыто на страницах нашего журнала, что за “*Prométhée*” мы не несем никакой ответственности, что никакого вообще участия в этом кавказском органе мы не принимаем.

2) Вторая новость. Это выход Жордания из бюро партии. Означает ли это также его уход с поста лидера национального центра, сказать не берусь. Он остается, конечно, в партии, а партия — во Втором Интернационале [185]. Значит, все остается по-прежнему. Но внешне это производит впечатление. Впечатление усиливается еще от того, что, как передают, ушел-то он из бюро партии не без давления извне. Говорят, их партийный орган начал выходить без обычного лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. Но французские социалистические газеты, даже коммунистическая “Юманите”, выходят без этого лозунга” [186].

Из содержания письма ясно, что журнал уже не принадлежит Кавказской Конфедерации. В мае 1938 г. журнал “*Prométhée*” перестал выходить. На страницах “Яш Туркестана” Мустафа Чокай пишет об этом сдержанно: “По поводу помещенной в декабрьском (133-м) номере “*Prométhée*” резолюции касательно турецко-кавказской границы наши читатели-туркестанцы обращаются к нам с вопросом, в какой мере ТНО или отдельные туркестанцы несут ответственность за журнал “Прометей”, на обложке которого стоит название нашей страны.

В ответ сообщаем, что ни ТНО, ни отдельные туркестанцы никакой ответственности за журнал не несут. “*Prométhée*” — орган кавказцев (Азербайджан, Грузия, Северный Кавказ). С января 1934 г. туркестанцы не принимают участия в этом журнале” [187].

В октябре 1938 г. редакцию прометеевского журнала возглавил украинец Александр Яковлевич Шульгин. Журнал стал выходить под новым названием — “*La Revue de Prométhée*”. Мустафа Чокай сообщает эту новость Адашу:

“Ножан, 15 июля 1938 г.

Дорогой Адаш, из прилагаемого к этому письму материала (вырезки из журнала “Северный Кавказ”) вы видите, что “Прометей” начинает менять курс, т. е. направление своей идеологии. Он начинен “духом новых времен”,

как его излагает вдумчивый и, несомненно, один из искренне преданных прометеизму представителей молодого поколения — г-н Бончковский [188].

Вы прочтете сами речи выступавших по “духу новых времен” ораторов. Прочтете и резолюцию, принятую по поводу этого доклада. Все там знаменательно. Знаменательно и то, что резолюция эта, конечно, не в духе всех членов кавказского объединения. Вот этим новым духом был овеян как будто и собравшийся в В[арша]ве “конклав” [189].

“Начиненный духом новых времен” журнал имел ясную и четкую идеологическую ориентацию. В редакционной статье *“La Revue de Prométhée”* отмечается, что “журнал посвящен изучению проблем национальностей Восточной Европы, Центральной и Северной Азии и ставит задачу предоставления по возможности полных документальных данных о жизни народов, находящихся под московским игом, об их политических целях, национальной культуре, этнологии, истории. Редакционная коллегия журнала объединила известных специалистов в этих вопросах и предоставила видным деятелям, равно как и организациям этих народов, возможность свободно защищать свое правое дело”. Указывается также, что журнал будет “отдавать предпочтение изучению и выявлению теоретических аспектов проблем, на которых основываются различные национальные движения, с тем, чтобы можно было применять их на практике” [190].

Хотя издатели довольно сдержанно определили свои задачи, журнал нес читателю не просто массу разнообразной информации. Статьи были злободневны, они не только будоражили ум. Их воздействие на читателя было необычайно сильным: журнал публиковал разносторонний анализ самых острых проблем с приведением мнений специалистов самого высокого уровня, оппонировал различные точки зрения, давал обоснование того или иного утверждения с приведением документов и неопровержимых фактов. Читатель невольно оказывался в плену автора, одновременно воспринимая материал как своеобразный интеллектуальный тренинг. Материалы сохраняют эту силу и сейчас, влияя на мировоззрение современного исследователя, который попадает под воздействие доводов прометеевских авторов и обнаруживает новое видение известных фактов и событий. Поучительна и сама манера ведения дискуссии прометеевцами: корректность и политическая культура, помноженные на объективность и беспристрастность изложения фактов и событий, их интерпретация с неперменным соблюдением логики аргументации.

Именно такой характер обмена мнениями, когда каждая из сторон придерживается “устойчивой логики и определенного морально-политического уровня”, по глубокому убеждению Мустафы Чокая, является единственно верным, открывающим путь к истине [191].

В сентябре 1939 г., после подписания советско-германского пакта, движение однозначно становится на сторону Польши, Франции и Англии. Подписание советско-германского пакта было потрясением не только для

прометеевцев: такой политический шаг Сталина вызвал разочарование и у левых европейских партий [192].

Сложность политической обстановки этого периода сказывалась на настроениях всей российской эмиграции. Так же, как для большинства белоэмигрантов признание СССР Францией в 1925 г. означало крушение надежд, подписание советско-германского пакта вновь внесло смятение в их ряды. А некоторые представители либерально-демократических партий во главе с Василием Маклаковым [193], не сумев определить для себя какую-либо политическую платформу, занимали выжидательную позицию [194].

Мустафа Чокай, Александр Шульгин, Мир Якуб [195], Ной Жордания обращаются к своим соотечественникам с призывом объединиться перед лицом германо-советской коалиции. Передовая статья последнего (№ 8—9 от 25 апреля 1940 г.) номера журнала пронизана чувством восхищения героическим примером сопротивления финнов [196] и призывает читателей не выбирать “между чумой и холерой”. Помочь угнетенным народам, “помочь” Советскому Союзу исчезнуть, способствовать его распаду на естественные национальные составляющие означает победить “холеру” и одновременно подготовить конец “чуме” [197].

В свете задач движения политико-пропагандистская работа велась прометеевцами в форме докладов, дискуссий, нот и других форм обращений к международным организациям и правительствам западных стран, а также в форме лоббирования.

Собрания и дискуссии, организуемые по инициативе прометеевцев в помещении штаб-квартиры движения с приглашением какого-либо лектора, вызывали большой интерес у общественности, в особенности, если они проходили с участием русских эмигрантов. Протоколы собраний публиковались на страницах “*Prométhée*”. Немалая часть пропагандистской работы велась на страницах периодических изданий. Как отмечают российские авторы, в составе редакционного комитета журнала “*Prométhée*” были рядовые члены и специальные. Последние были представлены представителями украинской и туркестанской эмиграции.

Среди самых злободневных проблем социально-политической жизни народов СССР, поднимавшихся на страницах прометеевских периодических изданий и раскрывавших истинную сущность взаимоотношений между властью и народом, одной из центральных была тема национализма. Именно при Сталине в советском обществе слову “национализм” была придана исключительно негативная коннотация. Быть националистом считалось более чем предосудительным и было неразрывно связано с жестокими репрессиями. Национализму противопоставлялся пролетарский интернационализм. На деле возникновению проблемы национализма с первых дней установления своей власти способствовали сами большевики. Борьба с национализмом велась в СССР в течение всего периода существования советской власти. Мустафа Чокай приводит выдержку из официального органа Советов, газеты “За правду”, которая в номере за

октябрь 1928 г. пишет о том, что "одним из условий развития национализма в странах, где живы воспоминания о русской политике царской автократии, вне сомнения, является великорусский шовинизм". О том, что великорусский шовинизм поддерживается и нагнетается большевиками, признает газета русских коммунистов "За партию":

"Великорусский шовинизм имеет следующие проявления:

— европейцы пользуются исключительным правом на получение квартир в новых домах;

— в плачевном состоянии находится все, что имеет отношение к культуре национальных меньшинств;

— административные органы отказывают туркестанцам в повышении зарплаты;

— распространены случаи притеснения нерусских рабочих, т. е. туркестанцев, со стороны административных органов;

— в школах туркестанцев называют "дикими азиатами".

Все эти факты, как указывает Мустафа Чокай, констатируют и признают также г-н Домбал в газете "Правда Востока" от 31 октября 1928 г., секретарь бюро ЦК русской компартии Центральной Азии г-н Зеленский, а также г-н Нодель, являющийся главным редактором газет "За партию" и "Правда Востока" [198].

Совокупность нациообразующих признаков (языка, традиций, религии, истории, культуры), присущих определенной социальной общности людей, принято считать национализмом. Деформации этого понятия в СССР способствовал ряд факторов. В первую очередь то, что национальная политика, проводимая большевиками, была подчинена пролетарскому принципу. Как отмечают Александр Беннигсен и Шанталь Лемерсье-Келькеже, желание большевистских вождей решить в кратчайший срок национальный вопрос в многонациональном государстве, где народы нерусского происхождения находились на разных уровнях развития, вызвало у населения на местах естественную реакцию отторжения навязываемых большевиками ценностей. А предложенная национал-коммунистами политико-экономическая программа, исходившая из национальных нужд народов Центральной Азии, была отвергнута Москвой, которая сочла приемлемым в СССР только единственный стиль большевизма — русский [199].

Газета "Правда" за № 31(6637) в своей передовой статье, озаглавленной "РСФСР", писала 1 февраля 1936 г. следующее: "Все народы — участники великой социалистической стройки — от самых маленьких до самых больших — полноправные советские патриоты... И первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей великой пролетарской революции, от первых дней до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика...".

Реакция М. Чокая на публикацию "Правды" была высказана в статье "Кеңес патриотизмінен орыс ұлтшылдығына" ("От советского патриотизма к русскому национализму"), в которой он подвергает жесткой критике

позицию коммунистической партии. Передовица “Правды” не оставляет у него сомнений относительно сталинского курса в национальном вопросе: по существу, это отождествление в максимальной форме власти и русской нации. Мустафа Чокай приводит высказывание последнего царского губернатора в Туркестане генерала Куропаткина: “Нас, русских, и вас, туркестанцев, связывают родственные узы. Мы — ваши старшие братья. А по вашему обычаю старший брат имеет право наказывать младшего. И это надо принимать как должное”.

Мустафа Чокай пишет, что мир наконец узнал истинное значение, вкладываемое большевиками в понятие “диктатуры пролетариата”. С учетом внутренних конфликтов и в контексте внешнеполитической ситуации, сложившейся вокруг СССР, власть вынуждена пойти на такое откровенное признание. Надвигающаяся угроза, которую ясно осознает “отец народов”, заставляет его поднять вопрос о советском патриотизме и делать при этом ставку на самую многочисленную часть населения — русских рабочих и крестьян. Это необходимо власти также для пресечения автономистских тенденций со стороны нерусских народов СССР. Поэтому одновременно с выдвижением лозунга о верховенстве русского народа по указанию Сталина начинается подготовка учебников истории СССР, в которых Россия должна была предстать не как страна-колонизатор, а как спасительница и защитница нерусских народов. Согласно сталинской концепции, такие регионы, как Кавказ, Центральная Азия, присоединились к России добровольно, в силу объективных историко-географических причин. Мустафа Чокай убежден, что такая государственная политика не приведет к желаемому результату, так как возвеличивание роли одного народа может вызвать рост патриотизма у нерусских народов СССР [200].

Последующий ход исторических событий привел современных исследователей к тем же выводам, что были сделаны М. Чокаем еще в 1935—1936 гг.: выдвижение коммунистической партией лозунга верховенства одной нации (русской) превратило национализм в политическую доктрину, претендующую на решение проблем человечества.

Примечательно, что в своем интервью радио “Азаттык” 17 апреля 1984 г. известный французский советолог Александр Беннигсен напоминает, что и в 80-е годы XX в. советское правительство все еще опасается джадидизма и вынуждено затушевывать и искажать суть идей лидеров национальных движений. Автор, в частности, указывает на то, что внутренняя политика советского правительства, направленная на формирование якобы новой интернационалистски ориентированной нации, последовательно продолжает курс на русификацию через подавление и уничтожение национальной самобытности нерусских народов СССР. Этой задаче подчинена и тактика замалчивания и извращения исторически значимых событий, происходивших на территории Центральной Азии. К примеру, замалчивается то, что в XI в., когда Россия была малопросвещенной, тюрки были носителями высокой культуры [201].

В 1934 г. XVII съезд ВКП(б) признал, что царский колониализм в сущности явился положительным фактом, укоренившим колонизацию. Съезд считал необходимым положить конец попыткам со стороны казахов и татар вернуть, ссылаясь на лозунг большевиков об антиколониальной направленности политики Советов, захваченные Россией земли.

После уничтожения лидеров партии Алаш, которые настаивали на возвращении земель, захваченных русскими переселенцами в период столыпинских реформ, кампания, начатая большевиками, приобретает в национальных республиках характер целенаправленных репрессий. Так, были уничтожены в 1933 г. А. Мухиддинов, бывший в 1925—1929 гг. председателем таджикского Совнаркома, в 1926 г. председатель Верховного Совета Туркменистана Н. Айтаков.

В последующем “чистки” 1937—1938 гг. унесли жизни многих известных людей в Центральной Азии, таких, как узбеков Ф. Ходжаева и А. Икрамова, казаха Т. Рыскулова, таджика Шахтимура. Азербайджанец Н. Нариманов, умерший в 1933 г., был в 1937 г. осужден посмертно. Как указывает американский историк Г. Масселл, репрессии в нерусских республиках, которым формально придавали чисто политический характер, прикрывали широкомасштабную кампанию против представленных в государственном аппарате людей, пользовавшихся большим влиянием. В 1926 г. было принято решение об их уничтожении [202].

Процесс “чистки” был продолжен в период коллективизации, использованной в регионе Центральной Азии для лишения населения экономической базы, а также в период раскулачивания, когда баи были волюнтаристским образом приравнены к кулакам. Между тем, социальный круг тех и других был совершенно разным: кулак — это предприниматель-индивидуалист, а бай — глава сообщества людей с общими социально-экономическими интересами.

В 1927 г. депортациям и “чистке” подвергается крестьянская элита. Кампания по ее уничтожению под лозунгом коллективизации привязывается к кампании эмансипации женщин Востока, сопровождавшейся систематическими нападениями на религию. Сопутствующая задача — разрушить традиционный уклад жизни в Центральной Азии. X съезд РКП(б) в 1931 г. дал старт кампании коренизации (замена уничтоженной элиты представителями бедных слоев населения) в Центральной Азии [203], которая была прервана на некоторое время Второй мировой войной.

О характере и масштабах кампании “чисток” в Центральной Азии подробно говорится в статье Мустафы Чокая “Ғалтық керітөңкерісшіл” ме жоқ әлде “Ғалтық төңкерісшіл ме?” (“Национал-контрреволюционер” или же “Национал-революционер?”), в которой он не только полемизирует с “Правдой”, но и вносит ясность в ситуацию борьбы с “врагами народа” в Туркестане [204]:

“Газета “Правда” пишет о наличии скрытых врагов, которые были выявлены в ходе проверки и обмена партийных документов. В составе

партии большевиков немало противников сталинской диктатуры. Сама партия порождает и приумножает их число. Борьба со “скрытыми врагами” есть не что иное, как борьба с собственной тенью. Существует различие между теми “врагами”, которые проживают в России, и “врагами”, проживающими в национальных республиках. Так, в России врагами признаны троцкисты, зиновьевцы, т.е. коммунисты, выступавшие против личной диктатуры Сталина и считавшие, что он отошел от основных ленинских принципов. Они выступают также против русского шовинизма, возведенного в ранг национальной политики под лозунгом “советского патриотизма”. По мнению Троцкого и Зиновьева, такое провозглашение верховенства русской нации приведет к отходу от идеи мировой революции. Что касается “врагов”, проживающих в национальных республиках, то их называют “национал-контрреволюционерами”. Советское правительство объявило их более опасными, чем троцкисты и зиновьевцы, так как их цель, согласно большевикам, идет дальше, чем замена Сталина на его посту другой личностью или же изменение внутренней и внешней политики Советов. Их заветная мечта — освободить свой край от российского ига и создать свое независимое государство. Именно в этом Советы обвиняют “врагов”, выявленных среди нерусских членов партии” [205].

Каким образом ведется борьба с “врагами народа” в Туркестане, наглядно показано М. Чокаем на примере участи трех “национал-контрреволюционеров” из числа местных коммунистов: “В номерах “Казахстанской правды” от 16, 21 июля и 2 августа 1936 г. заведующий отделом пропаганды Центрального Комитета партии Казахстана Илиас Кабылов выступил с обширным материалом. В нем он подверг резкой критике “садуакасовцев”, “кожановцев” и “мендешевцев” и призвал к “беспощадной борьбе с национализмом, получившим широкое распространение в кругу научных работников и среде духовенства” [206].

Смагул Садуакасов, Султанбек Кожанов и Сеиткали Мендешев характеризуются Мустафой Чокаем как люди, служащие власти большевиков не из корыстных побуждений, а как заботящиеся о будущем своего народа. Их требования сводились к предоставлению больших прав местному населению в управлении своей страной, прекращению бесчинств со стороны русских рабочих и солдат, ограничению притока русских переселенцев. Они выступили также против разжигания “огня классовой борьбы” в аулах. Если бы Россия честно выполняла свои обещания в отношении нерусских народов, то она бы открыла им дорогу к строительству своих суверенных государств, лишив тем самым русский империализм тех, кто служит России щитом от внешних врагов. В этом М. Чокай видит истинную причину обвинений туркестанских коммунистов Смагула Садуакасова, Султанбека Кожанова и Сеиткали Мендешева в “реакционном национализме”. Их обвинили не в том, что они требуют у Советов выполнения данных ими обещаний о праве наций на самоопределение, а в том, что эти туркестанцы якобы вступили в сговор с

какой-то группой национал-контрреволюционеров и мечтают об отделении Туркестана от России [207] .

Не менее ценно отображение Мустафой Чокаем социального фона, на котором проводится в жизнь сталинская национальная политика: “То, что большевики называют социалистическим строительством в аулах, есть:

- во-первых, внедрение в казахские аулы русских переселенцев;
- во-вторых, это передача в общее пользование скота казахских жителей;

- в-третьих, это создание колхозов и совхозов на разнорасовой основе с тем, чтобы в результате вытравить из туркестанцев тюркскую сущность и сотворить отдельную казахскую нацию. В итоге проживающие в Казахстане узбеки, туркмены, киргизы и другие наши братья по крови будут превращены в “пасынков”, а русские пришельцы, осуществившие Октябрьский переворот, станут нашими старшими братьями, которым будет отведена роль предводителя народов” [208] .

И этот вывод Мустафы Чокая был в последующем подтвержден ходом истории. Стратегическая важность Туркестана для России и длительное сопротивление местного населения вынудили Сталина прибегнуть к репрессивным мерам под предлогом “борьбы с буржуазным национализмом”.

Конечной целью сталинской национальной политики, как проистекает из анализа М. Чокая, были денацификация (үатсыздандыру), т.е. планомерное разрушение всех нациообразующих элементов, и последующая русификация народов Центральной Азии. Для этого были предприняты:

- административно-территориальный передел и дробление народа на мелкие нации для облегчения возможности манипулирования ими;

- проведение переселенческой политики: смешение местного населения с русскими переселенцами при неременном обеспечении численного превосходства русских;

- фальсификация истории в угоду идеологических интересов и с этой целью отождествление в максимальной форме власти и русской нации;

- насилие и внушение страха неотвратимости наказания.

Меры были рассчитаны на то, чтобы обезопасить власть от возможных повторений недовольств местного населения и достижения окончательного покорения региона. Исаак Дойчер, английский исследователь жизни и политической деятельности Сталина, указывает, что одновременно “отец народов” начал кампанию преследования вузовской интеллигенции, опасаясь, что они могут попасть под влияние работ Троцкого, желая тем самым выкорчевать даже самые малые ростки критической мысли и установить “верховенство дубинки над пером” [209] .

Для настоящего исследования интерес представляет анализ прометеевскими деятелями судебных процессов над националистами, организованных в СССР.

После на шумевших судов над 16 националистами в августе 1936 г., 17 националистами в январе 1937 г., над маршалом Тухачевским и группой

советских военачальников в июне 1937 г., в марте 1938 г. состоялся открытый судебный процесс над 21 бывшими партийными и советскими руководителями, ставший частью “большой чистки” сталинского окружения. Материалы суда, опубликованные в “Правде” и перепечатанные всеми советскими периодическими изданиями, стали также предметом дискуссий западной “буржуазной” прессы, в частности французских изданий “*Le Bulletin du jour*” и “*Le Temps*” (орган МИД).

На скамье подсудимых оказались все члены ленинского политбюро за исключением Сталина: они были обвинены в троцкизме и названы “иностранными шпионами, пробравшимися в правительственные круги Советов”. Среди них были Рыков, Бухарин, Крестинский, Раковский, один из бывших премьер-министров, несколько заместителей министров, председатель профсоюзов, начальник штаб-квартиры, главный политкомиссар Красной армии, высшие чины командования, почти все советские послы в европейских и азиатских странах, а также Ягода и Ежов [210].

Прометеевцы поместили обширный аналитический материал о ходе судебного процесса над четырьмя фигурантами из числа двадцати одного в двух номерах “*La Revue de Prométhée*”. Двое из четверых были украинцами, двое — туркестанцами:

- украинец Григорий Гринько [211], бывший нарком финансов СССР;
- украинец Шорингович, бывший секретарь ЦК КП Закарпатья;
- туркестанец Файзулла Ходжаев [212], бывший председатель СНК

Узбекистана;

— туркестанец Акмаль Икрамов [213], бывший секретарь ЦК КП Узбекистана.

Все они были обвинены в национализме и организации подрывной работы против советского строя. Украинец Гринько “признался” в том, что он состоял в националистической партии “Боротьбисты” (в переводе с украинского — борцы). Шорингович “признался” в том, что состоял в национал-фашистской организации, Ходжаев — в том, что был членом националистической организации “Милли Иттихад”, а Икрамов — в том, что возглавлял националистическую группировку “Милли Истиклаал” [214].

Автор статьи обратил внимание читателей на то, что мировая пресса обсуждала главным образом вопрос о виновности обвиняемых, тогда как этот вопрос был вовсе не главным [215].

По мнению прометеевцев, в национальных республиках “скрыты силы, способные в корне изменить порядок, навязанный Москвой, и даже расшатать устои советского строя” [216].

Факт существования националистических организаций, по их мнению, был бесспорен. Прометеевцы располагали сведениями, поступавшими из надежных источников, согласно которым, убедившись в бескомпромиссности Советов, обвиняемые националисты пошли на сотрудничество с большевиками из тактических соображений. “Мы идем в стан большевиков и полагаем, что так мы сможем послужить Украине. Вы можете считать

нас предателями, но вы еще услышите о нас”, заявляли они, так как были убеждены, что такой ценой смогут поддержать националистические тенденции, набирающие силу в республиках, и содействовать расцвету национальной культуры, образования, литературы, науки [217].

Ходжаев признал, что готовил кадры борцов за национальную свободу Туркестана и с этой целью направил в 1922 г. 100 юношей и девушек на учебу в Германию. Почему только в Германию? Автор статьи Андрос отмечает, что в тот период Германия была единственной страной, с которой Сталин поддерживал дружеские отношения [218].

Националист Ходжаев подтвердил, что был сторонником автаркии применительно к экономике Туркестана, так как националисты не сомневались, что регион может развиваться самостоятельно. “Буржуазными националистами” был разработан пятилетний план, диаметрально противоположный предложенному Москвой. Согласно Москве, региону отводилась роль сырьевого придатка России, для чего всю пахотную площадь надлежало отдать под монокультуру хлопка [219].

После скрупулезного анализа “признаний” обвиняемых прометеевцы сочли ненужным обсуждать вопрос о якобы сотрудничестве туркестанских и украинских деятелей с иностранными фашистскими организациями: это обвинение они квалифицировали как “утверждение без доказательств”, не имеющее под собой никакой почвы [220].

Сам судебный процесс так же, как и предыдущие суды, производил впечатление фарса. Обвиняемые вели себя как призраки, давали ответы на самые абсурдные вопросы типа “Были ли случаи, когда члены вашей преступной группировки подмешивали гвозди в сливочное масло?” И обвиняемый отвечал “да”, равно как и на другие подобные вопросы, задаваемые прокурором Вышинским [221].

Анализируя данный судебный процесс, прометеевцы задавались тем же самым вопросом, что и биограф Сталина в 1953 г.: “Для чего нужны были Сталину эти откровенно смехотворные процессы?”

Андрос, автор прометеевской статьи, полагал, что Сталин (никто не сомневался, что за всем этим фарсом стоял Сталин) хотел “любой ценой унижить обвиняемых, выдать их за шпионов и предателей, так как они посягнули на его диктаторские полномочия, тогда как “отец народов” идентифицировал себя с властью” [222].

“Истинная цель Сталина заключалась в том, чтобы уничтожить тех, кто могли бы составить не одно, а даже несколько правительств”, подтверждает вывод Андроса Исаак Дойчер [223].

Андрос, со своей стороны, называет и другие причины, имеющие отношение к национальному вопросу:

— компрометировать в глазах нерусского населения лидеров их собственных национальных движений и таким способом “сохранить единство народов” СССР [224];

— обвинить лидеров национальных движений в саботаже и тем самым переложить ответственность за провалы советской экономики на “националистические антисоветские организации, действовавшие в сговоре с троцкистами”, что реабилитировало бы советский строй в глазах населения [225].

Суд над 21 националистами, полагали прометеевцы, был частью сталинской программы по “возрождению великорусского патриотизма, долженствующего стать опорой его единоличной власти” и вопрошали: “Задумаются ли когда-нибудь русские над тем, что причинили столько горя другим народам?”. При этом прометеевцы не надеялись получить ответ на свой вопрос в обозримом будущем [226].

Полное пренебрежение национальной самобытностью нерусских народов СССР, желание большевиков решать любые проблемы только с классовых позиций, стремление приблизить мировую революцию, отсутствие политической культуры — все эти факторы способствовали взаимному непониманию Москвы и национальных республик. В итоге это привело к тому, что национальная политика большевиков продолжила колонизаторскую политику царской России [227].

По всем этим причинам было вполне закономерным появление таких личностей, как Гринько, Шорингович, Икрамов, Ходжаев, Мустафа Чокай. Главное чувство, приведшее их на путь борьбы за право своих народов на самоопределение, называлось национализмом.

Как же формировалось чувство национализма у этих государственных деятелей?

Ответ, видимо, надо искать в их биографиях. Это чувство, зародившись в детстве, обостряется в экстремальных ситуациях. Вот что писал о себе националист Юзеф Пилсудский: “Наша мама с самого раннего детства воспитывала в нас независимость суждений, чувство личного достоинства. А я вывел из этого для себя следующее: “Только тот достоин называть себя человеком, кто имеет твердые убеждения и способен без оглядки реализовать их в своих поступках”. Я много читал о французских революциях. Полагал, что мы не стоили и не стоим французов. И это сильно задевало мое самолюбие. Задумываясь о судьбе нации, с которой были связаны мои радости и невзгоды, мои помыслы и чувства, я убедился в том, что мои детские мечты во многом способствовали формированию моих мировоззрений ” [228].

В таких же условиях формировался национализм М. Чокая, происходившего из аристократической семьи рода кипчаков. Его мать была потомком хана Бату. Семилетней девочкой Бахты во время боя сидела в седле, крепко держа в руках боевое знамя. Отец Мустафы был губернатором и пользовался большим авторитетом у своих сородичей. Умирая, он наказал сыну посвятить себя юриспруденции и стать защитником народа от русского произвола [229].

В личной жизни, особенно в эмиграции, М. Чокай редко давал волю чувствам. Его супруга Мария Яковлевна вспоминала: “Мы были в

этнографическом музее на площади Трокадеро. Мустафа вдруг увидел домбру.

— Откуда она у вас? — спросил он у сотрудницы музея.

— Это дар нашему музею поляка Бронислава Залесского, который много лет провел в депортации в степях Центральной Азии.

— Вы позволите, мадам, хотя бы дотронуться до нее?

Мустафа взял домбру и заиграл. Мелодия сочная, глубокая, словно идущая из чрева Земли, заполнила своды музея.

— Для нас, кочевников, домбра — дитя любви Земли и Космоса [230], сказал он, возвращая инструмент.

Тогда я впервые и единственный раз увидела слезы на глазах мужа" [231].

Мустафа Чокай, — лидер национального движения — был выразителем национализма, означавшего волеизъявление народа Туркестана самому строить и развивать свое суверенное государство.

Сталин — глава тоталитарного государства — был выразителем национализма, утвердившего верховенство одной (русской) нации над всеми остальными, возведя такой национализм в ранг политической доктрины, ставшей основой идеологии коммунистической партии Советского Союза.

С темой национализма неразрывно связаны темы народа, нации и национального чувства. Эти фундаментальные проблемы поднимаются в первом номере "*La Revue de Prométhée*", и выбор их был вызван необходимостью определить отношение прометеевцев к радикальным формам национализма — шовинизму и нацизму. Этого требовала сама политическая ситуация все более обостряющегося соперничества фашизма и большевизма, каждый из которых находил своих сторонников не только в Европе.

В своих "Замечаниях" идеологи прометеизма уделяют серьезное внимание необходимости вовлечения в свои ряды молодежи. Важно было выработать у молодежи "наиболее подходящий с точки зрения интересов "Прометея" и самой Польши стиль национализма для того, чтобы при создании идейных фундаментов избежать опасных подводных скал в виде националистических перегибов (стиль гитлеризма) либо чрезмерного социального радикализма".

Таким стилем национализма, по их убеждению, являлся национализм в стиле Пилсудского (читай: патриотизм), так как "сама по себе борьба за независимость, которую вел маршал Пилсудский, имеет для эмиграции большую агитационную силу и вызывает среди молодежи желание повторить путь, указанный Пилсудским".

Понимание национализма Юзефом Пилсудским тесно смыкалось с позицией в этом вопросе Мустафы Чокая, для которого это понятие означало обретение независимости через восстановление утраченной государственности Туркестана. Национализм в таком значении не имел ничего общего с его радикальными формами, т.е. нацизмом Гитлера, провозгласившим верховенство немецкой нации над всеми остальными нациями мира, а также

доктриной большевизма, провозгласившей верховенство русской нации в СССР.

В статье "Нация и национальное чувство" Александр Шульгин [232] обращается к трудам авторитетных ученых и политических деятелей различного толка, в частности, Жозефа Эрнеста Ренана [233], согласно которому душу нации составляют две вещи: "коллективное владение завещанной наследственной памятью и согласие в настоящем жить совместно, приумножая полученное неделимое наследие".

"Существование нации, по убеждению Ж. Э. Ренана, есть каждодневный плебисцит. Человек не является рабом ни своей расы, ни своей религии, ни течения рек, ни направления горных гряд. Великое единение здоровых душой и горячих сердцем людей рождает сознание, называемое нацией" [234].

Поскольку определение Ж. Э. Ренана скорее поэтическое, чем научное, Шульгин отмечает необходимость выявления объективных критериев для выяснения сути понятия нации: "Сторонники определения нации с чисто субъективных позиций забывают, что в основе национального сознания должно быть нечто, что скрепляет индивиды, составляющие нацию, некое крепкое цементирующее средство, способное морально объединить их мощными узами" [235].

Понятия "народ" и "нация" фундаментальны. Актуальность поднимаемой проблемы подтверждена временем, ибо, по мнению даже современных исследователей, "общепринятого всем международным сообществом понятия "народ" до сих пор нет. Не только в правовой, но и в этнографической литературе дискуссии на эту тему идут с XIX в." [236].

Однако ясно одно: первичным понятием является народ, а нация по отношению к нему вторична. Если исходить из понимания народа как "исторически сложившейся на определенной территории устойчивой общности людей, отличающейся от остальных единым языком, относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также общим осознанием своего единства и фиксированным самоназванием" [237], то необходимо выявить то цементирующее звено, которое способно трансформировать народ в более крепкое единство — нацию. Проблема осложняется, когда речь идет о многонациональном населении, проживающем в границах одной страны.

Александр Шульгин отмечает, что чаще всего социологи и историки в определении народа либо нации исходят из следующих критериев:

- а) территория, в которой проживает народ;
- б) антропологический тип;
- в) язык, имеющий особую важность в формировании национальной культуры;
- г) литература, искусство, обычаи, фольклор;
- д) период жизни, проведенный под какой-либо династией;
- е) религия;
- ж) общая историческая память.

“Все это, по его мнению, расширяет и увеличивает число факторов, сближающих индивиды, входящие в единую нацию. Однако ни один из этих признаков не является универсальным для всех наций, так как есть народы, которым удалось сформировать нацию вопреки расовым различиям (США), разнообразию языков, на которых они говорят (Швейцария)” [238].

В советской науке существовало смешение понятий “народ”, “нация” и “национальность”, причиной которого было волюнтаристское деление Сталиным народов СССР на нации, народности и этнические группы, справедливо подверженное критике западными советологами А. Бенningсеном и Ш. Лемерсье-Келькеже. Авторы, в частности, отмечают, что одним из основных признаков нации, согласно Сталину, является территориальный. Сталин поставил критерии выделения нации в зависимости от своей идеологии: так, лишив крымских татар своей территории, он использовал свою “классификацию” как средство наказания за несовершенное преступление и отнял у них право называться нацией [239].

Поэтому более правомерно опираться не на сталинское, а на принятое международным сообществом понимание нации как социального организма, скрепленного прочными узами и объединенного общим желанием “приумножать полученное неделимое наследие”, включая сохранение и защиту прав нации.

Александр Шульгин считает, что формированию нации предшествует длительный исторический отрезок времени. Так, французская нация сформировалась в течение ряда веков под бдительным оком короля [240], а это означает, что народ может сформироваться в нацию при строго определенных условиях.

По вопросу о народе Мустафа Чокай высказывается так: “С позиции государства нет различия в народах. Нет плохих народов, есть среди них отдельные плохие люди. И уровень гуманности страны зависит от того, насколько гуманны населяющие ее граждане” [241].

Развивая эту мысль в статье более позднего периода (1937), и проводя сравнение между западными странами и Россией, Мустафа Чокай уточняет, что народы отличаются между собой по уровню общей и политической культуры. В частности, выявляя некоторые особенности колониальной политики большевиков, он отмечает, что Советы продолжили переселенческую политику царского правительства, превратившую русское население в мигрантов-колонизаторов (мұғажыр отаршылдар); ни одна западная страна-колонизатор не занимается массовым переселением своих сограждан в захваченный ею регион, хотя безработные в метрополии исчисляются миллионами. Государства-метрополии Западной Европы обладают определенной политической культурой, которую они прививают в своих колониях. Такой политической культуры у большевиков нет [242].

Синтезируя мнения Александра Шульгина и Мустафы Чокая, можно заключить, что формирование нации в странах, где народ неоднороден по своему происхождению, зависит не только от исторического отрезка

времени, но и от того, насколько с течением времени стала высока степень спаянности представителей разных национальностей, проживающих в границах общей государственной территории. И таким цементирующим элементом является, в первую очередь, уровень общей и политической культуры, а начальной ступенью в достижении культуры сожительства является чувство толерантности, без чего отношения не могут перерасти в чувство взаимного уважения. Представляется, что именно эти факторы, наряду с общей исторической памятью, предшествуют рождению единой нации в рамках единого государства.

Могло ли зародиться такое цементирующее начало в отношениях между народами Центральной Азии и России или же между китайским народом и туркестанскими тюрками?

На страницах *“La Revue de Prométhée”* М. Чокай делает экскурс в историю вопроса, дает общую картину того, как начинали “строить отношения” с местным населением Туркестана русские политические силы: “Год 1919-й. Две силы. Обе русские. Одна из них — красный империализм, другая — империализм белых контрреволюционеров. Обе одинаково враждебны по отношению к национальному движению нерусских народов, проживающих в границах распавшейся русской империи. Обе оспаривали пальму первенства в борьбе, которую они вели против угнетенных масс, только что выбравшихся из “тюрьмы народов”.

Для белых вообще недопустима была сама мысль о существовании национализма других народов, кроме русского национализма. Они называли “большевиками”, т.е. врагами России, всех тех, кто не признавал “святую Русь, единую и неделимую”, ту Россию, где инородцы были бесправны де юре и де факто. Для белых “освободителей” любой неконформизм граничил с предательством и как таковой ими пресекался.

Красные же (большевики), придя к власти с лозунгом и требованиями свободы самоопределения народов вплоть до отделения от России, сразу же “вывернули свою одежду наизнанку”, чтобы затем с невероятной быстротой пустить пыль в глаза мировому сообществу. Они по-своему реализовали “священные права революционных свобод” в тех окраинах бывшей империи, где народы жили надеждой на обретение независимости. Методы красных отличались оперативностью. “Белыми” они прозвали всех, кто не был согласен принять право на “самоопределение” в понимании Советов. К тому же белые были обвинены пресловутым ЧК в “мерзком преступлении, став агентами Антанты” [243].

Не уступал России в жестокости и Китай, сумевший покорить восточную часть Туркестана (китайское название — Синь-Цзянь). История колонизации Восточного Туркестана Китаем компактно и емко изложена Мустафой Чокаем в его статье “Восточный Туркестан” [244]:

“Этот огромный край имеет территорию, достигающую полутора миллиона квадратных километров. На севере он граничит с Монголией, на западе — с советским Туркестаном (Казахстаном, Киргизстаном и

Таджикистаном), на юго-востоке — с Афганистаном, на юге — с Индией и Тибетом; на востоке — с китайскими провинциями Кан-Су и Чинхай. Основная масса населения — тюрки, идентичные тем, кто проживает в советском Туркестане. Тюрки из южной части края, Кашгарии, часто именуемой собственно Восточным Туркестаном, называют себя уйгурами, тогда как на севере, в Джунгарии, они идентифицируют себя с выходцами из советского Казахстана и Киргизстана. По своим родовым и религиозным истокам, а также языку и нравам тюрки Восточного Туркестана и тюрки советского Туркестана составляют единый народ.

Китай давно наложил свою тяжелую руку на Восточный Туркестан, и в 1765 г. он полностью завершил его завоевание. Нескончаемые братоубийственные войны создали для этого благоприятные условия, так как имели место внутренние раздоры не только между населявшими регион тюрками, монголами (торгут-калмыками, которых русские историки называют джунгарами), дунганами. Нескончаемы были и кровавые соперничества между самими тюрками и правящей династией Аппак-Ходжа или Ходжа. Нет, по-видимому, в мире страны, которая не воевала бы так часто и с таким постоянством против завоевателей, как Восточный Туркестан. В течение первых шестидесяти лет XIX в. тюрки Восточного Туркестана 10 раз (!) восставали против Китая, несмотря на репрессии, которые велись со свойственной только китайцам жестокостью” [245].

Мустафа Чокай приводит фрагмент работы Певцова, руководителя экспедиции, побывавшей в Восточном Туркестане: “Многочисленное население города Кашгара, подозреваемое в верности Ходже (речь идет о Ходже Валихане, законном наследнике Кашгарского ханства), было истреблено, а головы убитых, нанизанные на шесты, были выставлены в клетках вдоль дорог, ведущих к воротам города. Мечети превращали в конюшни, над мужчинами издевались, женщин насиловали...” [246].

М. Чокай отмечает, что эти проявления бесчеловечности вовсе не умерили пыл восточно-туркестанских тюрков, они упорствовали и при новом удобном случае вновь восставали против угнетателей. Если даже не принимать во внимание родовую и религиозную формы антагонизма между тюрками и китайцами, то даже сам по себе китайский режим с его непередаваемой жестокостью и бесчеловечностью толкал их к мятежу [247].

В изучении вопроса Мустафа Чокай ссылается также на записи Чокана Валиханова, одного из первых исследователей Восточного Туркестана, чье мнение в данном вопросе он считает очень авторитетным: “Чокан Валиханов в 1858 г. объехал территорию Восточного Туркестана в качестве секретного агента русского правительства и подытожил свои впечатления: “Непосильные налоги, бесконечные поборы, ростовщичество, притеснения со стороны китайцев и беков, назначаемых ими, — все это приводит в отчаяние население “шести городов” [248].

Тюрки возненавидели китайцев и их наместников. Сами китайцы, живя в окружении враждебного к ним населения, вымещают злобу на народе,

проявляющем молчаливую терпимость и утешающем себя мыслью о мести, которая не минует китайцев, когда вернется Ходжа. Китайцы доверяют только тем, кто притесняет людей, и, соответственно, не имеет ничего общего с этим народом. Совпадение интересов чиновников и интересов населения встревожило бы китайцев и стало бы для них угрозой. Таковы, по мнению М. Чокая, причины, которые превратили родовой и религиозный антагонизм в глухую ненависть, ставшую пропастью между тюрками-мусульманами Восточного Туркестана и китайцами» [249].

История отношений между Россией и Западным Туркестаном, а также между Китаем и Восточным Туркестаном убеждает в том, что на вопрос о возможности появления цементирующего начала между народом страны-колонизатора и народом колонизированной страны ответ может быть только отрицательным. В этом определяющую роль играет историческая память.

Что же касается национального чувства, включая патриотизм, то оно под влиянием внешнего контекста может либо усиливаться в момент нависшей угрозы (к примеру, период Жанны д'Арк во Франции), либо ослабевать, как это случилось тогда, когда Людовик XIV заявил: "Государство — это я", сочтя тем самым народ как нечто, не имеющее отношения к управлению государством. Таким же фактором, ослабившим национальное чувство французов, была нахлынувший в XVIII в. космополитизм [250].

В СССР Сталин для упрочения своей власти манипулировал национальным чувством (национализмом) русских рабочих и крестьян, представлявших собой самую малообразованную часть населения. Русский национализм, превращенный им в доктрину, стал инструментом подавления народов национальных окраин. Проявление национальных чувств нерусских народов преследовалось как буржуазный национализм, которому был противопоставлен пролетарский интернационализм.

В этой связи представляется достойным внимания мнение современных исследователей, которые, указывают, что при сталинском тоталитаризме, породившем эгократию, истоки верховной власти исходили не от народа, управление народом не регулировалось законом. Если Людовик XIV идентифицировал себя с государством, то эгократия Сталина завела его еще дальше — он идентифицировал себя со всем обществом [251].

Шульгин, приводя различные мнения по вопросу о национализме и интернационализме, указывает, что идея пролетарского интернационализма, проповедававшаяся в Манифесте Маркса и Энгельса, не сумела пройти проверку жизнью. Он оппонирует Марксу и Энгельсу в этом вопросе, приводя мнение австрийских социалистов Отто Бауэра и Карла Реннера [252], которые вынуждены признать наличие у каждого народа национального чувства, охватывающего и буржуазные слои, и пролетариат. Национальный дух, как они признают, сильнее чувства, пропагандируемого известным лозунгом "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Но более сильным оппонентом авторов Манифеста является, по мнению Шульгина, Жан Жорес [253], который в ответ на утверждение Маркса—Энгельса "пролетариат не

имеет родины”, означающее по сути, что пролетарский интернационализм не признает границ, заявляет: “Истина в том, что везде, где есть родина, т.е. исторически сформировавшиеся группы, осознающие преемственность и единство, всякое посягательство на свободу и целостность родины является покушением на цивилизацию, возвращением в варварство” [254].

Шульгин отмечает: “Если некоторые сторонники идей Жореса “вернулись в варварство”, то это ясное заявление одного из видных деятелей движения социалистов XX в. доказывает, что дух интернационализма потерпел провал даже в этом кругу космополитов” [255].

Высшим проявлением национального чувства является патриотизм. Шульгин опирается на высказывание великого Руссо [256], утверждавшего, что “чувство патриотизма делает человека добрым гражданином. Без этого чувства государство не может нормально существовать, это чувство является единственно глубоко моральным”. А. Шульгин разделяет позицию Руссо, отвергающего космополитизм в силу невозможности любить весь мир. [257].

Завершая полемику, Александр Шульгин задается вопросом “Всегда ли необходим патриотизм?” и приводит в ответ мнение Градовского [258]: “Парадоксально, что для ответа на него мы прибегнем к словам русского автора, хотя именно русские противостоят самым злобным образом национально-освободительным движениям прометеевских народов. Градовский абсолютно уверен, что основным условием человеческого прогресса является существование в мире большого числа народов, и каждый народ при этом должен сохранять свои национальные особенности. Желание унифицировать земную цивилизацию, придать однообразие интеллектуальному (или скорее культурному) развитию противоречит основному условию человеческого прогресса” [259].

Как же ускорить выход из “пучины социальной деградации”?

Ответом на данный вопрос может быть утверждение Мустафы Чокая о необходимости единения народа Туркестана на основе принципа демократического национализма, что по своей сути есть не что иное, как “формирование духа здорового национального демократического государства”.

Позиция М. Чокая и маршала Пилсудского в вопросе о нации и национализме совпадает с позицией русского юриста А. Д. Градовского, считавшего, что “каждая нация имеет право развиваться самостоятельно, т.е. самому создавать собственную историю”. Это право, по глубокому убеждению А. Шульгина, “укоренено в невидимых законах нравственности человеческого существа. И оно оправдано самим ходом мировой истории. Но это право могло бы остаться мертвым словом, если бы оно не было поддержано внешними условиями, т.е. политической независимостью народа. Для реализации возможности развиваться самостоятельно интеллектуально, морально и экономически каждый народ должен создать свое государство, иметь собственную суверенную власть [260].

Таким образом, скорейший выход из социальной деградации зависит во многом от уровня политического сознания народа.

Шульгин подкрепляет эту мысль высказываниями Ле Фюра, предупреждающего, что “смешанное государство, которое не опирается на национальные умы, всегда слабее” [261], и Михаила Драгоманова, который уверен, что “национальный дух не должен исключать идею согласия всех народов, свободных и равных”, а для реализации своего права “народ должен проявить сильную, единогласную, непоколебимую волю” [262].

Все изложенное позволяет заключить, что патриотическое чувство каждого гражданина зависит от того, насколько и как в нем присутствует его Родина.

Россия проводила свою захватническую политику в регионе Центральной Азии под лозунгом “исторической миссии России нести западную культуру полудиким народам Востока” [263].

Мустафа Чокай проводит собственный анализ цивилизаторской миссии России в Туркестане. Одновременно это было откликом на указание Сталина о пересмотре учебников истории СССР, в которых Россия должна предстать как страна-благотельница, несущая истинную культуру народам, не имевшим в прошлом ни истории, ни письменности и нуждающимся в воспитании.

Вопреки решению Временного революционного правительства об отмене переселенческой политики Советы стали всемерно содействовать захвату обширных территорий Туркестана русскими переселенцами, формально оправдывая это необходимостью “укрепления пролетарской солидарности между русскими и туркестанцами”. В 1925 г. руководители Казахстана добились принятия Москвой постановления о запрещении прибытия новых русских поселенцев в Казахстан. Но и это постановление оказалось фикцией: Голощекин, возглавлявший партийную организацию Казахстана, заявил: “Товарищи казак-киргизы, а у вас есть вооруженные силы, чтобы выгнать поселенцев, и деньги, чтобы оплатить им обратную дорогу?” [264].

Относительно общей культуры, прививаемой советскими руководителями рядовым коммунистам, Мустафа Чокай с горечью отмечает, что в числе большевистских “завоеваний” есть новые специфические словосочетания типа “наймиты империализма”, “союзники кровавого троцкизма”, а перевод таких слов, как “подлецы”, “мерзавцы”, “собаки” в разряд оценочных при характеристике политических оппонентов, по его мнению, является проявлением “красного хулиганства” [265]. К этой же категории можно отнести и следующее высказывание Сталина на XVII партийном съезде: “А те, кто попытаются напасть на нашу страну, получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород”. Эти слова “вдохновили” художника И. Савельева на создание карикатуры под названием “Неповадно будет”, напечатанной в “Казахстанской правде” [266].

“Цивилизаторская миссия” стала проводиться большевиками в Туркестане сразу после падения царского самодержавия. Сначала они жестоким образом расправились с представителями Временного правительства в Туркестане, затем стали учинять грабежи и разбой мирного местного населения [267].

Народ отреагировал равнодушно на падение Временного правительства, не выказав в то же время доверия к новому правительству Советов, как указывает Мустафа Чокай, видя причину этого в том, что и в феврале, и в октябре действовали одни и те же лица и одна и та же сила была в основе событий — это прежняя колониальная система, существовавшая при монархии [268].

После того как большевики утопили в крови Кокандскую (Туркестанскую) Автономию, народное сопротивление приняло форму партизанской войны, а реализация большевиками “исторической миссии” по воспитанию “полудиких народов Востока” стала носить так называемый “воспитательный” характер. Действия большевиков еще больше усилили противостояние между Советами и местным населением. Вот что написал об этом М. Чокай в статье “Показательное варварство”, опубликованной 30 августа 1924 г. в газете “Последние новости”. Со ссылкой на письмо одного из жителей Бухары Мустафа рассказывает о стычках повстанцев с советскими частями в районе селений Хабар-Абод, Кюмкюшкент, Кыштыкент и Вабкент.

“При любом исходе борьбы, — пишет автор письма, адресованного в редакцию газеты, — расплачивается мирное население тех местностей, близ которых были обнаружены повстанцы. В случае своей удачи советский отряд берет себе вознаграждение “в благодарность за освобождение от басмачей”. При неудаче население подвергается штрафу — “за сочувствие басмачам”. Есть селения, которые в течение короткого времени были ограблены дважды: “в благодарность за освобождение от басмачей” и “в наказание за сочувствие басмачам”. А это бывает так. Приезжает советский отряд и учиняет допрос: за советскую власть или за басмачей? Разумеется, все за советскую власть. Значит, бери отряд на свое иждивение. Тогда вместо прямого ответа стали отвечать молчанием. “Молчите? — говорят, — следовательно, вы — скрытые враги советской власти”. А как поступают с врагами — это известно. И стали бухарские крестьяне при приближении советского отряда уходить в степь. Часть укрывается, а часть уходит к басмачам. Вот и держится басмачество”.

М. Чокай указывает в статье на “особый” метод, используемый советскими отрядами и названный в письме “показательным варварством”. 20 июля 1924 г. после неудачной попытки захватить предводителя басмачей Джумы-курбаши в районе Вангазы советский отряд ворвался в мирное село и увел в качестве заложника его брата Ширина, не причастного ни к чему крестьянина-земледельца. Всякая помощь семье Ширина со стороны жителей была приравнена помощи врагам советской власти. В ходе боев большевикам удалось захватить помощника курбаши Агзам-Ходжи по имени Хафиз, которому отрубили голову и послали ее начальству в качестве трофея.

Начальник бухарской милиции Рахимбаев, поднесший начальству голову Хафиза, удостоен революционной награды — ордена Красного Знамени II степени, о чем было написано в № 111 газеты “Азад Бухара”.

Мустафа Чокай подытоживает: “Подношение человеческой головы — это кровавый обряд, созданный ленинизмом в Средней Азии, но завоевание страны вовсе не означает ее покорение, ни тем более примирение народа с завоевателями либо смирение колонии метрополии” [269].

О “воспитательных мерах” (*moyen pédagogique*), проводимых советской властью, не сумевшей преодолеть сопротивление мятежных басмачей в Туркестане, пишет также французская “*Le Quotidien*” (“Ежедневная газета”), тем самым подтверждая мнение Мустафы Чокая о “цивилизаторской” миссии России. Французский автор со ссылкой на газету “Кызыл Узбекистан” от 11 июля 1926 г. рассказал о том, что 25 июня голова курбаши Курбана, убитого в ходе боев с Красной армией, по указанию местной советской власти была выставлена на базарной площади Пенжекента. Через день, 27 июня, красноармейцы силой согнали жителей и заставили в массовом порядке смотреть на это зрелище.

Французский журналист отмечает, что ранее большевики уже прибегали к таким “педагогическим” приемам: в сентябре 1922 г. головы басмачей выставлялись на трибуне в ходе ташкентской партийной конференции [270], а большевистский представитель в Бухаре г-н Фонштейн потребовал в своем выступлении прислать ему отрезанные головы всех басмаческих курбаши [271].

О другой форме “воспитания” населения Туркестана — политической — рассказал в своей статье, написанной специально для французского издания “*Paris-Midi*”, американский журналист Линдсей Хобсен, который, изменив свою внешность, сумел проникнуть в закрытый для иностранцев Туркестан [272].

В материале говорится, что Москва развернула широкую пропаганду и внушает населению мысль о неизбежности мировой революции, которая должна смести мир капитала. Работа по “политическому воспитанию” масс ведется с помощью штыков. Большевики намерены любой ценой превратить Туркестан, стратегически удобный для ведения подстрекательской пропаганды, в наглядный пример торжества своих идей, чтобы тем самым поднять колонизированные народы Востока на борьбу против стран-метрополий Запада [273].

Население не было склонно к принятию коммунистических идей и предпочитало вести свой привычный кочевой образ жизни без всякого вмешательства извне. Классовая основа большевистской идеологии была чужда мусульманам Центральной Азии, поэтому с учетом ситуации работа по “политическому воспитанию” масс была переориентирована. Вот как продолжил тему Морис Перно в своей статье “*En Asie Musulmane*”: “Побыв некоторое время на Востоке, сразу замечаешь, насколько здесь широко укореняется ксенофобия. Тому ряд причин, одной из которых является

советская пропаганда. Те, кто ведут эту пропаганду, не скрывают ни преследуемых целей, ни используемых средств. Воистину, большевизм как философская и социально-политическая доктрина не предлагает ничего, что могло бы привлечь персов, афганцев, турков, а также индусов и египтян. Однако с 1922 г. Москва стала рекомендовать своим агентам, работающим в Азии, забыть на время о принципах большевистской доктрины и интересах партии и проповедовать не классовую борьбу, а родовую вражду. Там, где сильны национальные чувства, советуют опираться на национализм. Там, где их нет, рекомендуется использовать ксенофобию. В обоих случаях задача одна и та же — пробудить, а затем поддерживать и усиливать ненависть и гнев Востока против Запада” [274].

Пропаганда в этом регионе велась при активном участии агентов Коминтерна, тесно сотрудничавших с немцами [275].

Морис Перно иллюстрирует сказанное текстом прокламации, которая распространялась среди воинских формирований, дислоцированных у северных границ Индии. Этот стратегически важный регион с давних пор был объектом вожделений России, которая не прекращала попыток завладеть им, выгнав оттуда британцев. “Товарищи из воинской дивизии Памира! Республика Советов, направив вас на аванпосты Памира, расположенные на стыке границ дружественных стран Индии и Афганистана, доверила вам ответственную миссию. Памирское высокогорье отделяет революционную Россию от Индии, где триста миллионов человек превращены кучкой англичан в рабов. На этом высокогорье вы, гонцы революции, водрузите красное знамя армии-освободительницы. Пусть народ Индии знает, что в своей борьбе против английских колонизаторов они могут рассчитывать на скорую помощь дружественного соседнего народа. Живите в тесной дружбе с племенами северной Индии, которые тянутся к свободе! Поддерживайте словом и делом их стремление к восстанию! Не верьте клеветническим заявлениям британской прессы, английских лордов и банкиров, направленным против советской России!

Да здравствует революционный союз народов Европы и Азии!” [276].

Иное, отличное от советских “методов воспитания” населения в своих колониях, отношение проявляла Британия к Индии: конституция Индии считается одной из самых либеральных, избран парламент, а благодаря разумному руководству вице-королей и британской протекции в стране царит мир; сам Ганди поддержал британские инициативы [277].

Таким образом, формулировка “цивилизаторская миссия России в Центральной Азии” была лишь лицемерным прикрытием варварского обращения большевиков с населением Туркестана.

Оправдание своих действий желанием спасти ту или иную цивилизацию свойственно всем тоталитарным государствам: так, нацистская пропаганда призывала к истреблению туркестанских военнопленных в концентрационных лагерях под лозунгом защиты европейской цивилизации от “азиатских варваров, носителей большевистской заразы” [278].

Характер отношений между метрополией и колонией зависит от ряда факторов, среди которых главными можно назвать степень отдаленности (отсутствие/наличие общих границ) между ними и уровень политической культуры самой метрополии.

В личных архивах Мустафы Чокая сохранены вырезки из различных газет с текстами данных им интервью, а также оттиски статей о Туркестане, написанных западными журналистами. М. Чокай следил не только за тем, чтобы его высказывания были изложены в газетном материале без искажений, но и за тоном и духом статьи. При необходимости давал опровержения либо высказывал свое несогласие с позицией журналиста. Мустафа Чокай был против того, чтобы его имя и политические взгляды были использованы для организации политических интриг между соперничающими странами. В отношении статьи французского журналиста Анри де Кораб (Henri de Corab), написанной на базе интервью с ним, Мустафа Чокай отмечает:

“Много выдумки! Пытается выставить меня каким-то неистовым врагом России и сторонником дружбы с Англией. Это совершенно неверно. Думаю, что каждый должен отдавать себе отчет в том, что может дать безоглядная вражда к одной и столь же безоглядная дружба к другой стране. Я знаю одно: безоглядная вражда к России была бы для нас политикой неблагоразумной. С какой-то Россией мы должны как-то дружить. Это, конечно, не значит, что мы отказываемся от борьбы за национальную свободу. Особенно это нужно помнить у нас в Туркестане, который еще политически неорганизован” [279].

Таким образом, отношения между странами, строящиеся на принципах “метрополия-колония”, изначально исключают демократические формы сожительства. Вместе с тем, учет геополитического фактора требует выработки взвешенной политики, исключив как безоглядную вражду, так и безоглядную дружбу.

Прометеевцы не оставляли вне поля зрения социальную политику Советов. В тридцатые годы результаты сталинской экономической политики обрели четко очерченные контуры. Это было начало периода культа личности вождя. Книги, песни, стихи, фильмы, картины, лозунги, транспаранты прославляли “отца народов” и пропагандировали успехи, достигнутые под его руководством. Они являли миру счастливую жизнь в стране победившего социализма.

После поездки в СССР французский писатель Андре Жид высказался со сдержанностью интеллигента: “Абсолютное незнание населением условий жизни за рубежом — самая лучшая опора советской власти” [280].

Как отмечала газета “*Journal de débats*” после выхода книги Мустафы Чокая “*Chez les Soviets en Asie centrale*”, большевистский рай скрывал за своим фасадом “систематическую эксплуатацию туземного населения, лживую аграрную политику, сведшую к облегчению жизни русских переселенцев за счет туземцев, погибающих от нужды, поощрение невежества и пороков.

Таковы результаты советского господства, которое с трех точек зрения — политической, социальной, экономической — должно быть осуждено всеми цивилизованными народами” [281].

Так писали о жизни населения Туркестана французские рецензенты книги М. Чокая [282].

Спустя десять лет журнал *“La Revue de Prométhée”*, вернувшись к теме экономического состояния региона, отмечает: “Участники съезда, объединившего франкоязычных экономистов, из всех сил пытались найти какие-либо новые экономические категории в “научной” теории ленинско-сталинского социализма. Они были вынуждены единодушно констатировать их полное отсутствие (см. материалы съезда 1938 г.)” [283].

Автор публикации на основании сравнительного анализа экономики двух стран — нацистской Германии и большевистского СССР — приходит к выводу об их поразительном сходстве. Имея разные истоки, экономика СССР и Германии сходятся в конечной цели — подавлении индивидуальности в пользу масс, подчинении частных интересов интересам государства посредством использования идентичных методов, таких, как автаркия, бюрократия, планирование, угнетение, социализация. В обоих тоталитарных государствах политика верховенствует над экономикой. СССР — крупная сырьевая держава, но он оказался не способным организовать переработку сырья из-за недостатка производственных мощностей. Германия, напротив, обладает большим промышленным потенциалом, но не имеет сырья в достаточном объеме. В итоге, вот уже в течение двух пятилеток внутренний рынок СССР испытывает дефицит готовой продукции.

Прометеевцы прогнозируют: Германия не преминет воспользоваться состоянием внутреннего рынка в СССР и постарается добиться значительной интенсификации обмена сырья на готовую продукцию, увеличения перечня поставляемых товаров, а также смягчения условий натурального обмена. В последующем Германия разработает план привлечения на выгодных для себя условиях кредитов из СССР [284].

Этот прогноз в дальнейшем подтвердился.

На примере Туркестана прометеевцы подвергают анализу методы социалистического хозяйствования в СССР. Туркестан занимает огромную территорию, где со степными пастбищами соседствуют не только пустынные, но и баснословно плодородные земли. Само человеческое существование связано здесь с водой, орошением земель. По примеру царской администрации Советы навязали региону монокультуру хлопка, при этом вовсе не приняв в расчет жизненные интересы местного населения и превратив регион в хлопковый придаток России.

Туркестанские националисты разработали свою экономическую программу развития региона. Как указывал Нарком Узбекистана Ходжаев, программа была основана на принципе региональной автаркии и независимости от России. Эта деятельность местного руководства в итоге была расценена Москвой враждебной, а Ходжаев и его единомышленники

были преданы суду как “буржуазные националисты”, сознательно наносящие вред народному хозяйству страны Советов [285].

Провалы советской экономики были неизбежны из-за безграмотного управления, но вместо объективного анализа и оздоровления ситуации большевики переложили всю ответственность на “буржуазных националистов” и других “врагов советской власти”.

Отсутствие демократических принципов в отношениях между центральной властью и национальными окраинами нашло свое отражение и в экономике. Современные авторы В.Былинин, А.Зданович, В.Коротаев указывают, что пропаганда прометеевцев “была направлена на ослабление и изоляцию СССР, что они стремились всячески дискредитировать советскую власть в глазах западноевропейских народов” [286].

То, что прометеевцами преследовалась цель ослабить и изолировать политического противника, вполне вписывалось в задачи национальных движений, но что касается дискредитации, то вряд ли найдутся контрдоводы и контраргументы, могущие опровергнуть содержание критических материалов Мустафы Чокая и его единомышленников.

Таким образом, политико-пропагандистские задачи “Прометей”, которые заключались в пробуждении политического сознания советских трудящихся, в формировании негативного отношения европейского и мирового сообщества к нарождающемуся сталинскому тоталитаризму, решались вербальным путем. Авторы прометеевских статей были профессиональными юристами, политиками, среди которых были бывшие главы правительств, министры, члены Государственной Думы России, блестяще владевшие не только французским языком, но и логикой аргументации. Приводя неопровержимые аргументы, опираясь на сведения, доставленные прометеевскими связными, они умело убеждали своих читателей. Неудивительно, что в личных архивах Мустафы Чокая содержатся немало подписных заявок на “Яш Туркестан”. Движение “Прометей” пользовалось симпатией и поддержкой не только рядовых читателей, но и официальных кругов: правительств и международных организаций, включая Лигу Наций, которые все больше убеждались в антидемократичной сущности сталинского режима. Прометеевские авторы шаг за шагом меняли общественное мнение в пользу прометеевских народов.

Поднятая на страницах прометеевских периодических изданий дискуссия относительно проблем формирования нации позволяет выстроить идеологические принципы, открывающие многонациональному населению путь к единению, позволяющие им в дальнейшем стать единой нацией. В их основу, вне всякого сомнения, заложено высказывание Жозефа Эрнеста Ренана о необходимости осознания всеми гражданами государства того, что они владеют наследственной памятью. А это предусматривает установление согласия жить в настоящем совместно во имя сохранения и приумножения единого неделимого наследия. Наследственная память включает язык,

культуру, традицию, историю народа, оставившего последующим потомкам это неделимое наследие, а коллективное владение общим наследием непременно предполагает построение демократических принципов отношений между народом и властью, а также внутри социальных групп. То есть речь идет о непрерывной демократизации отношений как по вертикали, так и по горизонтали.

2.3. РОЛЬ ЖУРНАЛА “ЯШ ТУРКЕСТАН” В ПРОПАГАНДЕ ИДЕЙ ТУРКЕСТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Журнал “Prométhée”, преемником которого стал “*La Revue de Prométhée*”, была общим для всех национальных эмиграций изданием. В нем публиковались материалы, затрагивающие как общие для всех народов темы, так и те, что затрагивали судьбы отдельных народов.

Мустафа Чокай помещал свои статьи в “*La Revue de Prométhée*”, другие периодические издания, такие, как “*Journal de Genève*”, “*Orient et Occident*”. При этом он успевал готовить материалы и вести редакционную работу по изданию журнала “Яш Туркестан” политического органа туркестанского национального движения. В редакторской колонке первого номера журнала он указывает, что “Яш Туркестан” — голос народа, борющегося за восстановление своей государственности: “Мы, сторонники независимости Туркестана, боремся за освобождение Туркестана от колониального гнета, за свободу народа Туркестана. Нет иного пути для туркестанцев ни сейчас, ни позже. Мы — лишь малая часть исчисляемого миллионами народа Туркестана, и наш голос — лишь слабый отголосок наших земляков, борющихся против колониального гнета Советов, против диктатуры Москвы. Москва объявила об установлении на нашей Родине власти никому неизвестного “туркестанского пролетариата”. На вопрос о том, что это за пролетарская диктатура, о которой никто никогда не слышал в Туркестане, нам ответили, что речь идет о “диктатуре русского пролетариата”.

Большевики называют туркестанские республики “национальными по форме и пролетарскими по содержанию”. Признание Шалвы Элиавы о том, что “если и есть пролетариат в Туркестане, то это европейцы, то есть, русские”, ясно показывает пролетарскую сущность туркестанских республик. А наша цель — установление в Туркестане такого государственного строя, который был бы национальным и по форме и по содержанию. И только тогда народ станет истинным хозяином своей земли.

Мы надеемся, что в борьбе за независимость Туркестана наши земляки, как живущие у себя дома, так и находящиеся в эмиграции, окажут нам поддержку словом и советом” [287].

Таким было предисловие к первому номеру журнала “Яш Туркестан”, ставшего политическим органом туркестанского национального движения за рубежом и взявшего на себя функцию выразителя и пропагандиста его идей.

Первый номер журнала вышел в свет в 1929 г., а последний, 117-й номер “Яш Туркестан”, датирован 1939 г.

Так, в издании “Яш Туркестан” наряду с политическими статьями выходила и другая пропагандистская литература: карта Туркестана на французском и турецком языках, а также книги д-ра Тахира Шакира “Хлопковое хозяйство Туркестана” (1934 г., Берлин) и “Трагедия национальной литературы и писателей Туркестана” (1935 г., Берлин).

Помощниками Мустафы Чокая в подготовке и выпуске журнала были туркестанские студенты, обучавшиеся в Берлине. В силу необходимости соблюдения конспирации полный список сотрудников редакции не публиковался и не известен. Из свидетельств бывшего военнопленного Алима Алмата, а также из писем Марии Чокай, адресованных ему, явствует, что ближайшими помощниками Мустафы Чокая были доктор Октай, его супруга Сайда Октай, а также Тахир Чагатай, которые после кончины М. Чокая переехали жить в Турцию, где они продолжили деятельность по пропаганде идей Мустафы Чокая. В 1971 году они издали книгу воспоминаний Марии Чокай на турецком языке, но и тогда в конспиративных целях не стали указывать настоящее имя редактора, ограничившись подписью “туркестанец”.

В материалах журнала “Яш Туркестан” Мустафа Чокай проводит свой анализ внутривластной и экономической ситуации в Туркестане с опорой на документальную основу, привлекая материалы и данные самих большевиков. Его статьи отличают объективное осмысление фактов, отсутствие влияния господствовавшего в белоэмигрантских кругах перекреста в оценке большевизма. Все 117 номеров журнала “Яш Туркестан” охватывают широкий круг проблем, которые касаются всех сторон общественно-политической жизни Туркестана: политико-экономическая ситуация, культурная жизнь, отношения с тюркским миром, осуждение репрессий, организованных большевиками на видных туркестанских деятелей, отклики на инициативы мусульманских национал-коммунистов и т.д. Журнал помещал также статьи, посвященные анализу международного положения.

Мустафе Чокаю, совмещившему в себе профессионализм юриста, политика и журналиста, удастся во всей полноте раскрыть подоплеку деятельности большевиков в Туркестане и прогнозировать ее последствия. Так, в области экономики повторение хлопковой политики царского министра Кривошеина привело в итоге, как предсказал Мустафа Чокай, к голоду в тридцатые годы.

По его глубокому убеждению, в политическом аспекте большевистский термин “туркестанский пролетариат” имел не более, чем мифическое содержание, а подогревание коммунистами шовинистических чувств русских необходимо было советской власти для полной колонизации туркестанцев, установив верховенство русского народа и приступив к постепенному вытравливанию у туркестанцев чувства национального

достоинства. М. Чокай пишет о большевистской печати, метавшейся между здравым смыслом и отторгаемой населением большевистской идеологией, разоблачает факты статистических подтасовок и фальсификации истории в угоду правящему режиму.

В итоге вся деятельность Советов в регионе предстает как лишенная общечеловеческой, политической и экологической культуры.

Начиная с 1935 г. в журнале “Яш Туркестан” действует постоянная рубрика “Халықаралық жағдай” (“Международное положение”). Политологический анализ международной ситуации представлялся необходимым по следующей причине. М. Чокай выявлял и давал политическую оценку действиям сталинской администрации в области взаимоотношений СССР с другими странами. Вместе с тем он анализировал взаимовлияние внутренней и внешней политики СССР и прогнозировал их возможные последствия для Туркестана, используемого большевиками в качестве платформы для пропаганды на Восток. В этом аспекте ценным для исследователя истории Второй мировой войны является анализ Мустафой Чокаем внешней политики СССР за десятилетний период (1929 — 1939), выявляющий стремление коммунистов к мировому господству через организацию мировой революции и с этой целью:

- создание Коминтерна;
- проведение подрывной работы советской агентурной сетью в Испании и других странах;
- совпадение интересов Сталина и Гитлера в отношении Польши;
- распространение фашизма в Европе, заразившего также русскую эмиграцию в Париже;
- использование советских спецслужб для ликвидации видных национальных деятелей и разжигание конфликта между советскими республиками в угоду политическим замыслам коммунистов.

Когда в январе 1934 г. Мустафа Чокай и другие прометеевцы приостановили на время публикацию своих материалов в журнале “*Prométhée*”, основным выразителем идей туркестанского национального движения продолжает оставаться журнал “Яш Туркестан”, позиция которого в отношении советской России, несмотря на происходившие в Европе и мире события, сохранялась неизменной. Главными темами журнала, наряду с событиями в Туркестане и СССР, были события в Испании, ситуация вокруг Польши, отношения между СССР и капиталистическими странами Европы, советско-турецкие отношения, реформы Ататюрка.

“Яш Туркестан” далек от восхищения Гитлером, полагая, что сущность нацизма и большевизма одинаково антидемократична.

Прометеевцы питали особые чувства к кемалистской Турции. Они не делали открытых нападок на политику турецкого правительства, даже если она была им не по душе [288]. Одна из причин такого лояльного отношения к Турции и турецкому правительству заключалась, как уже отмечалось, в том, что эта страна служила промежуточным пунктом в поставке информации

из СССР в Западную Европу. Другая же была в том, что Стамбул оказывал негласную поддержку находившемуся там Туркестанскому комитету и редакциям журнала "Йени Туркестан" и других тюркоязычных эмигрантских изданий.

М. Чокай посвящает ряд статей взаимоотношениям между кемалистской Турцией и СССР [289]. Он волнуется за судьбу молодой республики, которая должна сама обеспечить свою безопасность. Поэтому он пристально следит за публикациями, появляющимися на страницах французской прессы, которая, по его мнению, "не всегда объективно оценивает политический курс Турции, считая, что Анкара нередко идет на поводу у Москвы". Так, по заявлению европейских изданий, на одном из заседаний Лиги Наций вопрос о турецких заливах был поднят не по инициативе Турции, а по предложению советского правительства.

Мустафа Чокай дает анализ ситуации, сложившейся вокруг Турции, которая оказалась в кольце недружественных к ней стран: Италии, Греции и Советского Союза. Богатый южный регион Анатолии привлекает Италию; Тракия и Стамбул — Грецию; а советская Россия, придерживаясь прежней русской империалистической политики, стремится заполучить выход к Средиземному морю.

Турция проводит собственную военную политику, сохраняя при этом мирные отношения со своими соседями. М.Чокай уверен: нет оснований полагать, что Турция навсегда останется под влиянием Москвы и пойдет на уступки Советам [290].

Большевики со своей стороны хотели бы, чтобы турецкая революция вписалась в их программу "мировой революции". Чтобы склонить Анкару к такому признанию, они не скупятся на пропаганду, используют также агентурный потенциал [291].

Россия проявляет повышенный интерес к положению турецких армян, что объясняется не только политической конъюнктурой, но и стратегическими планами: создать ситуацию, при которой в нужный момент можно было бы настроить турков против армян. Поэтому в "Известиях Советов рабочих и солдатских депутатов" (№3 от 3 января 1918 г.) за подписью Ленина и Сталина были опубликованы директивы, касающиеся создания турецкой Армении. А нарком иностранных дел Георгий Чичерин открыто распорядился турецкой территорией, предложив отдать ее часть армянам.

В материале, опубликованном в № 12 (1920 г.) "Коммунистического Интернационала", большевики обращаются с подстрекательскими речами к туркам: "Крестьяне Анатолии! Некоторые из ваших пашей и эфенди призывают вас на борьбу против чужеземного ига. Вместе с тем сами они, являясь с чужеземцами, препятствуют взятию вами власти в свои руки и пытаются надеть на вас ярмо рабства".

После свершения турецкой революции лицемерные речи об озабоченности Советов судьбой турков, а также признания Москвы в "искренней

дружбе" продолжались. Так, в статье "Аграрный вопрос и крестьянское движение в Турции" в сборнике Международного агрономического института, выходящего в Москве, ее автор, некий О-ский, прилагает большие усилия, дабы доказать закономерность появления в будущем классового раскола в среде турецких крестьян как неизбежный результат политики Мустафы Кемаля [292].

"Яш Туркестан" уделяет немало внимания изучению политического опыта видных деятелей национальных движений Европы и тюркского мира. Так, он воздает дань памяти Юзефа Пилсудского, который ушел из жизни 12 мая 1935 г. Он был из тех государственных деятелей, чьи убеждения и высокие идеалы вызывали у Мустафы Чокая чувство уважения и восхищения. На страницах журнала (№ 67, 1935 г.) он рассказал о жизненном пути польского политика, его борьбе и огромном вкладе в восстановление и укрепление польской государственности.

Юзеф Пилсудский родился в Литве 5 декабря 1867 г., был сыном борца, сыгравшего в 1869 г. видную роль в борьбе поляков против царской России. В 18 лет Юзеф был изгнан из Харьковского университета за участие в тайном политическом кружке, а в 20 лет — сослан в Восточную Сибирь: его обвинили в покушении на жизнь царя Александра III. Вернувшись из ссылки в 1892 г., Пилсудский снискал себе известность как руководитель молодой социалистической партии. Он был также основателем газеты "Роботник" ("Рабочий"), став вначале ее издателем, распространителем, а также автором публиковавшихся статей. Он достойно продолжил дело отца, мечтой жизни которого было объединение многострадаальной, раздробленной с 1772 г. родины.

В самом начале русско-японской войны он обратился за военной помощью к Японии. Получив отказ, вернулся в Европу и в 1908 г. приступил к подготовке польских военных кадров. В 1914 г., в самом начале Первой мировой войны, он со своими legionерами участвовал в войне против России. В этот момент ему оказали помощь и поддержку Германия и Австро-Венгрия. Поскольку эти страны удерживали под своим игом часть территории Польши, Пилсудский и его legionеры отказались принять присягу на верность их императорам. 20 июля 1917 г. Пилсудский и ряд его сподвижников были арестованы военачальником немецкой армии и заключены в тюрьму Магдебурга. Вышли они на свободу только после поражения Германии в войне.

В феврале 1919 г. парламент Польши избрал Юзефа Пилсудского премьер-министром страны. Он стал также первым маршалом независимой Польши.

В 1920 г. началась война между Польшей и большевистской Россией. Россия рассчитывала использовать Польшу как плацдарм для реализации своих планов по организации мировой революции в Европе. Расчет не оправдался. Россия была разгромлена, и советско-польский договор, подписанный 18 марта 1921 г. в Риме, внес ясность в вопрос о делимитации советско-польских границ. Юзеф Пилсудский, в частности, резко осудил

позицию советской стороны и добился отмены положения договора, на котором настаивали большевики: любой, кто от своего имени либо от лица организации затеет тяжбу по поводу земель, находящихся в пределах советских границ, должен быть изгнан из своей страны.

В 1923 г. Юзеф Пилсудский ушел на отдых, но был вынужден в 1926 г. вернуться в правительство из-за вспыхнувших партийных разногласий, которые могли нанести ущерб устоям государственности страны. В этот период Юзеф Пилсудский проявил, и, по мнению Мустафы Чокая, вполне оправданно, свой авторитаризм, но при этом отказался от предложения парламента стать главой государства, ограничившись должностью военного министра. Маршал не стал распускать существующие партии и не стал создавать свою собственную.

Эти качества Юзефа Пилсудского снискали ему уважение всего польского народа, признавшего его своим вождем, как подчеркивает Мустафа Чокай [293].

Кемаль Ататюрк и Юсуф Акчура, по мнению Мустафы Чокая, входят в число самых значимых политических фигур тюркского мира [294]. Знакомство Мустафа с Ю. Акчурой состоялось в 1918 г. в Уфе. А встречи в 1921 г. в Стамбуле позволили Мустафе вести неспешный обмен мнениями относительно национально-освободительной борьбы тюркских народов.

В период русской революции 1905 — 1906 гг. Юсуф-бек вместе с Исмаилом Гаспринским [295] и Алимарданом Топчибаши [296] принял активное участие в объединении российских тюрков. М. Чокай тогда был очень молод, и до него и его сверстников доносилось лишь эхо революции. Но со временем, изучая деятельность предыдущих поколений тюрков, они восхищались личностью Юсуф-бека, которая воодушевляла их. Ю. Акчура был родом с берегов Волги, из Симбирска. В возрасте 7 лет прибыл в Стамбул вместе с матерью. После окончания Оттоманского военного училища он был направлен в Северную Африку, оттуда бежал во Францию. Его настоящая политическая деятельность началась в этой стране в период учебы в Парижской школе политических наук.

Юсуф Акчура стал одним из крупных политических деятелей Турции и признанным вождем российских тюрков [297]. Таким его запомнил М. Чокай.

Для большевиков было важно в пропагандистских целях преподнести мировой общественности революцию в Турции как очередную победу мирового пролетариата на пути к мировой революции. В контексте налаживания советско-турецких отношений Москва старается извлекать политическую выгоду. Французская газета *“Le Temps”* от 26 августа 1921 г. не сомневается в том, что сближение Москвы и Анкары временное и что это всего лишь “дипломатическая карта, разыгрываемая перед Западом”. Она публикует интервью с Мустафой Чокаем, находящимся в это время в Турции. Назвав М. Чокая “очень влиятельной личностью в Туркестане, высокообразованным

деятелем, блестяще разбирающимся в крупных политических, экономических и социальных вопросах, живо интересующих западное общественное мнение”, автор статьи Жан Норвилль приводит его рассказ о положении в советском Туркестане.

“Одним из самых больших преступлений большевиков, по заявлению Мустафы Чокая, является установление диктатуры пролетариата в Туркестане, где не знают, что такое классовая борьба, которая не только полностью противоречит укладу жизни местного населения, но также идет вразрез с заявлениями Москвы о праве наций на самоопределение... Слова и действия большевиков всегда разделяет большая пропасть. Несчастье тому, кто поверит им; он сразу же станет орудием в руках беспощадных хозяев, чья цель — поддержание и укрепление своего господства. Несмотря на свое обещание о предоставлении автономии Москва без колебаний раздавила национальное движение мусульман Туркестана. Совет народа Туркестана и правительство Туркестанской Автономии были разогнаны войсками большевиков, а город Коканд испытал на себе то, чему нет аналога в истории гражданских войн России. “Освободители угнетенных народов” не пощадили ни женщин, ни детей, ни стариков, ни даже могилы предков. Печать ужаса и вандализма несут на себе мечети и мусульманские библиотеки”.

М. Чокай отметил, что вопли населения о пощаде вынудили, наконец, Москву направить в Туркестан специальную комиссию, которой ничего не оставалось, как признать, что “большевики проводят в Туркестане колониальную политику, а русский шовинизм и угнетение местного населения достигли такого состояния, какого не знали даже при царском режиме”. Комиссия признала также, что под лозунгом национализации и социализации проводится организованный грабеж коренных жителей Туркестана, а русские нувориши при поддержке комиссаров организуют убийства неугодных им мусульман. Комиссия подтвердила, что хлеб распределялся только русскому населению, вследствие чего часть местного населения умерла от голода и преследований. Газета “Правда” вынуждена была назвать число умерших в Туркестане: за один только 1918 г. оно составляет фантастическую цифру в 1 млн. человек.

Ситуация в последующем осложнилась настолько, что в 1920 г. мусульманские коммунисты направили коллективный протест Москве, заявив, что они больше не могут сотрудничать с режимом, чьи методы управления в Туркестане поставили под угрозу само существование нации.

Изложив кратко положение мусульман Туркестана, Мустафа заключил: “Правительство Турции, имея дело с большевиками, должно знать, что, за исключением городов, Туркестан населен нищими, так как весь скот реквизирован коммунистами. Турки должны знать, что нет ни одного аула и кишлака, где люди не молили бы Аллаха избавить их от большевиков; турки должны понять, что режим, отвергаемый ими, не может быть принят в Туркестане, который за три года господства Советов был лишь источником удовлетворения физических потребностей большевиков. Турки должны

также знать, что большевики, чтобы оправдать свои действия в глазах российских мусульман, стараются заручиться дружеским расположением турецкого правительства. Туркестанцы считают своим долгом сказать турецким друзьям следующее: в сознании мусульман может сформироваться мнение, что турки стали друзьями врагов туркестанцев. Только понимание трагедии турецкого народа и глубокая симпатия к его героической борьбе за свои национальные права и независимость удерживают мусульман Туркестана от открытого протеста против альянса Турции с теми, кто медленно уничтожает туркестанцев огнем, железом и голодом”.

Жан Норвиль указывает, что Мустафа Чокай отверг неоднократные предложения советского правительства возглавить ведомство Советов по делам Ближнего Востока. М. Чокай счел необходимым выполнить волю своих соотечественников, возложивших на него миссию рассказать Турции и Европе о бедственном положении Туркестана.

Интервью, данное Мустафой Чокаем органу французского МИДа, являет собой прекрасный образец политической журналистики. Как политик, М.Чокай раскрыл французской и турецкой общественности истинную причину заигрывания большевиков с кемалистской Турцией; как общественный деятель тюркского мира, радеющий за сохранение братских отношений между туркестанским и турецким народами, М. Чокай постарался в убедительной форме предостеречь турецкое правительство от слепой веры в заверения Москвы о дружеских чувствах к Анкаре.

Не менее ценным для Мустафы Чокая было определение политической роли, которую Москва отвела видным тюркским деятелям. Две фигуры оказались в орбите политических интересов большевиков: Энвер-паша и Джемаль-паша. “Яш Туркестан” содержит материалы об Энвер-паше под названием “Марқұм Әнуар-паша хақында есте қалған үзінділер (1922.IV—1932.VIII)” (“Воспоминания о покойном Энвер-паше”)[298] и Джемаль-паше — “Жамал пашаның өлтірілуі. Мәскеу большевиктерінің қылмысы” (“Об убийстве Джемаль-паши. Преступление московских большевиков”)[299]. Оба турецких деятеля оказались жертвами пропаганды, объектом которой был избран Туркестан.

Энвер-паша дважды побывал в Москве: в 1919 и 1920 гг. Во время первой поездки он предлагает московскому правительству создать мусульманскую армию, которая могла бы действовать либо в Малой Азии, либо на Кавказе или Туркестане. Несмотря на теплый прием, оказанный ему в Москве, Энвер-паша уехал ни с чем, так как Советы были слишком озабочены внутренними проблемами России.

Пребывание Энвер-паши в Москве не осталось без внимания западной прессы. Материал о его пребывании в СССР появляется в № 107 “*Bulletin périodique de la presse russe*”, 1922 (“Обзор русской периодической печати”).

Во время второго приезда Энвер-паши Москва, у которой появился свой интерес к кемалистской Турции, хоть и дала понять, что не может содействовать реализации планов Энвер-паши, но все же согласилась помочь в

другом: оказать денежную помощь для организации большой пропагандистской кампании среди североафриканских мусульман.

“Энвер-паша недоволен результатами обеих поездок, — пишут авторы обзора. Москва не хочет портить отношения с кемалистами. Поэтому Энвер-паша ищет способы организации движения сепаратистов в Туркестане. С этой целью он вступил в контакт с некоторыми влиятельными мусульманами Туркестана”.

После этих двух поездок в Россию турецкий деятель создает в Берлине Лигу панисламистов, затем вновь предпринимает очередную поездку в Россию. Большевики на этот раз возлагают на него миссию по ведению переговоров с басмачами, которые вот уже четыре года ведут войну против Красной армии. Однако, вместо того, чтобы защищать интересы Советов, Энвер-паша переходит на сторону басмачей и возглавляет антисоветскую вооруженную борьбу.

“Газета “Таймс” от 10 апреля 1922 г. со ссылкой на информационные источники в Кабуле сообщает о том, что уже некоторое время весь юг Туркестана пребывает в волнении и что мятежи усилились с прибытием туда Энвер-паши”. Об этом военный атташе Франции в Лондоне докладывает министру обороны Франции и Генштабу армии.

Москва сильно обеспокоена усилением басмаческого движения и с ужасом сообщает, что Усман-Ходжа (Усманходжа Пулатходжаев), бывший председатель ЦИК Советов Бухарской Народной Социалистической Республики, посланный к басмачам Советами, присоединился к Энвер-паше. За сравнительно короткий отрезок времени басмаческим формированиям под предводительством Энвер-паши удастся занять часть Бухарии и Туркестана и приблизиться к Бухаре и Самарканду [300].

19 мая 1922 г. Энвер-паша предъявил Москве ультиматум, требуя полного вывода частей Красной армии из Туркестана, Хивы и Бухары, отзыва всех советских служащих из региона, немедленного освобождения всех заложников и политзаключенных, что в итоге позволит всем странам Центральной Азии обрести независимость.

Газета “Известия” в ответ на ультиматум Энвер-паши опубликовала несколько статей (28 июня, 12, 13, 15 и 18 июля), в которых устами А.Петерса, бывшего главы ЧК в Туркестане, называет его “авантюристом, который скоро исчезнет под обломками Истории”, а басмачей — “отъявленными бандитами и головорезами”. А в номере от 25 июля 1922 г. “Известий” появилась пространная статья об Энвер-паше под названием “Чума мусульманского мира”, в которой говорилось: “Сейчас не время религиозных авантур. В наши дни, когда речь идет о соперничестве между Востоком и Западом, Восток прилагает нечеловеческие усилия, чтобы сбросить ярмо Запада. Тот, кто способствует расколу сил Востока и добьется своего, — самый страшный преступник в мире. Это свойственно Энверу. Гоните Энвера из ваших рядов! Его руки и уста отравлены, а сердце его — зловонная яма. Народ, любящий

свободу и независимость, должен гнать этого кровожадного человека, этого амбициозного монстра”.

Вскоре Энвер-паша был убит по указанию советского руководства. Начальник Восточного отдела ОГПУ, уроженец Туркестана Георгий Агабеков, лично разработавший и осуществивший операцию по его физической ликвидации, описал внешность турецкого генерала так: “Однажды я его (Энвер-пашу) увидел. Он прогуливался в компании одного из своих офицеров. Среднего роста, красивое лицо, приподнятые вверх усы, аккуратно выбритый, он все еще носил форму турецкого офицера. Только на голове вместо фуражки красовалась белая чалма” [301].

Французские аналитики отмечают, что Москву не столь беспокоили действия Энвер-паши, как общественное мнение мусульманского Востока, в частности Турции, с которой она недавно подписала ряд соглашений. Поэтому газета “Известия” от 28 июня 1922 г. опубликовала интервью с Джемаль-пашой, в котором известный турецкий деятель заявляет в унисон с Москвой, что “борьба, в которую ввязался Энвер-паша, пробила брешь в едином фронте мусульманского мира” и что “английский империализм, вне всякого сомнения, сумеет извлечь из этого выгоду”.

Весной 1922 г. в Париже Джемаль-паша посоветовал Мустафе Чокая написать своим друзьям в Туркестан, что необходимо Советам помочь, так как большевики пекутся об освобождении Индии из-под ига англичан. Джемаль-паша не поверил рассказу Мустафы Чокая об истинном положении мусульман Туркестана, осудил поступок Энвер-паши, перешедшего на сторону повстанцев. В конце разговора М. Чокай, узнав, что Джемаль-паша собирается возвращаться через Тифлис, посоветовал ему избрать другой маршрут:

— Советские агенты могут убить вас в Тифлисе.

— Почему именно там? Ведь они могли убить меня в Москве.

— Им выгодно убить вас в Тифлисе, а не в Москве, так как тогда они смогут возложить ответственность за это на армян.

В ответ Джемаль-паша лишь недоверчиво улыбнулся.

Чуть позже Мустафа получил телеграмму об убийстве Джемаль-паши армянскими дашнаками в Тифлисе. А несколько лет спустя бывший чекист Евгений Думбадзе в своей книге “На службе ЧК и Коминтерна” подтвердил предположения Мустафы Чокая, указав, что Джемаль-паша был убит по приказу Москвы неким Лобадзе [302].

По глубокому убеждению Мустафы Чокая, большевики использовали Энвер-пашу и Джемаль-пашу в своих пропагандистских целях, о чем он и рассказал на страницах журнала “Яш Туркестан”.

“Яш Туркестан” постоянно держит в поле зрения тему единства тюркского мира. В статье “Түрік бірлігі хақында” (“О тюркском единстве”), анализируя проблему единения тюркской эмиграции, отмечает, что она была неоднократно темой устных и письменных выступлений. И если пока нет в этой области ощутимых результатов, то тому причиной не

отсутствие заинтересованности в объединении сил, а наличие объективных причин, связанных со сложившейся политической ситуацией. Проблема тюркского единства — это проблема политического порядка, подчеркивает он. С геополитической точки зрения, тюркский мир не предоставляет возможностей для интеграции, за исключением Туркестана, являющегося обширным ареалом, объединяющим население географически и экономически. Этого нельзя сказать о других регионах проживания тюрков. В реализации своих задач тюркам необходимо считаться с прометеевскими народами, борющимися против российского империализма. Даже такие крупные регионы, как Туркестан, Поволжье, Украина, Кавказ, не в состоянии сами по себе противостоять России.

Как предупреждает Мустафа Чокай, если направление деятельности разного рода объединений и организаций не соответствует требованиям освободительной борьбы, они не смогут принести никакой пользы в вопросе тюркского единства. В сложившейся политической обстановке регионы проживания тюркских народов — Туркестан, Азербайджан, Идель-Урал, Крым — должны при каждом удобном случае выявлять и акцентировать свое духовное родство и, опираясь на него, оказывать друг другу поддержку и помощь. То, что туркестанские тюрки близки духовно и по культуре к крымским тюркам, никогда, к примеру, не заденет самолюбия украинцев [303].

Обзор советской прессы, регулярно проводимый на страницах “Яш Туркестана”, свидетельствует о массовом характере “предательства и измены Родине” в среде советских правительственных чиновников, дипломатов, комиссаров, партийных деятелей. Согласно информации западных обозревателей, как отмечает М. Чокай, число “коммунистов-предателей” в 1937 г. достигло 700 тыс. “Шпионы и враги народа” проникали даже в ряды Красной армии, главной и надежной опоры советской диктатуры: одиннадцатого мая расстреляны маршал Тухачевский и шесть видных советских генералов “за шпионаж в пользу иностранных держав”. “Шпионами” оказались также глава советского телеграфного агентства Долецкий, а также известный советский журналист польского происхождения Бруно Ясенский, автор романа “Человек меняет кожу”, признанного советскими литературными критиками одним из лучших произведений. После “разоблачения” Бруно Ясенского те же литературные критики квалифицировали роман как “шпионский труд”. Всесторонней проверке подвергаются видные журналисты “Правды” и “Известий”.

Все это, по мнению Мустафы Чокая, еще раз подтверждает справедливый характер борьбы, проводимой политическими противниками советского строя [304].

М. Чокай излагал и отстаивал идеи туркестанского национального движения на прометеевских собраниях, куда приглашались также общественные и политические деятели других эмигрантских организаций. К примеру, в политических дискуссиях, состоявшихся 25 марта 1932 г. в одном

из залов редакции журнала "Прометей", принимали участие представители русской и кавказской эмиграций. Мустафа Чокай посвятил свое сообщение революции 1917 г. и национальной политике Советов в Туркестане. Он подверг критическому анализу причины поражения национального движения, среди которых он выделил:

1) недостаточную подготовленность Туркестана к самой идее революции;

2) отсутствие согласия внутри национального движения, когда требования духовенства о признании шариа́та как основы будущего государственного устройства шли вразрез с требованиями политико-социальных прав молодого поколения;

3) отсутствие национального единства в рамках всей Российской империи.

Мир-Якуб Мехтиев напомнил присутствовавшим, что в сравнении с русским господством в XX в. тюрко-монгольское господство в России XIII—XIV вв. было намного более гуманным и либеральным. Русские княжества пользовались полной автономией в своей деятельности, тюрко-монгольская власть проявляла терпимость к православию, уважая религиозные чувства иноверцев, тогда как в настоящее время русские не намерены признавать само существование других наций в рамках российского государства, ни тем более проявлять терпимость к их традициям и укладу жизни.

Князь Голицын, взявший слово после М. Мехтиева и Ш. Балинова, признал, что русские большевики действительно допускают перегибы в национальной политике, которые вполне обоснованно должны быть осуждены. Вместе с тем он отметил, что определенная ответственность за эти перегибы лежит и на представителях местной власти. В итоге такая политика вбивает клин в отношения между русскими и нерусскими. Голицын высказался за то, чтобы эмиграция, русская и нерусская, была объединена общей идеей, каковой является борьба с большевизмом.

М. Чокай сказал князю Голицыну в ответ следующее: "Вы предлагаете забыть прошлое и повернуться лицом к будущему. Но ваша память, к сожалению, не возвращает вас дальше большевистского периода, вы не помните более отдаленные времена. Пути наши расходятся. Мы не можем более идти вместе".

В поддержку мнения Мустафы высказались также украинский эмигрант Жеремиев, грузин Вачнадзе, председательствовавший Гвазава [305].

В последующем Мустафа Чокай не раз возвращался к теме Кокандской Автономии, осмысливая ее значение и недостатки: "Вне всякого сомнения, Кокандская Автономия не являлась средством решения проблемы Туркестана, да и не ставила такую задачу. ... Автономия была тем политическим шагом, который необходимо было сделать в тот период туркестанскому национальному движению. Одна из особенностей Кокандской Автономии в том, что она сумела найти единственно верную форму национального единения Туркестана" [306].

Он объясняет также причину большого интереса советской пропаганды к Кокандской Автономии: “Ни одна из форм окраинной национальной борьбы не привлекала внимание советской власти как именно автономия и басмачество в Туркестане. ...Кокандская Автономия и басмачество — две стороны единой по существу борьбы Туркестана за свое национальное освобождение. Если Кокандская автономия была логически неизбежным, политически необходимым этапом развития нашего национального движения, то басмачество явилось психологически неизбежной реакцией Туркестана на нарождавшуюся и уже с первых шагов успевшую обнаружить свой звериный лик новую форму российского колониального режима” [307].

М. Чокай наряду с разносторонней деятельностью в “Прометее” и редакции “Яш Туркестана” вел “огромную работу по документированию и обработке информации, тщательно собирая все, что выходило на 4—5 языках о событиях в Советском Союзе и тюрко-мусульманском мире”. Об этом свидетельствует его архив, содержащий множество вырезок из газет и журналов, аннотированных статей. Есть подготовленные ответы, которые он предполагал опубликовать в прометеевском издании или “Яш Туркестане”. Собрана также переписка Мустафы Чокая. Сеть его контактов носит обширный, почти всемирный характер, как отмечает Этьенн Копо [308].

Подписные заявки на журнал “Яш Туркестан”, выходивший с 1929 по 1939 г., поступали из Тяньцзина, Шанхая, Мукдена, Индии, Японии, Хельсинки и других городов [309]. Из разных стран поступали просьбы-заказы выслать почтой работы М. Чокая, в частности, его книгу “*Chez les Soviets en Asie centrale*” [310].

В период, когда в редакционном комитете журнала “*Prométhée*” в связи с распространением фашизма в Европе наблюдалось брожение умов, “Яш Туркестан” оставался верен своему оппозиционному курсу в отношении тоталитарных режимов, будь то Германии или СССР, а у членов редакции не возникал вопрос выбора.

Таким образом, в публикациях “Яш Туркестана”, политического органа туркестанского национального движения, поднимались самые острые темы социально-политической жизни туркестанского общества. Мнение Мустафы Чокая по ряду вопросов перекликалось с мнением западной прессы, которая также держала в поле зрения ход и характер отношений, складывавшихся между Москвой и кемалистской Турцией. На эти взаимоотношения в значительной степени влияла политика большевиков, проводимая ими в тюркоязычных республиках, в особенности, Туркестане.

Со времени прибытия М. Чокая в Европу западный мир не только узнал о существовании далекого Туркестана. Мустафа Чокай сумел мобилизовать западную прессу и через нее привлечь внимание мировой общественности к туркестанскому национальному движению.

2.4. ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДВИЖЕНИЯ “ПРОМЕТЕЙ” И СТАЛИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Политическая деятельность прометеевцев проходила под неусыпным вниманием спецслужб двух идеологически противоборствующих стран — Польши и СССР. ВЧК—ОГПУ—НКВД, согласно установке вождя, видели в деятельности “Прометея” “опасный вызов цементирующей основе советского строя — пролетарскому интернационализму” [311]. В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев считают это в какой-то мере оправданием сталинского террора: “Опасения такого рода повлияли на принятие Сталиным в середине 30-х годов тезиса о “постоянном усилении борьбы с внутренними врагами по мере продвижения по пути строительства социализма”, что привело к полосе жестоких репрессий в 1937—1938 гг.” [312].

В период с 1934 г. до середины 1938 г. Мустафа Чокай очень редко публикует свои материалы на страницах журнала “*Prométhée*”, что было связано с необходимостью осмыслить значение крупных событий, которые происходили в Европе и мире, и прогнозировать их последствия:

- появление фашистской идеологии, ставшей соперницей идеологии большевистской;

- факт заключения союза между коммунистами и социалистами для противостояния фашизму;

- вступление СССР в 1934 г. в Лигу Наций;

- распад Кавказской конфедерации.

Ранее основополагающей для движения была идея солидарности всех национальных составляющих, направленная против общего врага, каким бы он ни был, красным или белым. Благодаря этому в движении поддерживалось единство представителей самых разных национальностей. Речь шла о масштабном прометеевском фронте, являющемся оппозицией к русским [313], точнее — к правительству Советов. Теперь же идеологические противники набирали силу: появление фашизма и необходимость найти ему противовес изменили расклад политических сил и вместе с этим отношение к правительству СССР. Этьенн Копо указывает, что до этого момента в рядах движения царил оптимизм: прометеевцы пребывали в уверенности, что советский строй эфемерен, видя в каждом волнении, каждой забастовке, малейшем проявлении экономических трудностей предвестников падения большевизма. Прометеевцы безгранично верили в правительства западных стран, Лигу Наций и принципы Вильсона. В начальный период определенная часть политической работы велась прометеевцами в виде лоббирования в правительствах европейских стран и, в особенности, в Лиге Наций. В Женеве они пытались получить признание правительств, находящихся в изгнании, и воспрепятствовать вхождению СССР в Лигу Наций [314]. Эта попытка прометеевцев закончилась провалом: Сталин, считавший эту международную организацию “орудием политики империалистических государств”, а прометеевцев — теми, кто был “в услужении у Лиги Наций”,

принял 18 сентября 1934 г. решение о вступлении СССР в ее ряды, рассчитывая тем самым выбить почву из-под ног прометеевцев [315]. Это был первый удар по “Прометею”.

Прометеевцы были также свидетелями брожений внутри самого движения. К такому заключению приводит семантический анализ переписки прометеевцев. Содержание писем позволяет утверждать, что польские идеологи “Прометей” были хорошо осведомлены об усилиях, предпринимаемых Сталиным для развала движения и ликвидации его лидеров. Сталин предпринял массированную атаку, применив испытанные тактические приемы, охватывавшие следующие направления:

- политическое, предполагавшее разработку мероприятий в рамках международной политики, в частности, лишение “Прометей” поддержки со стороны европейских держав и Лиги Наций;
- криминальное, предполагавшее использование агентов спецслужб для физического уничтожения наиболее видных и активных деятелей движения;
- пропагандистское, предполагавшее, что сталинские суды над “врагами народа” должны были дать почувствовать в стране и за рубежом силу вождя.

1934—1935 гг. оказались для “Прометей” поворотными. Прием СССР в Лигу Наций означал, что он стал признаваться “нормальной” страной. Западные страны пренебрегли фактом принудительной аннексии большевиками независимых республик, которые до этого юридически получили признание со стороны крупных держав. Последние пренебрегли фактом репрессий, организуемых Москвой, фактами злодеяний, о которых “Прометей” давал регулярные и точные сообщения: (искусственно спровоцированный великий голод на Украине не привлек внимания Лиги Наций). Интенсивная дипломатическая работа предыдущих лет казалась напрасной. В этот период уверенность в близости конца советского строя стала ослабевать [316].

Все реальней становилась угроза миру со стороны фашизма. В этих условиях Мустафа Чокай продолжает проводить собственный анализ причин изменения внешнеполитического курса СССР. Приводя выдержки из статьи Малой советской энциклопедии, он указывает, что большевики до 18 сентября 1934 г. называли Лигу Наций “международным пугалом”, “домом свиданий”, “защитницей грабительского версальского договора”, обвиняли ее в “подготовке нападения на советскую Россию”, а вхождение в нее Турции квалифицировали как “капитуляцию кемалистов перед капиталистической Европой” [317].

Рассуждая о вступлении СССР в эту международную организацию, М.Чокай выделяет три существенных момента.

Во-первых, это связано с обстановкой в Европе: европейские страны оказались бессильны решать возникшие между ними конфликты путем переговоров, что постепенно ослабило их авторитет в глазах международной общественности, в особенности колониальных и полуколониальных стран.

Во-вторых, резкое изменение отношения большевиков к Лиге Наций было вызвано внутренней ситуацией в СССР: власть Советов не может найти надежную опору в лице 170-миллионного населения СССР, так как большевикам известно, что такие регионы, как Украина, Кавказ, Туркестан с почти 70-миллионным населением ждут удобного случая, чтобы выступить против красного деспотизма. Этот факт также ускорил вхождение СССР в ряды “буржуазных примиренцев”. Мустафа с уверенностью отмечает, что при этом советское правительство руководствуется ленинским положением, изложенным в его книге “Детская болезнь левизны в коммунизме”:

“Принимать бой, когда заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны политики революционного класса, которые не сумеют проделать “лабиринты, соглашательство, компромиссы”, чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения” [318].

В-третьих, по утверждению М. Чокая, “было заранее известно, какие шаги предпримет СССР после вступления в Лигу Наций”. Большевики, по его прогнозам, планировали действовать в двух направлениях:

- сформировать из числа государств-членов Лиги Наций антифашистский (против Германии и Италии) фронт демократических государств;
- объединить коммунистические, социалистические и демократические партии в единый “Народный фронт”, также направленный против фашизма.

Однако, как отмечает Мустафа Чокай, Сталин не достиг поставленной цели, так как Народный фронт удалось сформировать только в двух странах — Франции и Испании; а в ходе испанских событий стало очевидным, что перед Народным фронтом ставилась задача не защищать демократические силы от фашизма, а под прикрытием лозунга борьбы с фашизмом заняться подрывной работой против капиталистической системы [319].

Данный прогноз Мустафы Чокая нашел свое подтверждение в речи Сталина на Пленуме коммунистической партии, состоявшемся 3 марта 1937 г. (текст опубликован в газетах “Правда” и “Известия”). Сталин, касаясь отношений между советской Россией и капиталистическими странами, говорил о том, как “нелегко существовать в окружении капиталистических государств, которые засылают друг другу шпионов и уж тем более не склонны щадить единственное в мире социалистическое государство”. Он подчеркнул, что “больше всего они засылают шпионов в Советский Союз для проведения подрывной деятельности”, что этих шпионов и вредителей можно найти в среде советских коммунистов, и “это ясно как божий день” [320].

М. Чокай не сомневается, что с момента вступления СССР в Лигу Наций резко возросла угроза войны на континенте [321].

На фоне “красного террора”, развернутого Сталиным в национальных республиках, второй удар “Прометея” на международном уровне был нанесен вождем через Коминтерн, который с 1935 г. стал проводить политику Народного фронта [322]. После прихода к власти фашистов в Германии в 1933 г. коммунисты заключают союз с социалистами. Отныне

ярлык “главного врага”, ранее данный Сталиным социалистам, получают фашисты. Это в корне меняет расстановку политических сил в Европе: коммунисты становятся самой влиятельной силой, представляющей мощный противовес нацистам и фашистам, считающимся основной угрозой миру. Критика коммунистической идеологии стала уделом крайне правых партий, а прометеевцы на фоне общего политического расклада сил выглядели как сепаратисты и оказались в изоляции [323].

Появление фашизма внесло также раскол в ряды русских эмигрантов, среди которых было немало тех, кто видел в фашизме реальную силу, способную извлечь мир от большевизма. Так, известный знаток русского и византийского искусств Павел Муратов заявил: “... да, к Западу мы действительно обернулись своею азиатской рожей. Во имя России будем же благодарны всякому, кто по этой роже ударит. Россия болеет дурной болезнью, и болезнь эта страшно заразительна. Вам не нравится Гитлер? Тоже, скажете, варвар? Но Гитлер — противоядие. Тем хуже для нас, что в роковые годы мы могли выдвинуть только бездарностей, вроде Керенского или Деникина, и тем хуже для французов и англичан, что вовремя не сумели расправиться с большевизмом. Я бы сказал так: сейчас единственное спасение в Гитлере. Спасение для всей Европы!” [324].

В 1934 г. на страницах “Прометей” появляется некий Буажолэн, вымышленное лицо, якобы председатель Антисоветской лиги, который постепенно превращается в поклонника Гитлера и Геббельса. В обзоре прессы “*Prométhée*” уделяет много места выдержкам из крайне правых расистских изданий Франции, таких, как “*Je suis partout*” и “*Gringoire*” [325]. В 1936 г. в некоторых статьях наблюдается легкое восхищение Жаком Дорио, главой фашиствующих французов. Прометеевцы, похоже, теряли ориентиры. В этих условиях невозможно было быть антисоветцем без того, чтобы не быть ловко “прибранным к рукам” крайне правыми. “Прометей”, по мнению французского исследователя Э. Копо, был на пути к переходу в стан правых [326].

С этим мнением вряд ли можно согласиться. Именно в этот период идеологи движения приступают к реорганизации движения, желая окончательно определить единственно верные для себя ориентиры.

Первоначальное смятение в рядах некоторых членов движения приводит к тому, что эсеры и меньшевики, проповедовавшие антисоветские идеи, вынуждены отныне молчать. Меньшевик Ной Жордания вынужден покинуть бюро своей партии, о чем пишет М. Чокай в письме к Адашу 10 мая 1938 г. [327]. Распадается Кавказская конфедерация [328].

Силовая политика большевиков, приведшая к созданию напряженности в регионе, чистка в среде азербайджанских национал-коммунистов, провозглашавших идею единения кавказских народов, которая особенно усилилась в конце 20-х — начале 30-х годов, — все это способствовало возникновению и усилению антибольшевистского движения на Кавказе. В этих условиях сталинская политика была направлена на развал Кавказской

конфедерации, для чего был спровоцирован вопрос о пересмотре кавказско-турецкой границы, закрепленный в положениях Карсского договора [329]. Именно это имеет в виду Мустафа Чокай, когда пишет в вышеупомянутом письме к Адашу: “Последним “козырем” “Прометея” было напечатание им резолюции грузинского митинга, требующей пересмотра кавказско-турецкой границы и аннулирования Карсского договора”.

Создание ситуации разрушения единства кавказских членов “Прометея” было третьим выстрелом Сталина по движению.

Криминальные методы борьбы с прометеевцами были возложены на ЧК—ОГПУ—НКВД. К началу 1921 г. ЧК, предшественница ОГПУ, насчитывала в своих рядах 31 000 агентов [330], которые сумели с 1917 по 1921 г. истребить 250 000 человек [331]. Спецслужбы стали использоваться Сталиным для физического уничтожения своих политических противников почти с первых дней прихода к власти вождя [332].

Если до 1929 г. политические оппоненты большевиков (эсеры и троцкисты) подвергались депортации, то затем в 1928 — 1929 гг. депортация приняла массовый характер, что в итоге привело к созданию в 1930 г. ГУЛАГа (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения).

Сменив в ноябре 1923 г. свое название на ОГПУ [333], советские спецслужбы стали активно применять методы инфильтрации и провокации не только внутри страны, но и за рубежом [334].

Внедрение тайных агентов в интересующие зарубежные организации стало широко применяться ОГПУ с 1926 г., т.е. сразу же после признания Советского Союза Францией. Ликвидация лидеров национальных движений в Европе, слежка за эмигрантами и советскими служащими, находящимися на работе в загранучреждениях, входили в число главных задач ИНО (иностранного отдела) советских спецслужб, созданного во исполнение приказа ВЧК от 20 декабря 1920 г. за подписью Ф. Дзержинского [335]. Начальником ИНО ГПУ был назначен Трилиссер М. А. [336].

Советские агенты были инфильтрированы в высшие правительственные круги практически всех европейских стран. По признанию ветеранов Лубянки, советские спецслужбы имели свою агентуру в политических центрах эмиграции и проводили самую активную работу по ее развалу и разложению изнутри. Агенты советской внешней разведки, в частности ИНО ОГПУ, были внедрены в советские дипломатические и торговые миссии за рубежом; их сеть представляла собой своеобразные “посольства в посольствах” [337]. Действовали они, как уже указывалось, в рядах Коминтерна.

Работа резидентур, как правило, подкреплялась пропагандистской работой, проводимой зарубежными коммунистическими партиями и структурами Коминтерна через ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей), Общество друзей СССР, различные антирелигиозные ассоциации. Преследовалась одновременно другая цель — поддержание революционных

действий мирового пролетариата. Советское правительство при этом слагало с себя всякую ответственность за содержание пропаганды, возложив ее на коммунистические партии и Коминтерн [338].

Методы инфильтрации и провокации повсеместно и эффективно использовались ОГПУ для расправы с именитыми людьми, видными национальными деятелями и лидерами движений, эмигрировавшими за рубеж.

С позиции ветеранов советских/российских спецслужб, прометеизм и созданное на его идейной базе движение “Прометей” преследовали единственную цель — “развал Советского Союза с помощью националистических и сепаратистских элементов”. Эти “элементы воспользовались античной легендой о титане Прометее — борце за свободу, якобы прикованном богами к скалам Грузии и обреченном на вечные страдания. Поскольку, согласно древнему мифу, Прометей от цепей и проклятия богов освободил Геракла, именно в его (Геракла) образе предпочла выступить польская разведка, взявшая под свою опеку грузинских и всех иных “прометейцев” [339].

Статьи, появлявшиеся на страницах прометеевских изданий, поражали сотрудников советских спецслужб высокой степенью осведомленности их авторов о внутрисоветской жизни в СССР. Так, западная и мировая общественность, еще в 1930 г., за 40 лет до выхода книг Александра Солженицына, т.е. с первых дней возникновения печально знаменитого советского учреждения, знали все о ГУЛАГе [340].

Так, ответственные работники КирЦИКа ломают голову:

“...Интересно, как получает Чокаев информацию? Очевидно, ему пишут из Туркестана. Значит, с туркестанцами он имеет определенную связь. Там, по-видимому, сохранились и действуют остатки его (Чокаева) Кокандского правительства. Возможно, он пользуется данными киргизских газет. Здесь он как будто доверяет газетам “Бостандық туы” (Акмолинская губерния) и “Қазақ тілі” (Семипалатинская губерния).

Кроме того, он приводит еще сведения о попытках киргизских общественных деятелей образовать “особый комитет помощи”. Эти попытки исходили от некоторых киргизских работников Акмолинской и Семипалатинской губерний, представителей бывшей Алаш-Орды. Действительно, их попытки были нами отвергнуты, как ничем не вызываемый сепаратизм. Об этом в газетах, насколько мне помнится, не писалось. Значит, Чокаев пользуется материалами не только газет, но и поступающими к нему из других источников. У меня возникает мысль о том, что, не попадая ли к Чокаеву материалы, поступающие в редакции наших газет “Бостандық туы” и “Қазақ тілі”. Статьи Чокаева определенно натапливают на такое предположение.

Сообщая обо всем этом, я счел: прошу Вас, тов. Каширин, принять необходимые шаги к выявлению связей Чокаева с Туркестаном, а также к установлению постоянного наблюдения за редакциями газет “Бостандық туы” и “Қазақ тілі”.

В последующем не откажите меня информировать.

С товарищеским приветом,

Председатель Кир. ЦИКа С. Мендешев" [341].

Из приведенного фрагмента письма С. Мендешева, адресованного им в ПП ОГПУ по Казахской ССР тов. Каширину (лично) 4 сентября 1924 г., можно заключить следующее:

- статьи Мустафы Чокая содержали достоверную информацию, которую он мог получать только из Туркестана, от алашординцев и других источников;
- сотрудники ПП ОГПУ по Казахской ССР были хорошо осведомлены о связях М. Чокая в Туркестане.

Эти тезисы находят подтверждение в перехваченном сотрудниками ОГПУ письме Мустафы Чокая, адресованном Б. Дабылову, и донесении спецосведомителей о высказывании А.Букейханова в кругу националистов Актюбинской губернии о пользе пребывания Мустафы за рубежом: "В современной школе нужно преподавать так, чтобы от советского влияния не осталось и следа. Предсказание Чокаева не останется лишь на страницах газет, оно через некоторое время будет реальным. Пока Чокаев находится в Париже, мы от этого ничего не теряем. Наоборот, это явится толчком для тех, кто еще колеблется в наших рядах".

Архивы КГБ Казахской ССР хранят и следующие донесения спецосведомителей.

- "Со слов алашординца Кундесорова Искандира, недавно возвратившегося из Грузии, Мустафа Чокаев в заграничной прессе опубликовал отчет о деятельности правительства Алаш-Орда..."

- "В составе первого течения Алаш-Орды, возглавляемого Алиханом Букейхановым, также числится М. Чокаев, ныне находящийся за границей в услужении у Лиги Наций".

- "Поддерживает связь с М.Чокаевым алашординец Миръякуб Дулатов. Он недавно возвратился из Ташкента, где занимает должность редактора киргизской газеты "Ақ жол". Его там полностью поддерживает известный туркестанский кирработник Султанбек Ходжанов ...

Установлены также связи М. Чокаева с Акпаевым, Марсековым, Копжасаровым, Омаровым, Сейфулиным и другими..."

- Большая часть видных националистов — киргизских деятелей, проживающих в Ташкенте, ведут непосредственную переписку с мусульманской национальной эмиграцией за рубежом. Например, из двух перехваченных писем киргизского студента Газимбека Беримжанова (бывшего члена и управделами правительства Алаш-Орды), отправленных из Берлина в адрес Ходжанова и Счастиева (секретаря Кирпредставительства при ТуркЦИИК), видно, что Чокаев М., заведующий отделом эмиграции в Париже, получает регулярно из Ташкента газету "Ақ жол". Беримжанов видел Чокаева с этими газетами в Берлине, куда последний приезжал на съезд эмигрантов. По его словам, в материальном отношении у него далеко

не благополучно. Киргизские студенты хотели снабдить его деньгами, но он не принял...”

- “Вместе с Чокаевым в Париже работает некий Максудов...”

- “В Кызылординском уезде проживает некто Нуртаза Чокаев. Ему 30 лет, казак-киргиз, местный скотовод, образован, мусульманин, в партии не состоит...”

- В Чаульдерском районе Южно-Казахстанской области проживает казахский цирковой борец Кажмухан Мунайпасов, женат на вдове. Он в хороших отношениях с директором совхоза “Капланбек” Юсупназаровым”.

- Чокаев через Бухару и Афганистан связан с Абиджаном Махмудовым, проживающим в Фергане; Фазылбеком Култасовым, часто приезжающим из Чимкента в Ташкент; Копжасаровым (бывший секретарь Мустафы Чокаева), членом коллегии Наркомсобеза Туркестанской республики...”

- “Десятого октября известный узбекский националист Махмудов Абиджан группе своих сторонников сообщил, что М. Чокаев во время лондонской конференции, в которой принимал участие, подал заявление, где указывалось, что тов. Раковский и вообще приехавшие с ним на конференцию лица не являются представителями Туркестана, так как таковых Туркестан не избирал. Представителем же Чокаев выставял только себя. В этом заявлении он информировал английское правительство о жизни туркестанского населения в самой мрачной окраске, говоря, что там советская власть проводит политику угнетения. Коснувшись вопроса о царских долгах Англии, указал, что таковые вполне могут быть возвращены, если Англия санкционирует отделение Туркестана от СССР в самостоятельное государство...” [342].

Интерес в этой связи представляет содержание обвинительного заключения по делу № 78754 от 12 марта 1930 года в отношении 42 членов партии “Алаш” и членов правительства Алаш-Орды Ахмета Байтурсынова и Миржакыпа Дулатова. Из показаний обвиняемых явствует, что алашординцы, в частности Ахмет Байтурсынов и Миржакып Дулатов, которые составляли ядро внутренней ветви туркестанского национального движения, находились в постоянном контакте с туркестанской эмиграцией в Европе, что стало одним из главных пунктов обвинительного заключения: “Для переписки с Валидовым Байтурсынов в 1925 г. получил из Германии через учащегося специальный шифр, который он хранил у себя до 1928 г.” [343].

В документе также утверждается:

“Битлеуов приехал из Германии в Оренбург в 1924 г. Говорил, что виделся с Заки Валидовым. Заки передал привет алашординцам и предложил послать за границу людей. Дал адрес (явку)...” [344].

ОГПУ имело своих агентов в среде эмиграции и ее политических центрах [345]. Одним из агентов, по данным польской разведки, был башкир Заки Валиди Тоган [346].

“Согласно информации чекистов, весной 1921 г., пребывая в стане басмачей, он [Валидов] в частных беседах признавался, что имеет живую

связь не только с Башкирией, но и с Москвой и раздумывает, не поехать ли в Москву или за границу” [347].

В 1922 г. Валидов обращается к большевистским руководителям с просьбой простить ему участие в басмаческом движении в Туркестане, признавая, что он совершил ошибку [348]. Его обращение было рассмотрено на заседании Средазбюро ЦК РКП 25 октября 1922 г. В итоге была принята декларация, содержащая ряд условий. Среди прочих было требование о том, чтобы Валидов “во всеуслышание заявил, что он ошибся, отмежевывается и выпустит воззвание к басмаческим элементам” [349].

“После того, как я, предпочитая эмиграцию предложенной через товарища Руззутака амнистии, выехал из Туркестана в Персию, прибыл теперь через Афганистан, Индию, Египет и Францию в Берлин и имею возможность лично представить русскому представительству свою просьбу и лично получить на нее ответ”, — пишет Валидов Полномочному представителю СССР в Берлине Н.Н. Крестинскому 12 апреля 1924 г. [350].

В его письменном обращении содержалась просьба разрешить его семье выезд в Берлин, разрешить ему переписку с учеными, вернуть задержанные советскими спецслужбами пакеты с рукописями, не преследовать его родных. Завершает он письмо словами: “Немало я служил революции в России, служил ей в самые трудные для нее годы не под палкой, а по своему доброму желанию — ЦК РК и советское правительство могли бы не отказать моим мелким просьбам” [351].

Вполне вероятно, что Валиди именно после данного пребывания в Берлине встречался с Битлеуовым и передал через него шифр и явку.

Роль Заки Валиди Тогана в судьбе лидеров и членов туркестанского национального движения требует отдельного и более детального рассмотрения.

Таким образом, ответ на вопрос, поставленный в 1924 г. председателем КирЦИКа С. Мендешевым, содержится в донесениях спецсведомителей, а также в публикациях современных российских исследователей и ветеранов Лубянки. Согласно утверждениям последних, в добывании нужной информации прометеевцам помогали также польские спецслужбы, которые имели свою агентуру в СССР. Однако эта агентура находилась в контакте с эмигрантскими национальными центрами, а не с польской разведкой, а польская разведка имела резидентуры в дипломатических представительствах Польши в СССР [352].

Имя Мустафы Чокая фигурировало в сталинском списке лидеров эмиграции, подлежащих физическому уничтожению. Осуществление данного плана было поручено ОГПУ, которым в тот период руководил Вячеслав Менжинский [353]. Однако посланный агент был выявлен самим М. Чокаем, а в марте 1931 г. при содействии членов туркестанского национального движения — арестован.

К операции по ликвидации Мустафы Чокая был подключен Восточный отдел ПП ОГПУ, которому была “доверена”, судя по переписке, подсобная

работа по сбору и поставке в Центр сведений о связях Мустафы с националистами, проживавшими в Туркестане. Эта чекистская разработка, которую попытался по-своему изложить бывший полковник КГБ Амирхан Бакиров [354], была ядром операции *France*. К такому заключению приводят:

а) дата начала оперативной разработки — 1926 г.;

б) отсутствие в архивах КГБ Казахской ССР сведений о дальнейшем ходе и окончании операции, из-за чего рассказ бывшего полковника КГБ выглядит куцым и незавершенным.

Сотрудники Лубянки не сочли нужным информировать своих казахских коллег ни о ходе, ни тем более о провале агентурной акции. Руководство Восточного отдела ПП ОГПУ по Казахстану в растерянности: “14 января 1931 г. нами дано Чимкентскому оперсектору ОГПУ задание № 141/29 о разработке связей националиста Мустафы Чокаева, находящегося в Париже, а в последующем послали несколько напоминаний о необходимости выполнения этого задания. Несмотря на это мы не получили ни от оперсектора (Чимкент), ни от облотдела (Кызылорда) абсолютно никаких материалов...” [355].

Реконструкция целостной картины операции стала возможной только после сличения и сведения воедино материалов из личного архива Мустафы Чокая [356] с архивными материалами КГБ Казахской ССР.

Для проведения операции Москва остановила свой выбор на уроженце Ходжента Алиджане (Галижане) Мир-Сыдыкове, имевшем опыт агентурной работы в Иране, Афганистане и Персии. Операция готовилась несколько лет, а в свою практическую фазу она вошла лишь в 1929 г.

Согласно созданной большевиками легенде, Алиджан Мир-Сыдыков был националистом, бежавшим из “советского ада” и искавшим возможность скрыться от преследований советского правительства в среде туркестанских эмигрантов. Для начала Алиджан Мир-Сыдыков, находясь в 1929 г. в Персии, направил в парижскую редакцию журнала “Яш Туркестан”, возглавляемого Мустафой Чокаем, свою критическую статью о советской политике в колхозах, которая была опубликована. Однако на последующие статьи Мир-Сыдыкова М. Чокай, по его собственному выражению, “наложил эмбарго”: подозрение вызвали чрезмерно оголтелые нападки автора на большевиков. Решено было через связных в Персии и Туркестане навести справки о Мир-Сыдыкове.

А. Мир-Сыдыков тем временем покинул Персию и лишь в конце следующего, 1930 г., появился в Стамбуле под другой фамилией. По утверждению стамбульских друзей, Алиджан, теперь уже Садыков, намеревался поехать в Париж и обратиться к Мустафе с просьбой помочь ему устроиться в какое-нибудь учебное заведение в Европе.

Развитие событий в Туркестане, где уже свыше 10 лет шла кровавая военная операция по уничтожению басмачей и параллельно с ней производились аресты с последующим расстрелом бывших членов

Кокандского правительства, членов правительства Алаш-Орды и сочувствующих им, заставляло М. Чокая проявлять большую осторожность. Прометеевцы помнили также об убийстве Симона Петаюры. Поэтому, проявляя осмотрительность и строго соблюдая конспиративные правила, Мустафа Чокай тщательно перепроверял по всем доступным каналам личность Алиджана Мир-Сыдыкова.

В Самарканде шли громкие судебные процессы над “контрреволюционными элементами”: Сагидулла Касымов, бывший председатель Верховного суда Узбекистана, и бывший прокурор Узбекистана Шарип Бадралин обвинялись в том, что “сошли с курса партии”. С. Касымову вменялось также в вину, что он “вместе с другим единомышленником контрреволюционера Мустафы Чокая Габидоллой Кожа участвовал в собрании членов правительства Кокандской Автономии”. Еще четверым — председателю Ташкентского народного суда Мирсагипу Закиру, акиму Мырзашоля Абдреиму Кожа, ташкентскому богачу Насираддину Галыму, ташкентскому торговцу Акпару Саминжану — было предъявлено обвинение в том, что они “отдали в руки классового врага плоды революционных завоеваний”. Все шестеро были названы пантюристами и панисламистами, имеющими непосредственное отношение к басмаческому движению, “развернувшемуся под идейным руководством Мустафы Чокая и его единомышленников”. Как заявили большевики, их действия были ничем иным, как “происками буржуазии, лишившейся в Туркестане политических и экономических прав” [357].

Подозрения в отношении Алиджана укрепились, когда Мустафа Чокай получил сообщение из Ташкента о том, что Мир-Сыдыков в период своего отсутствия в Персии находился в Самарканде.

12 февраля 1931 г. Алиджан Мир-Сыдыков (Садыков) был задержан стамбульской полицией. Советское консульство в Стамбуле официально заявило о своем отказе признать его гражданином СССР.

“Мною в Стамбул был направлен вопросник”, — указывает в своих записях М. Чокай и выражает большое сожаление, что “по ряду причин (получение турецкой визы — главнейшее препятствие) не может лично в скором будущем быть в Стамбуле и в личных беседах выяснить положение”.

Находившимся в Стамбуле своим сподвижникам Мустафа Чокай поручил добиться от Мир-Сыдыкова исчерпывающих ответов на следующие вопросы [358]:

— Что стало известно Алиджану за время работы в Персии и Турции о нашей организации вообще и о каждом из нас, в частности?

— Какие он посылал доклады в ОГПУ о нашей организации?

— Есть ли еще, кроме него, вне советской России агенты ОГПУ из числа туркестанцев, где они и кто они такие?

— Что он знает о деле Сагидуллы Касимова? Как это дело поставлено? Что в нем от правды и что от вымысла?

- характеристика местных правительственных и партийных деятелей;
- описание его работы в Дуздабе и созданных им организациях на территории Персии”.

Информация, полученная из Турции, была достаточно подробной. Алиджан Мир-Сыдыков писал [359]: “Я из Ходжента. Приехал в Персию в начале 1929 г. по заданию ОГПУ. Долгое время работал в Сейстане, Кочане, создал там организации и оттуда направился в Дуздаб. Здесь, согласно инструкции, создал антибританскую организацию для работы в Индии. Вернувшись, устроился в Мешхеде у муфтия [360]. Получал большие денежные средства от советского консула.

В Туркестане принимал участие в разработке дела против Сагидуллы Касымова, все тайные организации были мной раскрыты. Из Мешхеда меня направили в Тегеран, где я должен был вести наблюдение за находившимися там туркестанцами. Через советское посольство в Тегеране послал телеграмму в Тифлис. В ожидании ответа поехал в Тавриз, оттуда — в Баку, затем — Тифлис, где разговаривал с товарищем из ОГПУ. После этого направился в Самарканд, а через 2—3 дня — в Ташкент. Сделал сообщение в ОГПУ. Был отправлен в Москву, где был разработан дальнейший план. Оттуда в начале декабря 1930 г. перебрался в Стамбул. Из Москвы передали шифр и пароль для встречи с представителем советского посольства. Возле туннеля, как было условлено заранее, сотрудник посольства сказал: “Вам привет из Тегерана”. Мой ответ был “Как поживает Иванов?”. Мне было велено ехать в Париж, сблизиться с Мустафой Чокаем, выявить его окружение и связи, а также выяснить, каким путем ему удастся связываться с Туркестаном”.

На вопросы, сформулированные Мустафой, агент ОГПУ ответил следующим образом.

- О туркестанской организации почти ничего не удалось узнать, ибо Алиджан был раскрыт еще в Персии, а оттуда туркестанская организация была уже предупреждена Турсуном. Поэтому в Стамбуле Алиджану не удалось проникнуть в ряды членов организации.

- Доклады его о туркестанской организации носили общий характер, без упоминания имен членов организации, так как ему неизвестно в точности, кто в нее входит.

- В Туркестане известно о существовании организации [в Европе] и придают ее работе и деятельности М. Чокая большое значение. Именно с целью разузнать более подробно об организации и, в особенности ее руководителе, был командирован Мир-Сыдыков.

- К нашумевшему в прошлом году делу председателя Верховного суда Узбекистана Сагидуллы Касымова Алиджан имеет прямое отношение: ему удалось войти в доверие Касымова, выдав себя за единомышленника, а затем разоблачить председателя Верховного суда и его товарищей.

- Алиджан назвал и описал всех работающих в Турции известных ему агентов ОГПУ.

— Что касается созданной им в Дуздабе организации для антибританской работы в Индии, то Алиджан в разговоре с туркестанцами никаких имен не называл. Возможно, эти имена раскрыты турецким властям.

Мустафа Чокай завершает свои записи об агенте ОГПУ так: “В результате разоблачения Алиджана в большевистских кругах настроение довольно пессимистичное. Заслуга раскрытия Алиджана принадлежит Турсуну, который выследил его в Персии. И в Стамбуле он не оставлял его вне поля своего наблюдения. Алиджан открыл турецкой полиции свои связи с уполномоченным ОГПУ, а также сообщил место и время встречи с ним для получения денег. Сообщил туркестанцам и полиции о своих встречах с советским консулом и содержании бесед с ним. В объяснение своего ареста Алиджан сказал, что один из туркестанцев просил у него 200 лир, пригрозив в случае отказа сообщить о нем турецким властям. [В этом месте М. Чокай замечает: “Это неверно. Никто из туркестанцев у него денег не просил”].

Суд над Алиджаном состоялся в Стамбуле при закрытых дверях. Алиджан Мир-Сыдыков (Садыков) дал весьма важные сведения о работе советского ОГПУ в Турции, что произвело на турецкие власти сильное впечатление. Суд постановил выслать Алиджана в советскую Россию”.

17 июня 1931 г. Мустафа Чокай отметил в своих записях: “7 июня из Ташкента в Париж прибыла жена одного из туркестанцев, арестованных в прошлом году по обвинению в “национально-контрреволюционной деятельности”. Арест последовал после на шумевшего дела председателя Верховного суда Узбекистана Сагидуллы Касымова. За что? Никаких конкретных обвинений нет. Будто бы доставил в Туркестан инструкцию от Мустафы Чокая местным национальным организациям” [361].

Сагидулла Касымов и пятеро других подсудимых были расстреляны.

В разоблачении агента ОГПУ помощь М. Чокаю оказывали прометеевские связные, которые, как отмечают современные российские авторы, были предметом особой конспирации: “В делах, если только речь идет о важных политических контактах, называются только лица уже ликвидированные (и то лишь имена тех, кто использовался в данной конкретной разработке)” [362].

Советским спецслужбам удалось выявить только следующих прометеевских агентов: Аполлона Урушадзе, бывшего члена правительства Грузинской ССР, вице-консула в Тифлисе Ксаверия Залевского и вице-консула в Киеве Петра Курницкого. Чекисты располагали также сведениями о грузинской сети связи через Иран, а также о сети связи через советско-турецкую границу, которую курировал некто К. Масхарашвили из Стамбула [363].

Мустафа Чокай в результате многолетнего анализа политики советских руководителей вывел следующую закономерность: выбор ярлыков для внутренних и внешних политических оппонентов советского строя напрямую зависит от складывающейся внешнеполитической ситуации вокруг СССР. Он подкрепляет свои слова следующим доводом:

“Казахстан, имеющий общие границы с Монголией, считается одним из важных военно-промышленных центров Советского Союза. Этот регион Туркестана вызывает у советского правительства большую тревогу, так как оно опасается нападения со стороны Японии. Поэтому в № 22 (апрель 1937 г.) “Казахстанской правды” помещена редакционная статья, утверждающая, что враги Советов засылают шпионов в Казахстан, являющийся пограничной республикой. Кто же эти враги? Это — мы, “побежденные националисты, которые, объединившись с продажными троцкистско-зиновьевскими фашистами, стали наймитами милитаристских кругов Японии и выполняем их задания”. Несколько ранее советское правительство обвиняло нас в том, что мы — “платные агенты военных кругов Англии и Франции”. Эта кампания уже в прошлом. Сейчас советское правительство состоит в дружеских отношениях с Францией. Теперь врагом номер один Советского Союза является Япония. Вот почему большевики из бюджета Англии и Франции перевели нас на бюджет японских фашистов” [364].

Мустафа Чокай заявляет, что туркестанское национальное движение придумано не националистами, оно является естественной реакцией на проявления великорусского шовинизма. С усилением шовинизма усиливается национальное движение, которого очень опасаются Советы. Вместе с тем активная клеветническая кампания предпринимается большевиками для еще большего нагнетания великорусского шовинизма и превращения национальных республик в податливый материал, благодарно принимающий большевистскую колониальную политику [365].

Статьи и публикации М. Чокая, посвященные установлению власти русских рабочих и крестьян в национальных окраинах бывшей царской России и национальной политике, проводимой этой властью, дают ясный ответ на вопрос о причинах возникновения национальных движений нерусских народов России. В советской науке не принято было заниматься изучением национальных движений. Искажение истории народов СССР, приведшее к деформации сознания есть одна из причин, по которой ветераны советской внешней разведки продолжают пребывать в плену сталинской политики разделения народов на властные и подвластные, исходя из национального признака. По этой же причине ветераны советских спецслужб не в состоянии дифференцировать понятия “сепаратизм” и “национально-освободительное движение”, “разведка” и “шпионаж”, “национализм” и “шовинизм”.

Прометеевские связные обеспечивали движение достоверными сведениями и информацией. Их деятельность нельзя было квалифицировать как шпионскую. Рассмотрение понятий “разведка” и “шпионаж” свидетельствует о том, что их семантический объем неодинаков, в особенности, если они употребляются как профессиональные термины. Ведущий эксперт британской военной разведки Дональд Маклахан считает, что разведка есть нечто большее, чем сбор информации. Она содержит информацию, состоящую обязательно из деталей. Детали эти должны быть “проверены

по отношению к источнику и сопоставлены с другими фактами, критически рассмотрены в свете опыта и памяти человека или целой организации, всесторонне взвешены и представлены в форме какой-то оценки, подтверждены и исправлены в соответствии с критическим рассмотрением и, наконец, разосланы “потребителям” или опубликованы для практического использования”. Под “потребителем” подразумевается организация, направившая своего агента (разведчика) для сбора и анализа необходимой информации.

По мнению английского эксперта, “разведку часто связывают со шпионажем, насилием, надувательством”. Цель в этом случае одна — словом “разведка” прикрывают такие полувойенные акции, как саботаж, диверсия, государственный переворот, а также контрмеры, направленные против этих акций, проводимых и оплачиваемых, как правило, тайно, без официального признания” [366].

Рассмотренная в свете изложенного деятельность Мустафы Чокая в эмиграции может быть квалифицирована как разведывательная, т.е. как всесторонний, скрупулезный сбор, критический анализ информации о набирающем силу тоталитарном режиме большевиков и через публикацию документированных аналитических материалов он формировал общественное мнение на Западе и во всем мире. Эта деятельность проводилась в рамках программы и в русле задач национального движения. “Заказчиком” этой работы были национальные организации Туркестана, по заданию которых М.Чокай обосновался в Европе. Соответственно, Мустафу Чокая можно считать агентом этих организаций, в первую очередь партии “Алаш”, которая наряду с другими входила в туркестанское национальное движение.

Отличие национальных движений за самоопределение от сепаратистских движений рассматривалось в первом разделе настоящей работы. Их отличают цели и задачи. Задача сепаратизма — разрушение территориальной целостности государства; а часть территории, за отделение которой ведут борьбу сепаратисты, с точки зрения языка, религии, традиций, культуры, истории представляет собой неотъемлемую составляющую основного государства. Туркестан же, с этих позиций, не составлял единства с Россией.

Таким образом, Сталин принял самые разнообразные меры для физического уничтожения национальных лидеров, находившихся в эмиграции, и ослабления оппозиционного движения “Прометей”. Советская агентурная сеть за рубежом, включая агентов Коминтерна, проявила самую большую активность в организации раскола национальных движений изнутри и физического устранения лидеров. Параллельно агенты советских спецслужб не менее активно действовали против прометеевских агентов на территории СССР, о чем свидетельствуют годы сталинского террора, бывшие, по сути, широкомасштабной акцией с целью уничтожения внутренней ветви национального движения.

2.5. АНАЛИЗ ОБСТАНОВКИ В МИРЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сталин и Гитлер — оба злодеи. Я ломаю голову над тем, кто из них возьмет верх. И в политике, и в коварстве они не уступают друг другу. Один — нацист, другой — марксист. Если им вздумается объединить усилия и править миром, то мир захлебнется в крови. Дружба “отца всех народов” и “отца немецкой нации” носит временный характер.

Мустафа Чокай

Деятельность движения “Прометей”, оказавшегося под пристальным вниманием двух претендовавших на мировое господство идеологий — большевистской и фашистской — проходила в контексте непростых политических реалий, поставив многие эмигрантские организации перед проблемой выбора между фашизмом и большевизмом.

Идеология большевиков, зародившись раньше фашистской, начала свою деятельность с создания в декабре 1917 г. ЧК, на которую была возложена, среди прочих, задача расправы с политическими оппонентами внутри страны и за ее пределами, вплоть до организации террора.

После прихода к власти в Германии Гитлера и вместе с ним появления на мировой арене фашистской идеологии соперничество большевизма с фашизмом впервые наиболее ярко и жестко проявилось в Испании. Роль агентов ЧК в испанских событиях была главенствующей. Действовали они в составе III Интернационала (Коминтерна), созданного в 1919 г. Лениным и объединившего в своих рядах коммунистические и социалистические партии многих стран под эгидой русской коммунистической партии, которая де-юре всегда оставалась его центром. Вступившим в Коминтерн вменялось неукоснительное выполнение 21 условия, среди которых значились:

- строгое следование программе и решениям коммунистического Интернационала;
- создание при официальных организациях подпольных структур;
- поддержка освободительных движений в колониях;
- подчинение себе профсоюзных организаций и создание в них своих ячеек;
- избавление от умеренных руководителей;
- соблюдение железной дисциплины в строго централизованных организациях.

Позже требование жесткого соблюдения 21 пункта привело к расколу внутри европейских социалистических партий, что сделало невозможным вплоть до 1943 г. любое сближение между социалистами и коммунистами [367].

В испанских событиях 1936 г. господствующее место в идеологическом противоборстве заняли подпольные структуры Коминтерна и немецкая “пятая колонна”. Роль советского правительства в судьбе тогдашней Испании оказалась зловещей.

М. Чокай писал на страницах “Яш Туркестана”, что “еще до начала гражданской войны в Испании советская Россия делала республиканскому правительству поставки оружия, направила специалистов и политических советников”, что “большевистская ЧК пустила корни и опутала эту страну паутиной своих ячеек” [368].

Слова Мустафы Чокая находят подтверждение в официальных документах португальского правительства, в которых указывается, что агенты советских спецслужб и Коминтерна под видом специалистов в разных областях, например в качестве военных и политических советников, проникли в Испанию задолго до начала гражданской войны и действовали рука об руку. Так, Бела Кун [369] и его товарищи по партии Лозовский [370], Янсон [371], Ридал, Примао (он же Примаков [372]), Берзин [373] и другие прибыли в Барселону в марте и занялись подготовкой базовых ячеек для Красной армии. Как утверждает в документах португальского правительства, Испания представляет собой море крови. Все пункты программы, подготовленной за несколько месяцев до этого Коминтерном, были реализованы методично и во всей полноте [374].

Именно в это время Сталин назначает В. А. Антонова-Овсенко, руководившего в 1917 г. штурмом Зимнего дворца, генеральным консулом в Барселоне и поручает ему провести чистку в Каталонии. Цель вождя — избавиться от героя революции, подвергнув затем чистке его самого [375].

Донесения, поступавшие в МИД Франции от их информаторов в Испании, вполне согласуются с содержанием документов португальского правительства: “Россия купила Испанию. Взамен на поставку оружия Коминтерн пользуется тиранической властью в стране, бросая в тюрьмы, устраивая пытки и убивая тех, кто не согласен с линией коммунистической партии. В Испании действуют две интернациональные бригады: одна сражается на фронтах и состоит из борцов мирового социалистического движения; другая — это международная ЧК, находящаяся на службе у Коминтерна и состоящая из гангстеров, набранных в основном в Германии и Италии.

Москва хотела бы заставить молчать, связать по рукам и ногам и низвести до состояния марионеток борцов, прибывших со всех концов света. Москва покупает и коррумпирует глав правительств и тратит огромные суммы на ведение своей пропагандистской деятельности.

...Коммунистическая идеология — это, в первую очередь, идеология деструктивная, идеология террора. В организации и ведении борьбы она не терпит никакой конкуренции: ей хочется быть везде и всюду абсолютной властительницей. В Испании она показала свою истинную сущность, и это трудно опровергнуть” [376].

Попав в западню, устроенную большевиками, испанский министр внутренних дел Зугазагоитиа (из правых социалистов) на вопрос о причинах господства ЧК в Испании отвечал с горечью и стыдом: “Мы получили от России помощь, и в ответ нам пришлось позволить ей делать некоторые вещи, которые нам не нравятся” [377].

Говоря о “некоторых вещах, которые не нравятся” министр имел в виду чекистский террор, опутавший Испанию. Докладные, поступавшие в МИД Франции, информировали о следующих фактах: “В барселонской тюрьме томятся 1500 заключенных, из которых 500 являются антифашистами, прибывшими из разных стран: Франции, Греции, Германии, Италии, Австрии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Америки и Испании. Все жалуются на то, что подвергаются пыткам, что совершаются убийства борцов-социалистов, находящихся в рядах Касной армии.

Один итальянец свидетельствует, что неоднократно подвергался пыткам, которые длились по 5—6 часов: его привязывали к стене с поднятыми над головой руками и учиняли допрос под дулом револьвера, пытаясь, где находятся его товарищи.

Солдат, дезертировавший из французской армии, офицер одной из Интернациональных бригад, в течение четырех месяцев томится в тюрьме, где его подвергают истязаниям только за то, что он открыто высказывал свое мнение о Коминтерне и методах ЧК.

Многие из тех, кто был отправлен с фронта в тыл из-за ранений, также заключены в тюрьмы под надуманным обвинением в симпатиях к Франко” [378].

Мустафа Чокай отмечает, что после поражения испанских республиканцев советское правительство оставило на произвол судьбы коммунистических лидеров и тех, кто возглавлял вооруженные силы. Они нашли убежище в соседней Франции.

В ответ на обращение французского правительства об оказании им материальной и другой помощи советское правительство, в свое время заявлявшее, что “борьба в Испании есть наша борьба”, ограничилась предоставлением лишь 5 млн. франков, тогда как содержание беженцев обходилось французскому правительству в 7 млн. франков ежедневно [379].

Анализ испанских событий, проведенный М. Чокаем, информацию португальского правительства о действиях агентов советских спецслужб и Коминтерна, а также содержание докладных, поступавших в МИД Франции, подтвердил в своей книге “ЧК за работой” бывший начальник Восточного отдела ОГПУ Георгий Агабеков, перешедший в 1930 г. на Запад. В предисловии к книге чекиста отмечается, в частности, что “по инициативе НКВД специальные службы Испанской республики организовали ширококомасштабные акции по разграблению монастырей, церквей и частных коллекций. Изъятые произведения искусства переправлялись через французскую границу, а затем поступали к перекупщикам антиквариата в Европе. Значительная часть вырученных таким образом средств шла на оплату советской помощи испанским республиканцам” [380]. В операции по вывозу художественных ценностей из Испании участвовал и сам Г. Агабеков [381].

В ходе испанских событий Германия, со своей стороны, совместно с Италией оказывала помощь испанским националистам, возглавляемым

генералом Франко, и использовала “пятую колонну”. Так, во время гражданской войны в Испании была названа нацистская агентура, занимавшаяся саботажем, диверсионной и шпионской деятельностью, сеявшая панику и помогавшая захвату страны германскими войсками.

Сам термин появился благодаря следующему событию: в начале октября 1936 г. франкистский генерал Эмиль Моло заявил по радио, что “мятежники ведут войска на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая находится в самом Мадриде и в решающий момент ударит с тыла” [382].

Шпионам и тем, кто “проявил себя” в ходе испанских событий, была посвящена обильно иллюстрированная снимками “героев” книга, прославляющая их преданность идеалам германского фашизма [383].

Советские пропагандисты по-своему информировали трудящихся. Их материалы, выход в свет которых обеспечивал “Партиздат”, подлежали обязательной читке в школах и предприятиях всего Советского Союза. В них говорилось, что “Великая Октябрьская революция привела в движение рабочие и крестьянские массы в Испании”. На заводах и предприятиях СССР организовывались многотысячные митинги в поддержку “испанских братьев” [384]. А снимок испанской коммунистки Долорес Ибаррури, названной Ля Пассионария, и слова, приписываемые ей “Лучше умереть стоя, чем жить на коленях” обошли все советские средства массовой информации и врезались в память людей предвоенного поколения. Высокая, с накинутой на голову длинной черной шалью, ниспадающей до колен, Долорес Ибаррури олицетворяла собой Испанию-мученицу.

Большевистские руководители устами своих пропагандистов не переставали уверять испанцев в “огромной симпатии, которую питают к революционной Испании трудящиеся первого в мире социалистического государства, оплота мира и демократии” [385].

Большевистская пропаганда называла нацистов “provокаторами военной интервенции, которые ведут свою грязную игру совместно с итальянцами”. Но одновременно утверждали, что “средства, способные улучшить положение законного испанского правительства, находятся в руках Лондона и Парижа” [386].

После событий в Испании соперничество идеологий фашизма и большевизма входит в новую фазу: в Германии отмечается усиление антисоветской (антибольшевистской) пропаганды. Так, генеральный консул Франции в Гамбурге Жильбер Арвангас (Gilbert Arvengas) докладывает 9 декабря 1936 г. министру иностранных дел Франции Ивону Дельбосу (Yvon Delbos), что нацистская пропаганда против Советов приобретает все более жесткий характер. Данный тезис подкрепляется информацией о лекции высокопоставленного чиновника доктора Георга Ляйббрандта [387] “О мировом характере опасности большевизма”, который пронизан “иудеоазиатским духом и ставит задачу уничтожения Европы и ее тысячелетней цивилизации”. Лекция состоялась седьмого декабря в университете Гамбурга. Немецкий докладчик говорил о тактике большевиков, которая повсюду

одинакова: вначале — систематическая пропаганда, направленная на подрыв существующего режима и социального порядка, затем — переход к террористическим акциям. Г. Ляйббрандт подчеркнул, что удивлен терпимым отношением некоторых государств Западной Европы к большевизму, тогда как такая страна, как Англия не без основания выражает беспокойство угрожающим ростом вооружения Советов [388].

Германия и СССР не жалуют друг друга и в то же время не могут пойти на откровенный разрыв в своих взаимоотношениях: слишком важна для обеих сторон общность интересов милитаристского характера. Такое парадоксальное состояние их взаимного притяжения заставляет прометеевцев уделять больше внимания исследованиям, посвященным проблемам международной политики, в которых проводится скрупулезный анализ расстановки сил, а также выявляются стратегические планы советско-германского альянса. Немало внимания уделяется действиям спецслужб.

На страницах *“La Revue de Prométhée”* приводится документально аргументированный обзор политических событий, сделанный Марселем Шаминадом, в регионе Центральной и Юго-Восточной Азии, занимающем в планах советско-германского альянса особое место. В конце 1938 г. Москва неожиданно перебросила большое число своих секретных агентов из европейской части в дальневосточный регион. Данная акция совпала с важным событием в Баку, где в конце октября состоялось совещание агентов с двойным мандатом (ЧК и Коминтерна), на котором были даны инструкции по осуществлению совместных с агентами немецких спецслужб операций на азиатском континенте в самое ближайшее время.

Несколько недель спустя, в декабре, Москва стала местом встречи представителей Коминтерна и немецких спецслужб, во время которой было подписано советско-германское соглашение. Были рассмотрены детали совместных операций, которые должны быть предприняты сразу после подписания соглашения. Над текстом этого документа Наркоминдел и Вильгельмштрассе [389] работали уже давно. Политический обозреватель Журнала *“La Revue de Prométhée”* приходит к следующему выводу. Неожиданно тайный сталинско-гитлеровский сговор получил официальный статус. Военные действия, развернутые Германией, сдерживавшей основные силы Франции и Англии в Европе, оставляют азиатскую арену в условиях, исключительно благоприятствующих реализации советских амбиций. Содействие Германии может в высшей степени облегчить задачу русским и помочь СССР достичь, наконец, долгожданных целей. Подбивая русских к продвижению в Азию, Германия получает для себя определенные преимущества. Давая советы и толкая СССР в этом направлении, Германия задевает самые чувствительные струны советских руководителей и вызывает к самым древним традициям Кремля. Продвижение к Юго-Восточной Азии было всегда незыблемой догмой русской дипломатии. В этом пункте Советы не расходятся с прежним царским режимом. Напротив, они четко следуют по начертанному им пути [390].

Марсель Шаминад подвергает анализу наиболее знаковые события двадцатилетнего периода пребывания Советов у власти и приходит к выводу о том, что самыми знаменательными фактами, иллюстрирующими деятельность большевиков в Азии с начала 1920 г., являются:

- уничтожение независимости Азербайджана, Армении, Грузии и Северного Кавказа;
- наступление на внешнюю Монголию в 1921 г.;
- советизация ряда областей в Китае;
- оказание поддержки под разными предлогами маршалу Чан Кай-Ши [391] в ходе китайско-японского конфликта;
- непрерывное продвижение, начиная с 1923 г., в глубь китайского Туркестана (Синь-Цзяна) для поэтапного захвата этой огромной территории;
- полная оккупация Синь-Цзяна, что на сегодняшний день есть факт состоявшийся [392].

Этот беглый перечень дается для того, чтобы показать, что там, где Советы добились блестящих для себя результатов, царят слабость и отсутствие порядка.

В обзоре подчеркивается особая политическая роль, которая отводится большевиками советскому Туркестану и Синь-Цзяну: “СССР удерживает опасный бастион, охватывающий на севере Монголию, на западе — Иран, на юго-западе — Афганистан, на востоке — китайские провинции Кансу и Чинхай. На всей этой огромной территории Центральной Азии Россия в последние годы ударными темпами развернула строительство железных дорог, стратегических путей, трубопроводов, застав и продолжает вести другие работы. Ташкент, который сейчас насчитывает около 600 тыс. жителей, является не только культурно-экономическим центром, но и центром интриг, шпионажа, пропаганды и агитации в регионе советской Центральной Азии. Советы и их немецкие союзники пытаются ловко извлекать выгоду из факта тюркского происхождения и мусульманской религии населения. Все это наводит на мысль о том, что германо-русское соглашение носит масштабный характер в плане военно-экономического сотрудничества на Украине, Кавказе и Причерноморье. Создан гигантский политический и военно-экономический аппарат. Берлин и Москва приступят к монтажу последних частей конструкции, и огромная машина вот-вот заработает”.

Экскурс в азиатский мир, где разворачиваются большие политические интриги, завершается на оптимистичной ноте: “Нет необходимости указывать, что подобные проекты, если будет попытка претворить их в жизнь, не застигнут врасплох Францию и Англию. Нет также необходимости говорить о мерах, предпринимаемых франко-британской штаб-квартирой, для воспрепятствования этому, о мерах, предпринимаемых на азиатском театре действий, где Германия совместно с Россией желает расколоть союзников. Есть основания утверждать, что эта диверсия вряд ли обречена на успех, как рассчитывают в Берлине, напротив, она ускорит неизбежный крах Третьего рейха и СССР” [393].

Выявляется определенная закономерность: Германия и СССР используют свои спецслужбы для того, чтобы они путем организации различных провокаций “расчищали путь” и изыскивали своим странам формальный повод для осуществления военной интервенции в интересующий регион мира.

В отличие от Германии, которая вовсе не скрывает своих милитаристских амбиций, СССР не перестает заявлять мировому сообществу о своих пацифистских намерениях и оправдывает свои военные действия необходимостью “отстоять завоевания Октября”.

Победа фашизма в Испании и, соответственно, поражение коммунистической идеологии не могли не задеть самолюбия “отца народов”. Поэтому Сталин предпринял поиск новых способов усиления влияния большевизма и, соответственно, укрепления личной власти.

В начале 1938 г. на страницах советской печати появляется “Письмо Сталина Иванову”. Оно было “ответом” коммунисту Иванову, который утверждал, что окончательная победа социализма в СССР возможна лишь тогда, когда антагонизм между капиталистическими и коммунистическими странами будет разрешен в пользу последних. После Октябрьского переворота 1917 г. большевистские вожди, воодушевленные своей победой, не устали повторять, что мир стоит в преддверии великого потрясения — мировой революции — и что для скорейшего укрепления устоев социализма необходимо, чтобы эта революция свершилась как можно скорее. Дальнейшая внутренняя политика СССР (НЭП, принудительная коллективизация, первый пятилетний план по индустриализации страны) не привела к обещанному большевиками раю. Напротив, она ввергла население страны Советов в нищету и голод, создав благоприятную обстановку для бунта.

Сталин заявил в беседе с американским журналистом Роем Говардом (Roy Howard): “Если вы полагаете, что советские люди желают сами и к тому же силой изменить государственный строй в соседних странах, вы сильно ошибаетесь. Разумеется, они хотят, чтобы облик этих государств изменился, но это внутреннее дело самих государств. Экспорт революции не имеет смысла” [394].

Аналитики министерства иностранных дел Франции не без основания полагали, что Сталин не отказался от идеи мировой революции, а лишь на время замаскировался такого рода миролюбивыми речами и пактами о ненападении, желая тем самым сблизиться с другими странами.

“Если вникнуть в пацифистские речи Сталина, произносимые им с 1925 г., и сопоставить их с результатами его дипломатии, не составляет труда удостовериться в том, что идея мировой революции им не отвергнута. Советы, скорее всего, не пойдут на прямую интервенцию, а приведут в движение внешние подвластные им силы, чтобы народы других стран сами встали на путь революции. В этом состояла суть выступления Димитрова [395] на VII съезде Коминтерна в августе 1935 г., его нашумевшей доктрины Троянского коня. Ее основные положения хорошо известны: в национальном плане создание Народного фронта должно стать крепкой основой для

действий коммунистов; в плане международном антифашистская кампания ставила задачу консолидации сил против стран-противниц Советского Союза и создания Народного фронта во Франции и Испании. В итоге все это привело к гражданской войне в Испании и дипломатической напряженности, которая длится вот уже три года. Москва желает превратить это в прелюдию к мировой революции” [396].

Содержание “Письма Сталина Иванову”, подвергнутое скрупулезному исследованию аналитиками французского МИД, не оставляло сомнений в верности их предположений о скрытых намерениях “отца народов”: “Проблема взаимоотношений с другими странами еще не решена и нам предстоит еще ее решать (здесь и ниже подчеркнуто автором аналитической записки). Это можно сделать, только соединив усилия международного пролетариата и тех, кто еще серьезнее, — нашего советского народа. Необходимо усилить и консолидировать международные пролетарские связи между рабочим классом СССР и рабочим классом буржуазных стран: следует организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военной агрессии против нашей страны, надо также организовать эффективную помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран” [397].

Сотрудник МИД поясняет, что подчеркнуты слова, наиболее четко выражающие мысль Сталина: “Поскольку, по мнению Сталина, будущее СССР обусловлено исчезновением либо капитализма, либо коммунизма и поскольку это будущее необходимо строить, мы должны готовиться к борьбе. Для этого СССР располагает силами мирового пролетариата: достаточно лишь связать его судьбу с судьбой советского пролетариата. В случае нападения на Советский Союз зарубежный пролетариат встанет на его защиту; если в какой-то стране трудящиеся массы поднимутся против собственной буржуазии, то вмешается СССР”. Это и есть отрицание Сталиным подписанных им же пактов о ненападении, а также интервью, данного им Рою Говарду. О желании вмешательства Москвы во внутренние дела других стран и тем более о вмешательстве в случае локальных революций лучше не скажешь” [398].

Сталинский тезис о решимости объединить силы мирового пролетариата в борьбе против мирового капитализма и фашизма был расширен и углублен в тексте обращения Исполнительного Комитета Коминтерна к Красной армии 22 февраля, т.е. спустя десять дней после опубликования “Письма Сталина Иванову”: “Красная армия является также армией рабочих всех стран. Международный рабочий класс сумеет мобилизовать все силы на защиту СССР. Фашистские хищники и их сообщники увидят, что в их странах существуют миллионы друзей и союзников героической Красной армии, готовых подняться против фашистского варварства и капитализма. Никакая военная и реакционная сила в мире не в состоянии оказать сопротивление объединенным силам международного пролетариата и

трудящихся Советского Союза” (подчеркнуто в тексте, опубликованном в газете “Юманите” от 25 февраля 1938 г.).

Приводя данный фрагмент статьи в газете французских коммунистов, аналитик МИД Франции приходит к следующему неизбежному заключению: “Эта диатриба [399], на первый взгляд, кажется обращенной к фашистским государствам. Однако выражение “их сообщники”, которым советская пресса часто “награждает” другие страны, в частности Францию и Англию, похоже, предназначается именно этим странам. “Письмо” после его публикации было сразу же подхвачено всеми коммунистическими партиями мира именно в том смысле, в каком его изложили мы. В этом убеждает нас и следующие слова Кашена [400]: “В случае военной агрессии Сталин призывает к международной солидарности всех трудящихся мира для оказания помощи СССР. Он с той же настойчивостью утверждают необходимость срочной организации помощи со стороны рабочих СССР трудящимся буржуазных стран. Говоря это, — и мы это подчеркиваем — Сталин устанавливает правила поведения, с которыми вполне согласны не только все пролетарии, но и все друзья мира и свободы”.

Можно ли после этого говорить о том, что слова Сталина предназначались для внутреннего пользования или же обращены к фашистским государствам?” [401].

“Письмо Сталина Иванову” не осталось вне внимания прометеевцев. В рамках анализа международной обстановки они опубликовали аналитический материал “Проблема мира и СССР” в рубрике “Голос прометеевских народов”, датированный 29 сентября 1938 г. без указания автора [402].

Прометеевцы также считают, что СССР в данный момент не может пойти на прямую интервенцию, он вынужден провозглашать себя защитником дела мира по той причине, что страна ослаблена и потому не готова к ведению войны. Для доказательства правильности данного предположения делается ссылка на недавний советско-китайский вооруженный конфликт локального масштаба: “В июле текущего (1938) года Москва вспомнила о русско-китайском договоре 1886 г., который сама же Москва трижды расторгала. Опираясь на эту шаткую юридическую базу, советские вооруженные силы оккупировали стратегическую высоту Шань-Ку-Фенг и срочно укрепили ее, что вызвало энергичный протест со стороны Токио. Поскольку дипломатический протест не возымел действия, Япония, со своей стороны, прибегла к боевым действиям и заставила красных покинуть эту высоту. Таковы факты”.

По логике вещей, рассуждают прометеевцы, Москва должна была отреагировать на действия Японии, и это стало бы началом войны, но этого не случилось. Почему? Ответ, по мнению прометеевцев, кроется в заблуждении Сталина: Мао Цзе-Дун до этого в интервью американскому журналисту упомянул с расчетом на Москву, что Япония в настоящий момент ослаблена. Сразу же последовала резкая и одновременно высокомерная кампания в советской прессе, которая предварила вышеуказанный конфликт.

Авторы данного материала в *“La Revue de Prométhée”* не сомневаются, что пацифизм советского правительства вынужденный, так как страну ослабили проблемы не только экономического порядка: население истощено физически и морально сталинскими широкомасштабными репрессиями и террором, оно было во власти страха и испытывало ненависть к диктатору. И все же прометеевцы полагают, что Сталин, даже если он не в состоянии вести войну, хотел бы, чтобы ее вели другие”. Прометеевцы также уверены в том, что в “Письме Иванову” Сталин подтвердил свою приверженность идее Ленина, высказанную им в Циммервальде и Кинтале [403] о перерастании мировой войны сначала в гражданскую войну, затем — мировую социальную революцию. Именно этот принцип был в свое время положен в основу политики созданного Лениным Коминтерна [404].

Прогнозы прометеевцев относительно милитаристских намерений Германии и СССР нашли подтверждение в ходе развития политических событий в Европе, где в 1939 г. сформировались два оппозиционных блока: Англия и Франция, с одной стороны, а также Германия и Италия — с другой. В то же время европейцы опасаются, что Россия, заняв пока отстраненную позицию, планирует напасть на ту страну, которая окажется самой ослабленной после вооруженного противостояния этих блоков. А чтобы этого не случилось, “корректоры” европейской политики пытаются вовлечь Россию в лоно пакта “Берлин — Рим”, чтобы одновременно использовать в своих интересах военный потенциал Советов [405].

Этот тезис Мустафы Чокая в определенной степени подтверждается материалами темпельхофского архива [406], сохранившего запись конфиденциальной беседы Риббентропа и Молотова от 12 ноября 1940 г.:

“Риббентроп: После долгих размышлений... [мы пришли к] заключению, что великие державы должны продвигаться к югу: Япония — к южным морям; Германия — к Центральной Африке; Италия — к Северной Африке. А Россия... к каким морям...?

Молотов: Какое море вы подразумеваете?

Риббентроп: Я хочу сказать: “Персидский залив”.

Молотов: Надо рассмотреть вопросы конкретным образом. На Россию часто нападали через Дарданеллы. Что скажет Германия насчет Болгарии и Румынии? Каковы планы немцев относительно Греции, Югославии? Что Германия будет делать с Польшей?

Риббентроп: У Германии в этих странах только экономические интересы... но давайте рассмотрим крупные вопросы... Что думает г-н Молотов об Индии?

Молотов: Война против англичан уже выиграна... Я спрошу мнение Сталина и моих друзей... Однако вопросы завтрашнего дня связаны с днем сегодняшним. Надо завершить то, что начато, прежде чем предпринимать новое...” [407].

В анализе предвоенной ситуации в Европе М. Чокай отводит центральное место Польше, точнее — Гданьску (Данцигу). После Первой мировой вой-

ны в соответствии с Версальским договором портовый город на Висле был передан под контроль Лиги Наций, имел собственную автономию, возглавляемую Сенатом, а вопросы таможенной политики были во введении Польши.

Висла была для поляков судьбоносной рекой, символом независимости страны. Она пересекает территорию Польши, похожую на сердцевидный лист, по центру, неся свои воды с юга на север через всю страну и насыщая ее животворной силой. “Польша сумеет стать самостоятельной лишь тогда, когда возьмет на себя управление районом там, где Висла впадает в море” — утверждали государственные деятели Германии времен Фридриха Великого [408]. Это утверждение было небеспопеченным: Гданьск символизировал ту точку, где начинается черешок, несущий листовую пластину. Поэтому владеть выходом к Балтийскому морю (а именно там располагается Гданьск) означало держать под контролем стратегически важный пункт. Соседняя Германия понимала, что, заполучив этот портовый город, сумеет во многом влиять на судьбу Польши.

Мустафа Чокай уделяет в своем анализе значительное место спору Германии и Польши относительно Гданьска. Он не без основания считал, что Польша вряд ли смирится с переходом города Германии. А Германия, в свою очередь, попытается завладеть Гданьском под обещание договора о сотрудничестве. Однако два государства, в отношениях которых уже произошел раскол, вряд ли смогут строить свое сотрудничество, опираясь лишь на ничем не подтвержденные обещания. Опасения были не напрасны: Гитлер в своем ответе на ноту Рузвельта заявил 28 апреля 1939 г., что договор, заключенный между Польшей и Англией, вступает в противоречие с договором “Польша — Германия”, подписанным Пилсудским и Гитлером. По утверждению Гитлера, он даже препятствует нормализации отношений, и это вынуждает немецкую сторону в одностороннем порядке объявить его потерявшим свою силу. Германия не скрывает намерения захватить Гданьск, а Польша, для которой потеря этого города подобна смерти, не намерена уступать его Гитлеру [409].

Усиление Германии после присоединения к ней в 1938 г. Австрии, а также тесная дружба между Сталиным и Гитлером — все это означало для Польши, географически расположенной между Германией и СССР, угрозу оказаться объектом очередного дележа. Тем более, что притязания Германии на Гданьск уже создали кризис в германо-польских отношениях.

Что же касается отношений между Россией и Польшей, то Мустафа Чокай указывает, что Россия во все времена воспринималась Польшей как враждебная страна, и это чувство исторического недоверия в сознании поляков истребить нелегко [410].

М. Чокай отмечает, что ситуация, сложившаяся к концу тридцатых годов в Европе, превратила проблему Гданьска в “тугой узел”, и мировое сообщество реально ощутило нависшую над Польшей опасность, от которой оберегал свой народ Юзеф Пилсудский [411].

Наряду с ситуацией вокруг Гданьска тревогу у мировой общественности вызывали переговоры между франко-британской делегацией и советской. Мустафа Чокай указывает на их безрезультатность: были обсуждены проекты более тридцати соглашений, однако ни один из них не получил одобрения советской стороны. Чем больше Англия и Франция прилагают усилий, желая найти общий язык с Россией, тем больше Советы торгуются с ними, давая понять европейцам, сколь высока цена большевистской дружбы. В основе сложившихся трудностей не только недоверие, испытываемое Англией к большевикам. Советы прибегают к самым изощренным способам, чтобы добиться как можно большего обострения отношений между двумя соперничающими группировками: Францией — Англией, с одной стороны, и Италией — Германией, с другой.

В число важнейших международных событий 1938 г. были также отнесены договор о взаимном ненападении, заключенный между Францией и Германией 12 мая, а также официальная ратификация 26 ноября советско-польского договора о ненападении, подписанного в 1932 г. на период до 1945 г.

Наблюдавшееся охлаждение отношений между Польшей и СССР постепенно приобретает враждебный оттенок: на страницах советской прессы все чаще стали появляться карикатуры и грубые выпады в адрес министерства иностранных дел Польши, возглавляемого Юзефом Бекком. Одна из причин этого, согласно анализу Мустафы Чокая, заключалась в том, что Польша в определенной степени способствовала тому, что единственная дружественная к советской России страна в Центральной Европе — Чехословакия — оказалась раздробленной, а часть ее территории оказалась подвластной Германии. В этих условиях ратификация почти забытого советско-польского договора от 1932 г. (официальная ратификация, и не более!) привлекала внимание европейской общественности и вызвала логический вопрос, получат ли отношения этих двух стран новый импульс.

В международных кругах маячила также идея образования при содействии Германии “великой Украины”, которая должна будет включать советскую Украину, регионы Румынии, в которых проживают украинцы, Польшу и Закарпатскую Украину, находящуюся в составе Чехословакии.

Подписание франко-германского договора 12 мая было с удовлетворением воспринято всеми государствами, кроме СССР, для которого сближение этих стран было нежелательно. До 1933 г. советская Россия была на стороне Германии, но с приходом к власти национал-социалистов во главе с Гитлером правительство Советов изменило свой политический курс. Советы заявили в связи с подписанием франко-германского договора, что документ направлен против СССР. По выражению М. Чокая, “этот договор был ударом по диктаторской политике большевиков” [412].

Пересмотр отношений, сложившихся в Европе после заключения мюнхенского (1938) соглашения, привел в итоге к следующему раскладу политических сил:

1. Альянс Германии и Италии обретает форму военного союза, названного “стальным”; он притягивает взоры Японии, Венгрии и Югославии, которые не прочь присоединиться к “стальному союзу”; Испания уже сумела найти пути сближения с Германией и Италией.

2. “Стальному союзу” противостоит другой блок в лице Англии и Франции; эти страны прилагают все усилия для поиска путей политической нормализации на континенте.

3. Советская Россия, по мнению Мустафы Чокая, хотела бы внести раскол в отношения двух предыдущих блоков и тем самым ослабить страны Европы. Такой вывод делается им на основании анализа доклада Сталина на XVIII съезде коммунистической партии. Сталин заявил, что, поскольку программа берлино-римского союза, преподносимая как “поиск сферы жизненных интересов”, направлена против франко-британского союза, то правительства Франции и Великобритании, дабы отвести от себя опасность, настраивают Германию против СССР, подталкивая их тем самым к военной конфронтации.

4. По заключению М. Чокая, одна из тактических установок в политике европейских стран кроется в том, чтобы советская Россия не оставалась вне любого вооруженного конфликта, иначе она, сохранив свою военную мощь, может стать угрозой для любой европейской страны [413].

5. Распалась Малая Антанта, военно-политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920 г. Германия и Италия стараются нормализовать отношения между Венгрией и Чехословакией. Венгрии удалось вернуть себе территории, на которые притязала Чехословакия. Сама же Чехословакия также обрела новый облик, став федерацией республик: Чехии, Словакии, Закарпатской Украины.

6. Бессильной, значительно потерявшей свое влияние, оказалась Лига Наций. Чтобы убедиться в этом, достаточно сказать, что в момент чехословацкого кризиса о Лиге Наций вспомнил только Наркоминдел СССР Максим Литвинов.

Мустафа Чокай не сомневается, что поскольку улучшение политического климата в Европе зависит в первую очередь от двух стран (Франции и Германии), то СССР непременно постарается “заявить о себе”, внеся раскол в их отношения [414].

В самый канун Второй мировой войны (начало 1939 г.) “Яш Туркестан” также обращает внимание своих читателей на факт объявления Англией обязательной всеобщей воинской повинности.

М. Чокай отмечает, что в Великобритании, население которой составляет одну четвертую часть населения земного шара, до этого времени не объявлялась всеобщая воинская повинность. Британская армия состояла из добровольцев, и численность ее не превышала в мирное время 150—200 тыс. человек. В период Первой мировой войны Британия сумела отправить на поле брани более 13 млн. человек. А в связи с сокращением численности ее армии в послевоенный период некоторые страны стали сомневаться в

способности Британии выполнить свое обещание об оказании военной помощи. Поэтому, желая доказать, что данные ею обещания не являются пустыми, 26 апреля Британия объявила о принятии Закона "О всеобщей воинской повинности". Тот факт, что Великобритания пошла на нарушение своих традиций, показывает, по мнению Мустафы Чокая, насколько обострилась ситуация в Европе.

Известно, что в 1914 г. Великобритания как самая превосходящая по военной мощи держава, приняв превентивные меры, была бы способна предотвратить войну, и теперь, с учетом печального опыта, она предпринимает меры по ликвидации военной угрозы.

Таким образом, М. Чокай, как и многие другие политические деятели того времени, не сомневается, что реалии, сложившиеся в Европе после подписания Версальского договора, представляют собой серьезную опасность миру на европейском континенте. В обзоре международной жизни Мустафа Чокай пишет:

"Все видят и осознают нависшую над Восточной Европой, в особенности над Польшей, угрозу. Президент США Рузвельт направил 10 апреля 1939 г. обращение главе Германии Гитлеру и главе Италии Муссолини, потребовав от них обещания не нападать ни на какую страну. В нашу задачу не входит оценка этого обращения, но хотели бы отметить, что такой шаг Рузвельта еще больше подтверждает, насколько стала реальной угроза войны. Это событие, обрадовавшее значительную часть мирового сообщества, было подвергнуто острой критике со стороны общественного мнения в Германии и Италии" [415].

Пятьдесят пять лет спустя Генри Киссинджер напишет об этом же событии в своем ставшем бестселлером труде следующим образом: "В апреле 1939 г. Рузвельт напрямую обратился с посланием к Гитлеру и Муссолини. Диктаторы осмеляли их. И напрасно: на самом деле послания были умно составлены, демонстрируя американскому народу, что страны "оси" на самом деле вынашивают агрессивные планы. Рузвельт выполнил поставленную перед собой политическую задачу. Запрашивая гарантии лишь у Гитлера и Муссолини, он заклеил их как агрессоров перед единственной аудиторией, что-то значившей в тот момент для Рузвельта, — американским народом. Чтобы американская публика стала поддержкой и опорой демократических стран, необходимо было облечь вопрос в такую форму, которая бы исключала его толкование в рамках равновесия сил и подчеркивала, что речь идет о защите невинных жертв злобного агрессора" [416].

Г. Киссинджер, вслед за М. Чокаем, подтверждает обоснованность действия, предпринятого Рузвельтом, которое, как показала история, имело важное значение для судьбы тогдашней Европы.

Советская Россия, отошедшая от европейских дел в годы Первой мировой войны, в конце тридцатых годов вновь появилась на политической арене этого континента. Москва и Лондон обсуждают условия включения советской России в программу защиты от возможной агрессии со стороны

приверженцев войны. Мустафа Чокай отмечает, что “в тот самый момент, когда уже вот-вот должен был быть известен результат переговоров, из Москвы поступает известие о том, что Литвинов покинул пост министра иностранных дел СССР, а вместо него Сталин назначил своего самого преданного сотрудника — Молотова. Литвинов делал все, чтобы достичь сближения России с Англией. Были намерения создать военный блок между Францией, Англией и советской Россией. А теперь смещение Литвинова с его поста наводит главы европейских государств на определенную мысль” [417].

Суть этой мысли раскрывает ведущий эксперт британской военной разведки Лен Дейтон: “Министр иностранных дел СССР Максим Литвинов был образованным и опытным дипломатом. По национальности еврей, он был женат на уроженке Великобритании. Литвинов неизменно выступал за укрепление связей СССР с Великобританией и Францией. Теперь Литвинов предлагал заключить договор между СССР, Великобританией и Францией на пяти- или даже десятилетний срок, обеспечивающий взаимные гарантии на случай агрессии со стороны Германии” [418].

Уже упомянутые переговоры с Англией и Францией Москва вела в момент замены Литвинова Молотовым. Мустафа Чокай в этой связи указывает, что Англия не питает доверия к большевикам, а большевики, в свою очередь, используют самые невероятные средства для еще большего обострения отношений между двумя соперничающими в Европе группировками (Англией и Францией, с одной стороны, а также Италией и Германией — с другой), желая тем самым отрезать все пути для их сближения” [419].

Эту ситуацию взаимного недоверия, подмеченную М. Чокаем, Лен Дейтон комментирует следующим образом. “Предложение Литвинова о заключении договора между СССР, Великобританией и Францией на пяти- или десятилетний срок, обеспечивающий взаимные гарантии на случай агрессии со стороны Германии, “повергло в ужас английских министров”, которые так же, как и премьер-министр Чемберлен, испытывали глубокое недоверие к коммунистической России”. По мнению Лена Дейтона, дело заключалось не только и не столько в этом чувстве недоверия, а в том, что “Сталин, у которого были шпионы в высших правительственных кругах практически всех европейских стран, пришел к убеждению, что Великобритания и Франция вступят в боевые действия только в том случае, если сами подвергнутся агрессии”. Поэтому, как утверждает британский исследователь, Сталин решил, что спасение для России может принести только договор с нацистской Германией. А назначение на пост министра иностранных дел Молотова было сигналом нацистам, что отныне они будут иметь дело с человеком, полностью зависимым от мыслей и взглядов Сталина [420].

Прометеевцы не без основания утверждали, что в международных делах Сталин считался с мнением Гитлера, видя в нем одновременно соперника и партнера. Исходя из анализа форм сотрудничества двух диктаторов,

прометеевцы квалифицировали их отношения даже как дружеские. Так, они приводят свидетельства немцев, которые в предвоенный период утверждали, что так называемая их взаимная неприязнь была надуманной и проистекала не столько из-за идеологического соперничества, а скорее от соперничества за мировое господство: “Советско-германское сотрудничество никогда не прерывалось. Договоры, подписанные в Рапалло и Берлине в 1924 и 1926 г., регулярно продлевались. В тот момент, когда фюрер на съезде в Нюрнберге произносил одну из своих самых длинных антикоминтерновских речей, у Бранденбургских ворот проходили секретные маневры рейхсвера, а единственным иностранным военным атташе, присутствовавшим при этом, был советский военный атташе” [421].

Сотрудничество с Гитлером было выгодно Сталину как минимум по трем причинам:

1. Сталин рассчитывал руками Гитлера разрушить мировой капитализм, что расчистило бы путь социализму в его продвижении на Запад [422].

2. Война в Европе “могла бы создать наилучшие условия для разжигания пожара мировой революции”, а милитаризм Гитлера мог бы внести в этот процесс свою лепту [423].

3. Милитаризм Гитлера мог бы способствовать продвижению границ СССР ближе к центру Европы [424].

Русские патриотические силы, находящиеся в эмиграции, по-своему оценивали внимание европейцев к советской России и выражали удовлетворенность позицией Европы по отношению к СССР. Как отмечает Мустафа Чокай, в журнале “Новая Россия” от 30 мая 1939 г. бывший глава Временного правительства России Александр Керенский передал эти настроения следующим образом: “Если смотреть с позиции будущего и исходить из возможностей советской России, находящейся ныне под пятой Сталина, то, что бы там ни говорили, мы не можем не приветствовать тот факт, что западная демократия поворачивается к ней лицом” [425].

Что же касается мнения эмигрантов нерусского происхождения, то М. Чокай, ссылаясь на опыт царской России в Первой мировой войне, когда она была на стороне западных государств, но вышла несмотря на это побежденной, заключает, что “и на этот раз советскую Россию может постигнуть судьба царской России” [426].

Таким образом, накануне Второй мировой войны узловым моментом международной политики стало соперничество большевистской идеологии с фашистской. Два диктатора — Сталин и Гитлер — претендуют на мировое господство, разработав каждый свою стратегию развязывания мировой войны. Гитлер делает ставку на лозунг защиты мировой цивилизации от “иудобольшевизма”, Сталин — на призыв к избавлению от эксплуататоров и власти капитала, адресуя его Коминтерну и мировому пролетариату, самой многочисленной и обездоленной части населения. Оба диктатора для достижения своих целей активно применяют, наряду с пропагандистскими средствами, подстрекательство и провокацию вооруженных конфликтов с

помощью своих спецслужб. Наиболее яркой демонстрацией этих методов стали события в Испании, превращенной, по утверждению Мустафы Чокая, в арену первой пробы сил фашизма и большевизма, вследствие чего в ближайшем будущем мир может потрясти еще более кровавый конфликт [427].

Спустя 17 лет Исаак Дойчер, автор политической биографии Сталина, повторил эту мысль М. Чокая, назвав события в Испании "первыми военно-политическими маневрами, предварившими Вторую мировую войну" [428].

Испанские события еще ждут своих исследователей. Исторический интерес к ним заключен не только в уникальности ситуации столкновения интересов Сталина, Гитлера, Франко, но и в той роли, которая была ими отведена испанскому народу, оказавшемуся заложником одновременно трех диктаторов и двух соперничавших идеологий. Лишь сейчас, по истечении тридцати с лишним лет после смерти Баамонде Франко, народ Испании пытается осмыслить один из самых сложных периодов своей биографии и дать ему политическую оценку.

Подробное рассмотрение политического участия Мустафы Чокая в деятельности движения "Прометей" свидетельствует о следующем:

- лидеры национальных движений, эмигрировавшие в Европу, с учетом предыдущего опыта политической борьбы с большевиками приходят к заключению о необходимости объединения усилий в борьбе за национальное самоопределение своих народов;

- раздувание Советами панисламизма, организация имипанисламистских центров в различных точках земного шара заставляют Запад искать способы заслона проникновению большевизма; при идейной и финансовой поддержке польского правительства национальные лидеры, проживающие в эмиграции в Европе, объединяются в антибольшевистское движение "Прометей", которое со временем перерастает в своего рода интернационал угнетенных народов; сеть движения простирается от Хельсинки до Токио через Варшаву, Париж, Стамбул, Трабзон, Шанхай, зажав Москву в тесное пропагандистское кольцо;

- "Прометей" ставит перед собой задачи политико-пропагандистского характера: формирование мирового общественного мнения в отношении России, где устанавливается сталинская диктатура и одновременно укрепляется тоталитарный строй; другая задача — пробуждение политического сознания угнетенных народов и приобщение их к культуре ведения совместной политической борьбы за свое право на национальное самоопределение;

- на страницах периодических изданий "Прометея", включая политический орган туркестанского национального движения "Яш Туркестан", в ходе организуемых политических дебатов с участием представителей различных политических воззрений прометеевцы обсуждают самые злободневные проблемы социально-политической жизни советского общества;

— благодаря разносторонней и масштабной деятельности прометеевцам удается привлечь внимание западной и мировой общественности к панрусской проблеме, а через нее — проблеме национального самоопределения повластных России народов; “Прометей” находит поддержку у ряда правительств и международных организаций, включая Лигу Наций;

— пятнадцатилетняя история движения — это также история пятнадцати лет политической борьбы между Сталиным и прометеевцами; Сталин использует все доступные средства: политические, пропагандистские, криминальные, чтобы обезглавить и обескровить движение, которое, находясь в тесном контакте с противниками сталинской диктатуры, проживающими в СССР, становится серьезной угрозой устоям существующей власти;

— приход к власти в Германии нацистов порождает соперничество за мировое господство двух диктаторов и меняет расстановку политических сил в Европе; первая проба сил соперничающих сторон (СССР и Германии) происходит в Испании и завершается поражением большевизма; всесторонний анализ политической обстановки в Европе и мире, проводимый Мустафой Чокаем, свидетельствует о надвигающейся угрозе беспрецедентного военно-политического конфликта между Сталиным и Гитлером, а не между Сталиным и Муссолини, как полагали западные политологи.

3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МУСТАФЫ ЧОКАЯ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТОТАЛИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВ

3.1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ МУСТАФЫ ЧОКАЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ТУРКЕСТАНСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ

“Знаешь ли ты, что есть вершина добродетели?

Выкупить пленного, накормить в дни голода сироту, ближнего и нищего безвестного”.

Коран. Сура ХС. 12—15

В своих планах подготовки к войне с Советами Третий рейх отводил определенную роль лидерам российской эмиграции. Работа в этой области была значительно облегчена после оккупации Франции Германией в июне 1940 г.

Что касается советской стороны, то, по ее мнению, в условиях военно-политического противостояния “Германия — СССР” Мустафа Чокай и другие лидеры эмиграции не могли не сотрудничать с нацистами. Именно эта мысль прослеживается в книге С. Шакибаева “Падение “Большого Туркестана””, “построенной на строго документальной основе”. М. Чокай, представленный в ней как мелкий антисоветчик, якобы обращается с письмом к Розенбергу, и автор повести проводит параллель между нацистским чиновником и лидером туркестанского национального движения: “В письме Чокаева Розенберг

почувствовал глубокую и горячую ненависть к большевикам, очень похожую на ту, которую испытывал сам рейхсминистр. Она, эта ненависть, заставляла с особым вниманием отнестись к плану создания с помощью нацистской Германии “Туркестанского государства” [429].

Поиски письма Мустафы Чокая Альфреду Розенбергу в архивах Третьего рейха с учетом “документальной основы” книги С. Шакибаева оказались безрезультатны. В первом разделе настоящей работы был приведен архивный документ об эмиграции М. Чокая в Европу по заданию национальных организаций Туркестана, что доказывает ложность утверждения С. Шакибаева о том, что после разгрома Кокандской Автономии частями Красной армии “Чокаев бежал в Турцию, потом дальше — в Париж”.

Нижеприведенный документ из архивов МИД Франции от 25 апреля 1941 г. также заставляет усомниться в “документальном” характере книги С. Шакибаева, опровергая другое утверждение о том, что Мустафа Чокай был заинтересован в сотрудничестве с нацистами.

“Русские эмигрантские круги столицы [Франции] с большим интересом следят за развитием событий военного времени. В настоящее время усилиями немецких служб пропаганды сформированы два разных общественных мнения в этих кругах: одно отражает позицию гестапо, другое — НСДАП.

Сторонники первого мнения оказывают содействие сепаратистам из России с целью развала СССР; это значит, что такого рода пропаганда проводится главным образом среди украинцев, грузин, а в настоящий момент среди эмигрантов, выходцев из республик, имеющих общие границы с Ираном, Афганистаном и Индией.

На днях эмигрант из России Мустафа ЧОКАЕФФ, уроженец Туркестана, был предупрежден службами гестапо о том, что он должен перебраться в Берлин, где его намереваются провозгласить главой Туркестана, советской республики, расположенной недалеко от британской Индии и граничащей с Ираном и Афганистаном. Мустафа ЧОКАЕФФ сразу же отказался от предложения немцев, но затем под давлением гестапо был вынужден согласиться поехать в скором времени в Берлин.

Со своей стороны, службы НСДАП избрали объектами своей пропагандистской деятельности русских эмигрантов антисепаратистского толка, т.е. тех, кто выступает против независимости советских республик: Украины, Грузии и т.д.

Для достижения своей цели немцы уверяют антисепаратистов в том, что у них существует только единственная возможность вернуться на родину — объединиться в группу поддержки союза Германии с Советами. Тем самым они смогут внести свою лепту в защиту интересов своей страны, а затем они при поддержке Германии сместят Сталина.

В настоящее время в Париже создается ассоциация в поддержку названного союза. Устав ассоциации сейчас находится на рассмотрении немецких спецслужб и будет в ближайшее время представлен в префектуру полиции.

Главным действующим лицом в этом деле является некий Пивень Александр (родился 10 марта 1900 г. в Екатеринбурге), русский, которого представляют как просоветски настроенного эмигранта. Однако сведения о нем далеко не благоприятны.

Ему оказывает содействие один из руководителей НСДАП по фамилии Крейтц, гражданин Германии русского происхождения.

Похоже, что эти двое не играют большой роли в ассоциации, а служат лишь прикрытием для других.

Среди членов этой организации фигурируют Юсуповф, Митрофановф, Половцевф, хорошо известные в русских эмигрантских кругах, а также Дурофф, директор и профессор Русского лицея, расположенного на Бульваре Отей, он же председатель Ассоциации русских офицеров, сражавшихся на французских фронтах.

С некоторых пор Пивень предпринимает демарши и интересуется мнением представителей русской колонии, которых он хотел бы вовлечь в ряды ассоциации. Известно, что он совсем недавно заявил им следующее: "Кто не с нами, тот предатель. Вы должны поддерживать советско-германский блок, чтобы отвести угрозу, нависшую над нашей страной".

Эта кампания не могла не вызвать реакции в среде русских эмигрантов, которые не одобряют сближения с Советами. Тем не менее, некоторые из эмигрантов восприняли положительно эту пропаганду, надеясь, что по возвращении на родину они смогут вернуть утерянное.

Гестапо нашло приверженцев своей пропаганды в среде украинцев, грузин и представителей других советских республик, жаждущих независимости. Они в самом деле надеются на освобождение своей родины от советского господства" [430].

Анализ содержания документа в части, касающейся Мустафы Чокая, свидетельствует о следующем:

- Гестапо и НСДАП за два месяца до нападения Германии на СССР предприняли действия по зондированию мнений в среде эмигрантов из России; работа велась в двух направлениях для прогнозирования возможной поляризации позиций с началом германо-советской войны;

- М. Чокай ответил отказом немцам, хотя они пытались заинтересовать его должностью главы будущего государства Туркестан;

- Мустафа Чокай был вынужден согласиться поехать в Берлин только под давлением гестапо.

В день нападения Германии на Советский Союз, 22 июня 1941 г., М. Чокай был арестован нацистами и заключен в замок Компьен вместе с тремястами видных эмигрантов из России [431]. Позже о своем пребывании в замке он рассказывал Марии Яковлевне так: "Час тому назад мне было предложено выступить по радио, я, конечно, отказался, заявив, что, пока не увижусь с моими пленными соотечественниками, я агитировать не буду. Мне дали для устройства моих дел один день. Я познакомился с очень интересными людьми, как русскими, так и иностранцами... Я чувствовал

себя там [в Компьене] помолодевшим душой, вспомнил студенческие годы, лекции, сходки в Петербурге. В Компьене на открытом воздухе устраивались замечательные лекции, политические диспуты. Я тоже прочел доклад о Туркестане. Слушателей было много, они остались докладом довольны, просили еще прочесть. Я было назначил день, как вдруг вызывают в комендатуру и объявляют, что я свободен. Страшно волнуясь в душе за предстоящую встречу с пленными туркестанцами. Найду ли я с ними общий язык?» [432].

Чтобы понять, почему же арестованный Мустафа Чокай чувствовал себя в замке Компьен, месте заточения, “помолодевшим душой”, следует пояснить, что заключенные замка были не рядовыми эмигрантами. В истории периода нацистской оккупации они фигурируют во французских источниках как *les otages d'honneur* (почетные заложники), т.е. известные личности, чьим авторитетом нацисты предполагали воспользоваться в нужной им политической ситуации. Для самих “почетных заложников”, оказавшихся вместе в замке Компьен, это была уникальная возможность обмениваться мнениями о текущей политике, делать политические прогнозы относительно исхода войны.

Объяснение политическому поведению и решениям М. Чокая в тот сложный период дают “Последние записи” и “Письмо Вели Каюму”, написанные им после посещения своих соотечественников в немецких концлагерях. Анализ этих документов составляет основу настоящего подраздела.

“Перед отправкой в Берлин в первых числах этого года (1941) мне было предложено в Париже произнести перед микрофоном небольшую речь, обращенную к Туркестану. Я не решился на столь ответственное выступление по двум, с моей точки зрения, весьма важным причинам” [433].

Одна из причин, по признанию Мустафы Чокая, заключалась в “почти полной оторванности в течение двух последних лет от страны: последний номер журнала “*La Revue de Prométhée*” датирован 25 апреля 1940 г., а “Яш Туркестана” — 1939 г.; последним материалом, прокомментированным прометеевцами, было германо-советское соглашение от 23 августа 1939 г.

Другая причина заключалась в том, что М. Чокай опасался быть непонятым своими соотечественниками, так как в последние годы уничтоженных известных деятелей Туркестана большевики заменили новыми, по его выражению, “познавшими весь внешний, внесоветский, мир по большевистским источникам”. “Чистка” Туркестана от “врагов советской власти”, проведенная в тридцатые годы, свидетельствовала о том, что “девять десятых из расстрелянных большевиками представителей туркестанской национальной интеллигенции (национал-большевиков в том числе) были обвинены московским правительством в том, что они будто бы были связаны с заграничным туркестанским центром и через его посредство являлись “агентами германского фашизма””, как указывает в “Записях” Мустафа Чокай.

Накануне Второй мировой войны после истребления прогрессивно мыслящей части интеллигенции, лидеров Алаш-Орды, изменения претерпел руководящий состав правительства Туркестана. Изменился географический облик региона, покорение которого было самой тяжелой и изнурительной задачей для советской власти: вся территория Центральной Азии была поделена на мелкие административные единицы, границы которых были определены произвольно, без подведения каких-либо логических обоснований в понятия “республика”, “автономная республика”, “федеративная республика”. Само слово “Туркестан” исчезло из учебников географии и истории, сохранившись только в названии города на юге Казахстана. Было внедрено обозначение “Средняя Азия и Казахстан”, скрывающее в себе возможность будущих геополитических манипуляций для России.

Народы, населявшие Туркестан, были также произвольно поделены на “нации”, “народности”, “этнические группы”.

Для того чтобы вытравить из памяти народа его историю, в особенности воспоминания о кровавых методах покорения региона большевиками и держать в неведении будущие поколения туркестанцев, за два с лишним десятилетия Советы трижды меняли алфавит. Последняя смена алфавита (с латиницы на кириллицу) пришлось на предвоенный период. Поскольку ко времени начала войны кириллица еще не осела в памяти простого человека, журналы, газеты и другая печатная продукция, издававшиеся военнопленными в период их нахождения на территории Германии, были написаны латиницей.

В июне 1941 г. каждый четвертый житель Казахстана был отправлен на фронт, т.е. 1 млн. 200 000 человек состояли в рядах Красной армии [434]. Мобилизация прошла без сопротивления со стороны жителей. Если в период Первой мировой войны были те, кто сумел поднять народ против отправки туркестанцев на тыловые работы, то к началу Второй мировой войны возглавить сопротивление было некому: интеллигенция была почти полностью истреблена, а оставшиеся в живых были во власти страха из-за террора и насилия, царивших в стране.

Знание всего этого порождало в душе Мустафы Чокая массу вопросов и сомнений. Поэтому он признает, что все эти моменты вынудили его отказаться говорить перед микрофоном. Вместе с тем, М. Чокай согласился на предложение немцев войти в состав комиссий по работе с военнопленными. Созданное 9 мая 1941 г. министерство по делам оккупированных восточных территорий (Ostministerium) было поручено возглавить Альфреду Розенбергу. В министерстве был подготовлен план формирования комиссий по национальным вопросам с использованием “почетных заложников”. Комиссии, которым надлежало проводить собеседование с военнопленными, были многочисленны. С тюркоязычными военнопленными встречался не только Мустафа Чокай, но и другие представители эмиграции, такие, как калмык Шамба Балинов, татарин Ахмет Темир.

Какие задачи ставил перед собой находившийся в течение 20 лет в эмиграции юрист и политик Мустафа Чокай, готовясь к встрече с соотечественниками?

Можно предположить, что его интересовали вопросы, связанные с моральным и физическим состоянием попавших в плен, с условиями их содержания. Через свободный обмен мнениями М. Чокай предполагал выяснить обстановку в Туркестане, определить, как она изменилась в связи с новой политической ситуацией — нападением Германии на СССР.

Мустафа Чокай переживает архисложную ситуацию: “Мы не хотели сомневаться в том, что в этой войне мы вместе с нашим народом находимся на одной стороне, разумеется, на противоположной Советам. А между тем, сообщения с фронта говорят о “до последнего бойца дерущихся узбекских частях”.

Мустафа Чокай признается: “Не скрою, вопрос об устройстве военнопленных в лагерях для меня был “во втором ряду”, ибо полагал, что в Германии они должны быть устроены вполне нормально. И первая же встреча с военнопленными рассеяла мои сомнения относительно первой категории вопросов и обнаружила всю неудовлетворительность жизни военнопленных в лагерях”.

Выводы М. Чокая об условиях содержания военнопленных в нацистских лагерях совпадают с содержанием отчета немецкого офицера Гросскопфа, представленного им руководству Третьего рейха после посещения лагеря советских военнопленных в Хаммерштейне: “Военнопленные спят на земле под открытым небом. Ежедневное питание составляет 200 г (граммов) хлеба, эрзацкофе и овощной суп. Тем не менее, пленные проявляют терпение и рассматривают свое нынешнее состояние как временное. Они надеются получить работу и лучшее питание. Жалуются на немецкую охрану. Немецкий персонал избивает их палками, хотя сами пленные утверждают, что ведут себя послушно и не дают повода для физических наказаний. В высказываниях некоторых из них проскальзывает мысль, что они мучаются не столько от физической боли, сколько от несправедливо причиненных моральных страданий.

Понятию “справедливо/несправедливо” придается заметное значение. Так, например, они ссылаются на немецкие листовки, содержание которых им очень хорошо знакомо, и обещания хорошего обращения с пленными. Эти обещания, по утверждению пленных, самым несправедливым образом не соблюдаются.

Что касается их возможного возвращения на родину, то мнения разные. Некоторые военнопленные, видевшие во время транспортировки по железной дороге страну, хвалят порядок в Германии и готовы здесь задержаться, чтобы немного поработать. Другие же хотели бы вернуться домой, работать на земле, но без царского режима, без помещиков и капиталистов. Вера в советскую власть пошатнулась... Замечено, что определенные лица играют роль наблюдателей и запугивают военнопленных. Они пытаются

свой агитационный талант испробовать на немцах, работая по старым пропагандистским методам и задавая им контрвопросы. Необходима нейтрализация этих советских “активных” элементов, которые представлены здесь в прежних воинских званиях. Например, один советский майор пытался выделиться как диалектик, пытаясь превратить военнопленных в нетребовательный, умственно податливый инструмент. Но для его нейтрализации надо пленным внутренне освободить от так называемого “советизма”. Поэтому наряду с удовлетворительным питанием и соблюдением дисциплины необходимо соответствующее обращение, которое должно ими восприниматься как справедливое, уважающее их человеческое достоинство” [435].

Рассказы военнопленных помогли Мустафе Чокаю составить точное представление о состоянии Красной армии. Оно полностью совпадает с результатами исследований и мнениями современных историков и нашими выводами по данному вопросу, которые представлены ниже.

Оценка, данная М. Чокаем в “Записях” обстановке в Туркестане, также верна: несмотря на классовый подход, положенный большевиками в основу национальной политики, прогнозируемой ими классовой вражды в туркестанском обществе после кампаний конфискации и раскулачивания не произошло. Рассказы военнопленных подтвердили правильность оценок Мустафы Чокая, данных им в устных сообщениях, статьях в “Яш Туркестане” и “*La Revue de Prométhée*” о голоде в Туркестане, репрессиях, провалах экономической политики большевиков и их бездарных методах хозяйствования: “Для нас все эти 20 с лишним лет непрерывно работавших под знаменем освобождения Туркестана, в частности для меня лично, сообщения военнопленных не новость. Ново то, что разоблачение советской лжи исходит из уст туркестанцев, именем которых московские большевики и их агенты в разных странах, наемные и добровольные, коммунисты и представители буржуазных слоев, прикрывали все преступления кремлевских палачей. Ново, наконец, то, что так убийственно проклинают большевизм люди из Средней Азии, из самых глубин, откуда якобы исходит этот большевизм...” [436].

Морально-психологическое состояние людей, оказавшихся заложниками двух тоталитарных режимов, усугублялось тем, что туркестанцы испытывали на себе в концлагерях двойное угнетение: со стороны русских большевиков и со стороны нацистов. Мустафа Чокай в своем конфиденциальном письме, адресованном Вели Каюму, приводит ряд примеров бесчеловечного обращения и русских и немцев с туркестанцами. Так например, в лагере, расположенном в г. Сувалки (Польша), “начальником группы туркестанцев (их было свыше 200 человек) состоял русский офицер — военнопленный, назначенный советским генералом Богдановым. Богданов требовал, чтобы “на сегодня” или “на завтра” было найдено, скажем, пять туркестанцев, активных коммунистов. Разумеется, таковые “находились”. Мы тогда вмешались в такого рода действия, и Вы помните, как офицеры, заведовавшие охраной лагеря, вняли нашим доводам и освободили двоих, уже ожидавших

печального конца своей жизни, молодых туркестанцев и передали их нам в руки. Одного из этих немецких офицеров звали Шрадер. Никогда не забыть благородного жеста этих молодых офицеров, и я сохранил наилучшие о них воспоминания...

В Эбенроде я видел 40 туркестанцев, заключенных отдельно от остальной массы военнопленных. Я расспрашивал этих несчастных людей, чувствовавших себя так, как должна бы себя чувствовать скотина, ожидая убоя. “За что поместили вас сюда?”, спросил я. “Не знаем” — ответили они в один голос, прерываемый слезами. Не знали о причинах заключения и другие пленные. Лагерная администрация не дала по этому поводу никаких объяснений. Если бы они были уличены в проявлении коммунистической активности, то, думается, лагерная администрация непременно сказала бы нам. Другие пленные думают, что их подозревают, что они евреи. Но все они имеют слишком резко выраженный, даже с некоторой деформацией, азиатский тип. Не считают ли поэтому, думалось мне, что они-то, вот эти некрасивые азиатские типы являются “носителями большевистской заразы”, о чем каждый день с экранов всех кинотеатров в Германии ежевечерно громкоговорители вещают перед миллионами зрителей?...

Самое страшное я видел в лагере Дебица. Здесь живут только кавказцы, туркестанцы и волго-уральские, т.е. те, которых каждодневная “вохеншауная” (от немецкого *Wochenschau*, т.е. “недельное обозрение” — прим. Б.С.) агитация в кинотеатрах обзывает “дикими носителями большевистской заразы”....

Наше положение, дорогой Вали, ужасное. Наши военнопленные говорят о гибели в буквальном смысле слова нашей нации под властью большевиков. Военнопленные туркестанцы являются, по нашему мнению, весьма важным капиталом в руках Германии. При их (военнопленных) непримиримом антибольшевизме из них можно было бы создать отличные кадры пропагандистов за новый, демократический, мировой порядок. У нас нет другого пути кроме антибольшевистского, кроме желания победы над советской Россией и большевизмом. Путь этот помимо нашей воли проложен из Германии. И он усеян трупами расстреливаемых в Дебице...” [437].

В своем последней весточке, присланной Марии Яковлевне из г. Сувалки, Мустафа Чокай написал: “Моя встреча с туркестанцами изменила многое. Она подтвердила, что я был точен в своих прогнозах. Среди пленных встретил своего родственника. По возвращении постараюсь забрать его к себе домой. Мне кажется, что мои обращения возымели действие. Работы много. Я один не успеваю. Нужен помощник. Надо успеть до того, как закроют лагерь на карантин” [438].

Заступничество Мустафы спасло от расстрела сотни людей. Но необходимо было предложить нечто, что могло бы облегчить участь всей массы его пленных соотечественников. Об условиях, предъявленных Мустафой Чокаем немцам, известно только советским спецслужбам. Они фигурируют в тексте обвинительного заключения по делу № 85 КГБ Казахской ССР. М. Чокай предложил из числа туркестанских военнопленных:

- подготовить кадры в учебных заведениях Германии для будущего Туркестанского государства;
- создать военные формирования, которые должны быть использованы только при подходе к границам Туркестана [439] .

Предложение о подготовке кадров для будущего независимого Туркестана так же, как предложение о создании армии, проистекает из опыта Кокандской Автономии и основывается на теоретических и практических положениях национально-освободительного движения. В свое время Автономия не смогла стать полнокровным самостоятельным государством из-за недостатка национальных кадров и отсутствия возможности защитить ее. Согласно теории национальных движений, как уже указывалось, средства достижения цели зависят от среды и обстоятельств, в которых живет и действует движение, вынужденное адаптироваться к этим условиям, оно в любом случае не может обойтись без применения насильственных методов в достижении своей цели.

Рассмотрение этого условия, выдвинутого Мустафой Чокаем, чрезвычайно важно. Содержание этого условия было превращено сталинской пропагандой в текст обвинения туркестанского лидера, который якобы планировал создание специальных формирований “для использования в военных действиях против своего народа.” По этой причине данный момент требует детального анализа.

Мобилизованный немцами М. Чокай, посетив лагеря военнопленных и ознакомившись с условиями их содержания, зная о неподписании Сталиным Женевской конвенции, движимый желанием сделать все возможное для спасения своих соотечественников от массового уничтожения, предложил немецкой стороне план создания национально-освободительной армии из числа военнопленных туркестанцев. В этом он видел единственный способ их вызволения или хотя бы облегчения их участи. Настаивая на том, что эта армия должна быть использована только при подходе к границам Туркестана, Мустафа Чокай исходил из основополагающего принципа национального движения, согласно которому любое национальное движение является освободительным лишь тогда, когда оно поддержано народом. Оказавшись у границ Туркестана, народно-освободительная армия могла бы повернуть штыки против победителя. Эта армия, по замыслу М. Чокая, должна была бы начать боевые действия только при подходе к границам Туркестана. А до этого предполагалось через контакты с единомышленниками в Туркестане подготовить фундамент для национального движения. Национально-освободительная армия должна была дать старт общенародному восстанию за национальное самоопределение. Военнопленные, находившиеся на территории Германии, могли бы к этому времени набраться сил и подготовиться к предстоящей борьбе. В таком решении Мустафа Чокай видел единственный путь к спасению своих пленных соотечественников, оказавшихся заложниками двух диктаторов.

22 декабря 1941 г. М. Чокай внезапно заболел и был помещен в берлинскую больницу “Виктория”, где 27 декабря 1941 г. скончался [440]. Мустафа Чокай похоронен на мусульманском кладбище в Берлине. Мария Яковлевна была убеждена, что М. Чокай умер не своей смертью. И эту информацию она постаралась передать будущему поколению туркестанцев, выгравировав на надгробной плите чуть ниже даты кончины Мустафы Чокая три латинские буквы и четыре цифры: JON.15.13, которые указывают на тринадцатый стих пятнадцатой главы Евангелия от Иоанна (JOHANN), гласящий: “Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих” [441].

Сама обстановка, в которой находились туркестанские военнопленные, а также их рассказы дали ясную картину физического и морально-психологического состояния как самих пленных, так и всего населения Туркестана в начальный период германо-советской войны и определило политическое поведение М. Чокая.

Побывав в различных лагерях, организованных нацистами на территории Польши и Германии, Мустафа Чокай убеждается, что с уничтожением большевиками джадидов и джадидизма ослаб дух народного сопротивления, который был присущ басмаческому движению в Туркестане, длившемуся свыше десяти лет. И все же в поисках выхода из ситуации, когда пленные туркестанцы оказались в тисках двух диктаторов, М. Чокай принимает решение, согласующееся с основными принципами национально-освободительного движения.

В дальнейшем, по возвращении туркестанских военнопленных на Родину, сталинской администрации, истребившей лидеров внешней и внутренней ветвей туркестанского национального движения и их единомышленников, останется лишь расстрелять тех, кто виделся с Мустафой Чокаем. Тем военнопленным, кто с ним не встречался, похоже, “повезло”: они были отправлены в сталинские ГУЛАГи на 10, 15 и 25 лет, в зависимости от образовательного уровня и, соответственно, от того, насколько они могут оказаться, по мнению сталинской администрации, опасными существующему режиму, т.е. попытаются возродить национальное движение в Туркестане или же хотя бы расскажут соотечественникам содержание обращений М. Чокая к военнопленным.

Последние записи Мустафы Чокая, сделанные им после встреч с пленными туркестанцами, его конфиденциальное письмо, адресованное Вели Каюму, содержание обвинительного заключения, ставшие доступными исследователям спустя несколько десятков лет, делают вполне вероятным предположение российских ученых о том, что физическая ликвидация туркестанского лидера “была выгодна чекистам, так и не сумевшим склонить его к сотрудничеству” [442].

В начальный период войны, когда Красная армия отступала под натиском немецких частей, условие М. Чокая о создании народно-освободительной армии Туркестана (а оно было известно только советским спецслужбам) представляло серьезную опасность для советской стороны. Неустанно

повторяемое в работах сталинских пропагандистов утверждение о том, что Мустафа Чокай якобы стал инициатором создания Туркестанского легиона, прельстившись должностью председателя ТНК и в дальнейшем — главы будущего Gross Turkestan'a (хотя он умер за несколько месяцев до формирования легиона и ТНК), предназначалось для оправдания действий чекистов. Вели Каюм мог обо всем этом знать либо догадываться. Чекистам В.Каюм был нужен как живой “виновник” смерти Мустафы Чокая, который якобы боится признаться в содеянном. По всей вероятности, Вели Каюм, заявлявший, что он не убивал Мустафу Чокая, был “под колпаком” советских спецслужб и потому до конца дней своих не осмелился сказать правду.

Можно также допустить, что советская сторона опасалась выдвижения такого же условия немцам и другими национальными лидерами.

Таким образом, на наш взгляд, предложение М. Чокая о создании туркестанской национально-освободительной армии в тех условиях было единственно возможным политическим решением для оказания помощи военнопленным, брошенным Сталиным на произвол судьбы, отказавшись подписать Женевское соглашение. Если опираться на исследования современных авторов по теории национально-освободительных движений, то само предложение и условия, выдвинутые Мустафой Чокаем, вполне вписываются в ее рамки. Данное обстоятельство говорит в пользу туркестанского политического лидера, опередившего теоретиков национально-освободительных движений на несколько десятков лет.

3.2. ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО ЛЕГИОНА КАК ЧАСТЬ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Проект создания Туркестанского легиона был задуман руководством Третьего рейха задолго до нападения Германии на СССР. Два с лишним десятилетия, предшествовавшие 22 июня 1941 г., были в СССР периодом планомерного истребления собственных граждан за малейшие подозрения в инакомыслии. Это давало нацистам основание делать ставку на то, что красный террор сформировал у нового, теперь уже советского, поколения тюркских народов соответствующее отношение к тоталитарному режиму коммунистов. Данное обстоятельство в определенной мере обусловило идею создания различных воинских соединений из числа советских граждан, в том числе военнопленных.

Члены Комиссии РФ по реабилитации жертв политических репрессий отмечают, что доля советских военнопленных в них составляла около 60%, остальные были местными жителями и эмигрантами” [443] .

Из 5,7 млн. советских военнопленных, оказавшихся на территории Германии, одну треть — 1 млн. 700 тыс. — составляли туркестанцы [444] .

Военнопленные появились в первые же дни войны. Один из немецких очевидцев сражения групп армии “Центр” с 4-й советской бронетанковой дивизией под Минском свидетельствовал следующим образом: “Вдруг мы

увидели широкую землисто-коричневую “змею”, медленно ползущую по дороге навстречу нам. От нее доносился приглушенный шум, словно из улья. Военнопленные. Русские солдаты, идущие в колонне по шесть человек. Конец колонны не было видно. Когда они подошли ближе, нас затошнило от ужасного зловония. Мы поспешили прочь от удушливого облака, окружавшего колонну... Казалось, что здесь было собрано все горе мира” [445].

Французские исследователи указывают, что советских бойцов в плену оказалось 5,7 млн. человек, из которых 3,3 млн. погибли от голода и жестокого обращения [446].

Эту же цифру в 5,7 млн. (точнее — 5 млн. 734 тыс.) указывает А. Бакиров в своей работе, написанной на базе архивных материалов КГБ Казахской ССР. Из них, по его данным, 280 тыс. погибли в пересыльных лагерях, 1 млн. 30 тыс. 157 человек были убиты при попытке к бегству либо умерли на заводах и шахтах Германии, а около 500 тыс. совершили побег из лагерей [447].

Невероятно большое, согласно материалам немецких исследователей, число советских военнослужащих (3,6 млн. человек) попали в плен либо добровольно сдались немцам в первые четыре месяца войны (с 22 июня по 31 октября 1941 г.), тогда как немецкая сторона с присущей ей педантичностью подготовила концлагеря из расчета на 2 млн. человек [448].

Факт необычайно большого количества советских бойцов, оказавшихся в стане врага, подтверждается и другими зарубежными авторами: число военнопленных, захваченных немцами в 1941 г., говорит не только о военном поражении, но и о крупномасштабном дезертирстве. Десятки тысяч русских перешли на сторону немцев”. В этой связи английский историк Д. Гренвилл высказывает предположение о том, что, если бы распад СССР произошел до начала Второй мировой, исход войны мог бы быть другим [449].

Об условиях пленения либо добровольного перехода на сторону немцев советских солдат и офицеров имеются архивные свидетельства. Так, в одном из отчетов немецкого офицера, проводившего допрос советского военнопленного Темирлана Жангильдина, сына заместителя председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР Алиби Жангильдина, есть следующая запись: “Дивизионный полк 1222 [...] до 15 февраля не получил ни пополнения, ни замены. У стрелков было пятизарядное оружие, у офицеров — пистолеты и резе — автоматы. Как правило, в стрелковых корпусах автоматов не было. Ему [пленному советскому офицеру] известно о существовании десятизарядного оружия, но в стрелковом полку его не было. Десятизарядные винтовки значительно эффективнее, к тому же требуют меньше ухода, а автоматы (на 71 выстрел) очень уязвимы, так как любая попавшая грязь может вывести их из строя. Хуже обстояло дело с пулеметами, которые особенно во время холодов могли отказать. Кроме того, была проблема керосина для смазки оружия, и пулеметы из-за его дефицита не имели надлежащего ухода. Ручные гранаты и противогазы не раздавались, так как в обозе их не было. Весь стрелковый полк 1220 не имел

стальных касок. Вооружение корпуса ПИ-КП состояло из 1 пулемета и 100 пятизарядных винтовок. Оснащение каждого солдата составляли пила, топор, лом и саперная лопата... Орудий противотанковых не было.

В марте начал таять снег, а солдаты не имели соответствующей обуви. Валенки промокали. Ночью, когда наступали заморозки, люди обмораживались. Положение могли спасти только кожаные ботинки, но вряд ли солдаты могли получить обувь в достаточном количестве.

...Возраст солдат — от 25 до 40 лет. Кадрового военного состава не было, но был определенный процент кадровых офицеров. Так, в 7-й роте при ее формировании было 4 кадровых и 2 резервных офицера.

О возрасте кадровых офицеров. Часть из них — 20-летние выпускники военных училищ, часть — младшие офицеры 25 лет, спешно посланные на фронт после окончания ускоренных курсов. Обучение было недостаточным. Оружие они получали в дороге. До первой атаки значительная часть стрелков ни разу не стреляла из винтовок... В офицерском корпусе существует мнение, что русское командование допустило немало крупных ошибок, и это замедляло ход наступления. ...Боевая мощь 366-й стрелковой дивизии из-за слабой военной подготовки и высокого среднего возрастного ценза состава была неудовлетворительной. ...Ни один русский не идет в атаку, если ему в затылок не приставлен пистолет" [450].

Период целенаправленного уничтожения людей в Центральной Азии под надуманным предлогом борьбы с национализмом привел к тому, что с началом войны потомки именитых людей, ставшие изгоями у себя на родине, были вынуждены спасаться от преследований. В результате определенный процент перебежчиков составляли те, чья вина заключалась только в их непростетарском происхождении. Так, Карис Канатбай, сын участника повстанческого движения, внук хаджи и правнук военачальника Жангирхана, в своем письме, адресованном супруге Мустафы Чокая Марии Яковлевне, писал: "Мой отец, Косай Канатбай-оглы за участие в повстанческом движении против советской власти в 1918 — 1919 гг. подвергался гонениям и скрывался в Саратовском краю. Поэтому и мне пришлось оставить родные места и поехать на учебу в Оренбург, где учился под маской сына батрака..."

Карис Канатбай неоднократно исключался из института, "был взят на учет НКВД" и "подвергался учетным допросам". Юноша пользовался поддержкой Главного прокурора Казахской ССР Ескараева, держал с ним постоянную связь: "... с 1932 г. я два раза в год встречался с господином Искареевым в разных местах и давал ему исчерпывающий отчет о работе нашего казахского землячества... В последний раз я имел встречу в конце июня 1937 г. Искареев мне говорил, что положение националистов с каждым днем осложняется и имеется опасность разгрома..."

Когда в июне 1941 г. вспыхнула война, я добровольно поехал на фронт, отказавшись от той отсрочки, которая предоставлялась мне как главному инженеру, и 2 июля 1941 г. сдался немцам в плен на Калининском (Псков) направлении фронта" [451].

В своем личном дневнике, сохранившемся в немецких архивах, другой туркестанец (узбек, по нашим предположениям) Зубайдулла Жора (Шора) излагает историю истребления членов его семьи большевиками. Зубайдулле и его братьям пришлось идти в ряды Красной армии, чтобы защищать режим, уничтоживший их родителей. Дневник содержит подробное описание всех стадий трансформации его убеждений. Зубайдулла принимает предложение немцев стать разведчиком. Его дневниковые записи — своеобразная исповедь перед рискованным заданием, из которого он не надеется вернуться. В душе его теплится надежда, что один из его братьев (Курбан) может быть жив, и сам Зубайдулла не хотел бы остаться в безвестности. Перед лицом опасности он обращается за помощью к Аллаху [452].

Руководство рейха принимает решение использовать огромную массу советских людей, находившихся на территории Германии, — военнопленных, перебежчиков, эмигрантов — как потенциальных защитников нацистских интересов, создав из них военные формирования по этническому признаку.

Согласно восточной политике (*Ostpolitik*) Гитлера, разработанной Альфредом Розенбергом, основная ставка делалась на социально-политические недовольства советских граждан, существование глубоких противоречий национально-культурного характера между центральным правительством и национальными республиками. Эти противоречия должны были, по расчету нацистов, привести к отчуждению народа от центрального руководства и, соответственно, разложению системы изнутри [453].

В. Шелленберг, глава VI отдела РСХА, предложил “придумать для них идеалы, во имя которых стоило бы рисковать жизнью. Идеалы национал-социализма были им чужды. Таким идеалом могла быть надежда на создание национальной автономии, нечто такое, что удовлетворило бы их извечное стремление к независимости” [454].

Эта ставка поначалу оправдалась. Так, солдаты Русской освободительной армии Власова (РОА), как утверждает в своих мемуарах Вальтер Шелленберг, “думая, что теперь борются за свою свободу, за новую Россию, без вмешательства в их дела со стороны немцев, действовали с большим воодушевлением” [455].

Французский историк Анри Мишель указывает, что немецкая сторона живыми обещаниями об облегчении участи военнопленных выжимала из них все [456].

Желая усилить сопротивление большевизму за счет вовлечения в эту борьбу пленных туркестанцев, профессор фон Менде, доктор Ольцша и доктор Арат, представлявшие три ведомства, провели конфиденциальную встречу, в ходе которой была достигнута договоренность между Восточным министерством, СС и вермахтом по следующим пунктам:

- усилить пропагандистскую и агитационную работу в среде военнопленных с тем, чтобы склонить их к добровольному вступлению в немецкую армию;
- эта работа должна вестись только лицами, назначенными СС;

- пропагандистская работа должна проводиться по схеме, разработанной узким кругом генералов, и подчиняться политическим задачам;
- разделить “добровольцев” на тех, кто будет в подчинении СС, и тех, кто будет в подчинении вермахта.

Кроме того, GBA (Generalbevollmächtigen für den Arbeitseinsatz — Генеральный уполномоченный по трудовому распределению) и штаб-квартира СС пришли к заключению о том, что все добровольческие подразделения должны пройти учет и регистрацию при генштабе СС [457]. Туркестанский легион в соответствии с планами Третьего Рейха, наряду с Русской освободительной армией Власова, СС-овской дивизией украинских националистов, армянским, грузинским, азербайджанским, северо-кавказским, волготатарским и другими подобными военными формированиями, входил в общий блок, предназначавшийся главным образом для “сбережения немецкой крови на фронтах” [458].

Период, предшествовавший созданию Туркестанского легиона, можно разделить на три этапа.

Этап первый, начавшийся задолго до нападения Германии на Советский Союз, заключался в выявлении степени идейно-социальной спаянности народов советских республик, в частности, отношения национальных республик к “первой среди равных” — к РСФСР. С этой целью внимание немецкого руководства было сосредоточено на трех вопросах, касающихся советских тюрок:

- насколько сильна среди них общетюркская идея;
- степень распространенности идей пантурсизма;
- масштабы влияния ислама.

В вопросе об общетюркской идее приоритет был отдан положениям диссертационного исследования Герхарда фон Менде “Национальная борьба российских тюрок. Исследование национального вопроса в СССР”. Сам автор в последующем вошел в число ведущих экспертов рейха по тюрко-мусульманским вопросам в СССР. Помощниками фон Менде в сборе материалов были Ахмет Темир и Вели Каюм.

Наряду с научной проработкой вопроса шла проработка практическая. Она велась посольствами Германии в СССР (посол Шуленбург) и в Турции (посол фон Папен), которые зондировали мнения видных культурных и политических деятелей на местах для определения потенциала возможного общетюркского национального движения. Такой возросший интерес Германии к вышеперечисленным вопросам в период ее подготовки к войне и в первые месяцы войны был вызван не только желанием привлечь многочисленные тюркские народы СССР к борьбе против большевизма, но и стремлением Германии вовлечь Турцию в войну на стороне немцев [459].

25 июля 1941 г. посол Германии в Турции фон Папен обращает внимание МИД на то, что в соответствии с немецкими успехами в войне против СССР автоматически растет пантурсистское движение. Спустя 10 дней он в дополнение к предыдущему материалу направляет из Турции в МИД

справку о пантуранизме и его лидерах. Среди прочих имен фигурирует имя Нури-паши. Личность Нури-паши вызывает интерес у германского МИДа, и в сентябре того же 1941 г. госсекретарь Эрнст Верманн ведет с ним обстоятельные переговоры. В протокольной записи бесед Э.Верманна с Нури-пашой излагается следующее: "Одиннадцатого, восемнадцатого и двадцать пятого сентября 1941 г. я имел беседы с Нури-пашой, борцом пантуранистского движения. Вторая беседа состоялась за обедом в присутствии посла фон Папена и советника посольства Хильгера.

Нури-паша провел свои молодые годы под сильным влиянием своего брата, тоже борца пантуранистского движения, Энвера-паши, погибшего в 1921 г. в Туркестане в ходе боев с большевиками. Пятидесятилетний Нури-паша сегодня один из богатых фабрикантов Турции.

Ход мыслей Нури-паши, в основном, известен из отчета посольства в Анкаре. Их можно обобщить следующим образом.

Пантуранистское движение ставит задачу создания для проживающих за пределами Турции тюркских народов самостоятельного государства. Регионы проживания тюркских народов, если не учитывать определенных пограничных поправок, не должны быть аннексированы Турцией, но их политическую ориентацию на Турцию следует сохранить.

Нури-паша выдвинул ряд предложений, которые, по его мнению, должны быть осуществлены немедленно.

Тюркоязычных военнопленных и военнопленных магометанской веры следует поместить в отдельные лагеря по образцу лагеря в Вюнсдорфе, существовавшего в период Первой мировой войны. Затем он предложил рассмотреть возможность их использования в качестве боевых формирований пантуранистского сопротивления. Управление тюркскими и мусульманскими народами на оккупированных Германией территориях должно осуществляться самими тюрками..." [460].

В октябре 1941 г. при содействии и поддержке посла фон Папена два турецких генерала предпринимают поездку на советско-германский фронт в районе Крымского полуострова. Этими генералами были Али Фуад Эрден, начальник Военной академии Турции, и Хосню Эмир Эркилет, находившийся к этому времени на пенсии. Их визит стал, по мнению фон Менде, одним из толчков к созданию легионов [461].

В ноябре 1941 г. посольство Германии в Анкаре указывает на то, что официальное турецкое правительство стоит в стороне от пантуранизма, но существуют все же определенные националистически настроенные круги, группирующиеся вокруг Нури-паши, среди которых были выделены следующие личности:

- Абдул Хамит, занимавшийся сбором материала внутри страны среди эмигрантов, в особенности в азербайджанской части Ирана, для реализации идеи создания так называемой "новой Турции", восточные границы которой проходили бы по тем областям, где проживают тюрки, включая регион Каспия;

- татарский эмигрант в Турции Шюкрю Йени Бахче;

- башкир Заки Валиди Тоган, бывший профессор Стамбульского университета, изгнанный из Турции по указанию Ататюрка;
- крымский турок, известный тюрколог Ахмед Чавер;
- турецкий посол в Кабуле Мемду Шевкет;
- основатель партии “Мусават” Мехмет Эмин Ресуладе, долгое время общавшийся со Сталиным. Их пути разошлись, когда Сталин примкнул к большевикам, а Ресуладе — к меньшевикам. Однако Ресуладе продолжал пользоваться покровительством Сталина: был однажды освобожден им из-под ареста и смог выехать в Берлин, а оттуда — в Варшаву [462] .

Вопрос о пантурсизме рассматривался в двух плоскостях. С одной стороны, поддержав сторонников пантурсистской идеи в их устремлениях создать новое азербайджанское государство на юге России, Германия могла бы всегда иметь возможность влиять на ее политику. С другой стороны, предполагалось, что для Германии гораздо безопаснее оказать поддержку панисламистскому движению, а не пантюркистскому.

В материалах, представленных Вели Каюмом немецкому руководству, указывается на необходимость не только не поддерживать, но даже бороться против пантурсизма, ставившего задачу объединения тюркских народов под протекторатом Турции. Это могло привести, по убеждению Каюма, к усилению турецкого влияния, что было бы нежелательно для Германии. Напротив, Германии было бы выгоднее в пику Англии представить себя защитницей ислама [463] .

Таким образом, общетюркская идея интересовала Германию как одно из средств, могущих вдохновить тюркоязычные народы СССР и противопоставить их верховенству диктатуры русского пролетариата. Это, по замыслу немецкой стороны, могло также способствовать вовлечению Турции в орбиту интересов Германии. Пантурсистская же идея вызывала у Германии некоторые опасения: немцы избегали создавать большие государственные объединения, которые могли бы превзойти ее по своей мощи.

И, наконец, Германия предпочитает сделать ставку на ислам и проявляет заинтересованность в том, чтобы выдать себя за защитницу ислама в противовес своей политической сопернице Англии, от которой она ревниво оберегает свои гипотетические колонии.

Этап второй касался предварительного “проигрывания” ситуации расчленения СССР, при котором необходимо было предусмотреть отделение от СССР Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана. В этом случае эти республики могли бы оказаться предоставленными самим себе. Допускалось также, что каждая из них будет стремиться к созданию собственного самоуправляемого образования. В случае такого развития событий не исключалась опасность прихода англичан со стороны Индии, Афганистана, Ирана под предлогом оказания помощи СССР. Для предотвращения этого Вели Каюм предлагает Германии взять названные республики под свое покровительство и предусмотреть их политическое оформление, а именно — скорейшее образование Туркестанского Совета

(гремиума) на территории Германии, который при необходимости мог бы быть экстренно переброшен в Туркестан. Совет этот должен будет заранее разработать мероприятия с участием военнопленных и эмигрантов по своей передислокации в заданную точку СССР [464].

Этап третий касался принятия решений с опорой на проделанный научно-практический анализ.

В конце августа 1941 г. была начата работа специальной комиссии Восточного министерства (Остминистерiums), которая отделила тюркских военнопленных (представителей народов Поволжья, Средней Азии, Кавказа) от других. Отобранные военнопленные были размещены в специальных лагерях на оккупированных территориях Польши, Прибалтики, Белоруссии и Украины. Один из первых экспериментов по созданию военных формирований был проведен с тюркскими мусульманскими народами, которые, по мнению немецкой стороны, были наиболее оппозиционно настроены к советской власти. ОКН (Oberkommando des Heeres — Верховное командование сухопутными войсками) отдает 15 ноября 1941 г. приказ создать при каждой дивизии группы армии “Юг” по одной сотне “из военнопленных туркестанской и кавказской принадлежности”, которые позже были объединены при 444-й дивизии под Запорожьем в Туркестанский полк. Впоследствии на базе полка был сформирован 444-й тюркский батальон. Полк использовался на охранной службе. Однако ни этот полк, ни образованные почти в этот же период 450-й туркестанский пехотный батальон под командованием майора Андреаса Майер-Мадера и батальон “Бергман” (“Горец”) под командованием Теодора Оберлендера не были включены в состав сформированных в начале 1942 г. Восточных легионов и действовали автономно [465].

В январе 1942 г. узбекский эмигрант Вели Каюм назначается Восточным министерством президентом Туркестанского национального комитета (ТНК) и приступает к его формированию. По данным немецкого исследователя Патрика фон цур Мюлена, в рядах Туркестанского легиона было от 110 до 180 тыс. туркестанцев [466]. Эта цифра близка к той, что указывается Баймырзой Хайитом, занимавшим в составе ТНК должность военного министра, — 181 402 туркестанца [467].

Первого января 1944 г. были предприняты структурные изменения, связанные с введением новых должностей в легионе и ликвидацией некоторых прежних [468]. Создается Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан (Arbeits-gemeinschaft Turkestan), который становится органом, контролирующим ТНК и Туркестанский легион. До создания данного института его функции возлагались на Ваннзееский институт при РСХА и другие ведомства рейха. Таким образом, окончательно формируется структурный комплекс, включавший:

- Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан, формально представленный как Центр политики по пантюркизму, но действовавший под началом СС [469];

- ТНК;
- Туркестанский легион, формально подчинявшийся вермахту.

Все три образования, несмотря на их формальное подчинение разным ведомствам, представляли собой единое целое. Структурный комплекс “Арбайтсгемайншафт Туркестан — ТНК — Туркестанский легион” был задуман таким образом, что обеспечивался тотальный контроль за всеми сторонами деятельности туркестанских легионеров. Арбайтсгемайншафт Туркестан как контролирующий орган действовал через ТНК. Последнему отводилась роль временного туркестанского правительства, а туркестанскому легиону — роль будущей армии Туркестана [470].

В силу этого личность главы ТНК должна была быть удобной режиму. Президентом ТНК нацисты назначили человека не из среды военнопленных, а эмигранта Вели Каюма.

История Туркестанского легиона — не частный эпизод Второй мировой войны, она затронула судьбы сотен тысяч выходцев из советской Центральной Азии.

Исследователь И. Гилязов на основании изучения немецких архивных материалов описывает весь путь прохождения военнопленных из лагерей в ряды вермахта: “Вербовка в легионы проводилась в специальных переходных лагерях (дулагах) с использованием метода кнута и пряника. Военнопленным наглядно давалось понять, какие, прежде всего, материальные “блага” сулит переход на немецкую сторону — лучшее обеспечение, обмундирование, более свободные условия содержания в лагерях. Пропагандисты делали основной упор на национальную самобытность военнопленных, их противоположность русским, те гонения, которым подвергались религия и национальные языки в Советском Союзе. Тот, кто дал согласие перейти на немецкую службу, в большинстве своем проходил следующий путь: начальный лагерь — предварительный лагерь — основной лагерь легионов” [471].

В основном лагере военнопленные причислялись к запасным ротам, где они не меньше одного месяца под строгим надзором немцев проходили соответствующую подготовку. Затем наиболее подходящих военнопленных направляли в формирующиеся походные батальоны, а тех, кто казался немцам недостаточно благонадежным, отправляли обратно в лагерь для военнопленных. Статус военнопленных снимался с них только после их окончательного внедрения в регулярные части” [472].

Отношение к пленным советским азиатам, как уже указывалось, было определено нацистами до начала войны в приказе от 16 мая 1941 г. и получило также конкретное выражение в программе Ostpolitik. Нацистская идеология объявила их среди прочих “недочеловеками”. Поэтому и отношение к бывшим военнопленным даже с учетом их перехода в ряды легионеров, было соответствующим. Показательным в этом плане является также отчет штурмбанфюрера Алиева, где он рассказывает об издевательствах немецкого офицера Биллига, что в итоге ускорило переход легионеров на сторону партизан [473].

При формировании восточных легионов бывшие военнопленные на командные должности не назначались, назначались только немцы. В составе 162-й тюркской пехотной дивизии из 11 тыс. человек 5 тыс. были немецкими военнослужащими, т.е. каждый второй "туркестанец" был немцем [474].

Более подробно об отношениях между немцами и легионерами написано в докладной от 15 декабря 1943 г., представленной вермахту штурмбанфюрером Андреасом Майером-Мадером, командиром Первого восточно-мусульманского полка СС: "...Правильность избранного нами пути подтверждается тем, что со второй половины 1942 г. русские убрали с передней линии фронта представителей тюркских народов, которым русские, в сущности, никогда не доверяли.

Поскольку большевики еще до войны пытались уменьшить ту большую опасность, которая грозила им с флангов (Центральная Азия), они быстро осознали, что она может стать еще больше. Имея опыт беспощадной борьбы против любой угрозы, большевики срочно предприняли эффективные контрмеры. Они стали формировать национальные соединения с командирами вплоть до дивизионных генералов из числа магометан. Это означает кардинальное изменение курса большевиков в отношении представителей мусульманских республик. Они стали срочно проводить пропагандистскую работу в Центральной Азии и Германии. И если эти контрмеры большевиков дали быстрый эффект, то в первую очередь они обязаны этим немецким инстанциям" [475].

Майер-Мадер отметил в своем рапорте, что немецкая сторона допустила ряд ошибок в работе с тюрками, не учтя, что тюркские народы России являются азиатами, и, соответственно, у них другой менталитет. Он отметил, что немцев, которые должны были направляться на работу в тюркские батальоны, отбирали не тщательно и не по желанию. Их откомандировывали в приказном порядке. Направляемые немецкие офицеры и командиры не проходили никакой предварительной подготовки и не получали никаких пояснений по истории и культуре тюркских народов.

По мнению Майера-Мадера, немцы видели в тюрках не магометан, а пленных большевиков и строили с ними свои отношения, исходя из этой точки зрения. Ошибкой является и то, что во всех тюркских батальонах не было офицерского состава из тюрков и, соответственно, в батальонах отсутствовал внутренний стержень. Уже одно это делало их беззащитными против любого влияния извне. В ротах в среднем по 150 магометан и от 8 до 15 немцев. Из-за отсутствия взаимопонимания, включая языковой барьер, в ротах постепенно складывались два лагеря. К осени 1943 г. пропасть между этими двумя лагерями стала такой большой, что тюрки стали открыто выражать свое недовольство. Как уже говорилось, они были беззащитны против вражеской пропаганды. Обобщая свои наблюдения, Майер-Мадер признает, что любые недовольства тюрков наказывались самым строжайшим образом, без анализа причин недовольств, и что эти наказания только

номинально оправдывались немецким уголовным правом и тем сильнее озаоблачали турков.

В его рапорте указывается, что турецкие батальоны используются в боях в течение полутора лет, что тысячи турков погибли либо получили ранения, тогда как контрмеры противника имели успех только в некоторых случаях. Майер-Мадер напоминает, что большевизм имеет возможность и пользуется этой возможностью заставлять представителей своих колоний проливать кровь за него, поэтому магометанские батальоны, находящиеся на немецкой стороне, должны быть выведены с Восточного фронта и преобразованы в рабочие батальоны. Он считает это тем более необходимым, так как цель англичан и русских — как можно больше магометан направить против немцев, и каждый павший немец или магометанин идет на их счет.

Майер-Мадер уверен, что интересы ислама и Германии идут параллельно, точно так же, как интересы Японии и Германии. Он напомнил, что, за исключением Турции, все исламские страны в большей или меньшей степени являются колониями русских, англичан либо французов и что чем больше магометан, состоящих на службе у врагов Германии, погибнет, тем больше будет укрепить власть врагов Германии в исламских странах; а одновременно с этим будет истощаться сила Германии.

Майер-Мадер отметил в этой связи значимость правильно задействованной пропаганды с тем, чтобы обоих естественных союзников не отдалять друг от друга: "Масса простых людей судят о нас по тому, что видят и слышат. Неправильное обращение с ними немцев делает из немцев их врагов. Каждый из них по возвращении на родину может стать пропагандистом против Германии и, таким образом, подсознательно или невольно станет пропагандистом за большевизм. Это значит, что пропаганду нужно подкреплять практическими действиями, чтобы показать простому человеку, что Германия видит в них равных себе товарищей по союзу. Единственной эффективной мерой является формирование турецко-магометанской дивизии с командирами из числа самих магометан, включая батальонных командиров. Простой человек быстро поймет, что если уважают командира, значит, уважают и его. Создание собственного корпуса командиров послужит каждому стимулом. Эта дивизия должна стать для турков-магометан родиной, так как настоящая родина для них закрыта. Каждый поймет, что, есть на земле место, где могут признать его правоту, и он не будет чужим в чужой стране. Тогда он не будет враждебно смотреть на немецкую страну, как раньше, когда он знал, что он бесправен и что единственное его право — проливать за нее кровь. Дивизия должна стать силовым полем, которое должно постепенно охватить всех воюющих турков-магометан. Оно должно излучать такую силу, которая сможет воздействовать и на магометан в России. А находящийся по ту сторону человек поймет, что пока хоть один магометанин проливает кровь вместе с русскими за большевизм, он вредит тем самым исламу. Из рядов дивизии должен выходить только

человек, борющийся за честь, за свой народ. И он должен быть научен воевать" [476].

Слова майора Майера-Мадера подтверждает и другой немецкий офицер Гарун эль-Рашид [477], направленный в восточно-мусульманский полк СС № 1 в связи с тяжелой атмосферой в результате слияния с дивизией СС "Дирлевангер" и методами воздействия, которые применялись в ходе этого объединения: "Моя проверка показала следующее.

Это объединение с чужим кадровым составом было для них [туркестанцев] позорным, и эта мера была действительно нецелесообразной. Она была обидной не только для представителей чужих племен, но и для основного немецкого персонала она была нежелательной.

Лица из персонала полка высказывали много жалоб. Они касались гауптштурмфюрера СС Клауса, и я считаю, что жалобы эти были обоснованны. Гауптштурмфюрер Клаус обзывал турков свиньями, применял побои, забрасывал их грязью. И это все происходило ежедневно..." [478].

Из содержания приведенных докладных можно заключить:

- Туркестанцам не доверяли ни русские, ни немцы. Русские опасались доверять, зная, что в памяти туркестанцев еще свежи воспоминания кровавого террора, учиненного большевиками в период установления своей власти в Туркестане. Немцы не доверяли, потому что считали азиатов "недочеловеками". При этом обе стороны использовали их в военных действиях, не жалея пропагандистских приемов.

- Ни ту, ни другую сторону не занимал вопрос прав туркестанцев, которые в составе легионов оставались бесправными и беззащитными, "чужими в чужой стране". Не зная ни языка, ни особенностей Германии и немцев, они имели, как отмечает Майер-Мадер, "только одно право — проливать кровь за интересы других".

- В составе немецких воинских формирований туркестанцы постоянно находились под наблюдением немцев.

- Наказание туркестанских легионеров было вполне распространенным явлением и оправдывалось немецким уголовным кодексом.

В итоге, моральное состояние туркестанских легионеров было таким, что они искали случая при первой же возможности вырваться из-под власти немцев и уйти к партизанам оккупированных стран.

То, что обстановка в среде советских военнопленных была не менее сложной, имело ряд причин.

Во-первых, отсутствовало должное руководство со стороны ТНК: были часты случаи необоснованных арестов легионеров, спровоцированных Вели Каюмом, который, боясь сужения своих полномочий, фабриковал ложные доносы, избавляясь таким образом от неугодных лиц [479].

Во-вторых, немецкая сторона постоянно держала под контролем через внедренных агентов любые контакты как между самими туркестанцами, так и между туркестанцами и военнопленными других национальностей, опасаясь их единения.

В-третьих, на советских военнопленных обрушивалась советская пропаганда, сменившая к концу войны угрозы в предательстве на призывы вернуться на родину. К тому же из-за длительного пребывания на чужой земле, не зная ни языка, ни страны, вдали от родных и близких люди страдали от ностальгии.

В-четвертых, победы, одержанные Красной армией под Москвой и Сталинградом, расшатали дух и моральное состояние немцев, вызывали у бывших советских военнопленных тревогу за свою участь.

К концу 1943 г. огромное число советских военнопленных на территории Германии представляло серьезную угрозу рейху: в любой момент советские военнопленные могли повернуть штыки против Германии. Этот страх сказался на отношении немцев к Власову и сформированной им РОА (Русской освободительной армии). Не без помощи немецкой стороны организуются протесты национальных комитетов против идеи объединения, выдвинутой генералом Власовым в его манифесте. Этот вопрос стал одним из центральных в ходе работы съезда, проходившего в июне 1944 г. в Вене с участием около 400 туркестанских легионеров. В адрес съезда Гитлер направил приветственную телеграмму. Был заслушан отчет президента ТНК Вели Каюма, была принята резолюция, состоявшая из 30 пунктов.

В своей докладной, адресованной рейхсфюреру Генриху Гиммлеру 13 октября 1944 г., Вели Каюм пишет: "...Мы не против того, чтобы Власов стал лидером русского освободительного движения. Он может выступать от имени русского народа. Однако он не может и не должен выступать как лидер нерусских народов, проживающих на территории СССР, поскольку они, к примеру, туркестанцы, видят насквозь теперешнюю конфедеративную политику, причем на немецкой земле. Они возмущены появившимися на страницах газеты "Новое слово" четвертого и одиннадцатого ноября высказываниями Власова в странной и напыщенной форме. Он берет на себя роль Керенского. Власов должен заниматься только русским вопросом и только от имени русских" [480].

Это обращение было подкреплено письмом уполномоченных представителей военнопленных, выходцев из Идель-Урала, Кавказа, крымских татар, туркестанцев, украинцев, белорусов, направленным рейхсминистру по оккупированным восточным территориям Альфреду Розенбергу 18 ноября 1944 года [481].

В этот период участились случаи массовых переходов туркестанских легионеров на сторону партизанских движений во Франции, Словакии, Югославии, Польше и других странах Европы. Показательным является случай дезертирства из немецкой армии туркестанского командира полка Гулама Алимова, который в период работы венского съезда вышел на связь с русскими и словаками, находившимися под Братиславой, и перешел к партизанам вместе с 500 легионерами [482].

Полковник движения Сопротивления Гастон Ларош также свидетельствует в своей книге "Их называли иностранцами": "В начале августа 1944 г. в

Кармо располагалось формирование, состоявшее в основном из грузин и туркестанцев, попавших в плен на Восточном фронте. Из них были составлены части, предназначавшиеся для оккупации Франции. Многие из этих советских солдат искали случая, чтобы вступить в бой с нацистами. Одна рота полностью и с ней половина другой роты, а также примкнувшие к ним отдельные бойцы решают, наладив связь с отрядами движения Сопротивления, присоединиться к французским макиزارам (партизанам).

В ночь перед уходом из Кармо они убивают немецких офицеров, под охраной которых находилась их часть, и забирают с собой семерых заложников из числа охраны. С утра немцами была объявлена тревога. Были подняты и части, дислоцированные в городах Тулуза и Кастр. Оставшиеся в Кармо легионеры были разоружены и отправлены в г. Альби (там располагался концлагерь — Б.С.) [483].

Совместные военные операции французских партизан и бывших туркестанских военнопленных, дезертировавших из легиона, внесли свою лепту в освобождение юга Франции от немецкой оккупации [484]. Туркестанцы, находившиеся в составе советской армии, и те, кто был в составе немецкой, иногда оказывались друг против друга. Согласно одной из докладных руководителя французских партизан (подпольное имя Фернан), туркестанцы отказались стрелять друг в друга и предпочли воевать в рядах движения Сопротивления [485].

Немецкая сторона еще до начала германо-советской войны предусмотрительно разработала систему контроля над будущими военнопленными. В июне 1936 г. рейхсфюрер Гиммлер назначает шефом СД (Sicherheitsdienst — нацистская секретная служба безопасности разведывательного управления СС) и ЗИПО (Sicherheitspolizei — полиция безопасности) Рейнхарда Гейдриха. В феврале 1937 г. по его указанию библиотека Восточно-европейского института в Бреслау была передислоцирована в берлинский пригород Ваннзее [486]. На базе этой библиотеки был создан Ваннзеевский институт, переданный в 1939 г. в распоряжение РСХА (Главного управления имперской безопасности). Возглавил институт грузин Михаэль Ахметели. По признанию шефа VI отдела РСХА Вальтера Шелленберга, секретная служба против России подразделялась на три сектора, один из которых возглавлял и направлял работу Ваннзеевского института: «Еще до войны с Россией институт провел важнейшую работу по сбору информации о состоянии дорог, железнодорожных путей, экономики и политики советского государства, о намерениях и составе политбюро. Обширный опыт и научный подход сотрудников к поставленным задачам позволяли делать важные выводы по многим вопросам» [487].

Институт Арбайтсгемайншафт Туркестан, организованный в Дрездене [488], был призван выполнять, помимо прочих, задачу поставщика разведывательной информации, которую ему следовало добывать в результате опросов военнопленных из Туркестана. Иллюстрируя работу Ваннзеевского института, В.Шелленберг отмечает, что для составления

объективной и обоснованной характеристики индустриальной и военной мощи Советского Союза ему пришлось поднять все секретные источники и опросить тысячи военнопленных [489]. О характере сотрудничества Института Арбайтсгемайншафт Туркестан и Ваннзееского института свидетельствуют архивные материалы. Это, в частности, служебная переписка обоих институтов, включая секретные донесения агента DI/Sk [490]. Руководителем института Арбайтсгемайншафт Туркестан был доктор Райнер Ольцца, гауптштурмфюрер СС.

Следующей структурой, вошедшей в комплекс по контролю за военнопленными, был ТНК. В своем письме, адресованном рейхсфюреру Гиммлеру, Вели Каюм склонен считать датой создания ТНК 14 ноября 1942 г., когда Комитет был официально признан руководством Третьего рейха [491]. Однако работать ТНК начал весной 1942 г. По данным немецкого историка Патрика фон цур Мюлена, в августе 1942 г. вышел в свет первый номер журнала "Милли Туркестан", национального органа ТНК [492].

Формально ТНК был политическим образованием, на него возлагалась вся ответственность за создание и функционирование Туркестанского легиона. С позиции немецкой стороны, такой орган был необходим: руководство Третьего рейха было заинтересовано в том, чтобы представить самих туркестанцев инициаторами создания военных формирований из числа военнопленных с целью дальнейшей их инкорпорации в состав вермахта. Судя по документам, немецкая сторона хотела также представить создание Туркестанского легиона как закономерное желание советских тюркских народов покончить с большевизмом. К тому же такой поворот дела давал ей и другую выгоду: в глазах военнопленных нацисты внешне выглядели как поддерживающие и оказывающие действенную помощь национально-освободительной борьбе советских тюркских народов, тогда как на деле нацисты путем обмана вовлекали пленных в легионы, не оставляя им никакого выбора. В поддержку гипотезы о двойной морали нацистов говорят, среди прочих фактов выступления Гитлера, в которых он излагает свои планы о том, какими он видит будущие восточные владения Германии [493].

Структура ТНК повторяла структуру НСДАП. Задуманный как прообраз правительства будущего самостоятельного Туркестана, ТНК мог бы выполнять высокую задачу не только по объединению туркестанцев, оказавшихся в Европе, но и разработать механизмы управления будущей независимой страной и всеми сферами ее жизни. Комитет имел в своем подчинении своеобразную минимодель будущих государственных институтов, представлявших девять направлений деятельности: военное, научное, воспитательное, литературное, издательское, информационное, медицинское, а также руководство восточными рабочими и обслуживание военнопленных. Комитет состоял из 21 человека [494]. Назначенный немецкой стороной президент ТНК Вели Каюм представил министерству

по восточным делам свою программу по объединению представителей пяти народов Туркестана. Программа была всеми поддержана.

Вели Каюм пользовался поддержкой немецкой стороны в лице главы министерства по восточным делам Альфреда Розенберга и всех силовых структур рейха [495].

Никакая власть не может существовать, игнорируя необходимость строительства определенных отношений между властным и подвластным. Уникальность ситуации ТНК заключалась в том, что впервые в истории Туркестана ядро будущего правительства независимого Туркестана было сформировано за пределами страны, в условиях войны, пусть даже при формальной поддержке сильного государства-союзника. Комитет располагал трудами Мустафы Чокая, в которых была разработана идеология будущего Туркестанского государства. Однако отход от идей М. Чокая, отсутствие достойного лидера-патриота, авторитетного в профессиональном плане, имеющего полное моральное право на организаторскую, идеологическую и управленческую роль руководителя организации, стали сильным препятствием для дальнейшего продолжения туркестанского национального движения.

Вели Каюм не справился (и вряд ли ставил перед собой такую задачу) с практической реализацией этой программы, так как использовал власть как средство возвышения в собственных глазах и глазах окружающих своей персоны, превратив материальный статус в атрибут личности, а не должности. Это стало причиной обострения межнациональных отношений в ТНК и Туркестанском легионе. Любые предложения по осуществлению объединения воспринимались Вели Каюмом враждебно, как посягательство на его диктаторские полномочия. Доносы, взятки, поборы, трайбализм и nepотизм стали основным методом его работы.

В начале 1943 г. группа киргизов и казахов обратилась к министру по восточным делам Альфреду Розенбергу с предложением о создании собственного Комитета. Комиссия, назначенная министерством, не только сочла необоснованным такое обращение, но заставила его авторов письменно признать свою неправоту [496].

Что касается личности президента ТНК Вели Каюма, то биографический анализ выявил следующее. Вели Каюм прибыл в Берлин из Бухарской республики в составе нескольких десятков студентов, посланных на учебу в Германию. Изучал сельское хозяйство, но высшее образование не получил. Учился в политической школе [497]. Его политическая деятельность началась в середине 30-х годов, после того как он сблизился с Альфредом Розенбергом, автором Ostpolitik Третьего рейха. Розенберг определил Каюму роль и место в рамках своей программы. Начиная Вели Каюм со сбора информации о состоянии сельского хозяйства в Туркестане. Как политический активист Каюм в среде туркестанских эмигрантов был неизвестен. В начале 1942 г. был переведен с должности официального представителя от туркестанцев на пост президента ТНК [498].

Первым официальным действием Каюма после его назначения главой ТНК было присоединение к своему имени титула “хан”, которого в его роду не было. По признанию немецкой стороны, Каюм пользовался у нацистов большим доверием, и ему была предоставлена полная свобода действий. Нацисты, по всей вероятности, были заинтересованы в поднятии престижа Каюма: он получил квартиру, автомобиль и дипломатический паспорт [499].

По свидетельству членов ТНК, стиль принятия решений Вели Каюмом определялись трайбализмом, взяточничеством и доносами.

Мотивы и потребности В. Каюма на посту президента ТНК, как показывают материалы, не выходили за рамки личной выгоды. По существу, Каюм был служителем нацистского режима, мечтавшего о должности главы правительства будущего Туркестана.

Доктор Ольцша был хорошо осведомлен о стиле и методах руководства В. Каюма, о чем свидетельствует запись его беседы с профессором фон Менде, руководителем отдела в Восточном министерстве, и доктором Аратом от 29 сентября 1944 г. Ольцша указывает на необходимость устранения личных недостатков президента ТНК с тем, чтобы Комитет перестал быть личной вотчиной Вели Каюма [500].

Немцы признавали, что “Каюм не пригоден для выполнения отведенной ему роли, так как ставит свое тщеславие выше общего дела”, страдает “вождизмом” (выражение К. Канатбая), и что отстранение Каюмом от совместной работы туркестанских эмигрантов “нанесло ущерб интересам разведывательных служб” [501].

Исследуя само явление, а также мотивацию власти у личностей, российский исследователь С. Б. Каверин выявляет определенную типологию людей [502], согласно которой В. Каюм мог быть определен как конформист с доминирующей гедонической потребностью.

Поэтому закономерно, что ТНК и Туркестанский легион до самого конца войны сотрясали постоянные конфликты, вплоть до организации покушения на Вели Каюма [503].

В течение всего периода существования СССР и после его развала Туркестанский легион продолжает сохранять ярлык легиона, состоявшего из предателей Родины. До сих пор истина о легионе и легионерах не доведена до народа и остается белым пятном в историографии народов Центральной Азии даже после опубликования материалов Российской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в 1996 г.

По этой причине сопутствующей задачей настоящего исследования было на основании архивных материалов восстановить в пределах возможного историю его создания и показать всю необоснованность обвинений в адрес наших пленных соотечественников.

Однако идеи туркестанского национального движения были извращены немцами: попавшие в плен туркестанцы были под обманным лозунгом “борьбы с большевизмом” загнаны в Туркестанский легион. Идея М. Чокая была

сознательно извращена и сталинской пропагандой, которая представила туркестанского лидера как имевшего планы идти против собственного народа.

Таким образом, рассмотрение истории Туркестанского легиона и ТНК подтверждает мнение о том, что идея их создания и ее воплощение в жизнь принадлежат нацистским руководителям, которые с соблюдением немецкой педантичности тщательно вели работу по поэтапному строительству структурного комплекса “Арбайтсгемайншафт Туркестан — ТНК — Туркестанский легион”. Активное участие в этом процессе принимал В. Каюм, который эксплуатировал идею туркестанского национального движения в своих корыстных интересах.

3.3. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ УТВЕРЖДЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ МУСТАФЫ ЧОКАЯ С НАЦИСТАМИ

В публикациях офицеров советских спецслужб о М. Чокае целенаправленно проводился тезис о том, что эмигрировавший в Европу глава Туркестанской Автономии имел непосредственное отношение к идее и даже к самому процессу создания Туркестанского легиона и ТНК.

По своим политическим убеждениям Мустафа Чокай не мог иметь ничего общего ни с теми, кто проповедовал пантюранизм и пантюркизм, ни с нацистами:

— во-первых, М. Чокай был сторонником демократического национализма, который отторгал любые националистические доктрины, будь то пантюранизм, пантюркизм, шовинизм и тем более нацизм;

— во-вторых, глубокое и всестороннее осмысление теоретических и практических основ национального движения привели его к твердому убеждению в том, что “ярмо национального рабства можно сбросить лишь при таком единстве, которое выходит за рамки расовых и религиозных установок и представляет собой основанный на принципе справедливости фронт равных” (Ұлттық құлдық бұғауын тек қана халықтар арасындағы дінге, нәсілге қарамай, барынша адалдықпен ұйымдасқан бірыңғай майдан ғана үзе алады) [504]. Тем самым М. Чокай поднимает проблему борьбы за национальную независимость на наднациональный уровень, что исключает всякую возможность идейного сближения туркестанского лидера с нацистами.

Факты также не подтверждают даже косвенное отношение туркестанского лидера к созданию легиона :

— приказ ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht — Верховное главнокомандование вооруженными силами Германии) о создании Туркестанского легиона из числа туркмен, узбеков, казахов, киргизов, каракалпаклов и таджиков и Кавказско-магометанского легиона из азербайджанцев, дагестанцев, ингушей, лезгинов и чеченцев датирован 22 декабря 1941 г. [505], т.е. днем поступления Мустафы Чокая в берлинскую больницу “Виктория”;

— оформление легионов, имевшее место на территории Польши, было завершено летом-осенью 1942 г. [506], когда М. Чокая уже не было в живых;

— активное участие в этом процессе принимал Вели Каюм, который эксплуатировал идею туркестанского национального движения.

Тезис о мнимом сотрудничестве Мустафы Чокая со спецслужбами Третьего рейха продолжает поддерживаться некоторыми российскими авторами и в постсоветский период.

Ветераны Лубянки В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев и Л. Соцков продолжают утверждать, что М. Чокай сотрудничал со спецслужбами Третьего рейха. Указанные авторы, причисляя Мустафу Чокая к национал-сепаратистам, не дают определения понятию “национал-сепаратизм” и не выявляют его отличия от национально-освободительного движения.

Ввиду специфики и характера обвинений, выдвинутых против М. Чокая, представляется целесообразным привести тексты этих обвинений дословно. Так, В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев пишут в уже упомянутой совместной статье “Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР”, увидевшей свет в 2007 г., следующее.

1. “В 1933—1935 гг. ряд “прометейских” “вождей” (Георгий Гвазава, Джафар Сейдамет, Чокаяев, Сунш-Гирей) совершил поездку в Германию с целью установления контактов с официальными гитлеровскими кругами. Экспозитура-2 Отдела II Г[енерального] Ш[таба] поставила перед собой весьма своеобразную задачу, чтобы удержание стремлений этих “вождей” к поиску опоры у немецкой разведки не имело бы ощутимых результатов, — она приспособлялась к их потребностям, требуя от них лишь одного — того, чтобы это сотрудничество происходило под ее контролем и в ее интересах. Таким образом, она считала, что сможет помимо всего сохранить по-прежнему решающее влияние на “прометейскую” деятельность, одновременно используя свое взаимодействие с немцами в материальном, а также в пропагандистском смысле” [507].

2. “В связи с приближением войны разложение в “прометейских” организациях стало уже вполне заметным. Наиболее активные деятели (Менагаришвили, Гвазава, Чокаяев, Такайшвили) выступали за “Прометей”, открыто признавая себя при этом гитлеровскими агентами” [508].

3. “Из ряда архивных дел Экспозитуры-2 следует, что также и туркестанская эмиграция в лице Чокаяева Мустафы Оглу проявила еще в 1933 г. стремление в плане установления контактов с гитлеровской Германией, а также (в 1935 г.) с Японией. Сотрудничество с Японией должно было идти в направлении синхронизации военного выступления Японии против Советского Союза и вооруженного восстания в Туркестане. Также в этой связи точно не установлено, в каком именно направлении развивалось это сотрудничество и сколькими контактами с японцами смогла воспользоваться туркестанская эмиграция” [509].

4. “Чокаев Мустафа Оглу — один из лидеров так называемой Кокандской Автономии (10.12. 1917); видный деятель туркестанской эмиграции, с 1921 г. проживал в Стамбуле, затем — в Париже и Берлине, сотрудничал с германской политической полицией, а после прихода Гитлера к власти в 1933 г. — с АО НСДАП и СД; до самой смерти, последовавшей в конце 1942 г., возглавлял так называемый “Туркестанский национальный комитет”, программной целью которого провозглашалось создание независимого Великого Туркестана и объединение в его пределах “всех народов Средней Азии” (в этой должности его сменил Вели Каюм-хан). — См.: РГВА. Ф. 1к. Оп. 7 (картотека); Ф. 1к. Оп. 19. Д. 2138; Ф. 1к. Оп. 27. Д. 12968; Ф. 7к. Оп. 1. Д. 299. Л. 197-200; Д. 2216. Л. 891; Д. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 47, 83 (картотека Экспозитуры №2); Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1, 232, 236, 241, 243, 246, 280, 300, 310, 405—410, 415—420, 431, 432, 437; Ф. 461к. Оп. 2. Д. 135—140, 142; Ф. 519к. ОП. 3. Д. 7. Л. 7об., 42; Ф. 667к. Оп. 1. Д. 1. А. 191—193; Ф. 1358к. Оп. 3. Д. 436, 455; [ФА. Д. 5с. Т. И. Л. 33-38; Д. 8. Т. XII. А. 268-273]” [510].

5. Генерал-майор советской разведки Л.Ф.Соцков, квалифицируя М. Чокая как сепаратиста, также вопреки истине указывает, что он возглавлял ТНК: “Программой Туркестанского национального комитета провозглашалось создание независимого Туркестана, объединение всех народов Средней Азии — казахов, узбеков, таджиков, киргизов, туркмен в единую нацию — тюрков, отделение от России, воспитание молодежи в национальном духе, распространение культуры тюрков и укрепление связей с Турцией, создание национального правительства и выселение русских.

Комитет как руководящий орган туркестанской эмиграции состоял из 40 человек с местопребыванием в Берлине. Вначале его председателем был Чокаев, а после его смерти в конце 1942 г. на этот пост назначили Вели Каюма” [511].

Синтез приведенных утверждений политических оппонентов Мустафы Чокая таков:

— по инициативе и под контролем польского Генштаба Мустафа Чокай и три представителя кавказской эмиграции в 1933—1935 гг. совершили поездку в Германию в поисках путей сотрудничества;

— непосредственно в предвоенный период Мустафа Чокай и два других представителя кавказской эмиграции открыто признавали себя гитлеровскими агентами;

— М. Чокай стремился установить контакты с Японией с тем, чтобы организовать вооруженное восстание при поддержке этой страны, однако советской разведке не удалось найти непосредственные доказательства таких контактов;

— Мустафа Чокай сотрудничал с германской политической полицией, был жив до конца 1942 г. и до самой смерти возглавлял ТНК; данное утверждение подкрепляется внушительным списком архивных документов из Российского государственного военного архива.

Ни одно из приводимых утверждений не выдерживает критики, так как они голословны и, как признают авторы статьи, “непосредственных доказательств сотрудничества М. Чокая с Германией архивные дела не содержат” [512].

Что же касается ссылок на архивы РГВА, то авторы не указывают, какой тезис призваны подтвердить приводимые ссылки: факт руководства М. Чокаем Туркестанского национального комитета или программные цели ТНК. Скорее всего, второе, так как советская разведслужба не могла не знать точной даты смерти Мустафы Чокая — 27 декабря 1941 г. Согласно документам Бундесархива, как уже указывалось в третьем разделе настоящей работы, ТНК был организован в 1942 г., т. е. после смерти М. Чокая.

Российские авторы упоминают имя Мустафы Чокая вместе с именами представителей кавказской эмиграции. Советские спецслужбы были в курсе той ситуации, которая сложилась в среде кавказских эмигрантов к середине тридцатых годов, когда появление на политической арене фашизма внесло брожение в умы русской и российской эмиграции, в том числе и кавказской, что сделало неизбежными реорганизацию движения “Прометей”, изменение названия периодического издания на *“La Revue de Prométhée”* и смену руководства его редакции. Однако, как уже указывалось, позиция М. Чокая оставалась неизменно отрицательной в отношении любых тоталитарных идеологий. Что же касается его отношения к представителям кавказской эмиграции и Кавказской конфедерации, то свое мнение М. Чокай изложил в 58-м номере “Яш Туркестана” (1934 г.) в статье “Кавказия федерациялык келисімі” (“Договор о создании Кавказской [кон]федерации”). Мустафа Чокай подчеркнул значение единения в условиях борьбы за независимость. Отметил также, что этот шаг кавказцев одобрили все, кроме русских, включая белую эмиграцию. Большевики усмотрели за этим политическим шагом кавказцев турецкую угрозу, тогда как на деле Турция не имела никакого к нему отношения. М. Чокай указывает, что Турция и СССР наладили между собой самые разносторонние связи, поэтому Турция не заинтересована в каких-то действиях, могущих нанести ущерб советско-турецким отношениям. Вместе с тем, Мустафа Чокай высказался неодобрительно в отношении статьи Георгия Гвазавы, главного редактора *“Prométhée”*, опубликованной в этой связи в 92-м номере журнала: “Уважаемый главный редактор в своем материале выказывает готовность коммерциализировать природные богатства еще не обретшего независимость Кавказа, предлагая их европейским государствам”. По мнению М. Чокая, это преждевременное и непродуманное предложение может привести к серьезным политическим последствиям [513].

Утверждения российских авторов о коллаборационизме Мустафы Чокая надуманны и наводят на мысль об уже испытанном приеме большевиков — фабрикации ложных материалов для дискредитации политических оппонентов. В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев не скрывают, что советские спецслужбы пользовались этим методом, и приводят в своей

статье пример “ложного обвинения руководства польской коммунистической партии в предательстве и антисоветской шпионской деятельности, сфабрикованное в недрах НКВД и завизированное наркомом И. И. Ежовым” [514]. Занимались агенты советских спецслужб внедрением дезинформации в круги прометеевцев. Так, М. Чокай в письме, адресованном им 20 апреля 1939 г. Акакию Чхенкели, руководителю грузинских меньшевиков, пишет: “... Из нашей маленькой эмигрантской политики можно было бы привести десятки поразительных случаев “дыма без огня”: взять хотя бы слышанные Вами утверждения Саида Шамиля о том, что я “познакомил Г. Б. [Гайдара Баммата] с Розенбергом”, т.е. с человеком, которого никогда в жизни я сам не видел ни вдали, ни вблизи. Или вот провокационная выдумка о моем “масонстве”...” [515].

Для Мустафы Чокая важно было не только внести ясность в существующую ситуацию, но и оградить себя от будущих возможных оговоров. Десятого июня 1939 г. М. Чокай напоминает Акакию Чхенкели: “Прошло 7 недель, и на мое письмо от 20 апреля я не имею еще ответа, кроме разве подтверждения Вами словесно о его получении. Правда, вы говорили, что Н.Н.Жордания потребует от своего информатора объяснений по поводу этого письма. Информатор этот живет в Женеве, и времени, думаю, вполне достаточно для получения от него ответа.

Я придаю своему письму исключительно важное значение, ибо на вызвавшей это письмо лживой информации обо мне была построена вся почти известная Вам прошлого дня недостойная кампания против меня.

... Мне думается, Акакий Иванович, что независимо от соответствия или несоответствия истине полученной Н. Н. Жордания информации, факт его “жалобы” может и должен подлежать некоторой оценке с точки зрения, скажем, того самого “прометеизма”, о котором так пекутся многие” [516].

По свидетельству профессора Ахмета Темира, жившего с 1936 г. в Германии, он впервые увидел Мустафу Чокая в 1941 г. До 1933 г. М.Чокай приезжал в Берлин по делам издательства, но с приходом к власти Гитлера эти поездки прекратились, и потому профессор Темир, как поясняет он в интервью, данном автору настоящей работы, не был знаком с туркестанским политическим деятелем [517].

В чем же причина неустанный, почти векового (с 1917 г.) очернительства и оговора сталинской пропагандой Мустафы Чокая, юридического гражданина Франции, который никогда не имел советского гражданства?

Благодаря регулярному обзору советской периодической печати, донесениям прометеевских связей М. Чокай знал о сталинском терроре, фабрикации ложных обвинений в адрес политических оппонентов режима, действовавших как в СССР, так и за его пределами. Так, в статье “Жауларымыз биз туралы не айтады?” (“Что о нас говорят наши враги?”), опубликованной в № 87 “Яш Туркестана” (1937 г.), Мустафа Чокай комментирует очередной, 300-й, номер “Казахстанской правды” от 30 декабря 1936 г.

Как обычно, газета начинается с материалов, восхваляющих и прославляющих Сталина. Далее она знакомит с достижениями в сферах социальной жизни, информирует о том, что с алашординцами и националавтономистами и контрреволюционерами навсегда покончено и о них никто уже не вспоминает, что туркестанские тюрки купаются в лучах недавно принятого сталинского закона — Конституции СССР. Однако помещенная на следующей странице “Казахстанской правды” статья Илиаса Кабылова под названием “Сосредоточить огонь против казахского национализма!” (“Қазақ ұлтшылығын нысана етейік!”) тут же опровергает утверждение о том, что с национализмом в Туркестане покончено. Напротив, туркестанский коммунист И. Кабылов сообщает, что в ряде предприятий Чимкента и Карсакапы планы не выполняются. Кто же виноват? Виноваты те, кто ведет неустанную пропаганду против сталинского закона, кто настраивает трудящихся против стахановцев. И это — чокаевские фашисты. На страницах “Яш Туркестана” М. Чокай цитирует И. Кабылова дословно:

“Один из матерых алашординцев, небезызвестный Чокаев, организовавший в 1918 г. контрреволюционную “Кокандскую Автономию”, вывернутый затем из Казахстана и очутившийся в белой эмиграции, протягивает из-за рубежа свои подлые нити к контрреволюционному подполью отрепьев, алашординцев, казахских националистов. Вместе с троцкистами, вкуче и влюбсе с национал-уклонистскими отщепенцами он, верный наймит империализма, организует свою чокаевско-фашистскую агентуру шпионов, вредителей, диверсантов. Об этом, в частности, говорят вскрытые вредительские факты в нашей цветной металлургии (Карсакапай, Чимкентский завод и на других участках). Диверсии, шпионаж, вредительство, подготовка подлых нападения на рабочих-колхозников, стахановцев — таково отравленное оружие, к которому вместе с троцкистами прибегают контрреволюционные алашординцы и националисты, чокаевско-фашистские агенты. ... Имеются факты явной активизации местных националистов, когда чокаевско-фашистская агентура, сомкнувшись с троцкистскими агентами фашизма, пытается организовать шпионаж, диверсии и т. д.”

По мнению Мустафы Чокая, статья позволяет сделать вывод прежде всего о провалах советской экономики, об усилении борьбы против господства русского империализма, что неизбежно приводит к усилению национализма, о росте влияния туркестанского национального движения и его политического органа — журнала “Яш Туркестан”. [518].

Особенности советской пропаганды, не знавшей меры как в восхвалении успехов социализма, так и в обвинении идеологических противников, были хорошо известны на Западе. Например, западные аналитики усмотрели одно из проявлений уровня культуры советских депутатов в превозношении ими комбайнера Константина Борина: с трибуны съезда в Москве было заявлено, что “стахановец К. Борин во время уборки 1937 г. ежедневно один на комбайне заменял 950 человек, 150 коней, 37 вейлок, 20 молотилок”. Эта

информация была почерпнута из передовицы газеты “Правда” от 15 января 1938 г. “Если бы мы не знали о перегибах советской пропаганды, то приняли бы г-на Борина за супермена”, — отметили французские журналисты [519].

Поиск внешних врагов для оправдания провалов экономической политики, пропагандистские перегибы, оговоры политических оппонентов без приведения каких-либо доказательств были нормой политической жизни в СССР в годы “великого террора”, наивысшего расцвета тоталитарной системы, а в терминах большевиков — “периода обострения борьбы с контрреволюцией и национализмом”. На деле это было проявлением неспособности либо нежелания большевиков разработать и проводить взвешенную национальную политику.

Поскольку на сегодняшний день архивы ИНО НКВД все еще остаются недоступными, исследователи вынуждены ограничиться лишь гипотезами. Регулярно повторяемая сотрудниками советских спецслужб ложь о том, что Мустафа Чокай был председателем ТНК и умер, по одной версии, весной 1942 г., а по другой — в конце 1942 г., есть, на наш взгляд, маневр, призванный отвлечь внимание центральноазиатской общественности и всего тюркского мира от истинной причины смерти М. Чокая. Ответ на классический вопрос “Кому была выгодна смерть Мустафы Чокая?” позволяет расставить все по своим местам.

В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев указывают, что “пропаганда “Прометей” была направлена на ослабление и изоляцию СССР. Она стремилась всячески дискредитировать советскую власть в глазах западно-европейских народов” [520].

Движение “Прометей” имело антибольшевистский характер, поэтому вполне закономерно, что деятели движения, в их числе Мустафа Чокай, будучи оппозиционно настроенными к большевизму, подвергали жесткой критике внешнюю и внутреннюю политику Советов. Ослабление и изоляция СССР были основной задачей прометеевского движения, закрепленной в его программных документах.

В современных условиях В. Былинин, А. Зданович, В. Коротаев и Л. Соцков имеют возможность подвергнуть всестороннему беспристрастному анализу прометеевские публикации, в их числе труды М. Чокая, и убедиться, что сталинский тоталитаризм не был вымыслом “контрреволюционной эмиграции”, желавшей дискредитировать существовавший в СССР политический строй. Содержание самых последних статей в журнале “*La Revue de Prométhée*” вовсе не свидетельствует о том, что “с приближением войны разложение в “прометейских” организациях стало уже вполне заметным, а наиболее активные деятели (в их числе назван Мустафа Чокай) открыто признавали себя гитлеровскими агентами”. Как уже указывалось, большевизм и нацизм были приравнены прометеевцами к чуме и холере. Что же касается утверждений о якобы шпионской деятельности М. Чокая и его коллаборационизме с нацистской Германией, то, как показало проведенное исследование, его политические оппоненты не располагают ни

доказательствами, ни убедительными доводами, ни конкретными фактами, в чем они сами и признаются.

Политическое поведение юриста, журналиста, политика Мустафы Чокая в условиях военно-политического противостояния двух тоталитарных государств было продиктовано следующими обстоятельствами:

— бесчеловечным отношением Сталина к своим солдатам, попавшим в руки врага, и циничным отношением к ним руководства вермахта;

— политической обстановкой в Туркестане, ставшей причиной морально-психологической депрессии у населения Туркестана, лишившегося своих политических лидеров за годы “борьбы с буржуазным национализмом и национал-фашизмом”.

Условия, выдвинутые М. Чокаем немецкому руководству, преследовали единственную цель — спасение своих соотечественников, оказавшихся заложниками тоталитарных режимов. Однако советские спецслужбы, искавшие по указанию вождя любые мнимые причины для морального и физического уничтожения политических оппонентов, выстраивают легенду, согласно которой Мустафа Чокай якобы пошел на сотрудничество с руководством Третьего рейха, приняв предложение возглавить ТНК и в дальнейшем — государство Gross Turkestan. По этой же легенде М. Чокай, который скончался 27 декабря 1941 г., якобы пребывал на посту главы ТНК до конца 1942 г. и одновременно формировал Туркестанский легион из числа военнопленных. Исследование вопроса с опорой на архивные документы, включая последние записи Мустафы Чокая, показывают голословность утверждений сталинских пропагандистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политологическое наследие Мустафы Чокая имеет не только историческую ценность. Оно имеет особую значимость для дальнейшего развития постсоветских суверенных республик Центральной Азии (бывшего Туркестана) по ряду причин.

Во-первых, труды М. Чокая дают современному исследователю объективную трактовку историческим процессам, происходившим в Туркестане, СССР, Европе и в мире благодаря документированности и строгой аргументации оценок, которые позже нашли подтверждение в работах видных зарубежных исследователей и политиков.⁷³

Во-вторых, чокаевский анализ заставляет по-новому осмыслить политологические категории, толкование которых в советский период проводилось с позиции сталинской идеологии.

В-третьих, проблемы теоретического порядка, поднимаемые в трудах Мустафы Чокая, не только восполняют пробел, но и во многом позволяют возместить ущерб, нанесенный историческому сознанию народов Центральной Азии и всего постсоветского пространства неоднократными переписываниями учебников истории, искажениями либо замалчиваниями фактов.

В-четвертых, труды М. Чокая и его единомышленников по прометеевскому движению закладывают концептуальную основу государственной идеологии; они также могут оказать помощь политическим партиям, движениям и другим объединениям в определении своих основополагающих принципов.

В-пятых, изучение наследия Мустафы Чокая позволило выявить новые сведения о политической деятельности лидеров движения “Алаш”, раскрыть факт существования идейной и агентурной связи между алашординцами и антибольшевистским эмигрантским движением “Прометей”.

В-шестых, политические идеи М. Чокая, осмысленные вкуче, дают ключ к пониманию факторов, отрицательно влияющих на консолидацию общества: это низкий уровень политической культуры властей предрежащих, а также политика возвышения одной социальной группы в ущерб интересам других, что неизбежно порождает антагонизм в обществе.

Проведенное исследование политологического наследия Мустафы Чокая привело к следующим выводам.

1. На примере национальной политики большевиков в Туркестане М. Чокай убедительно показал, как проводились денацификация и последующая русификация местного населения, нацеленные на разрушение тех признаков, которые в совокупности составляют самобытность народа: культуры, языка, традиций, религии, истории. Процесс разрушения подкреплялся государственным лозунгом о верховенстве русских как “носителей западной культуры полуцивилизированным народам Востока”.

Труды туркестанских политических деятелей свидетельствуют о поиске и стремлении дать наиболее точный анализ политических процессов, происходящих в регионе, и подвергнуть их теоретическому осмыслению. Об этом свидетельствуют:

— теория мусульманского национального коммунизма, автором которой были татарин Мир-Саид Султангалиев, казахи Ахмет Байтурсынов, Турар Рыскулов; практическим воплощением этой теории в регионе Центральной Азии было десятилетие пребывания алашординцев во властных структурах, обозначившее расцвет казахской национальной культуры и науки;

— выступления и статьи М. Чокая, в которых он дает теоретический и практический анализ национального движения в Туркестане. Мустафа Чокай подчеркивает, что национальное движение имеет целью восстановление утраченной государственности. Проникновение русских в Центральную Азию в 1884 г. и последовавшая за этим колонизация Туркестана Россией были попранием независимости народа Туркестана. В этих условиях провозглашение в 1917 г. Кокандской (Туркестанской) Автономии имело целью возрождение древней государственности Туркестана, которая восходит к периоду первой тюркской династии караханидов.

Косная национальная политика большевиков способствовала рождению национального движения за самоопределение и появлению на исторической арене политических лидеров. Феномен Мустафы Чокая как политического

лидера раскрывается только в контексте разработанных им основных принципов туркестанского национального движения. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о придании туркестанскому национальному движению его лидерами новой для того времени формы развития. Можно условно выделить четыре этапа развития движения.

Этап первый был связан с новой военно-политической ситуацией, сложившейся в Туркестане после падения царского самодержавия в России, которая активизировала многочисленные силы, претендовавшие на захват власти и установление господства над Туркестаном. Полное пренебрежение интересами народа Туркестана, которому исторически принадлежала эта территория, вызвало народное возмущение, стихийно переросшее в национальное сопротивление, названное советскими историографами “басмаческим бандитизмом”.

Второй этап приходится на период силового установления диктатуры большевиков в Туркестане, пришедших к власти через уничтожение Временного правительства в центре и автономий, демократически провозглашенных в регионе Центральной Азии в соответствии с народным волеизъявлением. Туркестанское национальное движение крепнет, все больше опираясь на всесторонний анализ внутренней и внешней политики большевиков. Исходя из самой специфики ситуации, лидеры движения, в частности руководители партии “Алаш” и Мустафа Чокай, приходят к решению о создании внутренней и внешней ветвей движения. Руководство внутренней ветвью берут на себя лидеры партии “Алаш” Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов и Ахмет Байтурсынов. Организация зарубежной ветви национального движения, обозначившая **третий этап национального движения**, возложена на М. Чокая. Обе ветви действуют слаженно, координируя свои действия с целью формирования европейского и мирового общественного мнения о внутреннем и внешнем политическом курсе России.

2. Мустафа Чокай занимается в эмиграции претворением в жизнь задач туркестанского национального движения как в практическом, так и в теоретическом аспекте. В начальный период своей деятельности движение ставит задачу ослабления страны-колонизатора, что, по мнению глав национальных движений, входящих в “Прометей”, может и должно достигаться политическими средствами, а именно — систематическим разоблачением на страницах периодической печати колонизаторской сути страны-колонизатора (России). С этой целью журнал “*La Revue de Prométhée*” привлекает в качестве авторов самых высокопрофессиональных политиков и видных журналистов. Отправной точкой деятельности является положение о роли и месте эмиграции, определенное Мустафой Чокаем как “интернационализация туркестанского вопроса”. Под этим понимается формирование мирового общественного мнения относительно российской внутренней и внешней политики, типичной для тоталитарных режимов и тем самым представляющей угрозу миру. Эмиграция, по глубокому

убеждению М. Чокая, должна в этом вопросе занимать лидирующую и направляющую роль. В свете верховенствующей в СССР идеологии и политических процессов, происходящих в национальных республиках, ярлыки “националист”, “панисламист”, “пантюркист” — самые расхожие при вынесении большевиками обвинений в адрес политических противников. Мустафа Чокай дает в своих трудах единственно верную оценку в отношении тюркского единства и ислама как основополагающих факторов единения мусульманских народов СССР в борьбе за свое самоопределение: ни пантюркизм, ни панисланизм, согласно Мустафе Чокаю, не могут быть эффективной основой единения тюркских народов, так как проблема тюркского единства — проблема политическая и выходит за рамки расовых и религиозных установок. Сбросить ярмо национального рабства может помочь только фронт равных, чье единение основано на принципе справедливости.

3. Идеологи движения “Прометей” разрабатывают единые организационные формы движения и выдвигают на первое место принцип о том, что “прометеизм является единым фронтом всех угнетенных, борющихся за право на независимость, а не объединением политических организаций”. Этот принцип был продиктован в условиях начавшихся брожений, вызванных активными действиями советских спецслужб, нацеленных на развал движения изнутри. Влияние на некоторых членов движения оказывала также фашистская идеология, набиравшая силу в Европе. В обстановке соперничества фашизма и большевизма единые идейные установки способствовали консолидации членов движения и определению общей платформы перед лицом “чумы” и “холеры”.

4. Роль и место периодических изданий движения “Прометей”, в их числе журнала “Яш Туркестан”, были определены общей программой движения как его политические органы, призванные проповедовать идеи прометеизма, используя для этого самые убедительные и нестандартные формы. Восточный институт, наряду с координированием работы польских прометеевских ячеек с прометеевским движением, снабжал периодические издания движения необходимым пропагандистским материалом, а также разрабатывал научные основы прометеизма.

5. В противостоянии “Сталин — Прометей” советская сторона делала ставку главным образом на спецслужбы, которым вменялось в функции сеять интриги и раздор в среде прометеевцев. В их задачи входила также физическая ликвидация лидеров национальных движений.

Сами прометеевские деятели могли противопоставить им главным образом политико-пропагандистские средства.

6. Новая расстановка сил на европейской политической арене в связи с приходом к власти Гитлера в Германии оказала влияние и на атмосферу внутри движения “Прометей”. Она сделала также неизбежной военно-политическую конфронтацию двух соперничающих идеологий. Испанские события 1936—1937 гг., по оценке М. Чокая, подтвержденной

последующими исследователями, стали прелюдией ко Второй мировой войне. Именно в Испании были отработаны сталинские методы массового террора. Народ Испании был свидетелем уникальной политической ситуации, когда два соперничающих диктатора (Сталин и Гитлер) были изгнаны третьим — Бааомонде Франко. Мустафа Чокая одним из первых дал самую точную политическую оценку действиям диктаторов. Подвергнутая им анализу сталинская политика в Испании совпадает с мнением аналитиков французского МИДа и подкрепляет его прогноз о неизбежной близости катастрофы мирового масштаба.

7. Вторая мировая война стала самым смертоносным событием в истории XX в. Потрясение было столь велико, что после войны Объединенные Нации закрепили в своем уставе решимость всемерно укреплять первооснову общества — его гуманный, человеколюбивый характер. Из 5,7 млн. советских солдат, попавших в немецкий плен, треть составляли туркестанцы. Став заложниками Сталина и Гитлера, они, по выражению немецкого исследователя Патрика фон цур Мюлена, оказались “между свастикой и красной звездой”. Естественная тяга к выживанию привела их в ряды Туркестанского легиона, а историческая память подвигла их на продолжение борьбы за восстановление утерянной независимости их Родины. Трагизм положения пленных соотечественников заставляет Мустафу Чокая предложить немцам формирование туркестанской национально-освободительной армии, которая должна быть введена в бой только при подходе к границам Туркестана. Туркестанское национальное движение должно перейти в стадию освободительного, получив поддержку народных масс, что, согласно теории таких движений, является закономерным венцом. Согласно нашему анализу, именно это предложение спровоцировало убийство М. Чокая, которое было приписано Вели Каюму. Легенда о якобы соперничестве казаха Мустафы Чокая и узбека Вели Каюма за место главы будущего государства Туркестан активно внедряется сталинскими пропагандистами в историю народов Центральной Азии. Время от времени эта легенда реанимируется ветеранами сталинских спецслужб из геополитических соображений. В то же время представители российской науки высказали предположение об убийстве М. Чокая чекистами [521].

После смерти Мустафы Чокая его единомышленники из числа военнопленных предпринимают попытку продолжить его дело, что обозначило бы **четвертый этап движения**. Однако отсутствие достойного лидера, способного, опираясь на теоретические принципы развития национальных движений, претворить в жизнь идеи М. Чокая, позволило нацистам под обманым лозунгом борьбы с большевизмом использовать туркестанских военнопленных как пушечное мясо.

8. Подробное рассмотрение утверждения о связях Мустафы Чокая с нацистскими спецслужбами, на которой настаивают некоторые российские авторы-сталинисты, не выдерживает критики, так как оппоненты

туркестанского лидера, по их собственному признанию, не располагают ни одним конкретным фактом такого сотрудничества. Архивные же документы, напротив, свидетельствуют о давлении нацистских служб на М. Чокая. Утверждение сталинистов тем более неуместно в отношении человека, никогда не имевшего советского гражданства, коим был Мустафа Чокай.

9. Особую ценность для нынешних центральноазиатских республик представляют идеи М. Чокая и его сподвижников по "Прометею" о понятиях "народ", "нация" и "национальное чувство", о том, что путь к гражданскому обществу пролегает через консолидацию. В свою очередь, консолидация народа, проживающего в границах общего государства, достигается через осознание необходимости беречь и умножать единое неделимое наследие, полученное от предков. Наследие не только материальное, но и духовное, включающее язык, культуру, традиции, религию, общую историческую память.

В совместной истории нерусских народов Союза Советских Социалистических Республик политическая деятельность движения "Прометей" занимает особое место и достойно самого глубокого изучения.

Пятнадцатилетний период идеологической борьбы Мустафы Чокая и его сподвижников по антибольшевистскому движению "Прометей" носил характер широкомасштабный и был отмечен проявлением высокого политического профессионализма прометеевцев. Движение действовало при идейной и финансовой поддержке польского правительства, под патронажем польской экспозитуры, единственной реальной силы, которая в тот период могла противостоять советским спецслужбам. Была развернута идеологическая война, в которой здравый смысл и правое дело были на стороне прометеевцев, действовавших в следующих направлениях.

Движение "Прометей" ставило перед собой задачи политико-пропагандистского плана, что подтверждается современным анализом программных документов движения, публикаций прометеевцев, а также последующим ходом исторических событий в СССР и мире.

Антибольшевистское движение "Прометей" и вместе с ним зарубежная ветвь туркестанского национального движения приостановили свою деятельность в связи с оккупацией Франции нацистами в июне 1940 г.

Рассмотрение политического поведения Мустафы Чокая в контексте деятельности антибольшевистского движения выявило бесспорность того, что М. Чокай уникален не только по своим личностным характеристикам, но, прежде всего, как идеолог и лидер национально-освободительного движения Туркестана, оставивший после себя бесценное наследие для будущих поколений туркестанцев.

В оценке личности Мустафы Чокая как лидера можно обратиться к положениям политической психологии, которая выделяет следующие основополагающие критерии:

- личность лидера, его происхождение, процесс социализации и способы выдвижения;

• потребности, мотивы и убеждения, влияющие на его политическое поведение;

• контекст, в котором лидерство имело место;

• стиль принятия решений [522].

“Среди политиков бывают политики мира и политики войны, — пишет Мария Яковлевна в своих мемуарах. Мустафа Чокай принадлежал к политикам мира. По характеру он был мягок, легко раним. Знал, что в управлении государством необходимо быть человеком жестким, способным быстро принимать решения. Никогда не уставал учиться и работать над собой. Он восхищался и высоко ценил Мустафу Кемаля. Считал, что для Туркестана нужен такой реформатор. У него и в мыслях не было иметь какие-либо враждебные чувства к представителям других наций. Любил спорить и дискутировать с людьми разных политических убеждений. В спорах был спокоен и уважал мнение оппонента. И в политике, и в личной жизни он умел находить путь к сердцу людей благодаря своей честности и умению сопереживать другим. Отличаясь широтой мышления, он легко и в доступной форме излагал свои идеи. При этом, нравилось ли это собеседнику или не нравилось, он говорил всегда прямо и открыто” [523].

Такое поведение политика свойственно только лидеру с адекватной самооценкой, уважительно и высоко оценивающему других лидеров, не боясь, что его самого унизят, обидят, обойдут, так как твердо знает свою собственную высокую цену.

Опыт политической борьбы, полученный Мустафой Чокаем в период его работы в мусульманской фракции Государственной Думы России, взаимодействие с лидерами партии “Алаш” выкристаллизовали в нем способность моментально вычленять суть политических процессов и давать им единственно верную оценку. Таким образом, контекст, в котором формировались политические убеждения Мустафы Чокая, определил в дальнейшем его политическое поведение. Он нацелил себя на продуктивную и творческую самореализацию, проявив себя как целостный феномен и неповторимая индивидуальность. Он развивал и корректировал сам подход в выборе средств борьбы за самоопределение Туркестана, не прекращая при этом совершенствовать систему своих убеждений. Мустафа Чокай приходит к выводу о том, что в условиях германо-советского военного противостояния туркестанское национальное движение не может обойтись без применения насильственных методов, т. е. без армии, которая только при народной поддержке способна противостоять государству-колонизатору. Этот вывод М. Чокая подтвержден результатами исследований ученых более позднего времени: от этапа ослабления государства-колонизатора национальное движение перерастает в своей решающей стадии в национально-освободительное, но при обязательном условии народной поддержки. Конечной фазой национально-освободительного движения является организация народного восстания.

В самый кульминационно-драматический период своей жизни (встреча с пленными соотечественниками в фашистских концлагерях) он принимает в соответствии с теорией и практикой национально-освободительных движений единственно приемлемое решение, предложив создание туркестанской национально-освободительной армии и потребовав введения ее в бой только при подходе к границам Туркестана. М. Чокай, по всей вероятности, предполагал поднять народное восстание против победителя в германо-советской войне, кем бы он ни был, “чумой” или “холерой”. Это решение привело к трагическому исходу: поскольку дальнейшая деятельность Мустафы Чокая непременно повлияла бы на баланс противоборствующих сил, в его физической ликвидации был заинтересован его политический оппонент Сталин, так как в начальный период войны Красная армия несла огромные потери: только в живой силе в первые четыре месяца в плен попало 3,6 млн. советских солдат и офицеров. К тому же аналогичного мнения о создании национально-освободительных армий могли придерживаться и другие национальные лидеры из движения “Прометей”.

Данное обстоятельство служит также подтверждением гипотезы о том, что обвинения, выдвинутые против главы Туркестанской Автономии, есть не что иное, как попытка еще и морального уничтожения Сталиным Мустафы Чокая, представив его как врага собственного народа. Содержание трудов М. Чокая, сохранных на Западе, категорически опровергает тезис об их клевете на советский строй. Публикации Мустафы Чокая, как и других прометеевцев, правдивы и привлекают неоспоримой логикой изложения, содержат неизвестные постсоветским читателям исторические факты, а их трактовка непривычна. Они воспринимаются свежо современными учеными-исследователями. Причина кроется в оригинальности мышления, неординарности подхода, политической культуре и внутренней свободе этих авторов, что в итоге и порождает то, что называется провидением. Прогнозы прометеевцев оказались провидческими. Сбылся самый главный из них — развал СССР, который был на некоторое время отсрочен Второй мировой войной. К тому же победа СССР в войне продлила жизнь большевистской идеологии. Прометеевцы не сомневались, что крах власти большевиков закономерен.

Пропагандистская атака на Мустафу Чокая породила различные трактовки его личности. В частности, его пытались представить как:

- антисоветчика, ослепленного ненавистью к советскому строю и потому пошедшего на сотрудничество с нацистами (С.Шакибаев);
- эмигранта-бунтаря, нашедшего в Европе удобное место для организации идеологических “перестрелок” с большевиками (А.Кара);
- эмигранта-сепаратиста, который вместе с единомышленниками ставил задачу расчленения Советского Союза на национальные составляющие, что якобы подвигло его на сотрудничество с западными спецслужбами (Л.Соцков, П.Белан, В.Былинин и др.).

Мустафа Чокай не был ни тем, ни другим, ни третьим.

Проведенное всестороннее исследование наследия М. Чокая и материалов прометеевского движения приводит к заключению о том, что:

— Мустафа Чокай так же, как и другие прометеевцы, не был “поставщиком клеветнической информации о советском строе”;

— Мустафа Чокай не имел отношения ни к идее создания, ни к самому созданию Туркестанского легиона;

— Мустафа Чокай не был агентом ни западных, ни других спецслужб и не вел никакой шпионской деятельности против своего народа.

М. Чокай и его сподвижники были самыми сильными оппонентами сталинской диктатуры. При этом они реально оценивали незаурядность Сталина как политика, ловко балансировавшего между миром и войной. Мустафа Чокай характеризовал Сталина как политика, отличавшегося как коварством, так и непревзойденным умением находить при желании путь к сердцам своих сограждан.

Публикации прометеевцев, посвященные внутренней и внешней политике, проводимой Сталиным, помогают сформировать наиболее точный политический портрет “отца народов”. В одном из последних номеров журнала *“La Revue de Prométhée”* они дали словно в назидание потомкам краткую и емкую характеристику Сталина:

— “Человек, который обогрил кровью и предал свою Родину — Грузию;

— человек, который удерживает миллионы людей под прессом своего антигуманного режима;

— человек, который предал одного за другим всех своих близких друзей, всю старую ленинскую гвардию;

— человек, который покрыл грязью и ложью лучших товарищей по партии, чтобы затем легче было их уничтожить;

— этот человек сохраняет ту же сущность и в международной политике: он предает, так как, согласно его кредо, цель оправдывает любое преступление” [524].

Мустафа Чокай. Париж. 12 июня 1927 г.

Мария Яковлевна Горина-Чокай с представителями русской эмиграции в пригороде Парижа.
24 марта 1940 г.

На казачьем празднике. Слева от Мустафы Чокая — г-н Билый с супругой, за ними — А. Чхенкели и Мария Яковлевна. Париж. 11 декабря 1937 г.

Мустафа Чокай и неизвестный. У входа в домик супругов Чокай. Ножан. 1931 г.

Мустафа Чокай. Париж. 1930 г.

Туркестанец Алим Алмат,
донесший до Казахстана
последнюю волю Марии
Яковлевны, и его супруга
Идилъ. Стамбул.
24 декабря 1952 г.

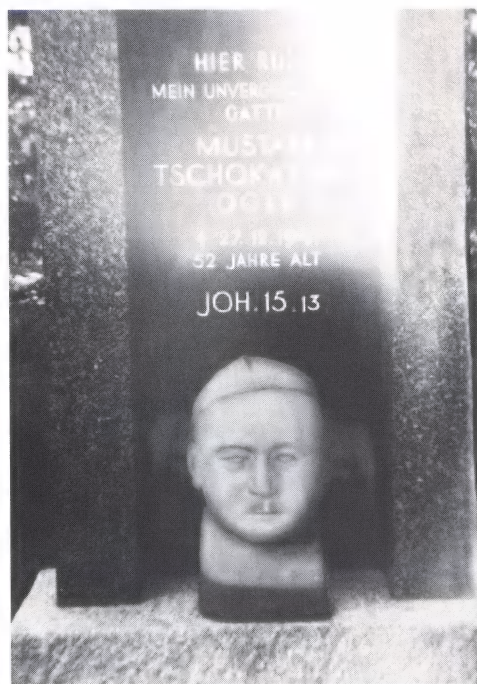
Супруги Чокай во дворе своего дома. Ножан. Год неизвестен.

Хамид, Жумагали, Азиза и Алаш –
дети бывших туркестанских
военнопленных, живущие ныне в
Европе.

Мустафа Чокай. Берлин. 1930 г.

Могила Мустафы Чокая в Берлине.
По просьбе Марии Яковлевны
был установлен бюст, который
впоследствии исчез.

1) Udział Redziecha Stanisławca
w powstaniu wynosi

happened to "resuscitate" under the form of new "national" republics. The national republic with later changed

4a) Ze składu Kazachstanu wyłączono
został Kara-Kalpakski autonomiczny obwód.
Ludność Karakalpakii wynosi przeszło 30

more than 4.5 millions. There are about 8% of townships and more than half of

Takim sposobem Turkistan, o którym
jest mowa w niniejszym artykule, jest kra-
jem o granicach i powierzchni bardzo dużej.

the old term). It covers an area of 195,129 sq. km. with a population of 993 thousands, of which 121 thousand (12%) urban and 872 thousand rural.

Thus it came to pass that Turbotton, of which we are speaking in the follow-

RUSSIE

Orenbourg

Astrakhan

Mer Caspienne

Mer d'Aral

GOUVERNORAT DES STEPPES

SYR-DARYA

AMU-DARYA

L. Balkhach

Almaty

Bichkek

GOUVERNORAT DU TURKESTAN

Tachkent

Kokand

Samarkand

Boukhara

Province de Transcaspienne

Khiva

Krasnovodsk

Bakou

Azerbaïdjan

Tabriz

Perse

Téhéran

Machhad

Achkhabad

Mary

Boukhara

Douchanbe

CHINE

AFGHANISTAN

Herat

Kaboul

EMPIRE DES INDES

Peshawar

Empire Ottoman

Tigre

Euphrate

L. Balkhach

Tarim

Туркестан в начале XX в.

«ياش توركستان»
 توركستانگ ملي فورتولوشى اوچون كوره شوچى مجموعه

«Yach Turkestan»
 (Le jeune Turkestan — Das junge Turkestan)

Organe de défense
 nationale du Turkestan
 (Organ der nationalen
 Verteidigung Turkestan)

Официальный бланк редакции журнала
 «Яш Туркестан».

EXPOSITION INTERNATIONALE
 PARIS 1937

ARTS ET TECHNIQUES DANS LA VIE MODERNE

PRESSE
 ETRANGERE

Carte N° 232

PERMANENTE

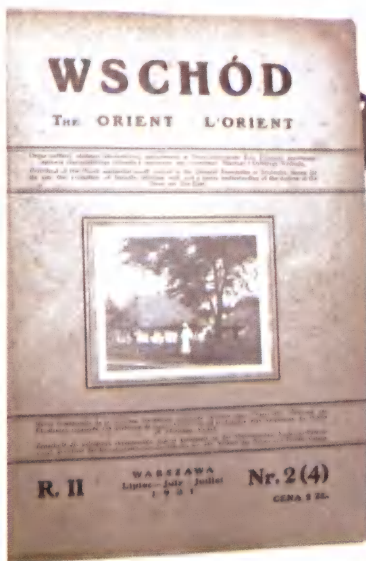
Laissez passer M. Mustafa Chokay
 Yach-Turkestan

Adresse: Square de Toulon

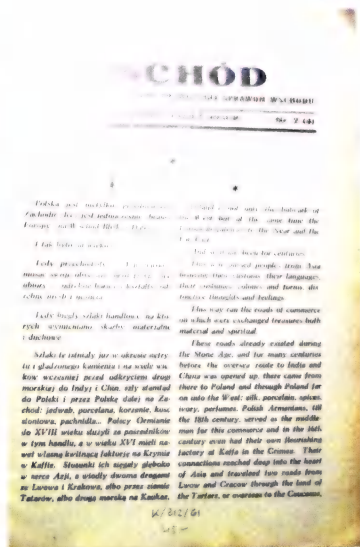
Le Commissaire Général: Le Directeur de la carte:

Signature of Mustafa Chokay

Пропуск журналиста Мустафы Чокая на
 международную выставку. Париж. 1937 г.

Обложка иллюстрированного журнала
 «Wschód» («Восток»), выходившего
 на польском и английском языках в
 Варшаве.

Разворотная страница журнала
 «Wschód».

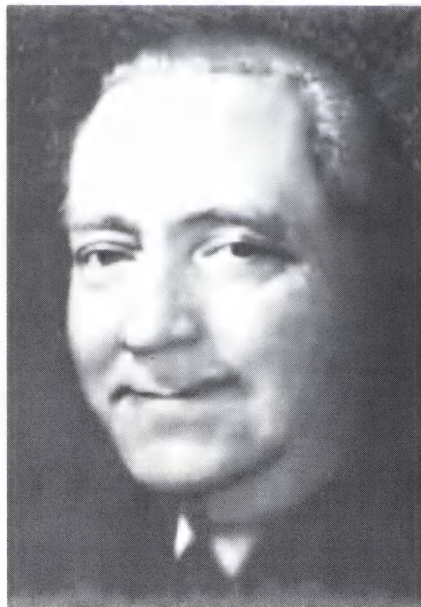
Лидеры внутренней ветви туркестанского национального движения
Алихан Букейханов и Миржакып Дулатов.

Лидеры национальных движений в эмиграции азербайджанец Мемет Эмин Ресулзаде и
башкир Ахмет-Заки Валиди.

Казах Кадем Жуманиязов, сражавшийся в рядах движения Сопротивления.

Профессор Герхард фон Менде, глава отдела Восточного министерства Третьего рейха.

© CICR

Туркестанцы, содержавшиеся в концлагере I "б". Германия. Хохенштайн. 1941 г. Снимок из архива Международного комитета Красного Креста (Женева).

“Французская советская республика”.

Почтовая марка достоинством в 50 сантимов, выпущенная во Франции в 1925 г.

Из коллекции Бернара и Аннетты Ланжевен.

Мемориальная доска “В честь казахов и всех тех, кто сражался за освобождение Франции”.

Деревня Жукевьель близ Тулузы. 1995 г.

Большевистский плакат времен Гражданской войны 1918—1920 гг.

“Мир и свобода по-сталински”.
Плакат из архива Музея современной истории.
Париж.

Сталин с детьми на майском параде.
Обложка апрельского (1953 г.) журнала
“Работница”.

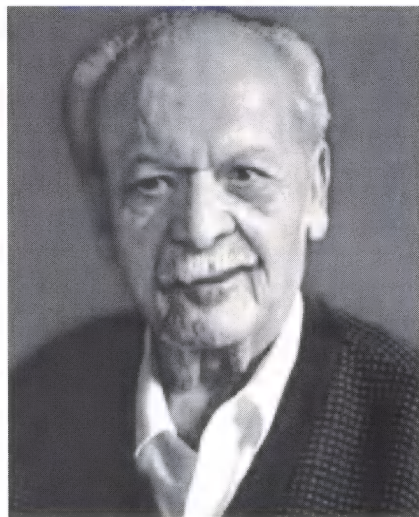
Концлагерь в Хохенштайне. Карл Бургардт, заместитель председателя Международного комитета Красного Креста, посещает советских военнопленных. Германия. Август 1941 г. Из архива Международного комитета Красного Креста (Женева).

Вели Каюм, президент ТНК.

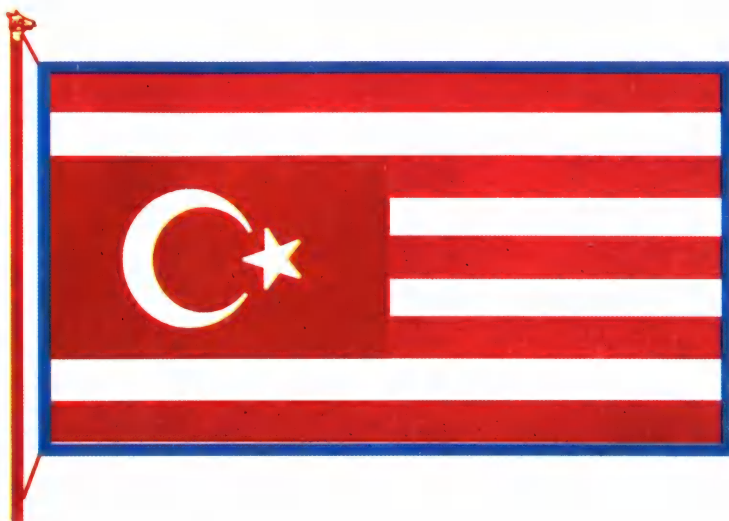
Тадеуш Голувко (Tadeusz Hołowko, 1889–1931), начальник Восточного отдела МИД Польши.

Баймырза Хайит (1917—2006). Уроженец Намангана. Военный министр в составе ТНК.

Плакат, посвященный III Интернационалу, выпущенный литературно-издательским отделом
политуправления РСФСР.

Государственный флаг Туркестанской (Кокандской) Автономии.

Нынешний облик бывшего Туркестана.

Туркестанцы, содержащиеся в концлагере I "б". Германия. 1941 г. Из архива Международного комитета Красного Креста (Женева).

Туркестанский легионер.

Туркестанские легионеры имели свободный доступ к эмигрантским периодическим изданиям.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. В эмиграции — Чокай, Чокай-оглы, Чокаев. Казахские авторы пишут, в основном, о туркестанском периоде деятельности политика и называют его Мустафа Шокай. Согласно О.Сарсенбаеву, дата рождения М. Чокая — 1886 г. Автор настоящей работы придерживается даты 1890 г. в соответствии с надписью на надгробной плите Мустафы Чокая на кладбище в Берлине.
2. М.: Советская энциклопедия, 1938. С. 267—268.
3. Там же. С. 268.
4. Там же. С. 269.
5. М.: Советская Энциклопедия, 1953. С. 559.
6. Комиссар по делам Закаспия, на которого были также возложены функции по гражданскому управлению Туркестаном (прим. Б.С.)
7. *Ducrocq G.* (Légation de France en Perse). Rapport de l'Attaché Militaire au Président du Conseil, Ministre de la Guerre en date du 3 octobre 1919. "Situation politique et militaire en Transcaspie et au Turkestan: événements du 1917 et du 1919 à Tachkent et Ashhabad" // Service Historique de l'Armée de Terre. 7 N 3268.
8. *Шакибаев С.* Падение "Большого Туркестана". Алма-Ата: Жазушы, 1972. 287 с.
9. Там же. С. 4.
10. Там же. С. 26.
11. Там же. С. 26.
12. Там же. С. 12.
13. Там же. С. 286.
14. *Бакиров А.* Операция "Франц". Кызылорда, 2000. 125 с.
15. *Какен А.* Түркістан легионы. Астана: Республикалық баспаполиграфия орталығы, 2000. 135 б.
16. *Қойгелдиев М.* Тұтас Түркістан идеясы және Мұстафа Шоқайұлы. Алматы: Қазақ университеті, 1997. 54 б.
17. Там же. С. 4.
18. Там же. С. 38.
19. Там же. С. 39.
20. *Қара А.* Мұстафа Шоқай: өмірі, күресі, шығармашылығы. Алматы: Арыс. 318 б.
21. Там же. С. 181.
22. *Мұстафа Ш.* 1917 жыл естеліктерінен үзінді. В кн. "Мұстафа Шоқай. Таңдамалы". Алматы: Кайнар, 1999. С. 258 — 259.
23. *Мария Ч.* Я пишу Вам из Нождана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 24.
24. *Mustafa Tchokay.* Le Turkestan. La politique de la Russie et le mouvement nationaliste dans le Turkestan. Ce que la France pourrait faire au Turkestan.

Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, f. 249.

25. Қара А. Мұстафа Шоқай: өмірі, күресі, шығармашылығы. Алматы: Арыс. 22 б.
26. Из истории российской эмиграции (1924—1932). Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева. Москва: РАН РФ, 1999. С. 6.
27. Там же. С. 7.
28. Там же. С. 8.
29. Там же. С. 9—10.
30. Письмо М. Чокаева В. Дабровскому от 23 ноября 1928 г. Из истории российской эмиграции (1924 — 1932). Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева. М.: РАН РФ, 1999. С. 33 — 34.
31. Там же. С. 35 — 36.
32. Там же. С. 37.
33. Там же. С. 38.
34. Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales. Carton 6, dossier 2-a.
35. Из истории российской эмиграции (1924—1932). Письма А. З. Валидова и М. Чокаева. М.: РАН РФ, 1999. С. 12.
36. Там же. С. 10—12.
37. Письмо М. Чокаева В. Дабровскому от 16 октября 1931 г. Из истории российской эмиграции (1924—1932). Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева. М.: РАН РФ, 1999. С. 91.
38. Қыдырәлиев Д. Мұстафа Шоқай. Астана: Фолиант, 2007. 315 б.
39. Есмағамбетов К. Әлем таныған тұлға. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 503 б.
40. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. — Paris-La Haye : Mouton & CO, 1964. 396 pages.
41. Ibidem. P. 255.
42. Бакиров А. Операция “Франц”. Кызылорда, 2000. С. 15, 22—23.
43. Bennigsen A, Lemerrier-Quelquejay Ch. Les musulmans oubliés. L’Islam en Union soviétique. Paris : Maspero. P. 58 — 66.
44. Мирсаид Султан-Галиев (1880—1938) — татарский революционер, выходец из семьи сельского учителя, первый из числа мусульман России крупный партийный функционер в центральном партийном аппарате большевиков в Москве (член Коллегии Наркомнац, редактор крупного периодического издания “Жизнь национальностей” и пр.). Один из основоположников теории мусульманского национального коммунизма.
45. Галимджан Ибрагим (Ибрагимов) (1887—1938) — после Февральской революции левый эсер, редактировал орган татаро-башкирских левых эсеров уфимскую газету “Ирек” (“Воля”), заместитель комиссара по делам мусульман Внутренней России при Наркомнац РСФСР (1918), член РКП(б) с 1920 г.

46. Турар Рыскулов (1894—1936) — большевик с сентября 1917 г., председатель Мусульманского бюро и член Президиума Крайкома Компартии Туркестана, председатель Туркестанского ЦИК (1919—1920), с 1921 г. — зам.наркома по делам национальностей РСФСР, с 1922 г. — председатель СНК Туркестанской АССР.
47. Bennigsen A, Lemerrier-Quelquejay Ch. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union soviétique. Paris : Maspero. P. 57 — 63.
48. Ibidem. P. 59 — 60.
49. Шкаренков Л. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. С. 7.
50. Гусев К. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Комин В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Щетинов Ю. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в советской России. Конец 1920 — 1921 гг. М.: 1984.
51. Любимов Л. На чужбине. Ташкент: Узбекистан, 1965. 412 с.
52. Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М.: Рипол классик, 2003.
53. Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР// Сб.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т.3. С. 318 — 414.
54. Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М.: Рипол классик, 2003. С.106.
55. Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР// Сб.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т.3. С. 394.
56. Из истории российской эмиграции (1924 — 1932). Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева. Москва: РАН РФ. С. 80.
57. Там же. С. 11.
58. Там же. С. 19, сноска 48.
59. Corpeaux E. Le mouvement “prométhéen”. CEMOTI, n° 16, juillet—décembre 1993. P. 9 — 45.
60. Ibidem. P. 32.
61. Situation politique et militaire en Transcaspie et au Turkestan : événements du 1917 et du 1919 à Tachkent et Ashhabad. Rapport de l'Attaché Militaire Georges Ducrocq (Légation de France en Perse) au Président du Conseil, Ministre de la Guerre en date du 3 octobre 1919. Service Historique de l'Armée de Terre. URSS/Asie Centrale. 7 № 3268.
62. Абдуллаев Р. М., Азамходжаев М. М., Алимов И. А. и др. Туркестан в начале XX в: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 125.
63. Алихан Букейханов(1868—1937) — преподаватель, журналист, этнограф, депутат I Думы, кадет, оценщик Донского земельного банка, ученый-

- лесовод. Князь из потомков Чингисхана, внук хана Барака Букеевской Орды; после Февральской революции избран комиссаром Временного правительства Тургайской области; кандидат во Всероссийское Учредительное Собрание; один из лидеров казахского национального движения. В 1919 г. вместе с другими членами партии "Алаш" перешел на сторону советской власти; был в составе правительства Алаш-Орды; в декабре 1922 г. по личной рекомендации Салина принят на работу в Наркомнац. Обвинен Сталиным в национализме. Расстрелян в 1937 г.
64. Ахмет Байтурсынов (1873—1937) — поэт, публицист, просветитель, лингвист; один из лидеров казахского национально-освободительного движения; один из основателей автономии Алаш; член правительства Алаш-Орды; обвинен Сталиным в национализме; расстрелян.
 65. Миржакып (Мир Якуб) Дулатов (1885—1937) — поэт, писатель, переводчик, уездный мировой судья, преподаватель с дипломами татарского медресе Галия (Уфа) и русско-казахской школы в Горгане; один из лидеров казахского национально-освободительного движения; один из основателей автономии Алаш; член правительства Алаш-Орды; обвинен Сталиным в национализме; умер в ссылке на Соловецких островах.
 66. Мухамеджан Тынышбаев (1879—1937) — выпускник Петербургского института инженеров транспорта, депутат II Думы от Семиреченской области, участник восстания в 1916 г. в Центральной Азии. Сотрудничал в изданиях "Сын Отечества", "Речь", "Радикал", "Русский Туркестан". Член Всеказахского Народного Совета Алаш-Орды. Один из лидеров национально-освободительного движения. Обвинен Сталиным в национализме. Расстрелян в 1937 г.
 67. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы, Қайнар баспасы, 1998, 1-ші том, 160 б.
 68. Программные документы мусульманских политических партий. 1917—1920 гг. Оксфорд: Общество исследования Средней Азии. 1985. С. 49.
 69. Беннигсен А., Лемерсье-Кельеже Ш. Пресса и национальное движение среди мусульман России до 1920 г. (пер. с фр. Б. Садыковой) // Алем. Вып. 1. Алама-Ата, 1990. С. 170—171.
 70. Khalid. Tashkent 1917: Muslim politics in revolutionary Turkestan. Slavic rev. Stanford, 1996, vol. 55, n°2, p. 271; Исхаков С. Мустафа Чокаев о революции 1917 г. в Центральной Азии. Acta Slavica Japonica, n° 18, 2001, p. 212.
 71. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 2-ші том, 260—261 бб. ;
 72. Khalid. Tashkent 1917 : Muslim politics in revolutionary Turkestan. Slavic rev. Stanford, 1996, vol. 55, n°2, p. 281 ; Исхаков С. Мустафа Чокаев о революции 1917 г. в Центральной Азии. Acta Slavica Japonica, n° 18, 2001, p. 212.
 73. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 2-ші том, 315 б ; Situation politique et militaire en Transcaspie et au Turkestan : événements

- du 1917 et du 1919 à Tachkent et Ashhabad. Rapport de l'Attaché Militaire Georges Ducrocq (Légation de France en Perse) au Président du Conseil, Ministre de la Guerre en date du 3 octobre 1919. Service Historique de l'Armée de Terre. URSS/Asie Centrale. 7 N 3268.
74. *Мұстафа Ш. Таңдамалы. Алматы. Қайнар баспасы, 1999, 2-ші том, 316 б.*
 75. Situation politique et militaire en Transcaspie et au Turkestan : événements du 1917 et du 1919 à Tachkent et Ashhabad. Rapport de l'Attaché Militaire Georges Ducrocq (Légation de France en Perse) au Président du Conseil, Ministre de la Guerre en date du 3 octobre 1919. Service Historique de l'Armée de Terre. URSS/Asie Centrale. 7 N 3268.
 76. *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Mouton & Co. Paris -La Haye, MCMLXIV, 1964, p. 257.*
 77. *Улуғ Туркистан. 13 декабря 1917 г.*
 78. *Чокай М. Я пишу Вам из Нождана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: "Қайнар", 2001. С. 27.*
 79. *Шоқай М. Таңдамалы. Алматы: Қайнар баспасы, 1998, 1-ші том, 314 б.*
 80. *Улуғ Туркистан. 8 декабря 1917 г. Относительно права на самоопределение Ленин в своей работе "О национальном и национально-колониальном вопросе" (М., 1956. С. 98—99) писал так: "Мы за автономию для всех частей, мы за право отделения (а не за отделение всех!). Автономия есть наш план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получится после свободного отделения!!! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма... Но исключение нельзя толковать расширительно. Ничего, абсолютно ничего, кроме права на отделение здесь нет и быть не должно".*
 81. *Юлдашева Г. И. Деятельность английских спецслужб на территории советского Туркестана в 1918—1921 гг. (по материалам англо-американской историографии 60 — 90-х гг.). Ташкент, 1993.*
 82. Situation politique et militaire en Transcaspie et au Turkestan : événements du 1917 et du 1919 à Tachkent et Ashhabad. Rapport de l'Attaché Militaire Georges Ducrocq (Légation de France en Perse) au Président du Conseil, Ministre de la Guerre en date du 3 octobre 1919. Service Historique de l'Armée de Terre. URSS/Asie Centrale. 7 № 3268.
 83. *Шоқай М. Таңдамалы. Алматы. Қайнар баспасы, 1998, 1-ші том, 314 — 317 бб.*
 84. *Абдуллаев Р. М., Агзамходжаев С. С., Алимов И. А. и др. Туркестан в начале XX в.: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 97.*

85. Дружины одноименной армянской партии, известные своей особой жестокостью, были в рядах вооруженных сил советского Туркестана.
86. Situation politique et militaire en Transcaspië et au Turkestan : événements du 1917 et du 1919 à Tachkent et Ashhabad. Rapport de l'Attaché Militaire Georges Ducrocq (Légation de France en Perse) au Président du Conseil, Ministre de la Guerre en date du 3 octobre 1919. Service Historique de l'Armée de Terre. URSS/Asie Centrale. 7 N 3268. А также: Мустафа Чокай оглы (Чокаев) (25 декабря 1890 — 27 декабря 1941). Издано Обществом изучения Центральной Азии. Англия. Оксфорд, 1986; Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 164 — 165.
87. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Sibérie 43, Turkestan. Série E, carton 614.
88. Абдуллаев Р. М., Аззамходжаев С. С., Алимов И. А. и др. Туркестан в начале XX в.: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 95 — 112.
89. Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 38—39
90. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М.Чокаева (1924—1932 гг.). М., 1999. С. 6.
91. Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 79.
92. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М.Чокаева (1924 — 1932 гг.). М., 1999. С. 6.
93. Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 83.
94. О карательной политике органов ЧК. Приказ ВЧК от 8 января 1921 г. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. В 2-х томах. Т.1. М., 1977. С. 226—227.
95. Lettre de l'Ambassadeur de la République Française à Moscou à Son Exc. M. Aristide Briand, Ministre des Affaires Etrangères. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Direction politique et commerciale. Série E, carton 615, dossier 1 ; La situation en Orient. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Levant, 1918 — 1929. Turquie.Série E, carton 358, dossier 1 ; Renseignements sur la ligue panislamique. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Direction politique et commerciale. Série E, carton 358, dossier 1 ; Renseignements sur les organisations panislamiques. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Direction politique et commerciale. Série E, carton 758, dossier 1; Propagande soviétique en Orient. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Direction politique et commerciale. Série E, carton 358, dossier 1.
96. См. прилагаемую Декларацию.
97. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы: Қайнар, 1998, 1-ші том, 269 б.

98. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, f. 215
99. Из обращения посла России во Франции г-на Маклакова в МИД Франции с просьбой разрешить русским эмигрантам создать свою организацию для защиты своих интересов. Обращение датировано 7 июня 1924 г. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Direction politique et commerciale. Carton 608.
100. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924 — 1932 гг.). М., 1999. С. 6.
101. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924 — 1932 гг.). М., 1999. С. 4.
102. Бакиров А. Операция “Франц”. Кызылорда, 2000. С. 15, 22—23.
103. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union soviétique. Paris : Maspero. P. 63 — 65.
104. Andros. Les aveux de Moscou // La Revue de Prométhée. 1-er décembre 1938. T. I, n° 2. P. 210 — 211.
105. Чокай М. Я пишу Вам из Ножана ... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 84.
106. Tchokay M. Les buts et les tendances du mouvement nationaliste au Turkestan. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, pp. 217—223. Работа Мустафы Чокая приводится без купюр. Пер. Б. Садыковой.
107. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Direction politique et commerciale. Série E, Carton 615, dossier 1, f. 225.
108. Tchokay M. Le Turkestan. La politique de la Russie et le mouvement nationaliste dans le Turkestan. Ce que la France pourrait faire au Turkestan. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, pp. 227—252. Пер. Б. Садыковой.
109. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 605.
110. Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев М.М., Алимов И.А. и др. Туркестан в начале XX в.: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 168.
111. Абдуллаев Р. М., Агзамходжаев М. М., Алимов И. А. и др. Туркестан в начале XX в.: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 169.
112. Там же. С. 168 — 169 со ссылкой на: РГВАб. Ф. 110. Оп. 3. Д. 234. Лл. 4—5.
113. Service Historique de l'Armée de Terre. URSS/Asie Centrale. 7 N 3268. Situation politique et militaire en Transcaspië et au Turkestan : événements du 1917 et du 1919 à Tachkent et Ashhabad. Rapport de l'Attaché Militaire Georges Ducrocq (Légation de France en Perse) au Président du Conseil, Ministre de la Guerre en date du 3 octobre 1919.
114. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы, Қайнар баспасы, 1998, 1-ші том, 106 б.

115. Қойгелдиев М. Тұтас Түркістан идеясы және Мұстафа Шоқайұлы. Алматы, 1997, 24—27 бб.
116. Gandolfi A. Les mouvements de libération nationale. PUF, 1989, p. 15.
117. Там же. С. 33 — 35.
118. Там же. С. 6.
119. Там же. С. 66.
120. Там же. С. 54.
121. Юридическая энциклопедия М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 501.
122. Chabot Jean-Luc, Le nationalisme. PUF, 1993, p.3.
123. Encyclopoedia Universalis, P., 1990, t.16, p.18.
124. Tchokaieff M. Les buts et les tendances du mouvement nationaliste au Turkestan. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, pp. 217 — 223
125. Chabot Jean-Luc. Le nationalisme. PUF, 1993, p.3.
126. Шоқай М. Таңдамалы. 1-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1998, 63 б.
127. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007. Прим. 2. С. 383.
128. Там же. С. 321.
129. Там же. С. 319, 322.
130. Там же. С. 321.
131. Alexandrov V. Hitler et Staline contre Toukhatchevsky. Aux carrefours de l'histoire, n° 51, Paris, 1962, pp.15—31. В переводе Бахыт Садыковой статья опубликована в журнале “Простор”. 1991. № 9. С. 88—95.
132. Об этом пишет также автор политической биографии Сталина И. Дойчер: *Deutscher I. Staline. Biographie politique. Traduit de l'anglais par Jean-Pierre Herbert. P., Gallimard, p. 533.* Автор отмечает, что в последующем Сталин очень жалел о сказанном.
133. Пильц Э. Русская политика в Польше. Варшава, 1909. С. 21.
134. Там же. С. 55.
135. Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995. С. 222 — 223.
136. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. Прим. 2. С. 383.
137. Уткин А. Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Алгоритм, 2004. С. 508.
138. Tchokay M. Souvenirs...incitant à l'action 1919 — novembre — 1939. La Revue de Prométhée, T. III, n° 7, 1-er décembre 1939, pp.9-12.
139. Tchokay M. Le Turkestan dans sa lutte pour la libération nationale. Prométhée, n° 19, juin 1928, pp. 24 — 27. Статья подписана псевдонимом “J.-B”.

140. *Tchokay M.* Souvenirs... incitant à l'action 1919 — novembre — 1939. La Revue de Prométhée, T. III, n° 7, 1-er décembre 1939, p. 11.
141. *Copeaux E.* Le mouvement "prométhéen", Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), n°16, juillet-décembre 1993. p.11-12.
142. *Mourre M.* Dictionnaire encyclopédique d'Histoire universelle. Larousse-Bordas, P., 1996, p. 4349; *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М.: Рипол классик. 2003. С. 301.
143. *Copeaux E.* Le mouvement "prométhéen", Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), n°16, juillet-décembre 1993. p. 16.
144. *Дабровский В.* (Wlodzimierz Dabrowski) — майор польской разведки.
145. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева. (1924—1932). М., 1999. С. 92.
146. Там же. С.93.
147. Microfilms des Archives du gouvernement géorgien en exil. Z-27 MFM. Box 159 (27—38), p.2. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Nanterre).
148. *Tchokay M.* Le Turkestan. La politique de la Russie et le mouvement nationaliste dans le Turkestan. Ce que la France pourrait faire au Turkestan. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, pp. 229.
149. *Былинин В., Зданович А., Коротаев В.* Организация "Прометей" и "прометейское" движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007. Прим. 2. С. 322.
150. *Copeaux E.* Le mouvement prométhéen. CEMOTI, n° 16, juillet-décembre 1993, p. 17.
151. *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 7.
152. Замечания по вопросу реорганизации "Прометей" в Париже. В кн.: *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 299. Авторы перевода на русский язык отмечают, что данную аббревиатуру расшифровать не удалось.
153. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924—1932). М., 1999. С. 56—57.
154. Владислав Пельц — офицер польской разведки, которому принадлежит план реорганизации "Прометей" в 1937 г.
155. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924—1932). М., 1999. С. 56—57. Замечания по вопросу реорганизации "Прометей" в Париже. В кн.: *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 299.

156. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М. Кучково поле, 2007. С. 335. Акакий Иванович Чхенкели (1874—1959) — один из руководителей грузинских меньшевиков, депутат IV Государственной Думы России, представитель Временного правительства в Закавказье, в 1918 г. избран председателем Временного Закавказского правительства, министром правительства Грузии. В Париж эмигрировал в 1921 г.
157. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М. Кучково поле, 2007. С. 338.
158. Георгий Бежанович Гвазава — один из лидеров грузинской национал-демократической партии, был в составе руководителей Грузинской Республики (1918 — 1920).
159. Указанная работа Э.Копо. С. 10 — 11.
160. Мехмет Эмин Ресулзаде (Расул-Заде) (1884—1955) — азербайджанский журналист (Shark-i-Rus, Hayat, Fütuhât, Irshad, Terakki). Пребывал в Стамбуле (1891—1913). Руководитель партии “Мусават” (1917), глава независимого государства Азербайджан (1918—1920). В 1922 г. эмигрировал в Финляндию, затем проживал в Стамбуле, Париже, Берлине, Варшаве. Был одним из самых видных сотрудников “Прометей”. Основатель изданий “Azeri-Türk”, “Odlu”, “Yurt”, редактор издания “Yeni Kavkaz” (Стамбул), основатель издания “İstiklâl” (Берлин). Во время Второй мировой войны находился в Бухаресте и Берлине, в 1947 г. обосновался в Турции.
161. Ной Николаевич Жордания (1869—1953) — лидер грузинских меньшевиков; в 1893—1898 — один из руководителей “Месаме-даси”; депутат I Государственной Думы; в 1917 г. — председатель Тифлисского совета; с 1918 г. — председатель автономного правительства Грузии. Эмигрировал в Европу в 1921 г.
162. Александр Шульгин — бывший министр иностранных дел независимой Украины (1918). В Париж эмигрировал в 1927 г. Один из основателей движения “Прометей”; в 1938 — 1940 гг. возглавлял редакцию “La Revue de Prométhée”.
163. Указанная статья Этьенна Копо. С.9. Мукден — город в Китае, известный сейчас как Шэньян.
164. Основателем Комитета был г-н Абдон-Буассон. Как указано в ст.1 Устава, Комитет способствовал поддержке престижа, влияния и интересов Франции в странах Востока. В числе почетных президентов Комитета был Пьер Лоти (настоящее имя Julien Viaud). С 1919 г. по 1940 г. включительно издавался ежемесячный Бюллетень Комитета (Bulletin Officiel du Comité France-Orient), знакомявший читателей с

проблемами экономической политики Франции в ближневосточных и мусульманских странах.

165. Указанная статья Э. Копо. С.14.

Сам Мустафа Чокай в личных записях, сделанных в связи с опровержением факта своего присутствия на одном из заседаний Комитета, пишет 13.02.1929 в редакцию газеты белой эмиграции "Возрождение", что посетил Комитет один-единственный раз, да и то несколько лет тому назад. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton N°5.

166. Джузеппе Мотта (1871—1940) — Президент Швейцарской Конфедерации в 1915, 1920, 1927, 1932, 1937 гг. Лидер Католической консервативной партии. С 1920 г. — глава МИД Швейцарии, возглавлял представительство Швейцарии в Лиге Наций.

167. Указанная статья Э. Копо. С. 14.

168. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация "Прометей" и "прометейское" движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М. Кучково поле, 2007. С.361.

169. Coreaux E. Le mouvement "prométhéen", Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), N°16, juillet-décembre 1993, p. 36, référence 3.

170. Coreaux E. Le mouvement "prométhéen", Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), N°16, juillet-décembre 1993, p. 19.

171. Указанная статья Э. Копо. С. 9.

172. Указанная статья Э. Копо. С. 9.

173. Полный текст "Замечаний" приведен в приложении 4 к работе Соцкова Л. Ф. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 298 — 316.

174. Там же. С. 300.

175. Там же. С. 300.

176. Замечания по поводу реорганизации "Прометей" в Париже. В кн.: Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 299.

177. Замечания по вопросу реорганизации "Прометей" в Париже. См.: Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. Приложение 4. С.301—303.

178. Замечания по поводу реорганизации "Прометей" в Париже. В кн.: Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 306, 310.

179. Там же. С. 311.

180. Там же. С. 302—303.

181. Там же. С. 302—303.

182. Под таким названием Комитет независимости Кавказа фигурирует в публикациях западных авторов.
183. Адаш — по-турецки “тезка”. Так Мустафа Чокай обращался к Мустафе Векилли, прометеевцу, бывшему министру внутренних дел Азербайджана.
184. Карсский договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской, Грузинской республиками, с одной стороны, и Турцией, с другой, — был заключен 13.10.1921 г. в турецком городе Карс. Карсский договор распространил на Закавказские республики положения Московского договора. Московский договор о дружбе и братстве, праве на самоопределение, экономических и культурных связях, заключенный в Москве 16.3.1921г. между Турцией и СССР, касался делимитации северо-восточной границы Турции. Судя по всему, делимитация была сделана по инициативе Сталина таким образом, чтобы порождать постоянные распри между кавказскими республиками. Раскол в рядах прометеевцев был связан с этим обстоятельством.
185. Речь идет о социалистическом рабочем Интернационале, созданном в Гамбурге в марте 1923 г., куда входили социалистические, некоммунистические фракции.
186. Личные записи Мустафы Чокая. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 6, dossier 2.
187. Шоқай М. Таңдамалы. 2-ші том, Алматы, “Қайнар”, 1999, 159 б.; Личные записи Мустафы Чокая. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 6, dossier 2 а.
188. Владзимеж Бончковский — директор ежеквартального издания Wschod (“Восток”).
189. Конклав — собрание кардиналов, созываемое после смерти папы. Здесь речь идет о совещании учредителей журнала.
190. Notre but. La Revue de Prométhée. N°1, 1-er octobre 1938, pp.1— 5.
191. Мустафа Чокай — В. Дабровскому. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924—1932). М., 1999. С. 91.
192. Coreaux E. Le mouvement “prométhéen”, Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), n°16, juillet-décembre 1993, p.19.
193. Василий Маклаков (1869—1957) — один из лидеров кадетов, адвокат, депутат II — IV Государственной Думы. В 1917 г. — посол России во Франции.
194. Archives de police française. В А/1681, pp. 62—63.
195. Мир-Якуб Мехтиев — член азербайджанской партии “Мусават”, эмигрировал в Турцию в 1920 г., с 1926 г. проживал в Париже.
196. Начиная с октября 1939 г. СССР стал оказывать давление на Финляндию, требуя размещения своих военных баз на территории этой северной страны. В ответ на отказ финского правительства СССР начал

- бомбардировку Финляндии. Советско-финская война завершилась подписанием договора в Москве 12 марта 1940 г. и захватом советской стороной юго-восточной части Карелии, части территории Лапландии и базы Ханко в Финском заливе. Позже СССР завладел также портом Печенга на берегу Баренцева моря. Michel Mourre. *Le petit Mourre. Dictionnaire d'histoire universelle*. Paris, Bordas, 2004, p.469.
197. Передовая статья, озаглавленная "Comment lutter contre la peste et le coléra". *La Revue de Prométhée*, IV, n° 8—9, 25 avril 1940, pp. 1—4.
 198. *Tchokay M.* La question des relations entre les nationalités au Turkestan (d'après les documents soviétiques). *Prométhée*, n° 26, janvier 1929, pp. 13—17.
 199. *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* L'Islam en Union soviétique. Paris: Payot, 1968, pp. 131—132.
 200. *Шоқай М.* Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 21—23 бб.
 201. Цит. по: *Өралтай Х.* Елімай-лап өткен өмір. Ыстамбұл, 1999, 665—668 бб.
 202. *Massell G.* The Surrogate proletariat, Moslem Women and Revolutionary Strategies in soviet Centarl Asia: 1919 — 1929. Princeton University Press, 1974, p. 7.
 203. *Шоқай М.* Таңдамалы, 1-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1998, 173—174 бб.
 204. *Шоқай М.* Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 58—63 бб.
 205. *Шоқай М.* Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 59 б.
 206. *Шоқай М.* Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 59—60 бб.
 207. *Шоқай М.* Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 59—62 бб.
 208. *Шоқай М.* Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 62 б.
 209. *Deutscher I.* Staline. Biographie politique. Traduit de l'anglais par Jean-Pierre Herbert. P., Gallimard, 1953, p. 443.
 210. *Deutscher I.* op. cit., pp. 449—450.
 211. Григорий Федорович Гринько (1890—1938). В 1919—1920 гг. — член Всеукраинского ВРК, с 1920 г. — нарком просвещения, председатель Госплана, заместитель председателя СНК УССР, с 1926 г. — зам.пред. Госплана СССР, в 1930—1937 гг. — нарком финансов СССР.
 212. Файзулла Ходжаев (1896—1938) — член КПСС с 1920 г. (с 1916 г. — младобухарец). Один из руководителей борьбы за советскую власть в Туркестане. С 1920 г. — председатель Бухарского ревкома, председатель Совета народных назиров, с 1922 г. — член Средазбюро ЦК РКП(б), с 1925 г. — председатель СНК Узбекской ССР, один из пердседателей ЦИК СССР.

213. Акмаль Икрамов (1898 — 1938) — член КПСС с 1918 г. Участник борьбы за советскую власть в Туркестане. В 1921—1922 гг. — секретарь ЦК КП(б) Туркестана. С 1925 г. — секретарь, затем Первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР.
214. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. I, n° 2, 1-er décembre 1938, pp. 208—212.
215. Andros, op. cit., p. 206.
216. Там же. С. 210—211.
217. Andros, op. cit., p. 210—211
218. Москва дала свое согласие на отправку молодежи из Туркестана на учебу только в Германию. После подписания договора 16 апреля 1922 г. Москва стала считать Германию дружеской страной. Попытки Мустафы Чокая добиться направления хотя бы нескольких молодых туркестанцев во Францию оказались безуспешны. См. указанную статью Андроса “Les aveux de Moscou”. La Revue de Prométhée. T. I, n° 2, 1-er décembre 1938, pp. 213—214. Позже некоторые из студентов стали сотрудниками журнала “Яш Туркестан”.
219. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. II, n° 1(3), 1-er février 1939, p.89.
220. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. I, n° 2, 1-er décembre 1938, pp. 210.
221. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. II, n° 1(3), 1-er février 1939, p.91
222. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. I, n° 2, 1-er décembre 1938, pp. 217.
223. Deutscher I. Staline. Biographie politique ; Traduit de l'anglais par Jean-Pierre Herbert. P. : Gallimard. 1953. P.453.
224. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. I, n° 2, 1-er décembre 1938, pp. 214
225. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. II, n° 1(3), 1-er février 1939, p.87.
226. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. I, n° 2, 1-er décembre 1938, pp. 217.
227. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Sultan Galiev, le père de la révolution tiers-mondiste. P.: Fayard, 1986, p. 92.
228. Pilsudski J. Comment je suis devenu socialiste. Dans : “Du révolutionnaire au chef d'Etat”. P., 1935, pp. 17, 18, 24.
229. Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 12, 14.
230. Видимо, Мустафа Чокай имел в виду то, что домбра и кобыз — единственные струнные инструменты, используемые во время зикра для связи этого мира с миром предков (Б.С.).
231. Из рассказов Алима Алмата о жизни супругов Чокай.

232. Choulguine A. La nation et le sentiment national. La Revue de Prométhée. T. I, n°1, 1-er octobre 1938, pp.58—67.
233. Жозеф Эрнест Ренан (1832—1892) — французский писатель, автор “Истории происхождения христианства” (1863—1883) и других трудов по востоковедению и философских драм. По утверждению авторов Энциклопедического словаря по мировой истории, Ж.-Э.Ренан — самый крупный французский теоретик в рассматриваемом вопросе. Mourre M. Dictionnaire encyclopédique d'Histoire (n-г). P., Larousse-Bordas, 1996, p. 3836.
234. Choulguine A. La nation et le sentiment national. La Revue de Prométhée. T. I, n°1, 1-er octobre 1938, p.58.
235. Указанная статья А.Шульгина. С. 59.
236. См. Словарь-справочник “Международное право”, М., 1997. С.174. В советской науке понятия “нация” и “народ” не разграничивались. В Советском энциклопедическом словаре народ трактуется как “все население определенной страны”, а нация — как “историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территориальных, экономических связей, литературы, языка, некоторых особенностей культуры и характера”. Далее СЭС уточняет, что “при социализме, ликвидирующем социальные и национальные антагонизмы, нации преобразуются в социалистические нации, основа которых социально-политическое и идейное единство. Протекает процесс расцвета и сближения наций, развития их братского сотрудничества и взаимопомощи на основе принципов интернационализма. В СССР сложилась новая социальная и интернациональная общность — советский народ. Крепнет содружество социалистических государств. В зрелом коммунистическом обществе можно предвидеть слияние наций в единое человечество”. (СЭС. М., 1980. С. 870, 879—880) .
237. Словарь-справочник “Международное право”. М., 1997. С.174.
238. Choulguine A. La nation et le sentiment national. La Revue de Prométhée. T. I, n° 1, 1-er octobre 1938, pp. 59—60.
239. Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union soviétique. P.: Maspero, 1981, pp.81—82.
240. Указанная статья А.Шульгина. С.61.
241. Чокай М. Я пишу Вам из Нождана... (воспоминания, письма, документы): Алматы: Кайнар, 2001. С. 28.
242. Шоқай М. Таңдамалы. 2-ші том, Алматы, Қайнар, 1999, 121—124 бб.
243. Tchokay M. Souvenirs ...incitant à l'action. 1919 г. Novembre — 1939. La Revue de Prométhée. ТIII, n° 7, 1-er décembre 1939, pp. 9—10.
244. Tchokay M. Le Turkestan Oriental. La Revue de Prométhée. T. II, n°1 (3), 1-er février 1939, pp.93—102.
245. Tchokay M. Le Turkestan Oriental. La Revue de Prométhée. T. II, N°1 (3), 1-er février 1939, pp.93—95.

246. Мустафа Чокай ссылается в указанной работе на: Pevtzov, chef de l'expédition au Thibet. Voyage au Turkestan oriental, le Kouen-Loun, le versant nord du plateau de Thibet et la Dzungarie. Saint-Petersbourg, 1895.
247. Указанная выше статья Мустафы Чокая. С.95.
248. Шесть городов ("Алты-Шахар") — так иногда называют южную часть Восточного Туркестана — Кашгарию (примеч. Мустафы Чокая).
249. Мустафа Чокай ссылается на: Oeuvres de Tchokan Valikhanov, Saint-Petersbourg, 1904.
250. Указанная статья А.Шульгина. С.61.
251. Lefort, Claude. L'invention démocratique. Les limites de la domination totalitaire., P.: Fayard, 1994, p.127.
252. Отто Бауэр и Карл Реннер — лидеры австрийской социал-демократии и II Интернационала.
253. Жан Жорес (1859—1914) — руководитель французской социалистической партии, основатель газеты "Юманите".
254. Указанная статья А.Шульгина. С.62—63.
255. Там же. С.63.
256. Жан Жак Руссо (1712—1778) — французский писатель и философ, чьи труды оказали влияние на прогрессивную европейскую общественную мысль, философию и литературу.
257. Там же. С. 65.
258. Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889) — историк, публицист, профессор, автор работ по истории права и государственных учреждений России, государственного права западноевропейских стран.
259. Указанная статья А.Шульгина. С. 66—67.
260. Указанная статья А.Шульгина. С. 64. А. Шульгин считает А. Д. Градовского одним из лучших специалистов по данной проблеме.
261. Указанная статья А.Шульгина. С.64.
262. Указанная статья А.Шульгина. С.66. А.Шульгин называет Михаила Драгоманова "видным политическим идеологом Украины конца XIX века".
263. Tchokay M. Le Turkestan. La politique de la Russie et le mouvement nationaliste dans le Turkestan. Ce que la France pourrait faire au Turkestan. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, p. 229.
264. Tchokay M. La question nationale au Turkestan. Tribune de Genève du 5 septembre 1931. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, cartons N°5.
265. Что говорят враги о нашей деятельности. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 6.
266. Казахстанская правда. 31 января 1934 г.

267. Подробно об этом см. в кн.: Садыкова Б. “Мустафа Чокай”, Алматы: Алаш, 2004. С.42—46; 50—59.
268. *Tchokay M.* La question des relations entre les nationalités au Turkestan (d'après les documents soviétiques). Prométhée, n° 26, janvier 1929, p. 13. Статья подписана псевдонимом “Жанай”.
269. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 7, dossier 3.
270. На трибуне съезда демонстрировались среди других отрезанных голов головы предводителя самаркандских повстанцев Бахрамбека и учителя-узбека Кары Камиля. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 7, dossier 3.
271. Les Soviets sont engagés dans une dure guerre au Turkestan. Le Quotidien, 04.08.1926. Archives Mustafa Tchokay-Bey, carton 5, dossier 1.
272. *Hobsen L.* Les Soviets entourent d'une muraille rouge le Turkestan. Ce qu'a vu un journaliste américain. Paris-Midi, 14.02.1930.
273. Именно к этому периоду можно отнести зарождение противостояния “Восток — Запад”.
274. Revue de presse. Les buts de guerre germano-russe. La Revue de Prométhée. T.IV. n°1—2 (8—9), 25 avril 1940, pp.78—79. Прометеевцы называют Мориса Перно тонким знатоком вопроса (subtil connaisseur de la question).
275. Revue de presse. Les buts de guerre germano-russe. La Revue de Prométhée. T.IV. n°1—2 (8—9), 25 avril 1940, p.80.
276. Revue de presse. Les buts de guerre germano-russe. La Revue de Prométhée. T.IV, n°1—2 (8—9), 25 avril 1940, p.81. Перевод текста прокламации на русский язык выполнен Бахыт Садыковой.
277. Там же. С. 81.
278. Последние записи Мустафы Чокая, сделанные им после посещения немецких концлагерей, а также его письмо к Вели Каюму. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 2.
279. Заметки по поводу статьи Henri de Corab “Au pays de coton. Le Turkestan, organe vital de la Russie” (12.08.1924). Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 5.
280. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T.I, n° 2, 1-er décembre 1938, p. 214.
281. “Journal de débats” du 8 octobre 1928. Автор рецензии на книгу Мустафы Чокая “Chez les Soviets en Asie centrale” называет туркестанского политика “свободолюбивым демократом”, чья книга “с чисто научной точностью вскрывает замаскированную правду”.
282. Перевод названия книги — “У Советов в Центральной Азии”. Мустафа Чокай опубликовал ее на русском языке в 1935 г. под названием “Туркестан под властью Советов”.

283. Popel D. La similitude des régimes économiques du III-e Reich et de l'URSS (leur collaboration). La Revue de Prométhée. T. III, n° 7, 1-er décembre 1939, p. 34.
284. Popel D. La similitude des régimes économiques du III-e Reich et de l'URSS (leur collaboration). La Revue de Prométhée. T. III, n° 7, 1-er décembre 1939, pp. 33 — 37.
285. Andros. Les aveux de Moscou. La Revue de Prométhée. T. II, n°1 (3), 1-er février 1939. p. 89.
286. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3, М.: Кучково поле, 2007. С.335.
287. Шоқай М. Таңдамалы. 1-ші том, Алматы, Қайнар баспасы, 1998, 32 б.
288. Coreaux Etienne. Le mouvement “prométhéen”, Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), N°16, juillet-décembre 1993, p. 15.
289. “Жұмһуриет” тілшісі Надыр Нади-бекпен сұхбат жүргізген Саид-бек кім? Армян мәселесі-I; Армян мәселесі-II; Армян мәселесі-III и другие статьи. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1998, 318—322, 339—346, 348—351 бб.
290. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы, Қайнар, 1998, 407—409 бб.
291. Одним из агентов, посланных Москвой в этот период в Турцию, был башкир Шарип Мананов.
292. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы, Қайнар, 1998, 397 б., 401—403 бб.
293. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы, Қайнар, 1998, 457—461 бб.
294. Юсуф Актура (Акчурин) (1876—1935) — юрист, экономист, социолог, философ, историк, журналист, участник трех всероссийских мусульманских съездов (1905—1906 гг.), член ЦК партии “Иттифак-аль-мусалими”, член Казанского комитета в ЦК кадетской партии. В 1908г. уехал в Турцию. В 1911 г. основал журнал “Тюрк Юрду”, член Великого Национального Собрания Турции, профессор Анкарского и Стамбульского университетов, советник Ататюрка, председатель Турецкого исторического общества, автор ряда фундаментальных трудов по истории борьбы тюркских народов за независимость.
295. Исмаил-бей Гаспринский (Гаспралы) (1851—1914) — классик татарской литературы, просветитель, историк, публицист, журналист, реформатор мусульманской школы, идеолог культурного возрождения мусульман Российской империи.
296. Алимардан Топчибаши (1859 — 1934) родился в Баку, основатель партии Иттихак-аль-Муслимин. Был депутатом двух дум России. В 1918 г. — председатель азербайджанского парламента и мэр г. Баку. В 1919 г. обосновался в Париже.
297. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы, Қайнар, 1998, 450—453 бб.

298. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1998, 287 — 291 бб.
299. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы: Қайнар. 1998, 167 — 170 бб. Ахмед Джемаль-паша (1872 — 1922) — военный, один из лидеров младотурок. После младотурецкой революции губернатор, министр общественных дел, морской, а затем военный министр Турции (1914—1918 гг.); в 1918 г. уехал в Германию, с 1920 г. военный советник в Афганистане; убит большевиками в Тифлисе.
300. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous — série Russie d'Asie, dossier 1.
301. Агабеков Г. ЧК за работой. Приложение к журналу “Отечественные архивы”. Вып 1. 1992. С. 64. “Для поимки Энвер-паши был избран единственно верный путь — внедрение агентов ЧК в среду местных обывателей и закамуфлированный подкуп людей, имеющих нужную чекистам информацию. Агабеков вместе с сотрудником военной разведки под видом мелких торговцев сумел проникнуть в район дислокации отряда Энвер-паши и, выследив его, вызвали войска. 4 августа 1921 г. в стычке с отрядом 8-й кавалерийской бригады Энвер-паша был убит”. Так пишет о смерти турецкого генерала в предисловии к книге Г. Агабекова (С.4) А.В.Шавров, кандидат юридических наук.
302. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том. Алматы: Қайнар. 1998, 170 б.
303. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы: Қайнар, 1999, 220 — 223 бб.
304. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы: Қайнар, 1999, 126 — 128 бб.
305. Réunions “Prométhée”. Prométhée, n° 65, avril 1932. P. 25 — 29.
306. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том, Алматы: Қайнар, 1999, 126 — 128 бб.
307. Чокай М. Два важнейших момента в истории туркестанского национального движения. Сб. Мустафа Чокай и большевизм. Алматы: Қазақ университеті. 2000. С. 60 — 61 бб.
308. Указанная статья Этьенна Копо. С. 21.
309. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, cartons 5, 6.
310. Например, сохранены обращения Ал. Демидова из Америки 8декабря 1935 г., Жозефа Кастанье — 12 декабря 1935 г. (Париж), абонента из Варшавы с инициалами Г.С. — 31 декабря 1935 г., профессора Головина — 10 января 1936 г. (Париж), г-на Умидофф — 16 декабря 1935 г. (Aytré, France); из Бельгии к нему обращается 10.01.1934 г. Вл. Гаврилов, являющийся, по его собственному признанию, “прямым потомком Кублай-хана”: “Мы живем в Бельгии и просим Вас гидировать нас в связях с Туркестаном”. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, cartons n° 5, 6.
311. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007. С. 362.

312. Там же. С. 362.
313. Copeaux, Etienne. Le mouvement "prométhéen". Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), N°16, juillet-décembre 1993, p. 12.
314. Copeaux, Etienne. Le mouvement "prométhéen", Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), N°16, juillet-décembre 1993. p.17. В примечании французский исследователь отмечает следующее: "Независимая Украина испытала горечь разочарования: Вильсон (Томас Вудро Вильсон был 28-м президентом США с 1913 по 1921 г. — примечание Б.С.) в свое время высказывался в поддержку "великой России", но был против вхождения Украины в Лигу Наций.
315. В советской историографии данный факт трактуется так: "В 1934 г., после выхода из Лиги Наций фашистской Германии и фашистской Италии, СССР принял предложение 30 государств — членов Лиги Наций о вступлении в эту организацию, рассчитывая использовать пребывание в ней для борьбы против фашистской агрессии и разоблачения пособничества агрессорам со стороны западных держав. В декабре 1939 г., воспользовавшись в качестве предлога советско-финляндской войной 1939 — 1940 гг., правительства Великобритании и Франции добились принятия Советом Лиги резолюции об исключении СССР из Лиги Наций. Тем самым Лига Наций фактически прекратила свое существование. Формально Лига распущена в 1946 г.". М.: БСЭ. 1980. С. 718.
316. Указанная статья Этьенна Копо. С. 17 — 18.
317. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы: Қайнар, 1998. 1-ші том. 414 — 415 бб.
318. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы: Қайнар, 1998. 1-ші том. 416 — 417 бб.
319. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы: Қайнар, 1998. 2-ші том. 111 — 112 бб. Мустафа Чокай ссылается при этом на речь Сталина, опубликованную в газетах "Правда" и "Известия" от 29 марта 1937 г.
320. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы: Қайнар, 1998, 2-ші том. 112 б.
321. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы: Қайнар, 1998, 1-ші том. 417 б.
322. Народный фронт (Frente Popular) возник в Испании в результате переговоров в июне-августе 1935 г. между синдикалистами, коммунистами, социалистами, анархистами, троцкистами, объединением левых сил республиканцев и республиканцами. Эта коалиция добилась решительной победы на выборах 16 февраля 1936 г. Победа Народного фронта вызвала волну забастовок, насилия, политических покушений и убийств. Анархия, царившая в стране, способствовала переходу большей части представителей буржуазии в стан фашистов. Убийство главы оппозиции Кальво Сотело 13 июля 1936 г. спровоцировало 18 июля мятеж военных во главе с генералом Баамонде Франко, пришедшим затем к власти в 1939 г. См.: Mourre M. Le petit Mourre. Dictionnaire d'histoire universelle. Paris, Bordas, 2004, pp. 525—526.

323. Copeaux, Etienne. Le mouvement "prométhéen", Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), N°16, juillet-décembre 1993, p. 18.
324. Любимов А. На чужбине. Ташкент: Узбекистан, 1965. С. 214 — 215.
325. "Же сюи парту", "Грэнгуар" — французские газеты, считавшие СССР большим врагом Франции, чем фашистская Германия.
326. Copeaux, Etienne. Le mouvement "prométhéen", Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), N°16, juillet-décembre 1993, p.18.
327. Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 6, dossier 2.
328. Схема будущей Кавказской конфедерации была утверждена на съезде нелегальных антибольшевистских партий, состоявшемся 20 апреля 1921 г. в Тифлисе. Затем правительствами Грузии, Азербайджана, Армении и Северного Кавказа в 1922 г. в Париже была разработана федеральная конституция. См.: Документ ИНО ОГПУ от 7 июня 1927 г. "Меморандум представителей грузинской эмиграции, обращенный к германским властям", приводимый в приложении к кн. Соцкова Л. "Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера. Из секретных досье разведки", М.: Рипол классик, 2003. С. 265.
329. Мирным договором, заключенным в Брест-Литовске 3 марта 1918 г., были установлены новые территориально-политические отношения между Россией и Турцией. Статья 4 Брест-Литовского договора предоставляла населению округов Карса, Ардагана и Батума, входивших ранее в состав Российской Республики, право "установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией". Эта нота за подписью наркоминдел Чичерина была направлена МИД Турции 20 сентября 1918 г., о чем сообщила газета "Известия" в № 205 (469) от 21 сентября 1918 г.
330. Marie-Schwartzenberg, Nadine. Le KGB des origines à nos jours (1917—1992). М.: PUF, 1993. P.11.
331. Там же. Н. Мари-Шварценберг ссылается на работы: Andrew C., Gordievsky O. "Le KGB dans le monde", P., 1990; George Leggett "The Cheka. Lenin's political police", Oxford University Press, 1981.
332. Организованная в декабре 1917 г. структура советских спецслужб несколько раз меняла свое название: до февраля 1922 г. она называлась ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем); затем с февраля 1922 г. до ноября 1923 г. — ГПУ (Государственное политическое управление); с ноября 1923 г. до июля 1934 г. — ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление); с июля 1934 г. до февраля 1941 г. — НКВД (Народный комиссариат внутренних дел); с февраля 1941 г. до июля 1941 г. — НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности); в период с июля 1941 г. до апреля 1943 г., затем с апреля 1943 г. до марта

1946 г. НКВД и НКГБ сначала объединяют свои функции, затем вновь разобщаются; с марта 1946 г. до марта 1953 г. — МГБ (Министерство государственной безопасности); с марта 1953 г. до марта 1954 г. — ГУТБ (Главное управление государственной безопасности); с марта 1954 г. до октября 1991 г. — КГБ (Комитет государственной безопасности).

333. Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР было создано по решению Президиума Центрального исполнительного комитета СССР в ноябре 1923 г. Формально ОГПУ подчинено было только СНК СССР. «Однако на практике эти два учреждения вообще не имели точек соприкосновения, как инструмент обеспечения госбезопасности ОГПУ целиком и полностью находилось в ведении руководящего органа партии — Политбюро Центрального комитета. При Ф. Э. Дзержинском, вплоть до его смерти 20 июля 1926 г., мнение председателя ОГПУ как кандидата в члены Политбюро и одного из признанных лидеров партии, имело самостоятельное значение и могло влиять на решения о проведении тех или иных операций внутри страны и за границей. Сменивший его В. Р. Менжинский не пользовался таким авторитетом, и при нем каждая операция ОГПУ, имевшая какое-либо политическое значение, санкционировалась и затем детально контролировалась Политбюро и лично И. В. Сталиным. Пожалуй, это был период максимального ограничения самостоятельности органов государственной безопасности. Позднее, при Г. Г. Ягоде, Н. И. Ежове и особенно Л. П. Берии органы в своей повседневной оперативной работе получили некоторую независимость, притом, впрочем, что Сталин всегда лично определял общее направление деятельности госбезопасности внутри СССР и за рубежом. Во главе всего учреждения стоял председатель ОГПУ, действовала коллегия, куда входили два его заместителя и начальники важнейших структурных подразделений. Помимо других функций коллегия ОГПУ имела права высшей судебной инстанции относительно всех сотрудников этого ведомства». Так характеризует это ведомство историк А. В. Шавров в предисловии к книге Г. Агабекова «ЧК за работой». Приложение к журналу «Отечественные архивы». Вып. 1. М., 1992. С. 5.
334. N. Marie-Schwartzberg. *Le KGB des origines à nos jours (1917 — 1992)*. P.: PUF, 1993. P. 14.
335. Там же. С. 59.
336. Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883—1940) — член РСДРП с 1901 г. Происходил из семьи приказчика. С марта 1917 г. — секретарь Иркутского Совета, с октября — член губкома РСДРП(б) и Центросибири; в декабре 1917 г. — участник подавления юнкерского мятежа в Иркутске. С 1921 по 1929 г. работал в органах ВЧК — ОГПУ.

Был вторым заместителем Менжинского, возглавлял иностранный отдел ОГПУ. Поддерживал бухаринскую группировку в партии. В 1927—1934 гг. — член ЦКК, в 1930—1934 гг. — член Президиума ЦКК ВКП(б), член ВЦИК. На последнем конгрессе Коминтерна в 1935 г. был избран в Президиум исполкома под псевдонимом “Москвин”. Бывший начальник Восточного отдела ОГПУ Г. Агабеков характеризовал его так: “Трилиссер был редкий тип среди вождей ГПУ, состоявшего в большинстве из садистов, пьяниц и прожженных авантюристов и убийц, таких, как Ягода, Дерибас, Артузов и многие другие”. Агабеков Г. ЧК за работой. Приложение к журналу “Отечественные архивы”. Вып. 1. М., 1992. С. 134.

337. Дейтон А. Вторая мировая война: Ошибки, промахи, потери. Пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 182.; Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. С. 343—344.
338. Из докладной записки посла Франции в СССР от 10 мая 1933 г. министерству иностранных дел Франции о советской и коммунистической пропаганде. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, Sous-série Asie-Océanie 1918 — 1940. Information-Presses-Propagande. Dossier 103.
339. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. С. 321.
340. Etienne Coreaux. Le mouvement “prométhéen”, Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI), n°16, juillet-décembre 1993. P. 26.
341. Бакиров А. Операция “Франц”. Кызылорда, 2000. С. 13. 25 февраля 1938 г. Сеиткали Мендешев был расстрелян по решению Военной коллегии Верховного суда СССР.
342. Там же. С. 15, 22—23.
343. Обвинительное заключение по делу № 78754 в кн.: Міржақып Дулатұлы. Бес томдық шығармалар жинағы. 5-ші том. Алматы: Мектеп, 2004. 443 б.
344. Обвинительное заключение по делу № 78754 в кн.: Міржақып Дулатұлы. Бес томдық шығармалар жинағы. 5-ші том. Алматы: Мектеп, 2004. 445 б.
345. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. С. 343 — 344.

346. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007. С. 399, сноски 115. Авторы при этом ссылаются на статью С.Исхакова “Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии”. Вопросы истории, 2003. С. 147 — 159.
347. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З.Валидова и М.Чокаева. 1924 — 1932. М., 1999. С. 8. Автор предисловия к письмам делает при этом ссылку на работу “Национальная политика России: история и современность”. М., 1997. С. 276.
348. Там же. С. 25. Сноска 8 к письму Валидова Сталину от 24 декабря 1925 г.
349. Там же. С. 26. Сделана ссылка на статью С.Исхакова “А.-З.Валидов: пребывание у власти”, опубликованную в журнале “Отечественная история”. № 6. 1997. С. 64.
350. Письмо Валидова Н.Н.Крестинскому от 12 апреля 1924 г. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М.Чокаева. 1924 — 1932. М., 1999. С. 21.
351. Там же. С.22.
352. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007. С. 342.
353. Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874—1934) — член РСДРП с 1902 г. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1898). В августе-октябре 1917 г. — член редколлегии газеты “Солдат”, член Всероссийского бюро военной организации РСДРП(б). С октября 1917 г. — комиссар Петроградского ВРК при Министерстве финансов. В ноябре 1917 г. — январе 1918 г. — замнаркома финансов. В январе-марте 1918 г. — Нарком финансов. В марте-апреле — член Президиума Петроградского Совета, в апреле-ноябре — генеральный консул РСФСР в Берлине, в декабре — член коллегии НКВД. В январе-августе 1919 г. — заместитель наркома РКИ УССР и член коллегии Всеукраинской ЧК. С сентября 1919 г. — особоуполномоченный особого отдела ВЧК. В феврале - июле 1920 г. — заместитель начальника, в июле 1920 г. — июле 1922 г. — начальник особого отдела и член коллегии ВЧК. В дальнейшем председатель ОГПУ. Член ЦК ВКП(б) в 1927 г. и член ЦИК СССР.
354. Бакиров А. Операция “Франц”. Кызылорда: 2000. А. Бакиров не располагал в момент написания своей работы сведениями из личного архива Мустафы Чокая.
355. Там же. С.20.

356. Личные записи Мустафы Чокая от 9 марта, 15 апреля и 17 июня 1931 г. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 5, dossier 1.
357. Шоқай М. Таңдамалы. 1-ші том. Алматы, Қайнар, 1998. 87—94, 155—157 бб; а также газеты, на которые ссылается Мустафа Чокай: “Правда Востока” от 2 апреля 1930 г. и “Қызыл Өзбекстан” от 29 апреля 1930 г.
358. Вопросы приводятся в том виде, в каком они были направлены в Стамбул Мустафой Чокаем.
359. Текст приводится без изменений и купюр.
360. Мустафа Чокай делает в этом месте пометку: “Ташкентский мулла Садреддин-хан”.
361. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 6, dossier 2 а.
362. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007. С. 341.
363. Там же. С. 342.
364. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 117—118 бб.
365. Там же. С.118.
366. Маклахан Д. Тайны английской разведки (1939—1945). Пер. с англ. К.Данилова, В.Александрова. М.: “Терра”, 1997. С. 3.
367. Mourre, Michel. Le petit Mourre. Dictionnaire d'histoire universelle. Paris, Bordas, 2004, p. 682.
368. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 2-ші том. 214 б.
369. Бела Кун (1886—1938) — журналист и политический деятель венгерского происхождения, один из руководителей Коминтерна. Попал в Россию в 1916 г. как военнопленный. В том же году вступил в РКП(б). Исчез в период сталинских “чисток”.
370. Лозовский А. (Дридзо Соломон Абрамович) (1878—1952) — генеральный секретарь Профинтерна с 1921 г. В 1939—1946 гг. — зам. Наркома мининдел СССР.
371. Янсон Николай Михайлович (1882—1938) — партийный деятель, участник борьбы за советскую власть в Эстонии. В 1928—1930 гг. совмещал должности наркома юстиции РСФСР и зам. пред СНК РСФСР. Член Президиума ЦКК партии в 1923—1934 гг., член ЦРК с 1934 г., член ВЦИК и ЦИК СССР.
372. Примаков Виталий Маркович (1897—1937) — советский военачальник, комкор (1935). Участник Октябрьского переворота в Петрограде.
373. Берзин Ян Карлович (Кюзис Петерис) (1889—1938) — советский военный деятель, армейский комиссар 2-го ранга, в 1934—1935 и 1937 гг. начальник разведуправления РККА.

374. Moscou en Espagne. Documents officiels du gouvernement portugais. Dans : Léon de Pincins. Histoire secrète de la révolution espagnole. Paris: Gabriel Beauchesne et ses fils. 1938, pp. 176—177.
375. *Deutscher I.* Сталине. Biographie politique. Traduit de l'anglais par Jean-Pierre Herbert. P.: Gallimard, 1953. P. 510.
376. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C administrative, dossier 288, ff. 160—161.
377. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C administrative, dossier 288, f. 159.
378. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C administrative, dossier 288, ff. 159 — 160.
379. *Шоқай М.* Таңдамалы. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 2 -ші том, 216 б.
380. *Шавров А.* Предисловие к указанной книге Г.Агабекова. Приложение к журналу "Отечественные архивы". Вып.1. 1992. С. 17.
381. Там же. С. 10. А. Шавров уточняет, что Г. Агабеков был вовлечен в операцию через агента НКВД Зелинского.
382. Энциклопедия Третьего рейха. М.:ЛОКИД-МИФ, 1999. С. 385.
383. Spielhagen, Frantz. Spione und Verschwörer in Spanien. Nach offi-ziellen nazionalsozialistischen Dokumenten. Paris: Ed. du Carrefour, 1936.
384. Сб. Героическая Испания. М.: Партиздат, 1936. С. 16.
385. Сб. Героическая Испания. М.: Партиздат, 1936. С. 75 — 76. А также: Испания в борьбе против фашизма. М.: Партиздат, 1936.
386. Сб. Героическая Испания. М.: Партиздат, 1936. С. 75.
387. Георг Ляйбббранд — доктор философии, трижды посещал Советский Союз. В 1933 г. вступил в НСДАП, начальник Восточного отделения Внешнеполитического управления, возглавлявшегося А.Розенбергом. В 1941—1943 гг. — начальник Главного политического управления Имперского министерства оккупированных восточных территорий.
388. Archives du Ministère des Affaires Etrangère de France. Série E, sous-série Asie-Océanie, 1918—1940. Information-Presse-Propagande, dossier 103.
389. Вильгельмштрассе — улица в Берлине, на которой располагалась рейхсканцелярия в период правления Гитлера. В обиходе так называли весь комплекс зданий канцелярии и правительства Германии. Энциклопедия Третьего рейха, М.: Докид-МИФ. 1999. С.117.
390. Revue de presse. Les buts de guerre germano-russe. La Revue de Prométhée, t. IV, n° 1—2 (8—9), 25 avril 1940, pp. 82—83.
391. Чан Кай-ши (Цзян-Цзе-ши) (1887—1975) — глава гоминьдановского режима в Китае.
392. Revue de la presse. Les buts de guerre germano-russe. La Revue de Prométhée. T.IV. n°1—2 (8—9), 25 avril 1940, pp. 82—83.
393. Там же. С. 82—83.
394. Un appel à la révolution mondiale. La lettre de Staline à Ivanov. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C, administrative, dossier 288, f. 149.

395. Георгий Димитров (1882—1949) — деятель болгарского и международного коммунистического движения.
396. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C, administrative, dossier 288, f. 149.
397. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C administrative, dossier 288, ff. 149—150.
398. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C, administrative, dossier 288, f. 150.
399. Диатриба — гневная речь.
400. Марсель Кашен (1869—1958) — один из основателей (1920) французской коммунистической партии, член ЦК и Политбюро ФКП. С 1918 по 1958 гг. — директор газеты “Юманите”.
401. Un appel à la révolution mondiale. La lettre de Staline à Ivanov. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C, administrative, dossier 288, f. 151.
402. La paix et l'URSS. La Revue de Prométhée. T. I, n° 1, 1-er octobre 1938, pp. 68—72. Возможно, авторство коллективное.
403. Речь идет о международных конференциях социалистов-интернационалистов, состоявшихся 5—8 сентября 1915 г. в швейцарском городе Циммервальд и 24—30 апреля 1916 г. — в швейцарской деревне Кинталь.
404. La paix et l'URSS. La Revue de Prométhée. T. I, n° 1, 1er octobre 1938, pp. 69—70.
405. Шоқай М. Таңдамалы. Алматы, Қайнар баспасы, 1999. 2-ші том. 230 б.
406. Темпельхоф — название пригорода в западном Берлине. Архив содержал 2 тыс. досье объемом в 300 страниц каждое. Эти документы были частью материалов МИД Германии, которые по указанию Риббентропа были перевезены в его замок в Австрии. Позже англичане и американцы сделали их опись. Другая часть архива попала в руки советских чекистов при занятии здания немецкого МИДа в Берлине. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C, administrative, dossier 37, f. 35.
407. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C, administrative, dossier 37, f. 43.
408. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 225 — 226 бб. Фридрих Великий участвовал в первом разделе Польши между Австрией, Россией и Пруссией в 1772 г. (примеч. Б.С.).
409. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 200, 226 б.
410. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 203 б.
411. Чокай М, *Op. cit.*, С. 458.
412. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 203—204 бб.

413. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 228—230 бб.
414. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 200, 203 — 204 бб.
415. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 224—225 бб.
416. Киссинджер Г. Дипломатия. Перевод с англ. М., 2000. С. 345.
417. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том, Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 226 б.
418. Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. Пер. с англ. М. ЭКСМО-Пресс, 2000. С 181 — 182.
419. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том, Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 229—230 бб.
420. Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. Пер. с англ. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. С.182 — 183, 185.
421. La Revue de Prométhée. T. III, n° 7, 1-er décembre 1939 . P. 24, 32.
422. Alexandrov V. Hitler et Staline contre Toukhatchevski / Aux carrefours de l'histoire, n° 51, 1962 . P. 16.
423. Andros. L'amitié germano-russe. La Revue de Prométhée. T. III, n° 7, 1-er décembre 1939 . P. 25.
424. Ibidem.
425. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том. Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 230 б.
426. Там же.
427. Шоқай М. Таңдамалы. 2-ші том. 51, 66 — 67, 83, 214 бб.
428. Deutscher I. Staline. Biographie politique. Traduit de l'anglais par Jean-Pierre Herbert. P.: Gallimard, 1953. P. 509.
429. Шакибаев С. Падение “Большого Туркестана”. Алма-Ата: Жазушы. 1972. С. 8.
430. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série Deuxième guerre mondiale 1939—1945, Vichy, Z (Europe).
431. Любимов Л. На чужбине. Ташкент: Узбекистан. 1965. С.315; Шкаренков Л. Агония белой эмиграции. Издание третье. М.: Мысль. 1987. С.184.
432. Чокай М. Как это было. В кн.: Мустафа Чокай и большевизм. Алматы: Қазақ университеті. 2000. С. 119—120.
433. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 5, dossier 1.
434. Poujol C. Le Kazakhstan. P. : PUF.2000. P. 66.
435. Politisches Archiv. R 105173. Pol. XIII. Allgemeine Akten.
436. Archives Mustafa Tchokay-Bey, Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales, carton 5, dossier 4.
437. Там же.
438. Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар. 2001. С.108.
439. Бакиров А. Операция “Франц”. Кызылорда. 2000. С.64.

440. Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. Алматы: Кайнар. 2001. С.220 — 221.
441. Расшифровка поэта Кайрата Бакбергенова.
442. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М.Чокаева. 1924—1932. М., 1999. С. 19.
443. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий //Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С.95—96.
444. Какен А. Түркістан легионы. Астана: Республикалық баспа полиграфиялық орталығы, 2000. 96 б.
445. Дейтон Л. Вторая мировая: Ошибки, промахи, потери/Пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 514.
446. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии/ Пер. с франц. М., 1999. С.303.
447. Бакиров А. Операция “Франц”. Кызылорда, 2000. С. 73.
448. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. — Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 57.
449. Гренвилл Дж. История XX века: люди, события, факты/ Пер. с англ. М., 1999. С.323.
450. Politisches Archiv, R 105 186.
451. Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. Алматы: Кайнар. 2001. С.122 — 127.
452. Bundesarchiv, R 58/931
453. Carrère d’Encosse H. Staline. L’Ordre par la terreur. P., 1979. P. 110.
454. Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: мемуары начальника управления шпионажем и диверсиями службы безопасности СД/ Пер. с англ. Киев, 1994. С. 123.
455. Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: мемуары начальника управления шпионажем и диверсиями службы безопасности СД/ Пер. с англ. Киев, 1994. С. 125.
456. Michel H. La seconde querre mondiale. P. , 1993. P. 49.
457. Bundesarchiv. NS 31/27.
458. Гилязов И. Восточные легионы: тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. № 7. С. 75—79.
459. Гилязов И. Пантуранизм, пантюркизм и Германия //Этнографическое обозрение РАН. М., 1996. № 2. С. 93.
460. Politisches Archiv. A. U.St.S.Pol.Nr.897.
461. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 60 ; 451. Также: Гилязов И. Пантуранизм, пантюркизм и Германия //Этнографическое обозрение РАН. М., 1996. № 2. С. 98.

462. Politisches Archiv, R 105 174.
463. Bundesarchiv. NS 43/40.
464. Ibidem.
465. Гилязов И. Восточные легионы: тюрки в составе германского вермахта // Родина. 1999. № 7. С.75.
466. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 60.
467. Hayit B. Turkestan im XX. Jahrhundert. Darmstadt, 1956. S. 346.
468. Гилязов И. Восточные легионы: тюрки в составе германского вермахта // Родина. 1999. № 7. С.77.
469. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 140.
470. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 104.
471. Гилязов И. Восточные легионы: тюрки в составе германского вермахта// Родина. 1999. № 7. С.76.
472. Там же. С. 76.
473. Bundesarchiv, NS 31/43.
474. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий //Новая и новейшая история России. 1996. № 2. С.96.
475. Bundesarchiv, NS 31/43.
476. Bundesarchiv, NS 31/43.
477. Harun el-Raschid Bey (настоящее имя Wilhelm Hintersatz) — полковник, штандартенфюрер СС, возглавлявший восточнотюркские воинские формирования.
478. Bundesarchiv, NS 31/29.
479. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 103; также: BA, NS 31/43 (характеристика, данная немцами Вели Каюму).
480. Bundesarchiv, NS 31/30.
481. Bundesarchiv, NS 31/28.
482. Bundesarchiv, NS 31/29; также: von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 155—156.
483. Laroche, G., Colonel FTPF Boris Matline. On les nommait des étrangers...(Les immigrés dans la Résistance). P. : Les éditeurs français réunis, 1965. P. 253—257.
484. Там же. С. 256.

485. Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. Алматы: Кайнар. 2001. С.196 — 199.
486. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 38.
487. Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: мемуары начальника управления шпионажем и диверсиями службы безопасности СА/ Пер. с англ. Киев, 1994. С. 127.
488. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 140.
489. Шелленберг В. Секретная служба Гитлера: мемуары начальника управления шпионажем и диверсиями службы безопасности СА/ Пер. с англ. Киев, 1994. С. 128.
490. Bundesarchiv, R 58/305; Bundesarchiv, NS 31/27.
491. Bundesarchiv, NS 31/30.
492. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 96.
493. Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т.1 М.: Наука. 1973. С. 62—63, 66—67.
494. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 96.
495. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 96—97.
496. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 97.
497. Bundesarchiv, NS 31/43.
498. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 95.
499. Bundesarchiv, NE 31/43
500. Bundesarchiv, NS 31/27
501. Bundesarchiv, NS 31/43; а также: письмо Кариса Канатбая в кн.: Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. Алматы: Кайнар. 2001. С. 122—127.
502. Политическая психология. Учебное пособие для вузов/ Под ред. А.А.Деркача, В.И.Жукова, А.Г.Лаптева. М.: Академический проект. 2001. С. 414.

503. Von zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischer Orientvölker im 2. Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 100.
504. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том, Алматы: Қайнар. 1999. 222 б.
505. Politisches Archiv, 965.
506. Гилязов И. Восточные легионы: турки в составе германского вермахта// Родина. 1999. № 7. С.76.
507. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007. С. 330.
508. Там же. С. 334.
509. Там же. С. 348.
510. Там же. С. 396, ссылка 88.
511. Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и абвера: из секретных досье разведки. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 178—179.
512. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.:Кучково поле, 2007. С. 345.
513. Шоқай М. Таңдамалы, 1-ші том, Алматы: Қайнар, 1998. 411—414 бб.
514. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.:Кучково поле, 2007. С. 333—334.
515. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine. Z 27. Mfm. Box. 133.
516. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine. Z 27. Mfm. Box. 123.
517. Из интервью с профессором Ахметом Темиром (Турция). В кн.: Чокай М. Я пишу Вам из Ножана (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар. 2001. С. 191.
518. Шоқай М. Таңдамалы, 2-ші том, Алматы, Қайнар баспасы, 1999, 91 — 94 бб.
519. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série C Administrative, dossier 288, ff. 217 — 222. Le parlement stalinien. Le 31 mars 1938.
520. Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация “Прометей” и “прометейское” движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. В кн.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.: Кучково поле, 2007, С. 335.
521. Из истории российской эмиграции (1924—1932). Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева. М.: РАН РФ. 1999. С. 19.

522. Политическая психология. Учебное пособие для вузов /Под ред. А.А.Деркача, В.И.Жукова, Л.Г.Лаптева. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 315.
523. Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). Алматы: Кайнар, 2001. С. 29.
524. Andros. *L'amitié germano-russe*. La Revue de Prométhée. T. III, n° 7, 1-er décembre 1939. P. 25.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Приложение 1

Докладная записка сотрудника МИД Франции о прибытии М.Чокая во Францию

Mustafa Tchokaieff a reçu son instruction à la faculté de droit de l'Université de Petrograd. Pendant la grande guerre il occupa à Petrograd la place du Directeur du Comité musulman de secours aux combattants blessés et à leurs familles.

Pendant la révolution il a toujours été président du "Comité musulman du Turkestan" et de toutes les organisations régionales des musulmans du Turkestan.

En 1917 il fut nommé membre du Comité du Turkestan du Gouvernement provisoire (de Russie), situation qu'il occupa jusqu'au coup d'Etat bolchevik.

A la fin du mois de novembre 1917, après que le Turkestan ait été proclamé Etat autonome de la République russe, il a été élu président du Gouvernement national du Turkestan.

Dans les élections à l'Assemblée constituante pan-russe, il a été élu député de la province de Ferghana (Turkestan).

Après la chute du Gouvernement des autonomistes du Turkestan par les bolchevistes, il est resté pendant plusieurs mois au Turkestan où il se plaça en tête du groupement qui se posait pour libérer le Turkestan de la propagande bolcheviste.

En novembre 1918, il fut désigné pour diriger le Comité pour la convocation de "l'Assemblée constituante du Turkestan", lequel comité poursuit encore son travail visant la libération nationale du Turkestan.

En 1921 selon la proposition des organisations nationales du Turkestan il s'est rendu en Europe et arriva à Paris en été 1921.

Il collabore dans les différentes organisations de la presse russe et européenne, s'occupant surtout des questions qui se rapportent à la politique des bolchevistes en Orient musulman.

Приложение 2

Declaration d'hommes politiques russes

(Заявление представителей русской эмиграции)

De par les décisions prises à Londres, le pouvoir soviétique en Russie est reconnu comme un parti avec lequel les Puissances ont l'intention de conclure des accords : chacun sait que la politique des compromis mènera, de concession en concession, à la reconnaissance des bolcheviks comme pouvoir légal en Russie.

A cette heure grave, notre devoir envers la Patrie est de proclamer bien haut que, quelles que soient les décisions prises par les Puissances, le peuple russe n'acceptera jamais la domination des bolcheviks, qui repose sur la négation de la liberté et des droits fondamentaux du citoyen dans les pays civilisés. Un despotisme monstrueux peut étouffer sa voix ; mais nous savons que la chute du pouvoir soviétique est inévitable, en dépit de ses succès apparents, et que notre grand peuple saura retrouver les formes d'existence propres à lui assurer la possibilité d'un libre développement du génie national et du travail pacifique.

Pendant toute la durée du régime représentatif en Russie un grand nombre d'entre nous ont été des représentants du peuple soit à la Douma d'Empire, soit à l'Assemblée Constituante, convoquée sur la base du suffrage universel. Aussi nous croyons-nous en droit de déclarer qu'aucun protocole diplomatique ne fera renoncer le peuple russe à la lutte pour la libération de la Patrie, pour son lumineux avenir et sa reconstitution sur les principes du droit et de la souveraineté du peuple. Des masses considérables de la population, dans la Russie Soviétique et non Soviétique, nourrissent, tout comme nous, une haine profonde envers l'oligarchie bolchéviste. Le peuple russe ne se considérera jamais lié par les traités que le pouvoir des Soviets pourrait conclure avec d'autres pays. Il ne ratifiera pas des arrangements aux termes desquels des tiers pourraient accepter du pouvoir des Soviets des biens pillés par lui chez des citoyens russes. Encore moins tolérera-t-il qu'on distribue en son nom et à ses dépens le patrimoine national de la Russie.

Signé :

Prince LVOFF,	député à la première Douma, Président du Gouvernement Provisoire
PETROUNKEVITCH,	député à la première Douma
KONOVALOFF,	député à la quatrième Douma, membre de l'Assemblée Constituante, Vice-Président du Gouvernement Provisoire
VIVAVER,	député à la première Douma, membre de l'Assemblée Constituante, ministre du Gouvernement de Crimée
SAVINKOFF,	Ministre du Gouvernement Provisoire
STAKHOVITCH,	député à la première et à la seconde Douma
KEDRINE,	député à la première Douma, Ministre du Gouvernement du Nord-Ouest
RODITCHEFF,	député à la première, à la seconde, à la troisième et à la quatrième Douma, membre de l'Assemblée Constituante
SMIRNOFF,	Ministre du Gouvernement Provisoire
ADJEMOFF,	député à la seconde, à la troisième et à la quatrième Douma
ROSTOVTSEFF,	Membre de l'Académie des Sciences
Baron NOLDE,	Sous-secrétaire d'Etat au Ministère des Affaires Etrangères

METALNIKOFF,	député à la première Douma
GRONSKY,	député à la quatrième Douma
LIANOSOFF,	Président du Gouvernement du Nord-Ouest
RATKOFF-ROJNOFF,	député à la quatrième Douma
MILIOUKOFF,	député à la troisième et à la quatrième Douma, Membre de l'Assemblée Constituante, Ministre du Gouvernement Provisoire
NABOKOFF,	député à la première Douma, Membre de l'Assemblée Constituante, Ministre du Gouvernement de Crimée

Paris, le 1 mars, 1920

Приложение 3

25 avril 1941

Strictement confidentiel

О давлении гестапо на М. Чокая

Les milieux d'Emigrés Russes de la Capitale, suivent avec beaucoup d'intérêt la situation créée par la guerre. Actuellement dans ces milieux, les Services de propagande allemands viennent de créer deux courants d'opinion différents : l'un soutenu par la Gestapo, l'autre par le Parti National-Socialiste allemand.

Le premier consisterait à favoriser les séparatistes russes en vue d'un morcellement de l'U.R.S.S., c'est-à-dire que cette propagande s'effectue principalement parmi les Ukrainiens, Georgiens et actuellement dans les milieux originaires des Républiques ayant frontières commune avec l'Iran, l'Afghanistan et les Indes.

Un réfugié russe, Mustafa TCHOKAIEFF, originaire de Turkémié, a été pressenti ces jours-ci par les Services de la Gestapo pour qu'il aille s'installer à Berlin, où il serait considéré comme le chef de Turkémié, république soviétique située à la frontière de l'Iran, de l'Afghanistan et à proximité des Indes Anglaises. Ce dernier, qui n'a pas accepté immédiatement la proposition, se verrait contraint de l'accepter sous la pression de la Gestapo. Il aurait déclaré qu'il allait partir sous peu à Berlin.

D'un côté, les services de propagande du Parti National-Socialiste Allemand orientent leur action sur les milieux d'Emigrés Russes anti-séparatistes ; c'est-à-dire ceux qui sont opposés à l'indépendance des Républiques soviétiques : Ukraine, Georgie, etc...

Pour réaliser ce but, les services allemands donnent l'assurance à ces derniers qu'il n'y a qu'une possibilité de rentrer chez eux : c'est-à-dire faire bloc en soutenant une alliance de l'Allemagne avec les Soviets, y compris l'Emigration Russe. Dans ces conditions, ils contribueraient à défendre les intérêts de leur pays et seraient aidés par la suite, par l'Allemagne, à chasser Staline du pouvoir.

Pour servir la cause de cette propagande dans les milieux russes de la Capitale, une association est en formation actuellement à Paris et les statuts

qui sont soumis à l'approbation des services de propagande allemands seraient prochainement déposés à la Préfecture de Police.

Le principal animateur de cette organisation est un nommé : PIVEGNE Alexandre, né le 10 mars 1900 à Ekaterinodar, réfugié Russe, représenté comme pro-soviétique, et sur le compte duquel les renseignements sont peu favorables.

Il est assisté d'un chef du Parti National-Socialiste allemand, un nommé KREITZ qui serait d'origine russe mais naturalisé allemand.

Ces deux étrangers ne prendraient pas figure de personnages de premier plan dans cette organisation, afin de mieux cacher leur jeu.

Figureraient parmi les membres de cette organisation les nommés : YOSSOUPOFF, MITROFANOFF, POLOVTZOFF, très connus des milieux russes et DOUROFF, Directeur et Professeur du Boulevard d'Auteuil et Président de l'Association des Officiers Russes anciens Combattants sur le front français.

Depuis quelque temps, Pivègne effectue des démarches et des sondages auprès des personnalités de la Colonie Russe qu'il voudrait englober dans cette association, déclarant tout dernièrement à l'une d'entre elles : "puisque vous n'êtes pas pour nous, vous êtes un traître, car il faut faire bloc avec l'Allemagne et les Soviets pour conjurer le danger qui menace notre pays".

Cette campagne n'aurait pas été sans provoquer des réactions dans la Colonie Russe qui ne voit pas d'un bon oeil un rapprochement de l'Emigration Russe avec les Soviets. Néanmoins quelques-uns auraient prêté une oreille complaisante à cette propagande, espérant ainsi pouvoir entrer dans leur pays et occuper, à nouveau, les situations qu'ils avaient perdues.

La Gestapo aurait trouvé un certain écho parmi les Ukrainiens, Georgiens et autres ressortissants des Républiques Soviétiques, avides d'indépendance. Ils aspirent, en effet, à la libération de leur pays de la tutelle soviétique.

Приложение 4

**Первый экземпляр приказа ОКВ о составе Туркестанского
и Кавказско-магометанского легионов из числа советских
военнопленных**

Geheime Reichsfache

Ref.: LR. Kramarz
Pol 1 M 3713 gRs.

11 Ausfertigungen Dies ist Nr. 1

Betrifft: Aufstellung von Freiwilligenverbänden aus sowjetischen Kriegsgefangenen.

-W.F.St.Abt.L (IV/Qu) Nr. 003113/41 gKdos.-

Das OKW. hat am 22.12.41 in Abänderung der bisher erlassenen Bestimmungen hinsichtlich der Aufstellung von Freiwilligenverbänden aus sowjetischen Kriegsgefangenen einen neuen Befehl erlassen und dem

Auswärtigen Amt zur Kenntnis zugesandt. Von den Inhalt dieses Befehls ist politisch interessant:

I. Das OKH. hat aufzustellen:

1) Eine "Turkestanische Legion", bestehend aus Angehörigen folgender Volksstämme:

Turkmenen, Usbeken, Kasachen, Kirgisen, Karakalpaken und Tschetschen.

2) Eine "Kaukasisch-mohamedanische Legion", bestehend aus Angehörigen folgender Volksstämme:

Aserbaidshaner, Dagestaner, Inguschen, Leskier und Tschetschen.

Verteiler:

Büro RAM

Botschafter Ritter

U.St.S. Pol.

Dg. Pol.

Gesandter Eisenlohr

Botschaftsrat Hilger

Pol. V

Pol. VII

R.

Rf.: LR Kramarz

Berlin, den 17. Dezember 1941

Pol.I.M.3597 gRs

Hergestellt in 7 Ausfertigungen

Dies ist Nr.1

Geheime Reichsfache

A u f z e i c h n u n g

In der Anlage lege ich eine Anordnung des Wehrmachtsführungsstabs, betreffend Aufstellung einer kaukasischen Legion aus sowjetischen Kriegsgefangenen, vor.

In dem Zusammenhang darf darauf hingewiesen werden, dass nach den Berichten der V.A.A.'s bei den einzelnen AOK's sowjetische Kriegsgefangene der verschiedensten Volkszugehörigkeit mit besten Erfolg als Hilfskräfte (Fahrer, Burschen usw.), teilweise sogar in geschlossenen und bewaffneten Formationen (Kosakenschwadronen) zur Partisanenbekämpfung eingesetzt werden.

Abschrift zu Pol.I.M. 3597 gRs

Geheime Reichsfache

Die in der Bezugsverfügung angeordneten Vorbereitungen für die Aufstellung einer kaukasischen Legion sind über die bisher vorgesehenen sowjetischen Kriegsgefangenen aus dem Gebiet der Republik Azerbaidshan hinaus auf die übrigen Turkvölker - insbesondere Turkestaner, z.B. Kasacken, Turkmenen, Usbeken, Idel-Uraler usw. - und auf die Georgier, Nordkaukasier und Armenier auszudehnen. In Abänderung der Bezugsverfügung sind die Angehörigen dieser Volksstämme zunächst nur zu erfassen und in getrennten Lagern zusammenzuziehen, eine Entlassung aus der Gefangenschaft ist jedoch noch nicht durchzuführen. Sie sind dagegen besonders zu betreuen und verbessert zu verpflegen.

Über die Aufstellung von turkstämmigen und anderen Legionen folgt Sonderbefehl.

Приложение 5

Последние записи Мустафы Чокая,
сделанные им после посещения туркестанских военнопленных
в нацистских концлагерях

Перед отправкой в Берлин в первых числах этого года (1941) мне было предложено в Париже произнести перед микрофоном небольшую речь, обращенную к Туркестану. Я не решился на столь ответственное, в особенности в переживаемое нами время, выступление по двум, с моей точки зрения весьма важным, причинам. Одной из них я считаю почти полную оторванность в течение двух последних лет от страны. Я опасался возможности психологической ошибки в своем обращении к стране, в которой московские большевики за эти годы истребили буквально всех более-менее видных представителей национальной интеллигенции, большей частью советской формации. На их место русские большевики выдвинули и поставили других, молодых, правда, тоже туркестанцев, но людей совершенно не связанных с нашим добольшевистским прошлым и весь внешний, внесоветский, мир познавших по большевистским источникам. И разница в этом произведенном кровавой рукой Красной Москвы изменении в советском и партийном руководстве в так называемых национальных республиках Туркестана стала очевидной даже для невооруженного глаза. В то время как московское правительство не могло заставить расстрелянных им, например, Акмаля Икрама, Файзуллу Ходжу, Турара Рыскулова и других "правивших" Туркестаном по воле самой Москвы людей признать благотворность для Туркестана переселения русских мужиков и "благодетельный русского культуртрегерства" новых своих ставленников, сталинские молодцы выпустили одного представителя совнаркома Казахстана со статьей в "Известиях". Он приглашает в Туркестан русских переселенцев, а другого — секретаря ЦК Узбекской компартии Османа Юсупова — заставили выступить со статьей, восхваляющей "культуру и роль великого

русского народа” и призвать учителей национальных школ обучать детей туркестанских тюрок русскому языку предпочтительно даже перед своим родным языком. И за сим последовал декрет о введении в принудительном порядке русского алфавита в школах Туркестана.

Что народ наш в массе своей относится и не может не относиться отрицательно и враждебно ко всем этим советским “благоденствиям” иначе, чем как к враждебным, да и к самому большевизму вообще — в этом я не сомневался. Но все же, что означают и могут означать эти перемены в персонале и резкие изменения в политике даже на советский масштаб? Может ли Москва, не имея некоторой “моральной опоры” в стране и народе, взяться после опытов многолетних восстаний за такие крутые изменения? Неужели народ уже смирился и поник головой перед “несокрушимой мощью” Красной Москвы? Как он воспримет при новых создавшихся этими изменениями условиях наш новый призыв к продолжению борьбы?

Вот целый рой вопросов, которые тревожили меня. И с другой стороны, нам было хорошо известно, какое потрясающее, глубокое впечатление произвело на нашу страну в целом германо-советское соглашение от 23 августа 1939 г. и как использовали большевики его в своих целях. Ведь девять десятых из расстрелянных большевиками представителей туркестанской национальной интеллигенции (и “национал-большевиков” в том числе) были обвинены московским правительством в том, что они будто бы были связаны с заграничным Туркестанским центром и через его посредство являлись “агентами германского фашизма”.

И вот невозможность проверки, из-за перерыва связей, действительности или точнее — меры действительности воздействия на моих соотечественников радиовыступления при этих условиях, вынудили меня отказаться говорить перед микрофоном.

Но война против советской России началась. Ее начал Третий рейх, т.е. государство, единственно способное материально и идеологически на эту войну и на ее победоносное завершение. Мы не хотели сомневаться в том, что в этой войне мы вместе с нашим народом находимся на одной стороне, разумеется, на противоположной Советам. А между тем сообщения с фронта говорят о “до последнего бойца дерущихся узбекских частях”, о “киргизах, с какой-то дикой яростью кидающихся в атаку”... Что это? Туркестанцы, еще не так давно ожидавшие войны против советской России как единственного средства избавления от русского большевизма и от русского империализма, вдруг стали советскими патриотами? Откуда взялись вдруг все эти “узбекские”, “киргизские” и другие “национальные воинские части”, которых, как мы знали, не было вовсе? Неужели русским большевикам удалось-таки привить и к туркестанцам “яд советолубия”?

Только встреча с военнопленными туркестанцами могла бы ориентировать нас относительно действительного положения в стране и настроения нашего народа и разрешить подкрадывавшееся в душу и тревожившее совесть сомнение, вызванное указанными выше сообщениями

с фронта войны. И я, сидя в Париже, высказал пожелание, чтобы германское верховное командование разрешило нам повидать наших соотечественников-военнопленных. Просьба эта была уважена. Разрешение посетить лагеря военнопленных получили не только мы, туркестанцы, но и другие.

Посещение лагерей началось в конце августа, и за время до начала ноября мы успели побывать во многих лагерях и перевидать много десятков тысяч наших соотечественников.

Не без некоторой тревоги я шел на встречу со своими туркестанцами. И то сказать — 22 года отделяют меня от Туркестана, от живой встречи с туркестанцами. За все эти долгие годы, исключая два последних, мы сохраняли связь и контакт со страной только через посредство печати и изредка доходивших до нас писем. По ним мы изучали подсоветскую жизнь нашего народа, сами писали в собственных журналах (из них издававшийся в Берлине в течение почти 10 лет до этой войны “Яш Туркестан” занимает совершенно особое место) и давали информации в иностранные издания. По реакции советской прессы на нашу действительность можно было судить, что мы довольно хорошо знали происходившее в стране и верно ориентировались в настроении народа. Оправдывается ли этот наш “прогноз издалека”, т.е. найдем ли мы в показаниях военнопленных подтверждение правильности нашей позиции относительно Советов и относительно России вообще и, наконец, относительно будущего самого НАЦИОНАЛЬНОГО ТУРКЕСТАНА? Ведь мы шли к молодым людям, большинство которых родились уже при советской власти и которые, если и слышали о нас что-либо, то только в изображении кривого зеркала русского большевизма? Найдем ли мы с ними общий язык в понимании действительности?

Вот вопросы, которые прежде и больше всего занимали меня лично, когда во вторник, 26 августа, в составе комиссии под руководством штурмбаннфюрера Гейбеля (Heibel) я выезжал из Берлина по направлению к Ганноверу. Не скрою, вопрос об устройстве военнопленных в лагерях для меня был “во втором ряду”, ибо полагал, что в Германии они должны быть устроены вполне нормально. И первая же встреча с военнопленными рассеяла мои сомнения относительно первой категории вопросов и обнаружила всю неудовлетворительность жизни военнопленных в лагерях.

Пленные туркестанцы делятся на две категории: военнопленные красноармейцы, т.е. военнопленные в собственном смысле слова, и оказавшиеся в плену сосланные правительством на принудительные работы туркестанцы, осужденные советским судом за разного рода антисоветские деяния и преступления, т.е. гражданские пленные. Те и другие живут в одинаковых совершенно условиях. Ни в режиме, ни в праве на работу никакой разницы нет. Живут люди обеих категорий в тесной дружбе. Видно по всему, и сами они говорят, что дружба эта — не результат общности их судьбы, так сказать “товарищи по временному несчастью”, а того, что они все — и те, кто взят в плен в форме красноармейца, и те, кто захвачен в своем гражданском одеянии “советского школьника” — считают себя

в одинаковой мере жертвой русского большевизма и большевистского пленения Туркестана. Шестидесятидвухлетний гражданский пленный в Просткене и молодой красноармеец в Сувалках, точно сговорившись между собой, говорят, что там, в Туркестане, между осужденными за антисоветские деяния туркестанцами и всей массой даже партийцев народ никакой разницы не делает, ибо партийцы-туркестанцы почитаются “кандидатами на осуждение” и что партийный билет для туркестанцев — лишь временная защита. С трогательной заботливостью друг о друге говорили туркестанцы. Пожилые гражданские пленные просили меня проявить больше заботы о молодых военнопленных красноармейцах, ибо они нужнее для будущего строительства Туркестана, а красноармейцы проявляли много тревоги за судьбу гражданских пленных как “невинно страдающих”.

Подобное отношение друг к другу открытых врагов и официально долженствующих быть защитниками советской власти туркестанцев говорит о настроении нашего народа и его отношении к русскому большевизму значительно больше, чем листы их показаний.

Во всех почти лагерях, в особенности лагерях большого скопления военнопленных туркестанцев (Просткен, Сувалки, Погенен, Дебица, Деба и др.), меня узнали очень скоро. Одни узнали меня по фотографиям в советских изданиях, другие читали обо мне в большевистских изданиях. Находились и такие, кто видел меня в детстве и “запомнил крепко”. Среди пленных оказались даже двое моих близких родственников. Запомнили из-за советской кампании против меня и против деятельности организации, которую я имею честь представлять и возглавлять. Благодаря этому создалась атмосфера близости и даже интимности, которая развязывает языки и раскрывает сердца.

Эти, как будто лишённые общего интереса моменты я привожу здесь в подкрепление моего доверия тому, что говорили военнопленные красноармейцы о жизни моего народа под советской властью и о себе. И думается мне, что в своем доверии к словам и показаниям военнопленных туркестанцев я не ошибаюсь.

Есть военнопленные туркестанцы, уже состоявшие в рядах Красной армии до начала этой (германо-советской) войны от нескольких недель до двух лет, и те, кто попал на фронт по общей мобилизации уже после объявления войны. В осмотренных мной лично лагерях вторых большинство. Девять из десяти, по крайней мере, из числа последних не умеют обращаться с винтовкой. Не умеет обращаться с винтовкой и значительно большой процент кадровых красноармейцев-туркестанцев. Многие и многие туркестанские красноармейцы проходили воинскую службу в нестроевом порядке: в обозах, либо работая конюхами, поварами, интендантами на складах.

“Какие мы солдаты, если за полтора года пребывания в Красной Армии ни разу не держали винтовку в руках”, — говорили многие.

Многие туркестанцы, даже из числа состоявших в рядах армии год и больше, не знают и не понимают русского языка, т.е. языка команды.

Среди взятых в армию по мобилизации уже после начала войны есть очень много учащихся средних и высших учебных заведений, учителей начальных и средних школ. Есть инженеры, доктора медицины и артисты, которые даже не имели возможности переодеться и стереть грим с лица, стирали уже во время посадки в вагоны. Это свидетельствует о том, с какой поспешностью советское правительство проводило мобилизацию и отправляло на фронт, на передовые позиции людей, совершенно не обученных воинскому строю.

“Нас было в одном классе педагогического института 15 туркестанцев. 26 июня в класс явился директор, велел построиться отдельно и ждать указаний военных властей. Через час нас прямо из школы повезли на вокзал. Посадили в вагоны и отправили “для обучения воинскому строю”. Куда именно нас везли, мы не знали. В Самаре дали солдатские шинели и выдали винтовки. В Харькове эти винтовки отобрали якобы для передачи русским, направленным на передовые позиции. Прошло несколько дней, и нас высадили с поезда возле какого-то леса. Здесь нас обучали три дня, а на четвертый мы узнали, что командир наш сбежал, а мы находимся в немецком окружении. Нас всех вместе с присоединившимися по дороге туркестанцами оказалось несколько сот человек. Собрались и решили сдаться в плен”. Вот почти дословный перевод того, что сказала группа военнопленных туркестанцев.

Во многом очень способствовали сдаче в плен разбрасывавшиеся с авионов (самолетов) немецкие воззвания.

Весьма много среди туркестанцев, взятых по мобилизации, детей либо родственников сосланных или уже расстрелянных “буржуев” и “кулаков”, которые считаются лишенными права защищать “социалистическое отечество мирового пролетариата”. Они-то, эти молодые люди, уж наверно не сражались за советскую власть, за чужую родину! У них-то, у этих детей и родственников сосланных либо расстрелянных врагов советской власти, наверно, нет и не могло быть желания приноравливать свои показания к обстоятельствам нынешнего своего положения в плену. И то, что показания и других красноармейцев с удивительной точностью совпадают с их показаниями, утверждает меня во мнении о единстве отношения туркестанцев (возможны, конечно, исключения) к большевизму вообще и к его исполнительному органу — советской власти — в частности. Отношение это не только отрицательное, но и чрезвычайно враждебное. Нет надобности излагать подробности этих отношений. Нет буквально ни одной области, в которой политика советской власти не вызывала бы резкую к себе вражду со стороны туркестанцев.

“При Советах мы потеряли право называть свою страну ее историческим именем”, — говорит один педагог. “Туркестан теперь называется Средняя Азия и Казахстан. Средняя Азия в свою очередь поделена на четыре самостоятельные республики: Узбекистан, Киргизию, Туркмению и

Таджикистан. За наименование “Туркестан” преследуют как за “националистическую, фашистскую контрреволюцию”.

Переселение русских крестьян в Туркестан, в особенности в казахскую ее часть, приняло размеры, о которых царское правительство едва ли мечтало, — говорит военнопленный агроном. Плодородные районы вдоль новых железнодорожных линий, — продолжает его слова другой агроном, — заселены исключительно русскими. Русским же переселенцам отведены вновь орошенные долины реки Чу. Еще 10 лет — и Казахстан наполовину будет состоять из русских.

Многое мы узнали о советской политике и об отношении к ней нашего народа. Но то, что передают нам военнопленные туркестанцы, переходит за пределы всякой фантазии. Увы, такова советская действительность!

Обычно почти все военнопленные начинают свой рассказ с 1928 г., т.е. с начала первой “сталинской пятилетки”, так называемого периода “раскулачивания” и “конфискации”. С жутью останавливаются на 1933—1934 гг., когда голод унес миллионы жизней туркестанцев, и с нескрываемой злобой говорят о “сталинской конституции”, с которой, по словам туркестанцев, начинается самая страшная, последняя стадия национальной трагедии Туркестана.

— К 1928 г., — говорят военнопленные, — Туркестан как будто излечился от последствий бедствий 1918—1922 гг. Численность скота приближалась к той, что была до большевистского времени. Тут грянули конфискация и раскулачивание! Началось бегство людей. Кто мог, уходил, куда глаза глядят. Кто — в Восточный Туркестан, кто — в Монголию, Афганистан. Чекисты и вооруженные красноармейцы рыскали по аулам и производили раздачу скота богатых беднякам. Богатые и те, кто не успел или не смог откочевать, и те, у которых скота было больше “революционной нормы”, стали резать скот. Бедняки резали полученный скот, так как не были уверены в прочности своего владения скотом. Количество скота катастрофически упало. Вместо приблизительно 50 млн. голов в Казахстане год-два спустя после конфискации осталось едва 6 млн. голов. Богатые разорились, и бедные не разбогатели.

— Внесло ли это классовую вражду в среду туркестанцев? — спрашиваю я.

— Нет, не внесло, — отвечают все, кому я задаю вопрос.

— Вот мы, — говорят двое военнопленных, стоящих передо мной. — Один из нас сын раскулаченного богача, а другой — бедняк, которому при разделе нашего скота досталось несколько голов. Мы случайно встретились здесь, на фронте. Он — кадровый солдат рабоче-крестьянской Красной армии, а я — не имеющий права защищать социалистическую родину. Мы вместе бежали из армии и сдались в плен, так как мы одинаково ненавидим русский большевизм и его советское правительство.

Обнимаются и вместе плачут.

О голоде 1933 г. нигде как будто не писалось. Когда об этом мы сообщали в журнале “Яш Туркестан”, советская пресса обозвала нас “наймитами

германского фашизма, клеветущими на советскую власть". Оказывается, голод в те годы в Туркестане унес миллионы жизней. "Всюду, во всех уголках Туркестана, — рассказывают военнопленные, — образовались плешины, пустыри, охватывающие иногда территории большого радиуса. Там раньше были аулы и селенья, жители которых поголовно вымерли от голода".

Я расспрашиваю родственников о своих близких и о родных местах. При воспоминании у них выступают на глазах слезы. Едва сдерживаю себя и я.

— Там, в Сарышыганаке, теперь никто не живет. Большая часть людей вымерла. Некоторые куда-то бежали. Лишь немногие переселены по ту сторону железной дороги, в 20—30 км от прежнего места нашего жилья.

В подробностях мне рассказывают, кто из моих бывших родственников, когда и при каких обстоятельствах погиб. Узнаю, что мой брат, вернувшись из ссылки в 1936 г., был вновь арестован как "агент германского фашизма", и с тех пор о нем ничего неизвестно. Та же участь постигла троих моих двоюродных братьев, тоже, оказывается, причисленных к "германским агентам".

Передаю эти семейные обстоятельства потому, что они очень характерны, я бы сказал, типичны, в советском Туркестане. Не у меня одного, конечно, только погибли родственники. Погибли от рук большевиков родственники и близкие всех тех, кто со мной вместе либо отдельно все эти годы под тем же знаменем национального освобождения Туркестана вел борьбу против советской власти и московского большевизма. Опустели и опустошены не только аулы и селенья. Таких "плешин" в Туркестане и во всех частях его множество. Там, где до большевиков были цветущие аулы, где паслись тучные стада, теперь пусто и рыщут шакалы да хрюкают дикие кабаны.

— Степь наша вымерла наполовину, — рассказывает военнопленный писатель и приводит давно нам знакомые официальные цифры "советских достижений". Вместо 6 млн. 600 тыс. казахского населения до начала советской диктатуры в Туркестане осталось немногим более 3 млн. душ. И перед этой невиданной в истории национальной трагедией какое имеет и может иметь значение гибель моей семьи, моих родных?! Разве только то, что эти отдельные семьи составляют незаметные слагаемые той страшной суммы (свыше 3 млн. душ), которые являются данью крови, наложенной русским большевизмом на степной Туркестан.

— А сколько погибло туркестанских тюрок: киргизов, узбеков, туркмен?

Вот военнопленный узбек, молодой человек, интеллигентный. Он хорошо знает свою Фергану, хлопковую житницу Туркестана, а значит и всего Советского Союза. Плодороднейшая долина Ферганы заселена чрезвычайно плотно. Местами доходит до плотности населения Бельгии. И в этой Фергане встречаются опустевшие районы. Он называет селения, по которым автор этих строк проходил пешком неделями, укрываясь от преследовавших по пятам большевиков. Он называет селение, при упоминании которого перед моими глазами встает... виселица, на которой я должен был бы висеть. Все

эти места ныне опустели. Куда же делись жители? Может быть, они вместе с жителями других туркестанских селений в поисках работы хлынули в города, увеличив тем самым число их жителей? Ведь сообщают же советские данные о чрезвычайном росте городов Туркестана...

Только очень немногие ушли в города. Большею частью они погибли от голода и карательных экспедиций во время восстаний. Сравнительно немногие ушли в другие страны. Главным образом, в Афганистан.

— Увеличение числа городов и их населения идет в основном за счет русских, — вставляет другой военнопленный, квалифицированный рабочий. Вот, к примеру, в Ташкенте. До революции, как вы знаете, там было около 250 тыс. человек, из которых русские составляли около 60 тыс. Нынче в Ташкенте — 600 тыс., и русских добрая половина.

— Если не больше, — добавляет тут же стоящий рабочий узбек. Увеличение идет, как вы можете догадаться, не за счет естественного роста населения, а за счет переселенцев из России. То же самое с Кокандом, Самаркандом и даже Бухарой, где, вы знаете, была только горсточка русских.

А как в Караганде? — спрашиваю у рабочего казаха из карагандинских каменноугольных копей.

— Караганда возникла почти на пустом месте, вокруг каменноугольных шахт. Теперь он второй после столицы город. Мы, казахи, так называемые “хозяева страны”, живем на окраинах, в плохо построенных домах, ютимся в маленьких квартирках, если можно назвать квартирами жилье из 1—2-х комнат без всякой обстановки и удобств.

Подходят другие военнопленные туркестанцы и, один прерывая другого, рассказывают о разных городах, старых и новых, в тех же выражениях, что и предыдущие. Я терпеливо слушаю их всех, им всем хочется высказаться.

Об опустевших местах и бежавших тысячами туркестанцах рассказывают туркмены и киргизы. Одна и та же картина всенародного бедствия. Становится страшно от их рассказов. Хочется переменить тему. Перехожу ко вновь открытым при советской власти оросительным каналам и орошенным местам.

Советские оросительные каналы! Советские орошения! — волнуясь, начинает узбек-гидротехник. Каналов вырыто действительно значительное количество. И они большие. Иные тянутся на сотни километров. Но не думайте, что они прорыты по новым местам, по пустырям, как это пишут в советских газетах. Большею частью новые каналы являются лишь соединением прежних, брошенных за время восстаний каналов. Если сравнить протяженность каналов-гигантов с длиной заброшенных, то еще вопрос, чего больше, протяженность вновь открытых или до сих пор остающихся сухими каналов? И площадь орошенной земли по сравнению с теми заданиями, которые советская власть дает Туркестану, значительно меньше, чем это было до большевиков.

И гидротехник выкладывает передо мной цифры: сколько гектаров оросительной земли было до большевистской власти, что на ней засеивалось, что получало население за свой труд, какова приблизительная площадь орошаемых земель сейчас, что заставляет сеять советское правительство и что остается у населения от плодов его каторжного колхозного труда.

— Советское правительство теперь нажимает на хлопок, — продолжает гидротехник. — Спросите здесь, сколько найдется среди военнопленных туркестанцев колхозников-хлопководов. Вероятно, только горсточка. Сеять хлопок стало принудительной обязанностью каждого туркестанца, особенно узбека. Сперва большевики решили перейти к “хлопковой монокультуре”. Сеять рис было запрещено. Сокращены были площади под огороды. До крайнего предела были сокращены посевы хлебных злаков. С нами разговаривали советские специалисты, читали убеждающие доклады, рябило в глазах от цифр, доказывали со ссылками на Маркса-Энгельса, — иронизирует гидротехник, — как Турксиб будут снабжать дешевым хлебом из Сибири, как мы будем жить сыто. Что Туркестан, в основном Узбекистан, Фергана в частности, будут превращены в хлопковую плантацию. Советское правительство добилось своего: Узбекистан стал сплошной хлопковой плантацией, но запланированного результата не добилось. Несмотря на ненормальное увеличение площадей хлопководства, запланированного хлопкового волокна не получили. Меры же к сбору хлопка были приняты суровые. Правительство распорядилось отбирать у населения весь хлопок без остатка. В Ташкенте, например, были расстреляны за хранение 5 кг хлопка, “за кражу социалистической собственности”. Запретили делать нитки из домотканой материи. Саботировали советские меры все: колхозники, хлопководы, женщины и дети, сборщики, возчики, приемщики. Саботаж шел сверху, от партийного руководства в Ташкенте. Оттуда шли сначала “плановые директивы”, затем летели секретные разъяснения.

— Я — старый хлопкороб, — говорит 50-летний пленный. Я — собственность государства, обязанный делать, что мне укажут и прикажут московские большевики. За невыполнение и даже малейшее уклонение от “правил социалистического поведения” меня бросают в тюрьму, судят как уголовного преступника, преследуют семью, близких, друзей, высылают... Как я оказался здесь? Я не смог сдать положенный планом урожай. У меня двое детей, больны корью. Жена оставалась с ними. Помогать мне было некому. Был у меня клочок земли — 0,15 га, который я пустил под огород. И это все, что я имел. За невыполнение плана меня приговорили к трем годам принудительных работ. Полтора года работал на Севере, а как началась война, перебросили на германскую границу. Я прокладывал дороги. На прокладке и попал в плен.

Длинной вереницей тянутся передо мной туркестанцы и воссоздают трагическую картину страданий родной страны.

Для нас, все эти 20 с лишним лет непрестанно работавших под знаменем освобождения Туркестана, в частности для меня лично, сообщения

военнопленных не новость. Достаточно было прочесть несколько номеров нашего журнала, чтобы убедиться в этом. Ново то, что разоблачение советской лжи исходит из уст туркестанцев, именем которых московские большевики и их агенты в разных странах, наемные и добровольные, коммунисты и представители буржуазных слоев, прикрывали все преступления кремлевских палачей. Ново, наконец, то, что так убийственно проклинают большевизм люди из Средней Азии, из самых глубин, откуда якобы исходит этот большевизм. Люди, в адрес которых в новой, нарождающейся Европе, свободной от коммунистической заразы и снобизма разжиревшей капиталистической буржуазии, слышатся обвинения, будто это они, туркестанцы — самые аутентичные носители русского, европейского классового социализма.

Туркестанцы с берегов Иртыша и Урала, с долин Ферганы, со склонов Тянь-Шаня, с песков Кызыл-Кума и Памира — отовсюду, со всех уголков обширного Туркестана люди различного социального положения и разного интеллектуального уровня, все говорят одним и тем же языком, языком непримиримой вражды не только личной и групповой, но вражды национальной в самом полном смысле этого слова.

Мустафа Чокай

Приложение 6

Текст письма,
адресованного Мустафой Чокаем Вали Каюму в октябре 1941 г.

Очень доверительно

Дорогой Вали, эти строки я пишу для Вас лично и прошу очень держать их в большом секрете. Вы можете познакомить с их содержанием только тех из Ваших друзей, с которыми Вы по долгу Ваших обязанностей находитесь в личных, близких и даже доверительных отношениях, и то в том случае, если они сами будут проявлять интерес вне представляемых Вами обычных “берехтов” (Berecht означает по-немецки “отчет”) о посещении лагерей военнопленных. Во всех других случаях сообщаемое здесь должно остаться в строгой тайне.

Теперь общеизвестно, что жизнь наших военнопленных соотечественников очень ненормальна и тяжела. Всюду они жалуются на плохую пищу и отсутствие одежды (огромное большинство бродит в полуголом состоянии), на отсутствие жилья. До сих пор (октябрь) во многих местах люди проводят целые сутки под открытым небом, скрываясь ночью в вырытых ими самими в земле “волчьих ямах” и, что особенно прискорбно, они жалуются на плохое с ними обращение лагерной администрации. Порка за малейшее отступление от лагерной дисциплины и нередко расстрелы за невыполнение и даже

“неприступление к выполнению” — явление, увы, ставшее привычным. Но, к сожалению, такие же случаи, как передавали мне, имели место в других лагерях.

Находились и другие поводы к расстрелу: это обвинение к принадлежности к коммунистической партии, комсомолу и, в очень редких случаях, в том, что тот или иной туркестанец оказывался будто политруком.

Вы помните случай в Сувалках¹, где мы были вместе. Там начальником группы туркестанцев (их было свыше 2000 человек) состоял русский офицер-военнопленный, назначенный пленным советским генералом Богдановым. Богданов этот требовал, чтобы “на сегодня” или “на завтра” было найдено, скажем, пять туркестанцев, активных коммунистов. Разумеется, таковые “находились”². Мы тогда вмешались в такого рода действия и Вы помните, как офицеры, заведовавшие охраной лагеря, вияли нашим доводам и освободили двоих, уже ожидавших печального конца своей жизни, молодых туркестанцев и передали их нам в руки. Одного из этих (немецких) офицеров звали Шрадер. Никогда нельзя забыть благодарного жеста этих молодых офицеров, и я сохранию наилучшие о них воспоминания.

В Эбенроде я видел 40 туркестанцев, выделенных и заключенных отдельно от остальной массы военнопленных. Я спрашивал этих несчастных людей, чувствовавших себя так, как должна бы себя чувствовать скотина, ожидающая убой.

“За что поместили вас сюда?” — спросил я. “Не знаем”, — ответили они в один голос, прерываемый слезами. Не знали о причинах заключения и другие пленные. Лагерная администрация не дала по этому поводу никаких объяснений. Если бы они были уличены в проявлении коммунистической активности, то, думается, лагерная администрация непременно сказала бы нам.

Другие пленные думают, что их подозревают в еврействе. Но они все имеют слишком резко выраженный, даже с некоторой деформацией, азиатский тип. Не считают ли поэтому, думалось мне, что они-то, вот эти некрасивые азиатские типы являются “носителями большевистской заразы”, о чем каждый день с экрана всех кинотеатров в Германии ежевечерне громкоговорители вещают перед миллионами зрителей? Не знаю, в чем дело. Но утешаю себя тем, что лагерная администрация передавала потом, что ничего страшного не будет. Будем верить. Передавать все виденное во всех лагерях было бы очень длинно. В общем, картина одна и та же: всюду жалобы, жалобы, жалобы...

Два слова о пище военнопленных. Выдаваемый им рацион, пожалуй, достаточен для того, чтобы поддержать жизнь. Умереть с голоду нельзя при условии, если бы военнопленные имели теплое одеяние, жилые помещения.

¹ Речь, видимо, идет о шталаге (лагере), зарегистрированном нацистами как № 68 в округе I (Кенигсберг) в местечке под названием Сувалки (Польша).

² Речь идет о выдаче нацистам коммунистов. (Здесь и далее примечания мои — Б.С.)

Они ведь попали в плен после изрядного истощения в “советском раю”. Мне рассказывали пленные туркестанцы, как отвратительно кормили их в советских казармах. Особенно печально было положение забранных в армию по мобилизации уже после начала военных действий и отправленных прямо на фронт, на передовые позиции. Всю дорогу от далекого Туркестана до фронта их кормили скверно. Горячей пищи не было. Свинину, которую им давали, они не ели. Консервы оказались протухшими. На фронте им раздали сухари, которые, впрочем, они не имели права трогать раньше пяти дней. Полевая кухня никогда не поспевала за ними. Трогать неприкосновенный запас (упомянутые сухари) люди боялись, ибо за преждевременный их расход полагался расстрел. Кормили туркестанцев во время их обучения отвратительно. Объясняли это тем, что они еще не настоящие красноармейцы и не умеют еще как следует обращаться с винтовкой. По счастью, многие из наших соотечественников попали в плен в первые дни прибытия на фронт и не успели поэтому изголодаться. А теперь те, кто дольше пробыл на учениях, истощены. Вот почему организм их требует больше питания. Вот почему рацион военнопленных им недостаточен.

Вы сами помните, как в Простоке¹ доктора нам рассказывали о практикующемся “людоедстве” среди русских военнопленных. Наши до этого не дошли и, надеюсь, никогда не дойдут.

Из посещенных мной в последнее время лагерей относительно благополучно в Ярослау² и Деба. Последний лагерь называют “рабочей командой”. Здесь о наших, как впрочем повсюду, лагерная администрация отзывается лестно. Каких-либо грубых нарушений правил и требований лагерной жизни с их стороны нет. Не было еще случаев попыток к бегству с их стороны. Во многих лагерях, где, как говорил выше, порка — вещь самая обыкновенная. Мне передавали, что никто из наших не подвергался этому наказанию. Смертность от болезней среди них также не редкость. Но жизнь лагерная здесь тяжела.

Самое страшное я видел в лагере Дебица. Здесь живут только кавказцы, туркестанцы и волго-уральские, т.е. те, которых каждодневная “вохеншауная”³ агитация в кинотеатрах обзывает “дикими носителями большевистской заразы”. Припомнил я здесь об этом не зря. Вы увидите ниже, в чем дело.

Я приехал в Дебицу утром в пятницу 19 октября несколько раньше других членов комиссии. Не дожидаясь их приезда, я с Гейбелем (Heibel) и чинами администрации лагеря отправился в лагерь. Все военнопленные были построены в колонны. Мы прошли между ними, беседуя кое с кем из них. Туркестанцы сразу узнали меня. Никого из них, конечно, никогда в

¹ По всей вероятности, это шталаг 373 в местечке Простки.

² Один из крупнейших шталагов на территории оккупированной Польши — № 327, Ярослав.

³ Wochenschau (нем.) — недельное обозрение. Мустафа Чокай имеет в виду киножурнал с таким названием, который регулярно демонстрировался в немецких кинотеатрах.

жизни не видел. Но все догадались, что это должен быть я. Многие плакали. Я несколько позже узнал и понял смысл этих слез. Послышались голоса: “Спасите нас! Мы все здесь погибнем! Нас расстреляют!” Я им ответил, что они не погибнут, ибо находятся в дружественно настроенной в отношении нас Германии. Заметил, что мой ответ их не успокоил. Несколько человек из толпы подали мне какие-то бумажки. Оказалось, что это разбрасывавшиеся с германских авионов¹ воззвания с призывом к красноармейцам сдаваться в плен, с обещанием хорошего обращения с ними в Германии.

Это было до полудня. После полудня я вернулся обратно в лагерь один. Заведующий лагерем высказал мне полное удовлетворение поведением наших и сказал, что на работу он берет только туркестанцев как самых отличных работников и хороших людей.

Первые же непосредственные разговоры с нашими раскрыли мне жуткие картины тамошней лагерной жизни. Расстрелы без конца. С полной откровенностью рассказывали наши о своей жизни, охватившем их ужасе перед кажущейся неизбежностью гибели здесь. “Попросите, чтобы нас отправили обратно в Ярослав, откуда нас доставили 3—4 недели назад”, — умоляли они.

Из рассказов наших, а также военнопленных татар, кавказцев видно, что из около 400 тыс. прибывших сюда человек осталось в жизни 25 тыс. Остальные погибли. Никакой медицинской помощи нет. Во всех остальных лагерях, например Сувалках, Пагнен, Лемберге, Эбенроде, всюду военнопленным оказывается медицинская помощь. Имеющиеся среди них доктора работают. Все фельдшера мобилизованы. А здесь, в Дебице, доктора ходят в таком же виде оборванцев, как большинство военнопленных. Только 2—3 человека, один из наших докторов, да один санитар считаются медицинским персоналом, но обязанности их заключаются, по-видимому, только в раздевании умерших, охране их барахла (одежды), если, конечно, трупы не будут раздеты раньше. На жалобы военнопленных на расстрелы и плохое с ними обращение я, желая облегчить их участь, ответил следующим образом: “Советское правительство отказалось подписать в свое время международное соглашение о военнопленных и тем самым поставило их всех вне закона. По дошедшим из советской России сведениям, большевики зверски обращаются с немецкими военнопленными, что будто снимают с них там “перчатки” (сдирают кожу с рук)”. Говорил я им о том, что Германия не могла предвидеть такого количества военнопленных (свыше 2 — 3 млн. человек) и приготовить заранее бараки для них и т.п.

Но, увы! Все мои пояснения им казались “дипломатией”, и они стали возражать.

Они говорили:

— Мы вас (вас) принимаем как нашего отца и единственного защитника, и поэтому будем с Вами говорить откровенно. И стали по пунктам возражать мне. Вот что они говорили.

¹ Avion (фр.) — самолет.

— Что большевики зверски обращаются с немецкими солдатами — это возможно. И даже, наверно, так. Но при чем мы, туркестанцы, не русские, не большевики и не только не большевики, но и противники их. Большинство из нас даже винтовку не держали в руках. Многие из нас добровольно перешли в плен. Многие решили сдаться после получения разбросанных воззваний. Мы верили, что с нами будут обращаться по-человечески. Разве отказ сталинского правительства подписать международную конвенцию о военнопленных освобождает Германию от закона гуманности в отношении всех военнопленных. Вы же знаете лучше, чем кто-либо другой, как у нас в народе ненавидят большевизм. Расскажите немцем. Объясните. Просите, чтобы здесь не расстреливали по пустякам.

Надо было видеть лица этих несчастных, беззащитных людей во время беседы. На всех лицах — печать страха и ужаса.

Было около 6 часов, когда я уходил из лагеря. Прощаясь со мной до завтра, они добавляли: “Если только мы не будем расстреляны”.

При выходе из ворот я увидел несколько трупов туркестанцев с размозженными черепами. Кто убит выстрелом в лоб, кто — в затылок. Жутко стало мне самому. С тяжелыми мыслями я вернулся в барак, где уже сидели приехавшие из Ярослава другие члены комиссии. С ними я поделился своими первыми, начальными впечатлениями.

Дисциплина во всех лагерях строгая. Такой она и должна быть. Но здесь, в Дебице, строгость доведена до крайних пределов. Я не имею права критиковать действия лагерной администрации, но про себя могу сказать свое мнение.

Во всех лагерях запрещается близко подходить к проволочным заграждениям. За это сурово наказывают. Но в Дебице в этом случае просто открывают огонь. Без всякого предупреждения.

Однажды во время моего пребывания среди военнопленных один был убит, а другой — тяжело ранен. Убитый туркестанец, оказывается, очень близко подошел к проволоке. Пуля просвистела мимо моих ушей. Я расспрашивал туркестанцев, как и при каких обстоятельствах было расстреляно несколько наших, бывших на работе. Помните, я писал выше: лагерная администрация берет на работу туркестанцев предпочтительно перед другими. Вот что передали мне наши. Узбек, педагог, физически ослабший человек, бросал лопатой землю не так, как должен был бы это делать человек крепкий. Охранявшему солдату это показалось саботажем, и он дал по нему выстрел. Узбек был ранен в ногу. Вскрикнул “О, Аллах!” и продолжал свою работу. Был дан второй выстрел. Узбек был ранен в плечо. Упал. Третьим выстрелом его прикончили. В другой раз один туркестанец-студент по дороге с работы нагнулся завязать свои обмотки, мешавшие ему идти. За нарушение порядка в строю был расстрелян тут же.

Нет сил передавать отдельные случаи бессмысленных расстрелов в Дебице. Каждый раз, уходя из лагеря, я видел несколько трупов с размозженными черепами. Расстрелянных среди кавказцев, особенно грузин, очень много.

В ночь с 20 на 21 октября в лагере кавказцев было убито из пулемета 50 человек и столько же ранено.

Один трагический случай запечатлелся в моей памяти. Ко мне подходит один из наших туркестанцев. Хромает сильно на одну ногу. Оказалось, он ранен в лагере. Пуля застряла в ноге. Со слезами просил меня спасти его, так как завтра “дострелят”.

— Откуда знаешь, что дострелят? — спрашиваю я.

— Завтра наша группа идет в баню. Я же идти не могу. Отстану. Если не пойду в баню, меня посадят в изолятор, где тоже верная смерть. Спасите!...

Теперь расскажу Вам случай, происшедший со мной лично. В понедельник утром 20 октября в 8 часов мы шли на фрюштюкк¹ в офицерское казино. Барак, где мы жили, примерно на расстоянии 1 км от казино. Дорога проходит через лес. Нас обычно сопровождал унтер-офицер. В то утро мы, как обычно, шли гуськом по тропинке. Я с Ахметом Темиром шел несколько сзади. В одном месте нам навстречу попался солдат (SS-Mann)² на велосипеде. Ехал по той же тропе, что и мы. При его приближении, видя, что он и не думает свернуть, я посторонился, но он все же рулем своего велосипеда задел меня. Отъехав несколько метров, солдат слез с велосипеда, подошел ко мне и стал неистово кричать. Я показал ему нарукавную повязку члена комиссии, на которой была печать коменданта лагеря и подпись начальника штаба. Солдат посмотрел на повязку, на меня и ударил меня кулаком по лицу. Пригрозив, удалился. Я позвал сопровождавшего унтер-офицера и вместе с ним отправился на поиски солдата. Мой спутник и свидетель инцидента Ахмет Темир испугался и убежал вперед. В одном из барачных мы этого солдата нашли. Наш проводник и другой офицер стали бранить его за нанесенное мне оскорбление. Солдат не унимался. Тогда мы препроводили его к дежурному офицеру. Через час солдата прислали ко мне и заставили принести извинения. Солдат извинился, сказав, что принял меня за еврея. Еврейство здесь не при чем. За день до этого инцидента мы были в кино. Во всех кинотеатрах Германии громкоговорители перед Wochenschau рассказывают о диких азиатах, “носителях большевистской заразы и угрожающих спокойствию, миру и культуре Запада”. Затем на экране появляются изможденные, с кривыми физиономиями голодные оборванцы, сборище нарочно подобранных азиатов. “Вот они, — говорит диктор, — опора большевизма и советской власти, союзники плутократии”³.

Слушая диктора, я начинаю “понимать” обращение с нашим народом в лагерях. Если это — носители русского большевизма со всем его ужасом, то, конечно, германский солдат должен при всяком случае встать на защиту себя и западной цивилизации. Я же, как известно, в его понимании — тип

¹ Frühstück (нем.) — завтрак.

² Эсэсовец.

³ *Плутократия* — государственный строй, при котором политическая власть формально и фактически принадлежит богатой верхушке господствующих классов.

этого “среднеазиата”. Начиненный каждодневной пропагандой с экрана SS-Mann в Дубице, вероятно, был возмущен тем, что какой-то азиат при виде его издали не оказал ему должного почтения и не свернул в сторону. И “начинка” его взорвалась! Я считаю, что виноват не он. Поэтому попросил не наказывать солдата. Эта маленькая история со мной объясняет трагедию наших военнопленных. Листовки с обещаниями хорошего обхождения не имеют никакого значения. Об этом сказал мне офицер. Таково положение в Дубице. Рядом с ним меркнут безотрадные зрелища, увиденные нами в других лагерях.

Наше положение, дорогой Вали, ужасное. Наши военнопленные говорят о гибели в буквальном смысле слова нашей нации под властью большевиков. Об этом мы знали раньше и вели свыше 20 лет борьбу против большевизма, одним из орудий которого стал русский большевизм. Мы в лагерях видим сынов нашего народа, нашей несчастной поработченной родины. Военнопленные туркестанцы являются, по нашему мнению, весьма важным капиталом в руках Германии. Сама судьба передала ей много тысяч туркестанцев. При их (военнопленных) непримиримом антибольшевизме из них можно было бы создать отличные кадры пропагандистов за новый, демократический, мировой порядок. Если положение не изменится, если пропаганда с экранов кино против “среднеазиатских варваров” будет продолжаться и приносить плоды как в Дебице, то я боюсь последствий всего этого не только для нас и нашего народа, нашей страны...

У нас нет другого пути, кроме того, на котором мы стоим, на котором мы всегда призывали народ. Кстати, в Погенене и Дебице оказались туркестанцы, читавшие “Яш Туркестан”. Двое из них (один — писатель, другой — педагог) сказали мне:

— Вы нас все время звали в Европу. Вот и Европа. Мы в ней. Смотрите, как с нами здесь обращаются.

Да, у нас нет другого пути, кроме пути антибольшевистского, кроме желания победы над советской Россией и большевизмом. Путь этот помимо нашей воли проложен из Германии. И он усеян трупами расстреливаемых в Дебице. Тяжела, дорогой Вали, наша задача. Но мы все же должны продолжать выполнение нашей задачи, не сворачивая.

После страшного зрелища в Дебице я хотел бы забыть все остальное, ибо оно кажется незначительным. Незначительным я считаю также такой факт, как раздача украинским священником в Ленберге изголодавшимся туркестанцам ... нательных крестов, обнадежив их за ношение улучшением питания. И эти несчастные туркестанцы их носили. Мелкая и жалкая спекуляция на людском несчастье. Можно было бы пройти молча мимо этого факта, если бы не знал, что ведь и это считается “западной культурой и очеловечиванием среднеазиатских дикарей”.

Помните, Вали, что все сообщаемое пишется только для Вас.

Мустафа Чокаев

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Введение	5
Степень научной разработанности проблемы.	9
1. Теоретико-методологические основы исследования политологического наследия Мустафы Чокая	29
1.1. Научное наследие Мустафы Чокая в истории политической мысли	29
1.2. Мустафа Чокай как теоретик туркестанского национального движения.....	41
Положение Туркестана по отношению к остальному мусульманскому миру.....	46
Завоевание Туркестана Россией.....	47
Причины завоевания	47
Колонизация Туркестана.....	48
Последствия политики колонизации.....	49
Туркестан под властью большевиков.....	52
Движение автономистов Туркестана.....	52
Правительство Советов против Туркестанской Автономии.....	53
Блокада и ее последствия	53
Практические результаты русской политики в Туркестане	54
Мусульмане и Красная армия.....	55
Вопрос рабочих.....	55
Народное образование.....	55
Пресса.....	55
Экономический развал Туркестана.....	56
Голод в Туркестане.....	56
Стремление Туркестана к независимости	58
2. Политическое участие Мустафы Чокая в движении “Прометей”.....	65
2.1. Общественно-политические истоки прометеевского движения	65
2.2. Задачи движения “Прометей”	71
2.3. Роль журнала “Яш Туркестан” в пропаганде идей туркестанского национального движения.....	105
2.4. Политико-идеологическое противостояние движения “Прометей” и сталинской администрации	118
2.5. Анализ обстановки в мире накануне Второй мировой войны.....	133
3. Политическое поведение Мустафы Чокая в условиях противостояния тоталитарных государств.....	150
3.1. Политическое решение Мустафы Чокая по оказанию помощи туркестанским военнопленным	—
3.2. Проект создания Туркестанского легиона как часть восточной политики Третьего рейха	160
3.3. Несостоятельность утверждений советской пропаганды о сотрудничестве Мустафы Чокая с нацистами.....	177
Заключение.....	184
Использованная литература	193
Приложения. Архивные документы	226
Докладная записка сотрудника МИД Франции о прибытии М.Чокая во Францию	—
Declaration d’hommes politiques russes.....	—
(Заявление представителей русской эмиграции)	—
О давлении гестапо на М. Чокая.....	228

Первый экземпляр приказа ОКВ о составе Туркестанского и Кавказско-магометанского легионов из числа советских военнопленных	229
Последние записи Мустафы Чокая, сделанные им после посещения туркестанских военнопленных в нацистских концлагерях	231
Текст письма, адресованного Мустафой Чокаем Вали Каюму в октябре 1941 г.	240

Научное издание

Садыкова Бахыт Исаиновна

МУСТАФА ЧОКАЙ В ЭМИГРАЦИИ

Редактор *З. Боранбаева*

Художественный редактор *Ж. Болатов*

Технический редактор *Р. Мусина*

Корректоры *Л. Цвырова, И. Сергиенко*

Компьютерная верстка *Д. Шаритовой*

ИБ № 2942

Подписано в печать 06.05.11. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура "Арно Pro". Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,50+1,0 вкл. Усл. кр.-отт. 17,0.

Уч. изд. л. 18,30+0,63 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 23

Издательство "Мектеп", 050009, г. Алматы, пр. Абая, 143

Факс.: 8(727) 394-37-58, 394-42-30.

Тел.: 8(727) 394-41-76, 394-42-34.

E-mail: mektep@mail.ru

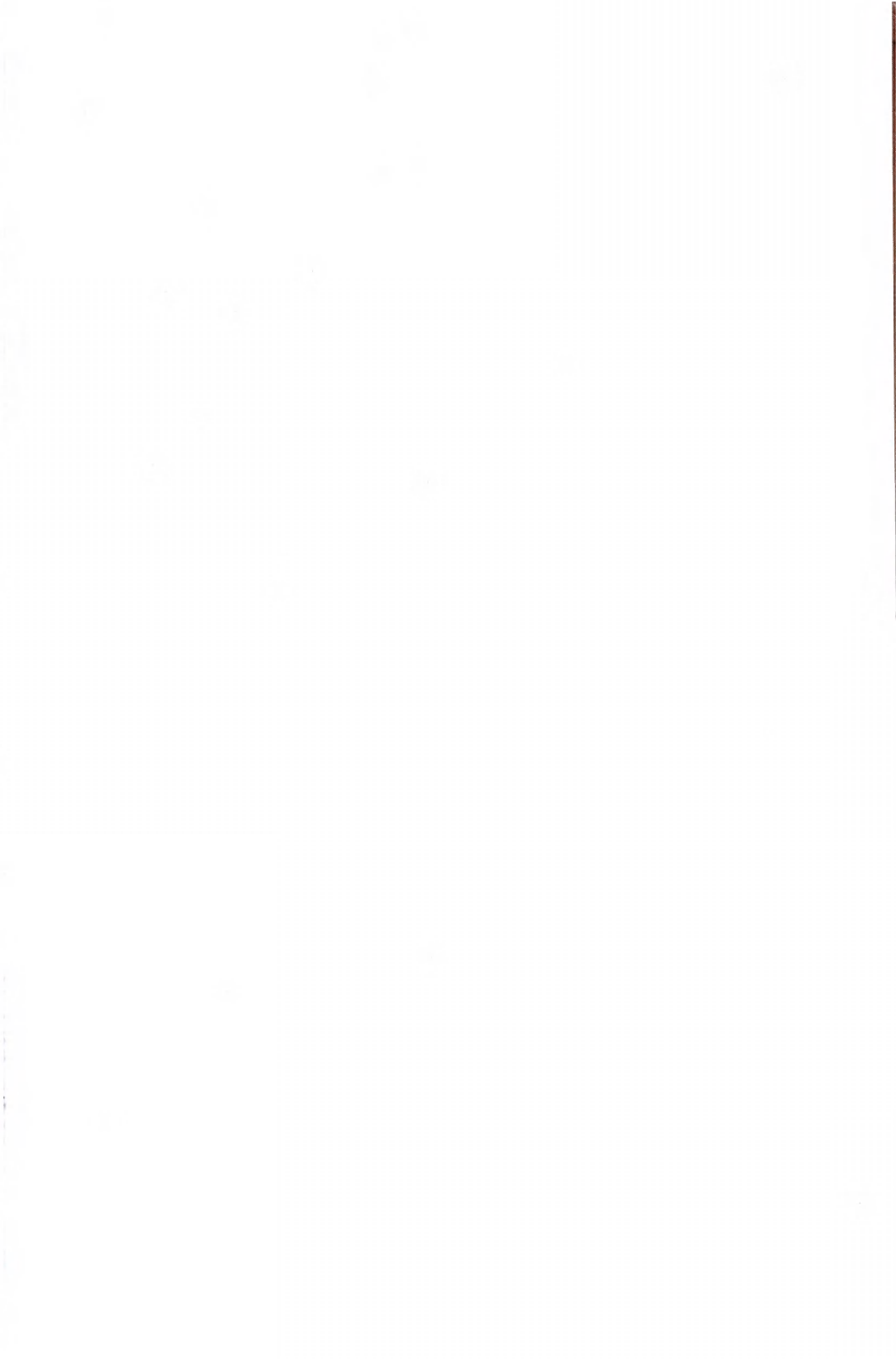
Web-site: www.mektep.kz

9

1

0

6505.

Садыкова Бахыт Исаиновна — филолог, лингвист, переводчик, журналист, политолог, автор многочисленных научных и публицистических статей, исследований о деятельности Мустафы Чокая и истории Туркестанского легиона на русском, казахском и французском языках, автор сценария документального фильма “Зар, или Отлученные от Родины”, лауреат премии Союза журналистов РК (2008 г.).

Ее перу принадлежат: “История Туркестанского легиона в документах” (Алматы: Кайнар, 2002), “Мустафа Чокай” (Алматы: Алаш, 2004), “Mustafa Tchokay dans le mouvement prometeen” (Paris: IFEAC-l'Harmattan, 2007), а также перевод на русский язык воспоминаний Марии Яковлевны Гориной-Чокай “Я пишу Вам из Ножана...” (Алматы: Кайнар, 2001).

Предлагаемая монография написана ею на базе докторской диссертации и посвящена политической деятельности Мустафы Чокая в Европе (1921—1941 гг.).

ISBN 978-601-293-486-1

9

786012934861

Бахыт САДЫКОВ АМУСГАР АМАНЖОЛ